

Жак Эргон

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЭТРУСКОВ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

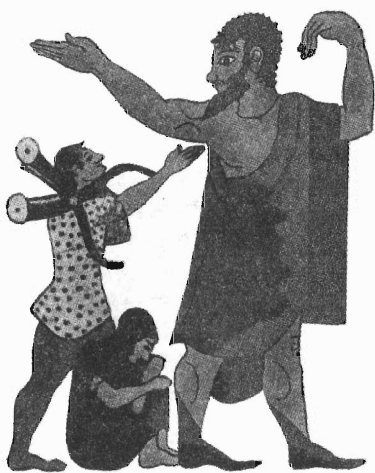
Жак Эргон

Jacques Heurgon
LA VIE QUOTIDIENNE
DES ÉTRUSQUES

PARIS · HACHETTE

ЖИЗНЬ ЭТРУСКОВ

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2009

УДК 94(3)“-8”
ББК 63.3(0)32
Э 74

Scan By Vitautus

Перевод с французского
А. Б. ОВЕЗОВОЙ

Научная редакция
Е. В. КОЛОДОЧКИНОЙ

Вступительная статья
С. Ю. НЕЧАЕВА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Jacques Heurgon. La vie quotidienne des étrusques.
Paris, Hachette, 1989

ISBN 978-5-235-03251-4

© Hachette, 1989
© Овезова А. Б., перевод, 2009
© Нечаев С. Ю., вступительная статья, 2009
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009
© «Палимпсест», 2009

Ну вот, еще одна книга об этрусках... Сотая или тысячная...

Скепсис человека, взявшего эту книгу в руки, вполне понятен: ну что еще нового можно написать об этом древнем народе, который еще современник Юлия Цезаря Дионисий Галикарнасский называл «не похожим ни на один другой ни своим языком, ни обычаями»? Однако в не меньшей степени понятен и интерес очередного автора, пытающегося вторгнуться в эту, казалось бы, проработанную вдоль и поперек проблему. Ведь этруски — это вечная тема, волнующая исследователей, и в ней, как это обычно и бывает с вечными темами, все далеко не так однозначно, как кому-то может показаться.

На русском языке об этрусках за последнее время вышло немало книг, в том числе таких зарубежных авторов, как Реймон Блок («Этруски. Предсказатели будущего»), Ян Буриан и Богумила Моухова («Загадочные этруски»), Закари Майяни («По следам этрусков»), Эллен Макнамара («Этруски: быт, религия, культура»), Жан Ноэль Робер («Этруски») и др. Информация о них содержится и в трудах о римской истории таких античных авторов, как Плутарх, Тацит и Тит Ливий; об этрусках писал в своей удостоенной Нобелевской премии «Истории Рима» Теодор Моммзен, чьи книги тоже переводились на русский язык. Занимались этрусками и такие российские ученые, как С. И. Ко-

валев, А. М. Кондратов, Е. В. Мавлеев, И. Л. Маяк, А. И. Немировский, В. Д. Неронова и др.

И вот перед нами еще одна переводная книга. Ее автор — Жак Эргон (1903—1995), профессор Сорбонны, академик, известный французский этрусколог и латинист. Он родился в Париже, окончил Эколь Нормаль и прославился как автор многих исторических исследований, в том числе и предлагаемой вниманию читателя книги «Повседневная жизнь этрусков», которая вышла в издательстве «Ашетт» в 1962 году, а потом многократно переиздавалась во Франции и переводилась на многие языки мира.

Наверное, появление очередной книги об этрусках на русском языке неслучайно. Если книги выходят и пользуются спросом, значит, интересна сама тема. А интересна она прежде всего потому, что великий Рим, о котором так много написано и снято столько фильмов, возник как одно из поселений этрусского союза городов-государств, а также из-за того, что все вышеперечисленные авторы, писавшие о загадочных этрусках, чаще ставили вопросы, чем отвечали на них. В самом деле, до сих пор нет четких ответов на самые основополагающие вопросы: язык этрусков так и не расшифрован, отсутствует единая версия их происхождения, нет и общего мнения о причинах гибели их цивилизации.

Это тем более удивительно, что испокон веков этрусски имели своих историков, в частности римского императора Клавдия, который посвятил этрускам многотомное сочинение, основанное на документах на этрусском языке, которым он, как принято считать, владел. К несчастью, не осталось никаких следов как этого сочинения, так и первоисточников, на базе которых оно было написано. Ключи к расшифровке этрусского языка утеряны, и до наших дней дошли лишь фрески на этрусских гробницах да рисунки на вазах и бронзовых зеркалах, по которым можно составить весьма приблизительное представление о повседневной жизни этого великого некогда народа. Почему приблизительное? Да потому, что изображения эти имеют отношение лишь к жизни аристократии (пиры,

религиозные церемонии, охота и т. д.), да и то лишь к тем ее моментам, которые считались достойными отображения. Таким образом, основная информация об этрусках черпается из трудов древнеримских и древнегреческих историков, писавших об истории Рима и в той или иной степени упоминавших в своих работах предшественников римлян на территории современной Италии. К сожалению, упоминания эти весьма противоречивы, отрывочны и часто имеют тенденциозно-негативный оттенок.

При недостатке полной и достоверной информации нам остается только удивляться той быстроте, с которой этрусская цивилизация перешла от зарождения к состоянию наивысшего могущества, сопоставимого с могуществом других великих цивилизаций Средиземноморья, то есть Греции и Карфагена, а также тому, каким непродолжительным оказалось ее благоденствие.

Народ, который римляне именовали этрусками или тусками, а греки — тирренами или тирсенами, сам себя называл «расна» или «расена». По словам Теодора Моммзена, этруски представляли собой «чрезвычайно резкую противоположность как латинским италикам, так и грекам». Немецкий историк отмечает: «Уже по одному телосложению эти народы не походили друг на друга: вместо стройной пропорциональности всех частей тела, которой отличались греки и италики, мы видим на этрусских изваяниях маленьких приземистых людей с большими головами и толстыми руками».

На территории современной Италии этруски появились в XI веке до н. э.; далее последовало несколько веков, в течение которых о них почти ничего не было слышно. И вдруг к VIII веку до н. э. выяснилось, что этруски — это народ с развитым земледелием и ремеслами, который ведет обширную заморскую торговлю, вывозя зерно, металлы, вино, керамику и выделанные кожи, а этрусская знать — так называемые лукумоны — строит укрепленные города, ищет славы и приумножает свои богатства. В то же время этруски коренным образом отличались от всех своих средиземноморских соседей. В особенности это касалось их религии, так не похожей

на ясный рационализм римлян и эстетизм греков, а также языка, до такой степени изолированного, что до сих пор ученым не удалось не только расшифровать его, но и с достоверностью определить его место в классификации известных науке языков.

Как уже говорилось, современная дискуссия по вопросу о происхождении этрусков основывается на весьма древних источниках. С античных времен по этому поводу выдвигались в основном три версии: восточного происхождения этрусков, их прихода из северных альпийских стран и местного их происхождения. Рассмотрим их подробнее, поскольку в книге Ж. Эргона этим теориям уделено не слишком большое внимание.

Греческий «отец истории» Геродот, живший в V веке до н. э., утверждал, что этруски прибыли в Италию морем из Малой Азии под предводительством царя Тирсена. В этом Геродота поддерживает знаменитый греческий историк и географ Страбон, живший в I веке до н. э. Геродот утверждал, что этруски переселились на Апеннинский полуостров из Малой Азии и произошло это «при лидийском царе Атисе, сыне Манеса». Его сын Тиррен или Тирсен якобы перевез на кораблях значительную часть лидийцев, в течение восемнадцати лет страдавших от жестокого голода, в Италию, где они и поселились, назвав себя тирренами в честь своего предводителя. Эта версия содержит в себе ряд сомнительных моментов, на которые невозможно не обратить внимания. В частности, французский историк XIX века Ноэль де Верже пишет: «Нет надобности аргументировать невозможность жить восемнадцать лет, питаясь только раз в два дня; не менее очевидным является и тот факт, что в то время, когда тиррены обосновывались в Италии, в Лидии не могло существовать флота, способного увезти за моря половину всего населения».

С другой стороны, ряд историков не видят в этом особых противоречий. В частности, Жан Ноэль Робер утверждает: «История голода в Лидии помимо того, что она вполне вероятна, подтверждается еще и различными документами, в частности египетскими. Она доста-

точно хорошо вписывается в рамки потрясений, спровоцированных кризисом Хеттской империи в конце XIII века до н. э. В ту эпоху действительно имела место миграция в район Средиземноморья». Исследователь этрусков Реймон Блок формулирует свою точку зрения так: «Вся этруская цивилизация происходит непосредственно с малоазиатского плато — так утверждал Геродот. Почти все греческие и римские историки приняли его точку зрения. Вергилий, Овидий и Гораций в своих поэмах нередко называют этрусков лидийцами». Помимо вышеназванных авторов древнеримский философ Сенека приводит этрусков как пример миграции целого народа и пишет: «*Tuscos Asia sibi vindicat*» — «Азия считает, что она породила этрусков». Как видим, в древности по этому вопросу сложилось почти единодушное мнение. Большинство современных ученых также придерживаются Геродотовой версии.

Согласно второй, так называемой «нордической», версии происхождения этрусков, сторонником которой является знаменитый древнеримский историк Тит Ливий, племя ретов, жившее в Альпах, имело много общего с этрусками. На основании этого сходства «римский Геродот», творивший под покровительством императора Августа, утверждал, что этруски некогда спустились с Альп. Если говорить об этом более подробно, то к «родственникам» этрусков Тит Ливий причисляет альпийские племена, населявшие древнюю Ретию — область, простиравшуюся от Боденского озера до Дуная, куда входят нынешний Тироль и часть Швейцарии.

Сторонники этой теории строят свои выводы на нескольких аргументах, которые они считают очень важными. Т. Моммзен, например, аргументирует свое мнение следующим образом: «Судя по тому, что древнейшие и значительнейшие этрусские города находились глубоко внутри материка, а на самом берегу моря не было ни одного сколько-нибудь выдающегося этрусского города, кроме Популонии, который, как нам положительно известно, не входил в древний союз двенадцати городов; далее, судя по тому, что в историческую эпоху этруски продвигались с севера на юг, следует полагать,

что они попали на полуостров сухим путем; к тому же мы застаем их на такой низкой ступени культуры, при которой переселение морским путем немыслимо. Через проливы народы перебирались и в древнейшие времена, как через реки; но высадка на западном берегу Италии предполагает совершенно другие условия. Поэтому древнейшее место жительства этрусков следует искать к западу или к северу от Италии. Нельзя назвать совершенно неправдоподобным предположение, что этрусски перебирались в Италию через Ретийские Альпы, так как древнейшие из известных нам обитателей Граубюндена и Тироля — реты — говорили с самого начала исторической эпохи по-этрусски».

Что же касается восточной версии происхождения этрусков, то тут Т. Моммзен категоричен: «Конечно, могло случиться, что какая-нибудь кучка малоазиатских пиратов пробралась в Этрурию и что ее похождения вызвали появление таких сказок, но еще более правдоподобно, что весь этот рассказ основан на простом недоразумении». Дополнительным аргументом в пользу «нордической» версии считается предполагаемая связь между названием племени «реты» (*Rhaeti*) и тем, как тосканцы называли себя на этрусском языке: «расена». Кроме того, в придунайской Ретийской области были обнаружены надписи, сделанные этрусскими буквами на языке, не только похожем на этрусский, но, по мнению некоторых исследователей, даже идентичном ему.

Сторонником «нордической» версии является и немецкий историк античности Бертольд Нибур, который утверждает, что этрусски, звавшие себя «расена», были ретами, спустившимися с Альпийских гор. А вот Жан Ноэль Робер выдвигает иной вариант данной версии: «Распространение этрусской цивилизации с юга на север выглядит более правдоподобно, чем в противоположную сторону». Этому же мнению придерживается и Реймон Блок, который пишет: «Перед нами пример того, как из истинных фактов выводятся ложные заключения. Присутствие этрусков в Ретии — реальность. Но это произошло сравнительно недавно и никак не связано с гипотетическим переходом этрусков по альпийским долинам. Лишь в IV веке до н. э., когда из-за кельтского

вторжения этрускам пришлось уйти с Паданской равнины, они нашли убежище в альпийских предгорьях... Найденные в Ретии надписи этрусского типа, созданные не ранее III века до н. э., превосходно объясняются именно этим перемещением этрусских беженцев на север».

Третья точка зрения на первоначальную «прописку» этрусков принадлежит Дионисию Галикарнасскому. Он пишет следующее: «Я не думаю, что тиррены были выходцами из Лидии. Язык у них и у лидийцев разный; и нельзя сказать, что они сохранили какие-либо другие черты, которые носили бы следы происхождения с их предполагаемой родины. Они поклоняются иным богам, чем лидийцы; у них другие законы, и, по крайней мере, с этой точки зрения, они отличаются от лидийцев сильнее, чем даже от пеласгов. Таким образом, как мне кажется, правы те, кто утверждает, что этруски — народ коренной, а не пришедший из-за моря». Как видим, основываясь на том, что с лидийцами у этрусков не было ничего общего (ни языка, ни богов, ни законов, ни традиций), Дионисий причисляет их к местным племенам, то есть к коренным жителям Апеннинского полуострова. Он утверждает, что «этрусский народ никуда не странствовал и был всегда там, где он есть».

А вот какого мнения по этому поводу придерживается Жан Ноэль Робер: «Тезис Дионисия должен рассматриваться с очень большой осторожностью. Другие заявления из его произведений, враждебные этрускам, опровергают даже очевидные вещи по поводу заимствований, которые римская цивилизация была вынуждена делать у своего соседа во времена королей. Надо рассматривать подобное видение истории в общей перспективе жизни этого историка в славную эпоху императора Августа: для него Рим был греческим городом, который принял многие группы населения, пришедшие с Востока. Этруски же, напротив, были для него лишь варварами, не-греками, которых Рим имел полное право завоевать. Для него они могли быть только коренными жителями, на которых бросила свет блестящая греческая цивилизация. Видно, что оригинальный взгляд Дионисия отвечает политическим требованиям оценки Рима, которым он восхищался, несмотря

на какую-либо историческую объективность (впрочем, объективность никогда не была важна для древнего историка)».

Как видим, к вопросу происхождения этрусков применим старый афоризм: «Сколько людей, столько и мнений». Но в целом, несмотря на прошедшие тысячелетия, современная наука не может предложить ничего нового, кроме этих трех главных версий или их всевозможных вариаций и сочетаний.

Правда, в России не так давно вошла в моду теория, активно разрабатываемая Г. В. Носовским и А. Т. Фоменко, многочисленные сочинения которых посвящены, как известно, глобальной корректировке исторической хронологии и истории вообще. Ссылаясь на труды русского ученого XIX века А. Д. Черткова, эти авторы пытаются убедить читающую публику в том, что этруски были по происхождению славянами или даже русскими. Поясним, что Чертков, достаточно известный в свое время археолог и историк-славист, был первым ученым, который попытался использовать славянский язык для расшифровки этрусских надписей. Именно он выдвинул гипотезу о том, что этруски и якобы родственные им пеласги (догреческое население территории современной Греции) являются предками современных славянских племен. Академический мир отнесся к опытам Черткова с понятным недоверием, и его книги вскоре были забыты.

В настоящее время авторы скандальной «Новой хронологии» предприняли попытку ревизии всех имеющихся версий происхождения этрусков. Дальше — больше: появилась версия о том, что латынь сформировалась на основе этрусского, который, по сути, является «старолатинским» языком и т. д. и т. п. Кому-то даже показалось, что слово «этруски» очень созвучно со словосочетанием «это русские», что ведет к новому, не менее смелому выводу — этрусский язык идентичен русскому. Подобных взглядов в настоящее время придерживаются многие псевдоисторики, пытающиеся с «патриотических» позиций максимально удреветь историю русского народа, не считаясь с фактами и напрочь отвергая мнение официальной науки.

К сожалению (для любителей фантастических сенсаций, конечно), их «доказательства» очень трудно воспринимать всерьез, и в этом отношении нельзя не согласиться с известным французским этрускологом Жаном Рене Жанно, который утверждает, что «большая часть современных гипотез о происхождении этрусков является плодами филологических спекуляций, ставших возможными из-за незнания нами этрусского языка». И действительно, если пользоваться подобной «доказательной базой», то ровно с таким же успехом можно утверждать, что московский Китай-город основан китайцами, а карфагеняне — это выходцы из Колумбии, где есть город Картахена.

Что бы ни утверждали авторы псевдоисторических бестселлеров, сегодня в науке продолжают существовать лишь три вышеизложенные концепции происхождения этрусков. Меньше всего сторонников у «нордической» версии, а большинство ученых по традиции склоняются к восточной, Геродотовой теории. В ее пользу говорят многие факты, которыми располагают сегодня исследователи. Раскрыта, например, удивительная общность малоазиатских и этрусских имен. В архаическом изобразительном искусстве этрусков обнаружены восточные элементы. В последние годы выявлено и генетическое родство жителей Тосканы, часть которых является потомками этрусков, с населением Малой Азии. Однако находится и достаточное количество аргументов, свидетельствующих против восточной теории: например, почему этруски, пришедшие в Италию с Востока морским путем, расположили свои города не на берегу, что было бы естественным для морского народа, а вдали от побережья?

Так откуда же взялись этруски? И чем объяснить столь стремительный расцвет их цивилизации? Эти основополагающие вопросы пока остаются открытыми. По этому поводу Реймон Блок констатирует следующее: «Мы должны признать, что нелегко сделать выбор в пользу той или иной теории... В любом случае, не подлежит сомнению многообразие корней этрусского народа. Он появился на свет благодаря слиянию различ-

ных этнических элементов, и мы должны отказаться от наивного представления о народе, который внезапно, словно чудом, появился на итальянской земле». Действительно, ни одна из версий не может быть признана окончательной, поскольку все они имеют немало слабых сторон. Наука же признает только логические доказательства, основанные на реальных фактах.

Или вот еще один вполне резонный вопрос: как мог полностью исчезнуть этот гордый и могучий народ, имевший столь древнюю и упорядоченную цивилизацию?

Российский историк Е. В. Мавлеев считает: «Конец этрусков парадоксален. Он происходит на виду у всех, в самом центре Италии в эпоху Юлия Цезаря и Октавиана Августа, но его не замечают. Сами этруски уже давно готовились к уходу. У них имелось учение, по-видимому, записанное в несохранившихся книгах, в котором говорилось о продолжительности существования всего на свете, в частности этрусской цивилизации. Ей предсказалось жить не более десяти веков».

Поясним, что «век» у этрусков — это понятие условное. В Этрурии, как и в других древних цивилизациях, отсчет времени был доверен священникам, которые устанавливали календарь путем расчета фаз Луны, отмечавших месяцы, в то время как при помощи Солнца определялись годы. Именно они определяли также количество дней, которые надо было добавлять к лунному месяцу, чтобы добиться согласования календаря с сезонами солнечного года, фиксировали начало нового года или конец века. Фактически, века у этрусков были идентичны поколениям, и их окончания могли толковаться по божественным знамениям, которые могли иметь самые разные интерпретации (начало отсчета приходилось приблизительно на 1050 год до н. э., четыре первых века длились по 105 лет, пятый — 123 года, шестой и седьмой — по 119 лет и т. д.).

По словам Жана Ноэля Робера, для этрусков начало каждого нового века «означало еще один шаг к неизбежному концу». Рассуждая на эту тему, французский историк пишет: «Трудно поверить, особенно в последние этрусские века, что тосканцы смотрели

на знамения без чувства тревоги: приближение объявленного последним десятого века должно было вызывать у них чувство бессилия, которое должно было провоцировать страх и еще большую религиозность».

Фатализм, тревога, чувство бессилия... Все это, конечно, очень интересно, но никак не может служить объяснением исчезновения целой цивилизации. Более материалистической выглядит теория, которая в качестве причины гибели Этрурии называла эпидемии, в частности эпидемии малярии. Однако и здесь легко найти возражение: трудно понять, почему же тогда всем другим культурам и народам, жившим рядом с этрусками, удалось избежать гибели.

Е. В. Мавлеев, серьезно занимавшийся этим вопросом, предлагает следующую причинно-следственную связь: «Вернемся к этрусской версии. Историю страны можно разделить на два явных, но неравных периода: VII—VI вв. до н. э. — расцвет; IV—I вв. до н. э. — все убыстряющийся упадок. В конце VI — начале V в. до н. э. из Рима изгоняется этруская династия царей. В результате прекращается прямая связь Этрурии с колонизованной этрусками Кампанией. Предоставленные сами себе этрусские города вскоре были захвачены местными племенами».

Действительно, в V веке до н. э. в Италию вторглись кельты и захватили колонизованную этрусками Паданскую равнину. Греческая морская блокада, установленная после 474 года до н. э., лишила этрусков свободы передвижения и торговли. Соседний Рим, воспользовавшись ослаблением Этрурии, начал решать за ее счет свои территориальные и аграрные проблемы. Эллен Макнамара делает следующий вывод: «К несчастью для этрусков, они оказались соперниками греков на море в период расцвета их мощи и военными противниками римлян и галлов, чрезвычайно грозных соперников. Этруски не смогли объединиться, когда в этом возникла необходимость». В соответствии со своим любимым принципом «разделяй и властвуй» Рим приступил к планомерному покорению Этрурии. Сначала Южная Этрурия была отсечена от Северной, и земли

этрусков разделили надвое. Затем началась изоляция внутренних районов. Вдоль побережья Тирренского моря стали одна за другой возникать римские колонии. Для этрусков все это имело катастрофические последствия.

С сожалением приходится констатировать, что этруски, несмотря на тайну, окружающую их происхождение и язык, несмотря на сложность и величие их цивилизации, которая фактически вывела Апеннинский полуостров из тьмы варварства, не смогли противостоять своим ученикам, которых они сами же и воспитали. Увы, благополучие Этрурии оказалось непродолжительным. Ее богатства не могли не привлечь алчных и воинственных римлян, которые не пожелали терпеть рядом с собой соперников, которым они стольким были обязаны. Это грустно, но так было и будет всегда. Наилучший учитель — это тот, кто побуждает учиться и доставляет средства к этому, но при этом сам благодетель всегда стесняет, ибо благодарность, то есть переваривание благодеяния, всегда является процессом практически невыносимым.

Предлагаемая вниманию читателей книга Жака Эргона не содержит научных сенсаций, ибо современная наука пока не может предложить нам кардинально новых знаний об этрусках. Она лишь представляет русскоязычному читателю еще одну попытку взгляда на этрусскую цивилизацию. Не претендуя на окончательное разрешение всех вопросов, автор пытается систематизировать уже известные факты с точки зрения повседневной жизни этрусков. Это определение, как и в других книгах знаменитой французской серии «*La vie quotidienne*», охватывает широкий круг вопросов — внешность этрусков, их характер и темперамент, этрусская семья, письменность, застолья, развлечения и игры, общество этрусков, их города и жизнь в них. Сохраняя верность избранной им тематике, автор намеренно оставляет за скобками многие важные политические, экономические, военные вопросы. Тем не менее его желание показать повседневную жизнь этрусков представляется весьма оригинальным, ведь этруски, какие бы мистическо-легендарные черты им ни

приписывались, жили и умирали, ели, любили, строили дома, как и мы с вами. Короче говоря, они занимались тем же, чем миллиарды других людей на Земле, но занимались этим по-своему, и Жак Эргон блестяще показывает нам этрусскую цивилизацию во всей ее оригинальности.

На наш взгляд, рассматриваемая книга, отличающаяся истинно академической солидностью и доступным стилем изложения, будет интересна как для специалистов-историков, так и для самого широкого круга читателей.

Сергей Нечаев

Для большинства людей само слово «этруски» априори исключает всякую мысль о повседневности. Его произносят с придыханием, что отбивает всякое желание перенестись в сферу реальной жизни. Наши современники, очарованные чудесными предметами искусства, которые, доселе неведомые, открылись им благодаря знаменитой Луврской выставке 1955 года* и великолепным иллюстрированным альбомам, готовы представить себе их создателей жившими вне времени и пространства — если они жили вообще. Это дети тайны и мрака, и ослепительные золотые фибулы, украшавшие плащи их женщин, сияют тем ярче, чем непрогляднее становится окутывающая их тьма веков. Для многих они не смиренные рабы истории, а персонажи мифов и легенд. В этой книге мы попытаемся доказать, что этруски, в отличие от аримаспов и жителей Гипербореи, существовали на самом деле.

Выполнить поставленную задачу не так-то просто: письменные источники скудны, язык этрусков (о котором пойдет речь далее) непонятен, их изобразительное искусство неоднозначно. Этруски, дожившие до времен императора Августа, представляли собой, по словам Дионисия Галикарнасского, «очень древний народ, не похожий ни на какой другой ни своим языком, ни

* Первое издание книги Ж. Эргона, для которого написано данное предисловие, вышло в 1961 году. *Здесь и далее — примечания редактора.*

обычаями»¹. Этруски не отгораживались от мира железным занавесом, но, будучи от природы гордыми, не делились своими секретами с первым встречным. А самое главное — они обладали даром видеть и изображать вещи не такими, какими те были на самом деле. Сочетая народную мудрость с живым даром наблюдения и самовыражения, они сделались страстными почитателями того, что считали самым прекрасным — Греции. Они стали проводниками и последователями греческой цивилизации в своей далекой стране, почти растворившись в наследии Эллады. Так в Италии зародилось необычное и благородное пристрастие, сохранявшееся на протяжении всей ее истории, отраженное на стенах домов Помпеи и во дворцах государей эпохи Возрождения, — стремление воссоздать в будничной повседневности постоянное и многоликое духовное присутствие Греции. Сколько венецианцев в XVI веке и жителей Кампании в первом столетии переживали историю любви Ариадны или подвигов Геракла, словно свою собственную! Мещане из Геркуланума, используя прием оптической иллюзии, украшали свои тесные дома просторными эллинскими колоннадами. Уже во времена Тарквиниев этруски витали в мечтах, веря, что соседствуют с богами.

Наша попытка увидеть их истинное лицо, застигнуть их в присущей им горделивой небрежности во многом обречена на неудачу из-за нетерпения и приверженности к чрезмерной систематизации, которые долгое время обуревали историков. Очертания предметов тонут в тумане теорий и предположений. Говорят, что сфинкс задает только две важные загадки, и если найти на них ответ, остальное прояснится само собой. Загадка этрусков заключается, во-первых, в происхождении этого народа: когда мы узнаем, откуда они пришли, мы узнаем, кем они были. Вторая загадка касается этрусского языка: обычно считается, что он непонятен и не поддается расшифровке, но найдись только гениальный лингвист — и эти таинственные люди стали бы для нас близкими и понятными.

Для начала коснемся этих двух вопросов, чтобы внести определенную ясность. Краткий исторический об-

зор приключений этрусков и лингвистическая справка о существующих интерпретациях их текстов позволят нам четче обрисовать границы нашего исследования. Но сразу же оговоримся: туманное происхождение с Востока или откуда бы то ни было далеких предков тех людей, кто однажды, поселившись между Тибром и Арно, стали называть себя этрусками, интересует нас меньше, чем их цивилизация, возникшая на итальянской земле и ставшая, на наш взгляд, первой великой цивилизацией Италии. С другой стороны, изучение языка этрусков, которое может принести ограниченные, но достоверные результаты, — долгий труд, а не следствие внезапного озарения. Кстати, в этом направлении ученые продвинулись вперед гораздо дальше, чем многие думают, а из большого количества кратких записей уже сейчас можно извлечь ценные сведения и с толком их использовать (пусть это будет одним из открытий нашего небольшого исследования).

Гипотеза о восточном происхождении

Этруски всегда вдохновляли людей на создание мифов. Со времен античности о них рассказывали самые невероятные истории, в которых правду невозможно отличить от вымысла — так тесно они переплелись. Один из таких мифов, повествующий о их причудливом поведении, пересказан Геродотом². С него мы и начнем:

«При царе Атисе, сыне Манеса (то есть в XIII веке до н. э. — Ж. Э.), во всей Лидии был сильный недород. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Именно тогда были изобретены игра в кости, в бабки, в мяч и прочие игры, кроме игры в шашки, изобретение которой лидийцы себе не приписывают. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день напролет играли, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому

царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь стал во главе оставшихся на родине, а в вожди переселенцам дал своего сына по имени Тиррен (Тирсен). Те лидийцы, кому выпал жребий уехать из своей страны, отправились в Смирну, построили корабли, погрузили на них все ценные вещи и отплыли на поиски пропитания и новой родины. Пожив со многими народами, переселенцы прибыли в земли умбров и построили там города, где и живут до сих пор. Однако теперь они зовутся не лидийцами, а тирренами, по имени сына своего царя, ставшего их вождем».

Вот каково, по мнению грека, жившего в V веке до н. э., чей авторитет много веков не ставился под сомнение, происхождение людей, которых он называл тирренами (отсюда происходит название Тирренского моря — части Средиземного моря у западных берегов Италии). Римляне называли их тусками (отсюда Тоскана) или этрусками. История, рассказанная Геродотом, хоть и приукрашенная фантастическими деталями, была подхвачена даже в Новое время, поскольку гипотеза о малоазийском происхождении этрусков позволяла объяснить восточные мотивы, характерные для их цивилизации³.

Разумеется, речь не идет о предметах, модах или верованиях, занесенных с торговыми караванами или ставших результатом интеллектуального обмена между народами. Археологам будущего следует опасаться подобной ошибки: роясь в будуарах XVIII века и обнаружив там большое количество осколков китайского фарфора, они могут прийти к выводу, что в ту эпоху Западную Европу накрыло волной азиатского нашествия. Точно так же и известная нам история цивилизации этрусков начинается с «восточного» периода, приходящегося на VII век до н. э., многие особенности которого можно объяснить влиянием материальной культуры Востока. Египетская фаянсовая ваза с именем египетского фараона Бокхориса (720—714), найденная в Тарквиниях, финикийские скарабеи из смальты, амулеты из слоновой кости, шарики амбры, бронзовые и золотые булавки и обнаруженные в первых храмах этрус-

ков фризы из терракоты, принятые в крито-микенском мире, — всё это говорит лишь о смелости торговцев и о престиже высокоразвитой культуры среди более примитивных народов. Однако есть и более значительные совпадения, которые уже не объяснить поверхностным влиянием.

Удивительна, к примеру, общность этрусков с древними империями Востока в плане религии. На протяжении всей истории этрусков другие народы восхищались, в частности, их способностью истолковывать знаки судьбы. Ни в одной другой части античного мира мы не найдем ни подобной страсти к гаданию, ни подобной искушенности в толковании воли богов по небесным явлениям, раскатам грома и внутренностям жертв. Нигде — кроме Ассирии и Халдеи: местные волхвы тоже славились познаниями в астрологии и гепатоскопии (гадании по внутренним органам). Возникает большой соблазн признать этрусков их отдаленными, но верными наследниками. В музее Пьяченцы хранится бронзовая баранья печень, выпуклая поверхность которой разделена на 44 сектора, каждый из которых носит имя определенного божества. Поражает сходство этого предмета с тремя десятками слепков печени из терракоты, также разделенных на сегменты и снабженных надписями, которые были найдены в Мари, в среднем течении Евфрата, и датируются началом II тысячелетия до н. э.

С другой стороны, гипотеза о восточном происхождении этрусков проливает некоторый свет на тайну их языка. Язык этрусков не может быть отнесен к индоевропейской семье, и он коренным образом отличается от латыни, оскского, умбского, кельтского, греческого, санскрита, однако некоторые грамматические его особенности встречаются в наречиях запада Малой Азии — лидийском, карийском, ликийском. На погребальной стеле, найденной в 1885 году французскими археологами на Лемносе (северная часть Эгейского моря) и относящейся к VI веку до н. э. — то есть еще до афинского завоевания острова и введения там греческого языка, — имеется эпиграфический текст, подлинность и значение которого подтверждены более поздними наход-

ками; он составлен если не на этрусском языке, то, по меньшей мере, на очень на него похожем. Мы не станем подробно останавливаться на особенностях лексики и морфологии, подтверждающих тесную связь между двумя языками. Однако мы помним, что, по словам Геродота, тиррены во время своих странствований «пожили со многими народами» и какая-то их часть вполне могла остаться на Лемносе.

Казалось бы, все ясно, так что же мешает сегодня все большему числу этрускологов поддержать версию Геродота? Прежде всего, она похожа на множество древних легенд, в которых зарождение какой бы то ни было цивилизации на западе Средиземноморья связывалось с миграцией народов с Востока. В этом контексте Геродотово переселение спутников Тиррена и их остановка в Этрурии априори заслуживают доверия не более, чем Вергилиево путешествие Энея и его спутников, которых пожар Трои заставил покинуть Фригию и искать пристанища в устье Тибра. Но в основном отказ от гипотезы о восточном происхождении этрусков связан с невозможностью для археологов найти в цепи цивилизаций, сменявших друг друга в центральной части Италии, достаточно четкий разрыв, который можно объяснить массовым вторжением чужеземного народа.

Долгое время это вторжение относили к VII веку до н. э., когда «востокообразная» цивилизация, о которой мы уже говорили, пришла на смену культуре Вилланы, в течение двух веков господствовавшей на землях Тосканы и получившей свое имя по названию городка в окрестностях Болоньи, где и были обнаружены ее следы. В начале ее развития для нее были характерны погребальные ритуалы с кремацией умерших, пепел которых помещали в урны, сделанные в форме хижины, или в оссуарии, состоявшие из двух конусов, наложенных друг на друга, а также геометрический орнамент. На более продвинутой стадии развития наряду с кремированием появляются захоронения в могилах — без какого-либо влияния новых этнических факторов, — а похоронные атрибуты становятся все богаче. Однако теперь уже совершенно ясно, что ориентальная цивилизация прослеживается почти во всех местах, где сложилась

культура Виллановы, являясь ее продолжательницей и преемницей: например, этрусские склепы, вырубленные в скале, стали естественным видоизменением виллановских могил. Это подтверждено раскопками в Черветери, Тарквиниях и Больсене, где Реймону Блоку удалось обнаружить древний этрусский город Вольсинии. Из этого следует, что, если восточные элементы и пришли на побережье Тирренского моря, их было не так много, чтобы оказать сколько-нибудь ощутимое влияние на основное население. Возникает вопрос: а не были ли сами виллановийцы этрусками? В то же время в Больсене находят фундаменты хижин, оставшиеся от предыдущей цивилизации конца бронзового века — цивилизации апеннинского типа, широко распространенной вдоль всего горного хребта Апеннин. Короче говоря, «незванные гости» никак не вписываются в картину доисторического и протоисторического прошлого италийцев, если только не перенести их вторжение, вслед за Геродотом, в мифологическое XIII столетие до н. э., то есть во тьму веков.

Гипотеза об автохтонности этрусков

В то время как традиционная гипотеза становится все менее правдоподобной, другая версия, выдвинутая в древние времена лишь Дионисием Галикарнасским, а в Новое время считавшаяся еретической, возвращает себе право на существование. «На самом деле, — говорит этот историк, — гораздо ближе к истине те, кто заявляет, что этруски ниоткуда не приходили, а всегда жили здесь».

Сторонники автохтонности этрусков не заняты одной лишь бесплодной критикой своих оппонентов. Они располагают собственными аргументами и целостным видением всех аспектов проблемы, в том числе культурного и языкового родства этрусков и некоторых народов Востока. Они говорят не о заимствовании верований и навыков, а о их возрождении после продолжительного забвения. Согласно этой точке зрения, этруски вовсе не были пришлым народом на земле Ита-

лии: это ее изначальные обитатели, которых вторжения индоевропейцев лишили власти, но не истребили совершенно и не лишили жизнеспособности. Зарождение цивилизации этрусков в начале VII века — на самом деле возрождение после медленной внутренней реконкисты и под влиянием других культур, прежде всего восточной и греческой, упрямых потомков туземцев бронзового века.

«Если зерно, падшее в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Гипотеза об автохтонности упорно выискивает в недрах истории субстрат средиземноморской общины, которую временно захлестнуло наплывом рослых белокурых варваров, италийцев и греков, однако она не прекращала своих трудов под спудом победителей. В этрусских легендах есть готовый символ для этой версии, просто удивительно, что его до сих пор не подняли на щит. Объясняя происхождение своей религии, этруски рассказывали, что некий пахарь из Тарквиний проложил однажды слишком глубокую борозду и оттуда вышел маленький человечек — по виду ребенок, но обладавший мудростью старца. Его звали Тагес, и он посвятил окруживших его людей в тайны того, что позднее назвали *Etrusca disciplina* — «учением этрусков»⁴.

Таким образом, судьба раннего античного мира сводится уже не к горизонтальному дуализму (Восток—Запад), а к вертикальному. Изначально в Италии и на минойском Крите существовала близкая к природе цивилизация, с культом хтонических божеств и главенством женщин. Затем, после мощных потрясений, Небо слилось с Землей, индоевропейская сила со средиземноморской благодатью, всадники стали господами на земле, а хлебопашцы — погонщиками волов. Остатки первоначальной культуры сохранились в виде нескольких разрозненных островков; она исчезла подобно затонувшему континенту, раздробленному на части. Связь между языком этрусков, кавказскими языками, ликийским языком и наречием Лемноса легко объяснить, если принять во внимание, что «этрusco-азиатский» язык, использовавшийся на территории Италии, на Балканском полуострове, на побережье Эгейского моря и в

Малой Азии, был вытеснен на периферию под лингвистическим давлением захватчиков.

Здесь, как и в случае с гипотезой о миграции с Востока, налицо все признаки мифа, склонного к упрощению и преувеличению. Как мы уже сказали, одно лишь имя этрусков вызывает эти мифы из памяти наших современников — будь то загадочное путешествие за моря, священное знание древних империй Востока, бережно перенесенное в Тоскану, или возрождение, после векового прозябания, средиземноморской цивилизации, на время заглушенной индоевропейскими нашествиями. Из этих обширных и кружащих голову идей каждый выбирает ту, что ему ближе, или вовсе отказывается выбирать (как поступают сегодня здравомыслящие люди). Но наш интерес к этрускам не сводится к рассмотрению этих гипотез, поскольку на их основе не написать книгу о повседневной жизни этого народа: здесь нужно больше ясности и меньше амбиций.

Этруски — первая великая цивилизация Италии

К счастью, проблема этрусков не сводится, как считалось долгое время, к вопросу о их происхождении, на который пока не удастся найти простого ответа. А если ответ и будет найден, на историков обрушится лавина других вопросов⁵. В конце концов, история Франции и история происхождения франков — вовсе не одно и то же. История этрусков не является последовательным доказательством теоремы, сформулированной раз и навсегда; это долгий процесс формирования организма, самоопределяющегося в зависимости от среды и обстоятельств. В любом случае, этруски не высадились на берег у Цере или Тарквиний, будучи полностью сложившейся нацией. Их национальное самосознание начало пробуждаться только с VII века, уже на земле Италии, в контакте с другими народами и в столкновении с особым климатом и природными условиями. Решающие факторы, определившие национальные черты и язык, за пять-шесть веков сущест-

вования этой нации растворились в том, что только и можно назвать этрусской цивилизацией. Ее истоки нам трудно разглядеть, зато ее расцвет, пришедшийся на VII—II века, виден четко: ведь это первая великая цивилизация на территории Италии.

Просто поразительно, что одна и та же область Центральной Италии — античная Этрурия и современная Тоскана — дважды стала главным очагом цивилизации. С VII века до Рождества Христова и с XV века н. э., на заре Древнего мира и на рубеже Нового времени, эта часть Апеннинского полуострова приобрела исключительное значение. Рождение Италии и ее Возрождение произошли в одной и той же колыбели. Это замечательное совпадение, возможно, даже больше, чем совпадение. Могло ли случиться так, что природа, солнце, климат Тосканы, более благодатные, нежели тяжелый воздух окрестностей Рима, дважды породили одно и то же чудо? Микеланджело, по словам Вазари, «приписывал свой талант свежему и чистому воздуху, которым дышат в Арретии». Можно ли считать, что Данте, Макиавелли и Леонардо да Винчи, несмотря на все нашествия и смешение рас, получили через века наследие этрусков? Случаются порой удивительные встречи и совпадения — к примеру, ангелы смерти у пьедестала урны с прахом Авла Волумния в Перудже как будто охраняют древнюю могилу Медичи. Реймон Блок в одной из своих прелестных книжек⁶ помещает рядом изображения головы молодого человека из Черветери (Цере) — находку, датируемую V веком, — и головы святого Георгия работы Донателло. Какая из статуй этрусская, а какая из Тосканы? Не отличить.

Все эти замечания наводят на мысль о том, что «загадка этрусков» не сводится к их происхождению, а охватывает всю судьбу этого народа вплоть до новейших времен. Давайте же стряхнем с себя чары, которые наводит созерцание неуловимого, и обратим свой взгляд туда, где реально существующие мужчины и женщины, конечно, странные, но не так уж непохожие на итальянцев прошлого и настоящего, предстают перед нами в конкретных проявлениях своей повседневной жизни.

Представляется полезным дать обзор наиболее значимых событий в истории этрусков начиная с VII века, когда земли между Арно и Тибром, с одной стороны, и между Тирренским морем и Апенниннами — с другой, озарило лучами рассвета, которого никто не ждал. От Популонии, расположенной к югу от Ливорно, до Цере к северу от Рима в некрополях появились гробницы знатных людей, полные золотых украшений, серебряной посуды, бронзовых колесниц, фигурок и статуэток из слоновой кости, иногда прямо поверх старых могил, — признак необычайного внезапного обогащения⁷, которое вскоре охватит все кладбища, с самого начала выйдя за рамки южной географической границы Этрурии: в Пренесте (ныне Палестрина), в области Лацио, гробницы Бернардини и Барберини, современницы и близнецы усыпальницы Реголини-Галасси в Цере, вдруг озарили столь же ярким светом ворота римской Кампании.

Сегодня уже не вызывает сомнений, что столь стремительное преобразование цивилизации Виллановы связано с открытием греками металлических руд в Этрурии. Мы еще поговорим подробнее об освоении залежей меди, железа, алюминия и, вероятно, олова. Греческая колонизация Запада в VIII веке, с тех пор как халкидяне основали около 770 года до н. э. свой первый аванпост Питекусса на острове Искья, была направлена на поиски сырья, использование и экспорт которого привели к экономическому подъему страны, контролировавшей его месторождения⁸. Популонию называют Питсбургом Древнего мира*. Если читатель желает более привычного сравнения, то можно сказать, что золото этрусков поначалу тоже было черным. Железо с острова Эльба стало для лукумонов (этрусских правителей) тем же, чем является нефть для эмиров Саудовской Аравии.

Итак, Этрурия — это прежде всего *страна*, на которую внезапно свалилось огромное богатство, а вслед-

* Питсбург — город в США (штат Пенсильвания), центр сталелитейной промышленности.

ствие этого — *цивилизация*, сложившаяся под влиянием Востока и Греции и развивавшаяся даже в чужеродных кругах. В этом отношении Пренесте столь же этрусский город, как и Цере, хотя в нем и жили люди, говорившие на латинском наречии: на серебряных сосудах из гробницы Бернардини начертаны латинские письма. При всем при том к северу от Тибра население, без сомнения, говорило на одном языке и было едино в этническом отношении. Тем не менее единообразия отнюдь не наблюдалось: в каждом городе были свои особенности, ритуалы, традиции, ремесла и искусство; политические разногласия будут одной из констант в истории этрусков. Они не сразу стали *нацией*.

Позднее, возможно, к середине VI века, они создали, по примеру лиги ионических городов в Малой Азии, союз двенадцати народов, объединенных политической и религиозной общностью⁹. Эти 12 народов, или городов — *duodecim Etruriae populi*, то есть Вейи, Цере (ныне Черветери), Тарквинии, Вольци (ныне Вульчи), Кортонна, Рузелла, Ветулония, Вольсинии (ныне Больсена), Клузий (ныне Кьюзи), Перузия (ныне Перуджа), Арретий (ныне Ареццо) и Волатерры (ныне Вольтерра) — периодически устраивали торжественные собрания (*concilium Etruriae*) в общем святилище, находящемся в Вольсиниях, в храме Вольгумны или Вертумна. Делегаты обсуждали там высшие интересы государства и избирали для их защиты «правителя этрусского народа», *zilath mechl rasnal*, по-латыни *praetor Etruriae*. Несмотря на постоянно возникающие раздоры, этруски теперь иногда объединяли свои силы для совместных военных походов и осуществления широкомасштабных планов¹⁰.

Осознав свое политическое единство и не довольствуясь более осушением и удобрением той земли, которую им дала природа (а по их словам, Юпитер), они вышли за ее пределы и создали себе империю, некоторое время занимавшую почти весь Апеннинский полуостров. На севере, в долине реки По, они в конце VI века основали новую Этрурию из девяти городов: Мардзаботто в устье Рено, Болонья, которую они называли Фельсиной, Парма, Модена, Равенна, Спина, Адрия, Мельпум

(возможно, Милан) и Мантуя, где родится Вергилий. Когда в начале IV века галлы заполонили Италию, первый удар пришелся на этрусков. На юге пришельцы захватили Лаций и подчинили себе Рим: согласно летописной традиции, в это время (с 616 по 509 год) там правила этрусская династия Тарквиниев, что подтверждается современными данными археологии, правда, даты несколько сдвинулись — с 550 по 475 год¹¹. Затем этруски продвинулись еще дальше, и этрусская Кампания, сложившаяся около 500 года вокруг греческих Кум и включавшая в себя Капую, Нолу, Нуцерию, Помпеи (где перед войной были найдены этрусские надписи), Сорренто, Салерно — то есть еще дюжину городов, — установила прямой контакт с Великой Грецией*.

Мощь этрусков на море не уступала их мощи на суше. Их самые древние города — Ветулония, Вольци, Тарквинии, Цере — находились в нескольких километрах от побережья, где в небольших портах (Грависки в Тарквинии, Пирги в Цере) стояли их торговые и военные суда. В греческих преданиях этруски первоначально упоминаются именно как мореплаватели, точнее, пираты, однако слово «пират», означающее «авантюрист», отражает прежде всего досаду соперников, которым всякая конкуренция представлялась нечестной. Став хозяевами моря, этруски долгое время наводили страх на греков. Поддерживая давнюю связь с противулежащими островами, в частности с Сардинией, они сдерживали греческую колонизацию юга Апеннинского полуострова. Очень скоро для борьбы с господством на море фокейцев, основателей Марсея и властителей западных окраин Европы, они заключили с Карфагеном столь тесный союз, что, по словам Аристотеля, «этруски и карфагеняне ранее составляли одно государство». Фокейцы, утвердившиеся на Корсике, были изгнаны оттуда около 535 года, потерпев в знаменитой битве при Алалии (Алери) поражение от объединенного флота Карфагена и Этрурии.

Эта дата — апогей величия этрусков. Пройдет немного времени, и оно пойдет на спад. В конце века, в

* Великая Греция — название колонизированной греками Южной Италии.

509 году или, возможно, немного позже, Тарквиниев изгнали из Рима, Лаций вернул себе независимость, этрусски Кампании были отрезаны от сообщения по суше с собственно Этрурией. В 480 году карфагеняне после битвы при Химере потеряли всякую надежду на завоевание Сицилии. В 474 году этрусски потерпели поражение близ Кум от сиракузского флота, их господству в Тирренском море пришел конец.

Это не было непоправимой катастрофой, которая пресекла бы развитие целого народа, надломив его организм, полный жизненных сил. Тарквинии и Цере лишились определенной части своего благосостояния, однако утрата рынков сбыта с этой стороны усилила экспансию этрусков на Адриатике: возникновение Паданской Этрурии, развитие Мардзаботто и Болоньи, обогащение Адрии и Спины в устье реки По приходятся на рубеж VI—V веков. Северная Этрурия, напитавшись новыми силами этой провинции, пришла на смену Этрурии морской.

Для Этрурии да и для всей Центральной Италии тогда началось своего рода Средневековье, со всеми его сложностями и смутами, когда общими усилиями, исподволь вырабатывались политика, религия и внешнее устройство, причем республиканский Рим был всего лишь одним из очагов этих процессов. В Тарквиниях, Вольсиниях, Арретии, Тускуле и Риме разные народы, в войне и мире, искали друг у друга ответы на одни и те же духовные и материальные вопросы¹². Благодаря формированию этого культурного койне (единого языка) завоевания, которые Рим начал вести в IV и III веках, не помешали государственным институтам этрусков оставаться в силе то тут, то там и даже оказывать цивилизующее влияние на завоевателей. В конце IV века знатные римские семьи имели обыкновение посылать своих сыновей на учебу в Цере — так позднее они будут посылать их в Афины, — чтобы те завершили там свое образование. Именно римский сенат принял в середине II века меры к тому, чтобы сохранить *Etrusca disciplina*, даже если этрусская знать утратит к ней интерес. Вейи были разрушены в 396 году, Вольсинии — в 265-м, но другие города, с более счастливой судьбой,

сведенные к положению союзников, добивались для себя, пусть и номинально, высших административных и религиозных должностей времен независимости: в Тарквиниях до самого конца Римской республики были *zilath mechl rasnal*, а при Империи даже вновь появился титул *praetor Etruriae*. В начале I века гробница Франсуа в Вульчи (древний Вольци) как никогда восторженно воспевала подвиги героев, снискавших древнюю славу этому городу. В период правления Константина в Вольсинии все еще устраивались всенародные игры в священной роще.

Вот почему хронологические границы нашего исследования нельзя четко ограничить. Отодвинув на второй план предысторию или протоисторию тирренов, мы хотели бы взглянуть на жизнь этрусков — исчезающий мир Средиземноморья рядом с набирающим силу римским миром — в период их расцвета, пришедшегося на VI век до н. э. Но мы не можем не сослаться как на более ранние свидетельства — сокровища, захороненные около 650 года в Цере и Пренесте, — так и на более поздние. Начиная с IV века до н. э. памятники изобразительного искусства становятся понятнее, число письменных свидетельств увеличивается. И даже после римского завоевания, бесконечно умножившего источники исторических сведений, возможно отыскать документы, сообщающие об Этрурии древних времен. Мы неоднократно сможем отметить, что, наряду с горячим воодушевлением, с которым этруски перенимали достижения более развитых цивилизаций — прежде всего Греции, — их отличала и иная черта. Этот «весьма древний народ», как говорил о нем Дионисий Галикарнасский в эпоху правления Августа, выказывал неистребимый консерватизм, ревниво сохранял обычаи своих предков и был горделиво верен себе. Для них история в некотором роде замедлила свой ход, и вплоть до рубежа нашей эры властители Норции и Перузии, облаченные в тогу римских всадников, по сути являлись современниками Тарквиниев.

Остановимся на факте, часто ускользающем от внимания читателей: было бы ошибочно полагать, что история этрусков резко прекратилась, как только на сцену

вышли другие актеры — римляне; что народ этрусков исчез вследствие римских завоеваний, из-за гибели отдельных городов и потери политической независимости. Народы гораздо более живучи. Конечно, те события сопровождалась избиениями и перемещениями населения. Но когда римляне разрушили Вольсинии и Фалерии, в их окрестностях появлялись Новые Вольсинии и Новые Фалерии, где поселились выжившие после катастроф и где в новой форме соблюдали прежние обычаи и традиции. Многие полагали, принимая на веру риторические преувеличения, что самниты были истреблены в результате гражданской войны, но Этторе Паис доказал, что городские магистраты Самния во времена Империи были прямыми потомками прежних самнитов, чья кровь не иссякла. Это в еще большей степени относится к этрускам, пользовавшимся в Риме большим уважением; говоря словами Горация, они тоже, «будучи побеждены, победителей своих покорили». В некоторых случаях сами римляне заботились о сохранении их ритуалов и традиций. Система этрусских собственных имен сохранялась на протяжении веков с неизменностью, свидетельствующей о том, что в тех же местах, в тех же дворцах жили те же знатные семьи, давшие Риму поэтов и даже императоров. Несомненно, длительный период упадка сказался на упорстве, с которым этруски отстаивали свою самобытность, но никак не повлиял на их жизнестойкость. Не будет преувеличением сказать, что еще во времена Августа язык этрусков был жив: на нем говорили и делали надписи на гробницах в Перузии.

Наши знания о языке этрусков

Вероятно, кое-кого удивит наше пристрастие к письменным свидетельствам этрусков и сбору на их основе достоверной информации о нравах и институтах власти. Мы не причисляем себя к тем, кто периодически похвально, будто «проникли за завесу тайны» этого языка, считающегося «непостижимым». Однако наши знания об этрусском языке вовсе не так скудны, как ка-

жется непосвященным в эту проблему. Когда-то Соломон Рейнах опубликовал «Евлалию, или Греческий без слез» и «Корнелию, или Латинский без слез»^{*}; настало время для «Танаквили, или Этрuscoго без обмана».

Этрuscoый язык не прячется от нас за особой графикой, которую необходимо расшифровать, чтобы продвинуться дальше, как Шампольон, разгадавший тайну египетских иероглифов, или как, не так давно, два английских ученых, Вентрис и Чэдвик, которые сумели расшифровать микенские слоговые знаки: ко всеобщему удивлению, оказалось, что за *неизвестными* письменами на табличках из Микен и Пилоса, датируемых с 1450 по 1200 год, скрывается *известный* язык — архаический греческий. Но никакие трудности такого рода не мешают читать на этрусском языке: его алфавит сродни нашему, ведь именно этот алфавит, производный от греческого, позаимствовали латиняне, а затем передали нам. Вот только мы не *понимаем* слов, которые с легкостью *читаем*: они принадлежат языку, который, за исключением некоторых заимствований, не похож ни на греческий, ни на латинский, ни на какой-либо другой, известный нам.

Значит ли это, что стоит навсегда отказаться от попыток его понять, если только однажды не найдется двуязычный аналог Розеттского камня, содержащего три версии одного и того же текста, написанного иероглифами, демотическим шрифтом и по-гречески, с которого и началось триумфальное восхождение египтологии в начале XIX века? Мы уже давно располагаем короткими двуязычными записями на этрусском и латыни, в которых какой-нибудь романизированный этрусск объявляет о своем двойном гражданском состоянии. Возможно, однажды археологи, исследуя форум Вольци или палафиты (свайные постройки) Спины, найдут более длинный текст на двух языках, выдержки из договора или важного государственного документа. Такая находка значительно обогатила бы наши лекси-

^{*} Соломон Рейнах — выдающийся французский археолог XIX века, автор многих книг. Его учебники «Греческий без слез» и «Латинский без слез» были призваны сделать изучение древних языков доступным и увлекательным.

кографические познания, но не стоит думать, что она пролила бы яркий свет на всю область, до сих пор покрытую мраком. Это было бы большим шагом вперед, но мы и на данном этапе проделали немалый путь.

Нельзя недооценивать кропотливый и плодотворный труд нескольких поколений лингвистов, которые, не претендуя на славу и известность, сознавая ограниченность своих возможностей на данный момент, но стараясь максимально их использовать, превратили этрускологию в настоящую науку, беспрестанно усвершенствуя методы ее исследований. Скрупулезно изучив около десяти тысяч эпиграфических текстов, лишь малая толика из которых достаточно пространна, они открыли в океане сомнений несколько надежных островков, ставших отправными точками на пути от изведенного к неизведенному и залогом дальнейших успехов¹³.

Чтобы убедить скептиков, мы помещаем здесь в качестве элементарных примеров три эпитафии из Тарвиний:

1. *Larth Avles clan avils buth muvalchls lupu*¹⁴.

2. *Velthur Larisal clan Cuchnial Thanchvilus lupu avils XXV*¹⁵.

3. *Larth Arnthal Plecus clan Ramthasc Apatrual eslz zilachnthas avils thunem muvalchls lupu*¹⁶.

Изучение сотен коротких фраз такого рода, в которых на одних и тех же местах появляются похожие слова, позволило установить их смысл в мельчайших подробностях. Они начинаются с имен собственных, часто известных нам по латинским аналогам (Ларс, Авл, Танаквиль и т. д.): это имена самого умершего и его отца, иногда матери. После них стоят слова *avils lupu*, которым предшествует — или следует за ними — числительное, записанное цифрами или буквами (*thv* и *buth*, к примеру, определены как числительные на гранях игральных костей). Наконец, в середине третьей надписи встречаются два слова, из которых одно, *eslz*, является существительным или наречием, обозначающим число, а второе происходит от титула магистрата — *zilath=praetor*, известного из других источников.

После такого анализа перевод становится не только возможным, но и очевидным; спорным моментом остается только точное значение числительных:

«Ларс, сын Авла, умер в пятьдесят четыре года»;

«Вельгур, сын Лариса и Танаквили Куклни, умер в двадцать пять лет»;

«Ларс, сын Арнта (=Аррунс) Плеку и Рамты Апатруи, дважды избранный претором, умер в сорок девять (*undequinquaginta*) лет».

Из документов такого рода можно узнать названия степеней родства (*clan* — «сын», *sec* — «дочь», *ruia* — «жена»), существительное *avil* означает «год», глагол *luři* — «умирать». В третьей эпитафии встречается соединительный союз — *s*, стоящий в постпозиции, как латинское — *que*. Кроме того, мы узнаем кое-какие сведения о морфологии, прежде всего об окончаниях *-s* и *-al* родительного падежа. Что касается числительных, то здесь остаются определенные сомнения, но это не столь существенно. После всего сказанного волей-неволей приходится признать, что этрусский язык очень сложный, а его постепенная расшифровка произойдет не чудом, а будет достигнута долгим и упорным трудом.

В распоряжении современной этрускологии уже сейчас находится словарь, который, не считая родовых имен, включает около двухсот корневых слов: какие-то из них почерпнуты из античных толкований, но большинство выявлены из внутренней интерпретации текста, и число их медленно увеличивается с каждым годом. Однажды исследователь Эмиль Веттер вычленил из некоторых эпитафий из Тарквиний формулу датирования по срокам правления преторов, соотносимую с латинской *Cn. Fulvio P. Sulpicio consulibus*¹⁷. В другой раз Санто Маццарино, исходя из этрусского понятия *tular* («граница»), выявил в надписи на одной надгробии из Перузии, в которой говорилось о тяжбе между соседями, целую серию юридических терминов¹⁸.

Но знание языка не измеряется количеством более или менее понятных слов. Мы понемногу начинаем овладевать грамматикой этрусского языка, повинующейся сложным и подчас ставящим в тупик законам. На

сегодняшний день мы довольно хорошо постигли фонетику этого языка, морфологию с парадигмами склонений и спряжений, некоторые элементы синтаксиса и даже зачатки стилистики. Сегодня ученые спорят уже не о том, на какой язык похож этрусский — на баскский или на кавказский, а о том, относится ли такая-то форма существительного к родительному или к местному падежу, а такая-то форма глагола к активному или пассивному залогу. Сегодня попытка интерпретации — это не вылавливание из текста с непонятным содержанием отдельных слов, которым воображение приписывает сходство с греческим, латынью или лидийским, и последующие головокружительные выводы; теперь, прежде чем судить о смысле слова, ему стараются дать фонетическую и морфологическую характеристику. Это приносит значительные результаты, проливающие яркий свет на историю этрусской цивилизации, поэтому мы в нашей работе воспользуемся данными из специализированных журналов — «Glotta» и «Studi Etruschi».

ВНЕШНОСТЬ ЭТРУСКОВ

Какими могли быть этруски? Нравы этого странного народа вызывали удивление как их современников, так и потомков; поневоле возникает вопрос: не было ли у них, как у героя «Персидских писем» Монтескье, «чего-нибудь примечательного в облике»? Существовал ли этрусский тип внешности, по которому в толпе обитателей Средиземноморья с первого взгляда можно было бы отличить пирата из Цере, гаруспика из Тарквиний, куртизанку из Пирги? Довольно важно узнать с самого начала, с кем мы будем иметь дело и был ли у этих людей, которых мы намерены заставить за их повседневными занятиями, свой особый облик.

Данные медицинской биологии

Этот вопрос не нов, и над его разгадкой билось множество ученых — археологов, антропологов, биологов, в основном, впрочем, пытавшихся доказать восточное происхождение этрусков. В своих последних статьях сэр Гейвин де Бир, директор музея Виктории и Альберта¹, даже обращается с этой целью к генетике групп крови. Процентное соотношение между четырьмя группами крови, на которые подразделяется человечество, сохраняется с завидным постоянством для каждой расы и на протяжении веков объединяет, например, еврейские общины Голландии и России, противопоставляя

их основному населению. Венгерские цыгане в этом плане практически не отличаются от индусов, потомками которых являются. Было отмечено, что на географической карте с гематологическими показателями в центре Италии находится зона, примерно совпадающая с границами Тосканы, где количество людей с группами крови А и В (2-я и 3-я) на пять процентов выше, чем в соседних областях — на юге и севере страны, а это позволяет предположить, что прапраправнуки этрусков состоят в родстве с восточными народами — армянами, индусами и цыганами.

В 1958 году фонд СИБА*, воодушевленный этими гипотезами, организовал в Лондоне коллоквиум по медицинской биологии и происхождению этрусков². Представители археологии и естественных наук попытались сопоставить методы своих исследований и их результаты. По правде говоря, ученые высказывались очень осторожно, и в их докладах обычно не содержалось четких выводов, в особенности о восточном происхождении этрусков. В завершение участники конгресса лишь высказали пожелание о проведении детального исследования групп крови у населения Этрурии и соседних с ней областей.

Уже целый век антропологи измеряют черепа, найденные в этрусских некрополях, прекрасно понимая, что материал для их исследований весьма скуден, к тому же из области наблюдений приходится полностью исключить эпоху, когда тела в основном кремировали.

Джузеппе Серджи внимательнейшим образом изучил 44 черепа, найденные в гробницах семи городов Этрурии, и идентифицировал среди них 34 долихоцефала и мезоцефала и 10 брахицефалов: длинные и средние черепа могли принадлежать захватчикам, пришедшим с Востока, а широкие — коренным жителям. На это ему тут же возразили, что такие черепа в целом характерны для средиземноморской расы, господствовавшей во всей Южной Европе с эпохи неолита³. Факты так переплелись, что просто страшно становится, когда некоторые антропологи с непоко-

* Фонд СИБА (*CIBA Foundation*) был создан в 1947 году для поощрения исследований в области медицины, химии, биологии и сопутствующих дисциплинах.

лебимой уверенностью переходят к обобщениям: «Поверхность черепов этрусков гладкая, надбровные дуги выражены слабо. Боковые стенки черепной коробки, если посмотреть на них сверху, не параллельны, как это характерно для средиземноморских долихоцефалов, а сходятся впереди. В области париетальных костей череп широкий, а лоб узкий. Глазницы расположены высоко и имеют округлую форму, нос тонкий». Сэр Гейвин заключает: «По описаниям антропологов легко узнать тип супружеской четы с саркофага из Черветери: удлинненное лицо, тонкий нос, узкий и высокий лоб без выпуклых надбровных дуг, немного вытянутая форма головы»⁴.

Данный саркофаг из терракоты, найденный в Черветери (Цере) и датируемый второй половиной VI века до н. э., хорошо известен. Он даже существует в трех практически идентичных экземплярах: один находится в Лувре, второй — в музее Вилла Джулия в Риме, а третий (копия) — в Британском музее⁵. Мы не будем подробно описывать эту пару возлежащих на ложе поминального пира супругов с тонкими, изящными чертами лица, с легкой улыбкой на устах. Позже мы убедимся, что присутствие женщины, лежащей рядом с мужем, который нежно положил правую руку ей на плечо, — недопустимая вольность для Греции, но для Этрурии обычное дело. На голове у женщины *tutulus*, головной убор наподобие сахарной головы, который часто носили этрусские дамы в древние времена, на ногах — *calcei repandi*, традиционная обувь с острым, загнутым кверху носком. Но несмотря на позу и некоторые детали одежды, имеющие явно ионийское происхождение, лица супругов поразительно напоминают лица статуй той же эпохи из Греции и Малой Азии. Женщина похожа на первых аттических кор*, что же касается мужчины, то, по словам Шарля Пикара, «этот тиррен с окладистой бородой, овальным, почти треугольным лицом, раскосыми глазами и пышными волосами, свободно ниспадающими на плечи, мог бы родиться среди эгейских пастухов»⁶.

* Кор а (*др.-греч.* «дева») — в античном искусстве статуя стоящей прямо девушки в длинной одежде.

Следует ли отсюда вывод, что на саркофаге из Черветери этрусски изображены именно такими, какими они были на самом деле, и что вельможи и знатные дамы при дворе Тарквиниев походили на эту терракотовую пару? Не нужно забывать о великой силе искусства, навязывающей жизни свои законы. Скорее, как говорится, природа станет подражать искусству, чем искусство воспроизведет реальность. Если в эпоху импрессионистов французы, пресытившись академической красотой, влюбились в купальщиц Ренуара, танцовщиц Дега и нимф Родена, чья животная грация будила их чувственность, это вовсе не значит, что в одно прекрасное утро француженки 1880-х годов проснулись с раскосыми глазами, приплюснутым носом и полными губами или что на берегах Сены обосновалось поселение таитянок, последовавших за Гогеном. А ведь в древней Этрурии влияние ионического стиля было гораздо более властным и повсеместным! Вместе с дорогими шерстяными тканями из Милета и чернофигурными амфорами из Клазомен или Аттики, вместе с техническими приемами ремесленников и даже внешним обликом богов этрусски вывезли из Малой Азии и Греции каноническое представление о плавной линии лба, прямом носе, миндалевидных глазах и особенной улыбке, под которое они старались подстраиваться при жизни и которое во многом определяло собой тот образ, что должен был остаться после их смерти. Так что в надгробных изваяниях древних времен они предстают перед нами в масках.

Заманчиво поискать более правдивые свидетельства в памятниках более поздней эпохи, когда этрусский реализм, поощряемый податливостью терракоты, хоть и испытывал на себе, то тут, то там, влияние других стилей, в конечном счете все же развеял по ветру эти маски, вышедшие из моды. Накануне Второй мировой войны этим увлеклись немецкие ученые из числа приверженцев расовой теории (*Rassentheorie*). Выбирая по своему усмотрению ту или иную характеристику, казавшуюся им специфической, они при-

ходили к совершенно разным выводам. Один ученый, разглядывая урны с прахом с изображением усопших, был поражен тем, что у некоторых этрусков были носы с горбинкой или крючком⁷. Их тут же занесли в список «орлиноносых» рас, а профессор Фишер в 1938 году повсюду встречал, зарисовывал и фотографировал итальянцев с орлиным носом — бесспорно этрусским. Везде, особенно в Кьюзи, на родине Порсенны*, а еще в Волатеррах и Тарквиниях. В Перузии их оказалось маловато, а в Витербо не было совсем. Не связано ли это с историей Витербо, за который долго боролись римский папа и император Священной Римской империи, и не могли ли многочисленные иноземные вторжения привести к физиогномическому перевороту и исчезновению орлиных носов? Но едва затихло эхо его доклада в Берлинской академии наук, как автор одной из статей в журнале «Клио» заявил, что обнаружил главный отличительный признак этрусской расы и доказательство ее восточного происхождения — тучность⁸.

Надо признать, что всему виной Катулл и Вергилий, которые, не сговариваясь, обличали: один — *obesus Etruscus*, а второй — *pinguis Tyrrhenus***⁹. Катулл, рассказывая о различных народах, населяющих Италию, упоминает наряду со «скупым умбром» и латинянином из Ланувия, «смуглым и с крепкими зубами», «тучного этруска». Вергилий в более возвышенной манере описывает церемонию жертвоприношения под звуки флейты: «Жирный тирренец меж тем на кости слоновой играет у алтаря». И действительно, этрусские саркофаги II—I веков до н. э. зрительно подтверждают слова поэтов. На них усопший изображен полулежа на боку, опираясь на локоть, с чашей в другой руке, в позе пирующего. Скульптор-реалист не скрывает, а наоборот, выставляет напоказ с некой безжалостной снисходительностью внушительных размеров живот, выпирающий из распахнутых складок покрывала.

* *Порсенна* — этрусский царь Клузия, союзник изгнанного из Рима Тарквиния Гордого.

** «Тучного этруска»... «пухлого тиррена» (лат.).

Этого оказалось достаточно, чтобы в удлинённых формах с саркофагов из Черветери разглядели худобу древних этрусков, на смену которым, после этнических преобразований и социальных потрясений, позволивших коренному населению вновь обрести свои права, пришли приземистые и плотные формы италийцев. Другие в изумлении обнаружили на самых древних стелах и бронзовых изделиях изображения коренастых этрусков, которые как раз и были настоящими этрусками, дружной толпой пузатых силенов, прибывших прямо из Карики в Малой Азии, тогда как элегантно стройность фигур из Черветери говорит о существовании в Южной Этрурии совсем другого народа — пеласгов, ранее приплывших с Крита и Кикладских островов. Можно подумать, будто коренастые и стройные фигуры не могли, как было давно доказано, одновременно или поочередно господствовать в ионическом стиле! Это не помешало Эрнсту Буксу в 1942 году приписать коренным этрускам «квадратное телосложение», которое он распознал впоследствии в фигуре императора Веспасиана, чей отец явно был сабином, а мать, возможно, происходила из этрусков, и которое, по его словам, до сих пор характерно для половины населения Тосканы.

Оставим в стороне эти нелепые теории и вернёмся к тучности этрусков; ведь этот физический недостаток никак не связан с малым ростом. А в этом отношении мы не можем не считаться с неоднократными свидетельствами поэтов, особенно если они подтверждаются надгробными изображениями тех времён. Но не слишком ли преувеличено значение этих свидетельств? В прекрасном каталоге этрусских саркофагов поздней эпохи, изданном Рейнхардом Хербигом¹⁰, мы обнаружили только три или четыре изображения, подтверждающих эту особенность. Да и тут нужно проявлять осмотрительность. Фигура на саркофаге из Санджулиано близ Витербо тем более впечатляет, что она лежит на спине во весь рост, а огромный круглый живот возвышается как бы сам по себе. Было решено, что это усопшая женщина, то есть беременная. Однако следует иметь в виду тенденцию к стилизованному искажению

действительности, характерную для этрусских скульпторов того времени: она сводится к геометрическому упрощению объемов, из-за чего ее как-то называли кубизмом, или, точнее, стереометрией, поскольку она стремится к сочетанию как кубических, так и сферических объемов. Ясно, что саркофаг из Сан-Джулиано принадлежит именно к этой школе, столь чуждой греческим вкусам и непохожей на остальное искусство этрусков, а фигура, изваянная на нем, не может быть точным изображением человека. На крышке другого саркофага, найденного в склепе знатной семьи Партуну из Тарквиний, возлежит высокий старик, чья пухлая и дряблая плоть резко контрастирует с морщинистыми щеками и тощей шеей. Но, как отмечает сам Хербиг, такое часто случается в конце жизни с людьми умственного труда. Единственное изображение действительно тучного этруска находится в музее Флоренции. Огромный кусок мяса предстает перед нами с некой циничной наивностью. Гирлянда цветов на шее, кубок в вытянутой правой руке, золотое кольцо всадника на безымянном пальце левой. Мужчине на вид лет пятьдесят, у него маленькая голова, отнюдь не заплывшая жиром, он лыс, но на висках еще остались волосы, большие глаза широко открыты, а губы наверняка ярко-красные. Он как будто не осознает своей нездоровой полноты, но если бы он захотел подняться со своего ложа, то ему понадобилась бы помощь нескольких слуг. Пупок открыт, что выглядит почти непристойно, но ему, похоже, все равно. Выпячивая свой живот завидных размеров, потомок древних лукумонов с бесстыдством и в то же время с кастовой гордостью, даже в смерти, похожей на пир, заявляет о том, что рад оставить этот мир сытым и довольным.

Именно в этом и заключается ценность саркофага из Флоренции, который некоторым образом подтверждает определения латинских поэтов. На нем изображен не этруск как таковой и не «вечный этруск», а один из этрусков эпохи упадка, тех зажиточных тосканцев, которых Рим лишил политической независимости, оставив им социальные привилегии. Управляя издали своими латифундиями, где труди-

лись многочисленные рабы, они уже не покидали своих дворцов в Перузии или Тарквиниях, где, предаваясь горделивым воспоминаниям о днях былой славы, испытывали на себе все последствия *dolce far niente** и чревоугодия.

В то время в Риме издавались законы против роскоши (впрочем, их мало кто соблюдал), призывавшие к умеренности за столом. Катон Цензор отбирал казенных лошадей у слишком тучных всадников, не способных держаться в седле. Известны его слова: «Каким образом государство сможет извлечь пользу из этого тела, если оно от горла до пояса состоит из брюха?»¹¹ Поэт-сатирик Луцилий истощил все запасы иронии, изощряясь в описаниях толстопузых гурманов: *mandones, comedones, lurcones* — «обжор», «толстобрюхих», «ненасытных утроб», налегающих на сало и свиные окорока, поглощающих нежную спаржу и цветную капусту, тратящих кучу денег на креветок и огромных осетров. Свои филиппики он саркастически заканчивал: «*Vivite ventres!*» — «Привет вам, люди-утробы!»¹² Одновременно Лелий Мудрый, друг Сципиона Младшего, восхвалял вегетарианскую умеренность и философское превосходство щавеля¹³, а бродячие проповедники твердили о том, что обжорство, подобно волшебнице Цирcee, превращает стариков в свиней и что толстое брюхо несовместимо с тонким умом: «Как вы сможете познать мудрость, если ваши сердца наполнены грязью и вином?»¹⁴ Таким образом, римский юмор и греко-римская этика совместно клеймили и бичевали тучность, явное проявление порока. Поскольку, по определенным причинам, этрусски славились любовью к роскоши и излишествам, совершенно естественно, что, едва их перерождение дало к тому повод, в пристрастных глазах своих господ и соперников они предстали со всеми внешними признаками распущенности. Но речь здесь идет скорее о моральных, а не физических недостатках. Этрусков называли как *obesus*, так и *segnis* или *ignavus***.

Вскоре мы к этому вернемся.

* Приятное безделье (*ит.*).

** Тучный... ленивый... праздный (*лат.*).

Несложно рассеять туман, в котором стилизация «древних» и систематизация «новых» скрывают от нас тип внешности этрусков. Как только авторитет греческих образцов был поколеблен, в большинстве произведений изобразительного искусства ярко проявился свежий и исполненный вкуса реализм как художников, так и заказчиков, стремившихся как можно к более точному отображению индивидуальных черт и мельчайших деталей, даже самых невыигрышных. Тот, чье изображение должно было украсить саркофаг, наверняка требовал от мастера прежде всего полного сходства, вплоть до бородавок и физических изъянов, надеясь тем самым продолжить жизнь хотя бы в камне или терракоте. Сами же скульпторы, оставив грекам мрамор, подходящий для идеализации и облагораживания, учились своему ремеслу на привычной глине и работали не затаив дыхание, осторожно работая резцом, а импровизируя, ловя случайное, мимолетное выражение; этот порыв естественным образом передавался их скульптурам из бронзы и даже алебастра или травертина. Поразительным примером этой повсеместной тенденции служит школа художников, расписывавших вазы, которая процветала в III веке до н. э. в Волатеррах. На боках кратеров со «столбиками» художники из озорства вместо красивых мечтательных профилей с греческих образцов набрасывали в несколько штрихов остроумные, на грани карикатуры, портреты горожан, каких можно было встретить на рынке или на прогулке по главной улице по вечерам: красотку с горящими глазами или сварливую тетку с недовольным видом, атлета с роскошной фигурой или насупившегося книжника, круглощечкого ребенка или старуху в платке, обвязанном вокруг шеи, благодаря которой один из художников этой мастерской получил от историков, занимающихся изучением этрусской керамики, имя *Nunpainter* — «рисовальщик монашки»¹⁵.

В этой галерее правдивых портретов, какой не создал ни один другой народ, можно найти огромное разнообразие человеческих типов и лиц, тонких и грубых,

энергичных и безвольных, хитрых и глупых, в которые природой и жизнью заложены все мыслимые психологические комбинации. Однако внешне в этрусках нет ничего, что могло бы показаться нам необычным, иным, что привлекает или внушает настороженность при виде представителей другой расы, ничего, что принято называть «восточным». На самом деле, стоит сорвать с них восточные маски — и перед нами предстают такие же итальянцы, каких мы встречаем сегодня, и это создает фантастическое ощущение их кровного родства. «Похожий на меня, мой брат», — мог бы сказать сегодняшний флорентиец. Среди них нет ни одного багдадского халифа, ни одного венецианского купца. Зато есть тосканские крестьяне, кондотьеры, каноники, римские императоры, юные Бонапарты, а на одной урне из Вольтерры — пара шестидесятилетних стариков, живущих в ладу и согласии, Филемон и Бавкида Овидия или Таддео и Венеранда Джузеппе Джусти. И ничто не мешает нам, мысленно совершая прогулку по улицам Тарквиний и Вей, наделить их обитателей такими же чертами, как у людей, которые сегодня гуляют по Лунгарно. И последняя черта в довершение картины: этрусские женщины были гораздо ниже ростом, чем мужчины¹⁶. Ученые сравнили длину найденных скелетов и выяснили, что средний рост мужчин составлял 164 сантиметра, а женщин — 155. Тем приятнее будет узнать, что вовсе не гренадерское телосложение позволило этрусским женщинам занять высокое положение в обществе и что такая властная особа, как Танаквиль, подчинившая себе своего мужа Тарквиния силой характера, не возвышалась над ним горой — напротив, разговаривая с ней, Тарквинию приходилось немного наклоняться.

Средняя продолжительность жизни этрусков

К сделанным замечаниям о физическом облике этрусков нелишним будет добавить несколько уточнений относительно средней продолжительности их жизни. Демографические исследования находятся сейчас на подъеме, и новые методы можно попытаться использо-

вать для изучения вопросов, касающихся народонаселения в греко-римском мире. Среднюю продолжительность жизни пытались определить в Египте, в Северной Африке, в Испании, в Бордо: сведения для этого почерпнуты из надгробных надписей, в которых очень часто указан возраст умершего¹⁷. Мы располагаем определенным количеством этрусских эпитафий. Что же они могут нам поведать?

Мы не воспользовались для этого исследования текстами с буквенной записью числительных. Их точной идентификации пока нет, и хотя этрускологи в основном пришли к согласию по поводу чисел первого десятка — *thu, zal, ci, buth, mach, sa, cezp-, semph-, nurph- и zar*, они все еще колеблются, не зная точно, чему соответствуют *buth* и *sa* — 4 или 6 и *cezp-* и *semph-* — 7 или 8¹⁸. А поскольку названия десятков от 30 до 90 образованы от единиц от 3 до 9, то, используя такие записи (их около двух десятков), мы рискуем ошибиться не на один десяток. Скончалась ли *Ramtha Matulnai* в 45 или в 65 лет?¹⁹ А *Larth Tute* — в 72 или 82?²⁰ Этого никто не может сказать точно.

Однако в нашем распоряжении есть примерно 130 надгробных надписей, в которых возраст умерших приведен в цифрах, и тут уже не может быть никаких сомнений. Впрочем, следует исключить те из них, где стертые места или трещины в камне могут внести погрешность в толкование. Остается 113 записей — вполне достаточно, чтобы прийти к определенным выводам.

Эти короткие эпитафии относятся к относительно поздним документам: они были сделаны в период с 200 по 50 год до н. э., то есть в последние два столетия существования мира этрусков. Практически все они найдены в Тарквиниях и Волатеррах: только в этих городах был широко распространен обычай указывать в эпитафии возраст покойного. Несмотря на это географическое ограничение, записи охватывают широкий контингент населения разных возрастов, состояния здоровья и социальных слоев.

Мы узнаем о маленькой *Ravntza Urinati*, дочери Аррунса, умершей в возрасте двух лет, о маленьком *Sethbre Ceisinies Mazu* (Цезенний Мазон на латыни), прожившем

три года, о маленькой *Agatinia Annia*, дочери Луция, скончавшейся в четыре года. Самое трогательное — уменьшительные имена детей (*Ravntza* от *Ravntu*, *Agatinia*) наряду с достоинством, с каким младенцы с колыбели носят все ономастические атрибуты взрослых — фамилию, а иногда и имя признавшего их отца²¹.

Рядом с «умершими до срока», которым был уготовлен свой круг Дантова ада и, несомненно, ада этрусков, в могилу медленно сошел почтенный *Larth Vestarcnies*, скончавшийся в 84 года и, наверное, не слишком отличавшийся от своего сородича, жившего три века спустя, консула Вестриция Спуринны, юную и светлую старость которого описал Плиний Младший²². Между этими двумя крайностями и за вычетом детей, трех десятков юношей и молодых женщин, умерших в возрасте от двадцати до тридцати лет, в расцвете сил, встречаются и гордые и довольные жизнью матери семейств, и старик, преуспевший как на политическом, так и на семейном поприще: воспитавший трех сыновей, избранный в 28 лет мэром своего городка, имевший шесть внуков и скончавшийся в 66 лет.

Для тех, кто полагает, будто эти документы касаются только узкого круга аристократов, сообщаем, что довольно большое число записей имеет отношение к рабам или вольноотпущенникам. Одной из самых знатных семей Вольтерры была семья Цецина, в которой Цицерон нашел близких друзей, хвалил их религиозные познания и извинял политические просчеты; она содержала многочисленную челядь, и эпитафии слуг учтены в нашей статистике²³. И это не считая *Larthi Lautnei*, умершей в 33 года, само имя которой (*lautni*) указывает на ее происхождение из рабов²⁴.

Каков же результат? В общей сложности эти 113 человек прожили 4620 лет, так что средняя продолжительность их жизни равняется 40,88 года. Мужчины, как правило, в среднем доживали до 41,09 года, женщины немного меньше — 40,37 года, что отмечается повсюду в античном мире. Наши данные гораздо выше традиционных цифр (25 лет), однако соответствуют недавно полученным данным о среднем возрасте людей в других городах и странах: 45,2 года — в Северной Африке,

36,2 — в Испании, 35,7 года — в Бордо галло-римской эпохи. Конечно, они приблизительны. Тут не учитывается детская смертность, из-за которой эти цифры, возможно, пришлось бы сократить на $\frac{1}{6}$. Но их значение неоспоримо, и они являются поразительным свидетельством жизненной силы этрусков даже в период упадка, особенно если вспомнить, что в Европе начала XIX века средняя продолжительность жизни составляла 30 лет. В наши дни эта цифра возросла до шестидесяти пяти. Что касается Италии, то в 1900 году продолжительность жизни составляла 44,2 года для мужчин и 44,8 года для женщин, а в 1950-м — 53,7 и 56 лет соответственно²⁵.

ХАРАКТЕР И ТЕМПЕРАМЕНТ

Дионисий Галикарнасский, посвятивший этрускам критическое и углубленное исследование, не говорит о том, что этот народ внешне отличается от других, однако утверждает, что по своим нравам он ни на кого не похож. Надо ли полагать, что природа или история наделили этрусков особым темпераментом, противопоставив остальному человечеству?

Свидетельства о них греков не могут притязать на истинность. Они слишком хорошо помнили об ожесточенной борьбе с этрусками, союзниками карфагенян, за доступ и господство в западной части Средиземного моря. Страх перед этрусскими пиратами вкупе с воинственностью местного населения долгое время сдерживал их колониальную экспансию: их продвижение вглубь Апеннинского полуострова наткнулось на непреодолимый барьер и остановилось на линии Кумы—Поццоло—Неаполь.

Хотя фокейцам и удалось прорвать блокаду в Малой Азии и проложить себе путь до окрестностей Андалусии и Прованса, где они около 600 года до н. э. основали Марсель (Массалию), в 535 году их морская империя рухнула после сражения при Алалии (Алерии) у берегов Корсики. Этрусски и карфагеняне объединенными силами изгнали греков и с этого острова, и с соседней Сардинии. Те, кому удалось уцелеть, нашли прибежище в Массалии или поселились в Велее (Элее) в Лукании; пленники, имевшие несчастье попасть в руки этрускам

из Цере, были казнены с такой жестокостью, что это вызвало гнев богов и привело в ужас греческих историков. Геродот рассказывает, что пленных вывели из города и забили камнями до смерти¹.

У этого же автора мы находим описания еще более страшных казней, которые обычно приписывают этрусским пиратам, хотя Вергилий возлагает ответственность за них на нечестивого Мезенция, правителя Цере:

Долгие годы потом угнетал надменный Мезенций
Этот гордый народ, подчинив его силой оружия.
Что вспоминать о жестоких делах, о неслыханных казнях?
О, если б их на него самого обрушили боги!
Заживо жертвы свои он привязывал путами к трупам
Так, чтобы руки сплелись и уста к устам прижимались, —
Пытки мучительной род, убивавший медленной смертью
Тех, кто в объятых лежал среди тленья, гноя и смрада².

Представления греков об этрусках были сформированы под воздействием страха перед этими бесконечными войнами и чудовищными жестокостями, причем в страсти доставлять мучения заключалась, по мнению греческих авторов, не примитивная грубость, а изощренный садизм. Образ этрусков принимал еще более мрачные краски, когда на смену ненависти приходила зависть. Этрусски, милетяне Малой Азии и сибариты Великой Греции делили опасную честь — нести менее удачливым соперникам, охотно объявлявшим бедность добродетелью, ранние и чудесные плоды блестящей цивилизации: все три народа обвиняли в лени, чревоугодии и разврате, а также в том, что их объединяет общая любовь к наслаждениям. Как утверждает сицилийский историк Тимей, всё зло шло от милетских шерстяных накидок. «Сибариты носили плащи из милетской шерсти, и это положило начало дружбе между двумя государствами. Сибариты любили этрусков более всех прочих народов Италии, а среди восточных народов отдавали предпочтение ионийцам, поскольку те, как и они сами, были склонны к *truphe*»³. Когда Сибарис был разрушен в 510 году, все взрослые жители Милета в знак скорби обрили головы.

Этруски, милетяне и сибариты знали и ценили друг друга и по экономическим причинам, а не только исходя

¹ Избалованность, изнеженность; распутство (*греч.*).

из моральных установок. Сибарис был одним из главных перевалочных пунктов, через которые ионийские товары и цивилизация поступали на берега Тосканы. Конечно, это был не единственный путь: халкидские города в Сицилийском проливе, Регий и Занкла (Мессина), составляли ему острую конкуренцию⁴. Тем не менее совершенно точно, что сибариты и этруски придерживались одного стиля жизни, в котором недоброжелатели выделяли — и утрировали — лишь слабые стороны.

Сплетни Теопомпа

В довершение всех несчастий выясняется, что картина нравов этрусков, с тех пор не подвергавшаяся изменениям, была описана автором столь же красноречивым, сколь и лживым, которого звали Теопомп. Он творил в середине IV века до н. э.; морская держава этрусков уже более ста лет как была сокрушена при Кумах Гиероном, царем Сиракуз. Для греков она более не представляла опасности, и теперь над поверженным врагом, предметом ненависти и зависти, можно было смеяться. Теопомп же, говоря что об афинских демагогах, что о персидских тиранах, что о вождях варваров, отличался, по меткому выражению Корнелия Непота⁵, «самым злым языком среди всех литераторов» (*maledicentissimus*); особенно он был охоч до скабрёзных историй и пикантных сплетен. Однако этим рассказам верили. Их подхватывали философы и историки — серьёзный Аристотель⁶, романический Гераклид Понтийский⁷ и Тимей из Тавромения⁸, которого Непот тоже причисляет к величайшим сплетникам. Вот отрывок из Теопомпа, который Афиней приводит в своем «Пире мудрецов»⁹:

«В XLIII книге своей “Истории” Теопомп говорит, что у тирренов женщины находятся в общем пользовании, что они очень тщательно заботятся о своем теле и упражняются нагими, часто вместе с мужчинами, а иногда между собой, ибо нагота у них не считается постыдной. Они возлежат за столом не подле своих мужей, а подле кого угодно из гостей и даже пьют за

здоровье того, кого вздумается. Кстати, пьют они много и очень красивы. Тиррены воспитывают всех детей, появившихся на свет, не задумываясь о том, кто чей сын. Дети же живут так же, как их воспитатели, проводя время в попойках и вступая в связь со всеми женщинами без различия. Прилюдное сношение у тирренов не считается срамом; здесь и это тоже в ходу. Они настолько далеки от того, чтобы считать это стыдным, что когда хозяин дома предается любви, а его спрашивают, то говорят: он делает то-то и то-то, бесстыдно называя вещи своими именами. Когда они собираются вместе — либо с гостями, либо в семейном кругу, — то поступают следующим образом: когда всё выпито и их начинает клонить ко сну, слуги с зажженными факелами приводят к ним либо куртизанок, либо красивых мальчиков, либо их собственных жен; насладившись теми или другими, они укладывают с ними вместо себя молодых людей в расцвете сил. Порой они предаются любви и резвятся на глазах друг у друга, но чаще огораживают свои ложа хижинами из переплетенных веток, набрасывая поверх свои плащи. Часто они ложатся с женщинами, но гораздо охотнее — с мальчиками и юношами. Юноши этой страны весьма пригожи, поскольку нежат себя и удаляют волосы с тела. Впрочем, все варвары, живущие к западу, мажут свое тело смолой и бреют его; у тирренов есть даже множество заведений, наподобие наших цирюлен, где мастера в этом деле окажут такую услугу. Посещая такие заведения, они позволяют делать с собой, что угодно, не стесняясь того, что их могут увидеть прохожие».

Суждение Посидония

Мы еще вернемся к этим похотливым сплетням, а пока сопоставим с ними впечатления философа Посидония Апамейского, совершившего в конце II века до н. э. несколько длительных путешествий на Запад и составившего гораздо более беспристрастное представление о нравах этрусков. В его время давнее соперничество на море, столь долго определявшее собой отношение гре-

ков к этрускам, уже перешло в область древней истории, а главное, Посидоний обладал умом иного склада, нежели Теопомп. Будучи стоиком, он не проявлял снисходительности к изнеженности и роскоши, которую сурово осуждал, говоря о городах своей родной Сирии. Но он умел увидеть добродетели и пороки под разными углами зрения и отличить причины от следствий. Вот как современник Цезаря Диодор Сицилийский пересказывает его вдумчивые замечания¹⁰:

«Этруски, которые в старину отличались своей энергичностью, завоевали обширные земли и основали там множество крупных городов. У них также был сильный флот, и они долгое время владычествовали на море, так что даже море, омывающее берега Италии, получило от них название Тирренского. Совершенствуя оснащение своих сухопутных войск, они изобрели трубу, которая сильно пригодилась на войне и которую они нарекли тирренской. Этруски создали почетные инсигнии для своих военачальников: сопровождение из двенадцати ликторов, курульное кресло из слоновой кости и тогу с пурпурной каймой. Для дома же они изобрели перистиль — крайне полезную вещь, спасающую от шума, производимого толпою слуг. Римляне переняли большую часть этих изобретений, усовершенствовали их и ввели в свой обиход. Этруски развивали письменность, естественные науки и теологию и больше, чем любой другой народ, изучали такое явление, как молнии. Вот почему еще и сегодня они внушают живое восхищение тем, кто стал хозяевами почти всего мира (то есть римлянам. — Ж. Э.), которые обращаются к ним за толкованием небесных знамений. Поскольку они живут на плодородной земле, приносящей плоды всякого рода, и трудолюбиво ее возделывают, продукты земледелия имеются у них в изобилии, что не только удовлетворяет их потребности, но и приводит к чрезмерной роскоши и изнеженности. Дважды в день они велят накрывать роскошные столы с разными изысками, готовить расшитые цветами покрывала, подавать множество серебряных сосудов и имеют в своем услужении большое число рабов. Одни из этих рабов редкостно красивы, другие носят

более роскошные одежды, нежели это подобает рабу, а челядь имеет жилища всякого рода, как, впрочем, и большинство свободных людей. В целом они отрешились от доблести, которую высоко ценили в былые времена, и, проводя время в пирах и удовольствиях, пристойных женщинам, утратили воинскую славу своих предков, что неудивительно. Но больше всего их изнеженности способствовали свойства их земли, поскольку, живя в стране, где всё рождается в безграничном изобилии, они могут запастись впрок разными плодами. Этрурия в самом деле удивительно плодородна, поскольку лежит в основном на равнинах, разделенных холмами с возделываемыми склонами, и там умеренно влажно не только зимой, но и летом».

Следует отметить, что, в отличие от Теопомпа, Посидоний безоговорочно признает за этрусками мужественность (*andreia*), как позднее Вергилий: «*Sic fortis Etruria crevit*» («И стала Этрурия мощной»)¹¹. Кроме того, он воздает должное плодovitому этрусскому гению и перечисляет многочисленные области, в которых они нашли применение своей неоспоримой энергии. Но при этом он допускает, что они переродились и, под влиянием слишком благотворного климата, утратили присущую им изначально бодрость. Образ этруска, проводящего время за чашей вина и вялыми, «немужественными» (*anandroi*) развлечениями, — это образ непоправимого упадка того типа людей, которые доживают свой век в праздности, обреченные на нее римским завоеванием.

Вероятно, именно в Риме Посидоний составил себе новое представление о нравах этрусков, столь отличающееся от тех, что распространяли ранее греческие историки и философы. Ведь римляне, после пяти веков соседства и близкого общения с тирренами, гораздо лучше знали народ, у которого они столькому научились. И хотя они могли себе позволить сатирический выпад (с оглядкой на греков или исходя из современной им реальности) в адрес безнравственных женщин или раскормленных музыкантов, они все же не считали чувственность основной чертой характера этрусков.

Когда римляне конца Республики думали об этрусках, они представляли себе огромную поверженную мощь, несметные исчезнувшие сокровища, но главное (трудно поверить!) — добродетели древнего земледельческого народа, опаленного солнцем полей и крайне благочестивого. Тит Ливий писал: «То был народ, более других склонный к религиозным обрядам, тем более что в них он был особенно сведущ»¹². Этимологи изошлись вовсю, стараясь найти в самом слове «этруски» или «туски» указание на это призвание. Слово *tuscus* они связывали с греческим *thusia*, что означает «жертвоприношение»¹³, и не сомневались в том, что слово *caeremoniae* (церемонии) происходит от названия города Цере¹⁴.

В самом деле, редкий народ в большей степени прислушивался к воле богов. Для этрусков повседневная жизнь, личная или общественная, проходила в густом лесу символов, сквозь который они осторожно пробирались, ведомые гадалателями. Внимательно изучая молнии или печень жертв, истолковывая стихийные бедствия или аномалии при родах, эти гадалатели и гаруспики во всех этих чудесах, являемых в каждое время года, читали близкое будущее, а иногда, если оно сулило несчастья, даже могли его предотвратить. Свой многовековой опыт они отразили в ученых трудах — «Книгах судьбы», многие отрывки из которых дошли до нас на латыни, а их авторитет, даже в других странах, был столь высок, что Рим с давних пор прибегал к их помощи в тех случаях, когда его собственные жрецы и Дельфийский оракул в храме Аполлона заходили в тупик. Мы еще вернемся к так называемой *Etrusca disciplina*, сакральному знанию этрусков, но эта навязчивая мысль о божественном — очень важная, если не самая главная черта *homo Etruscus*, о которой нельзя не упомянуть.

Одно из знаменитейших захоронений этрусков — гробница Франсуа из Вульчи, фрески которой датируются периодом не позднее I века до н. э. На одной из стен атриума изображена в профиль прекрасная фигура черноволосого юноши, запахнувшегося в темно-си-

ную накидку с вышивкой. Его имя — *Vel Saties* — написано над его головой: возможно, так звали усопшего, но, во всяком случае, это изображение реального человека. Считается, что это древнейший портрет человека в полный рост в европейской живописи¹⁵. Справа от него сидит на корточках карлик *Arizza*, «маленький Аррунс», держащий в левой руке привязанную за шнурок птицу, похожую на дятла. Перед нами сцена гадания, ее самый драматический момент, когда птица собирается взлететь. И *Vel Saties* уже готов проследить за ее полетом в небе, полном знамений. Поражает выражение тревоги, которое читается в его глазах и в приоткрытом рте: это потрясающая иллюстрация к словам Тита Ливия: «*Gens ante alias dedita religionibus*»^{*}.

Мрачная и пылкая набожность, для которой каждая вещь обладает скрытым смыслом, а ритуальные книги заставляют согнуться под грузом великих космических законов, — вот основное понятие, сообщаемое нам этрусками о самих себе и подтверждаемое римлянами. Оно полностью противоречит двойственному представлению греков, в котором, даже с учетом преувеличений и злопыхательских искажений, должна была заключаться частица правды. Надо полагать, этрускам была присуща трезвомыслящая жестокость, проявляющаяся в ужасных казнях и человеческих жертвоприношениях, а также бьющая через край чувственность и свобода нравов, которую римским завоевателям едва ли удалось обуздать. Однако эти три противоречивые характеристики можно совместить, если считать их свойством народа, все еще глубоко погруженного в доэллинское царство бессознательного, который, несмотря на притягательность для него греческой цивилизации, упорно не желал вступать в эру разума и мудрости. Этруски могли восторженно принять проповедников культа Диониса, но трудно себе представить, чтобы они оценили учение Сократа. Несмотря ни на что, они оставались верными наследниками древних верований — восточных или средиземноморских, — и эта преемственность придавала их цивилизации примечательную архаичность.

^{*} Самый религиозный из всех народов (*лат.*).

ОБЩЕСТВО ЭТРУСКОВ

Класс господ

Общество этрусков — общество архаическое: в то время как соседние народы медленно и трудно уступали необходимости преобразовать свою социальную структуру, оно умудрилось сохранить с неоторимым консерватизмом устройство, которое, несмотря на анахронизм подобного термина, можно назвать квазифеодальным.

В Риме уже в VI веке до н. э. (согласно традиционной хронологии, а на самом деле, возможно, позднее) центуриатная реформа Сервия Туллия нарушила изначальный дуализм. Вскоре после установления республики, в 493 году до н. э., плебеи стали избирать трибунов, которые защищали их от гнета патрициев и мало-помалу обеспечили им доступ во все органы власти. Хотя, разумеется, новый правящий класс, римская знать, старался оставить власть исключительно за собой. Тем не менее она принимала в свои ряды представителей италийских семей, а сенат постоянно пополняли собой новые люди. Процесс восхождения низших классов к вершинам беспрестанно продолжался, хотя ему и чинили препоны. Богатая буржуазия, средний класс, римские всадники выделились в третье сословие, между сенатской знатью и чернью. Но этрусское общество вплоть до своего окончательного исчезновения делилось только на господ и рабов, *domini* и *servi*, хотя значение этих терминов еще предстоит уточнить.

Цари

Класс господ, естественно, известен нам лучше класса рабов: именно его превозносят история и эпос. На вершине иерархии стоят цари, с давних времен возглавлявшие народы Этрурии, хотя и нельзя утверждать, что монархический строй был принят там с самого начала.

Имена некоторых правителей нам известны. В этрусский период Римом управляла династия Тарквиниев родом из Тарквиний. Не менее знаменит был Порсенна, царь Клузия, который в минуту общей опасности стал во главе всего этрусского народа: после изгнания Тарквиниев он попытался вернуть им трон, осадил Рим и, без сомнения, захватил его, хотя благочестивые легенды стремились замаскировать поражение римлян. Гораций Коклес, один против сотни, сдерживал натиск врага, собиравшегося ворваться в город с холма Яникул, пока за его спиной разрушали мост Сублиций. Муций Сцевола, пробравшийся в лагерь Порсенны, чтобы убить его, сжег на огне свою руку, но не выдал заговорщиков. Клелия с подругами, которых этрусский царь держал в заложницах, переплыла Тибр под градом стрел и вернула в город часть детей живыми и невредимыми.

В действительности возможно, что первые консулы Рима были всего лишь префектами Порсенны¹, но все эти красивые предания, восхищавшие историков и послужившие сюжетом для многих латинских переложений, косвенно способствовали известности Порсенны даже в наши дни, а в конце существования Республики память о нем была еще жива. «Порсенна погребен близ Клузия, — пишет Плиний, — и на его могиле воздвигнут монумент высотой в 15 метров, а длиной и шириной 90 метров. Его внутренняя часть переполнена такой массой ходов, что, не взяв с собой клубок ниток, можно никогда не выбраться из этого лабиринта. Над этой прямоугольной постройкой возвышается пять пирамид: одна посередине и четыре по углам, каждая из них имеет 45 метров в высоту и 23 метра в основании. Сверху на них положен медный круг с бронзовым колпаком, от которого спускаются на цепях колокола, звон которых слышен издалека.

На круге помещаются еще четыре тридцатиметровых пирамиды, на которых покоится новое основание, а на нем поставлено еще пять пирамид, едва ли не равных по высоте всему остальному зданию»². Увы, археологи не нашли и следа этого грандиозного сооружения.

В Цере также были свои цари, в том числе знаменитый Мезенций, «ненавистник богов», на которого Вергилий, как мы уже говорили, возложил ответственность за чудовищные издевательства этрусских пиратов над пленными. В одной латинской надписи, недавно обнаруженной в Тарквиниях, упоминается некий царь Цере, *Caeritum regem*³, хотя повреждение камня не позволяет нам восстановить его имя. Кроме того, нам известны имена ряда правителей Вей — это Моррий, если, конечно, его имя установлено верно; Тебрис, давший свое имя соседнему Тибру; Проперций — тезка поэта-элегиста⁴, причем количество этих царей доказывает, что в Вейях местные династические традиции были столь же развитыми, как и в Риме. Более точные сведения имеются о Ларсе Толумнии, погибшем в 432 году до н. э. от руки римского консула Корнелия Косса: запись о том, что Косс принес снятые с поверженного врага доспехи в храм Юпитера Подателя на Капитолийском холме, можно было прочесть еще во времена Августа⁵. Существование рода (*gens*) Толумниев было подтверждено четыре раза за 30 лет эпитафическими находками на раскопках храма Портоначчо в Вейях: в первой половине VI века до н. э. *Velthbur Tulumnes* и *Karcuna Tulumnes* принесли в дар божеству две глиняные вазы⁶, а позднее, в III веке, когда Вейи уже находились под влиянием Рима и латынь вытеснила этрусский язык, некий *L. Tolonios* пожертвовал еще две вазы Минерве и Церере⁷: династия, лишившаяся трона за 200 лет до того, пережила свою былую славу, сохранившись среди местной аристократии. Можно упомянуть и малоизвестного Аримнеста, «царя этрусков», поставившего по обету трон в храме Зевса в Олимпии в знак своей щедрости⁸. Вспомним и о том, что, по словам поэтов, которым покровительствовал Меценат, советник Августа, он был прямым потомком царского рода Цильниев, правивших в Арретии⁹.

Нам известны также титулы этих царей и знаки их власти. На этрусском языке правителей называли *lauchme* или *lauchume*, в латинской транскрипции это слово приняло форму *lucumo* («*lucumones reges sunt lingua Tuscorum*»)¹⁰, но иногда римляне ошибочно принимали этот общий титул за конкретное имя. Одного этрусского лукумона, который, по преданию, был союзником Ромула в войне против сабинов, Цицерон называет «Лукумо», а Проперций — «Лигмон»¹¹. Тит Ливий также называл «Лукумо» Тарквиния Старшего, пока тот не обосновался в Риме и не взял себе имя на римский манер — Луций Тарквиний Приск¹². Такой путанице, какой не избежал и Сервий Туллий, без сомнения, способствовал тот факт, что после свержения царей само слово *Lauchme* или *Lauchume*, а также производные от него *Lauchumni* и *Lauchumstnei* превратились в окрестностях Перузии и Клузия в фамилии — такие же банальные, как французское Леруа¹³. В эпоху Империи одна дама из Волатерры звалась Лаукумния Фелицитас. Но стоит отметить, что даже при республиканском режиме религиозные функции бывшего царя исполнялись, наподобие архонта-базилевса в Афинах и *rex sacrorum* в Риме, правителем, сохранившим за собой этот титул (*lucairce=regnavit*)¹⁴, который, вероятно, проживал в Регии (*lauchumneti* в локативе в Загребской льняной книге^{**})¹⁵.

Инсигнии власти

Что касается знаков царской власти, то их перечисляет Дионисий Галикарнасский в рассказе о завоевании Этрурии Римом в эпоху правления Тарквиния Старшего. Посланники союза этрусских городов поднесли ему

* Буквально «король» — распространенная французская фамилия.

** Этрусская религиозная книга, отрывки из которой сохранились на бинтах Загребской мумии, найденной в середине XIX века в Египте и хранящейся в музее югославского города Загреба. Первоначально книга имела форму свитка, позже была разрезана на полосы и использована для обертывания мумии женщины во II или I веке до н. э. Загребская льняная книга, или Книга мумии, сыграла большую роль в истолковании этрусского языка. Как выяснилось, текст содержит перечень предписаний о проведении жертвоприношений и других церемоний в соответствии с религиозным календарем.

«символы власти, которые они обычно использовали для украшения своих собственных царей. Это были золотая корона, трон из слоновой кости, скипетр с орлом, сидящим на его навершии, пурпурная туника, украшенная золотом, и вышитая пурпурная мантия подобно тем, которые обычно носили цари Лидии и Персии¹⁶». Говоря об этрусском костюме и о том, какие его элементы позаимствовали римляне, мы еще вернемся к этим двум частям — нижней и верхней — царских одежд, в которых можно узнать *tunica palmata* и *tunica picta*, иногда украшенную россыпью золотых звездочек, римского триумфатора, который, поднимаясь на Капитолий, красовался в царских пурпуре и короне, держа в руке скипетр. Описание Дионисия Галикарнасского подтверждают, с небольшими различиями, рисунки, найденные в Цере (сейчас они находятся в Лувре)¹⁷. На них изображен этрусский царь, современник Тарквиниев, восседающий перед статуей богини со скипетром в левой руке. Правда, он сидит не на троне из слоновой кости, по неточному выражению Дионисия, а на складном стуле без спинки и подлокотников, облицованном пластинками из этого материала, которое в Риме называли «куральным креслом» (*sella curulis*); на нем восседали высшие магистраты во время отправления правосудия. На ногах этрусского царя характерная обувь с загнутыми носами, которую мы уже видели на саркофагах той же эпохи и в том же городе. Наконец, поверх белой туники с короткими рукавами, доходящей только до середины бедер и этим сильно отличающейся от длинной просторной туники восточных правителей, он облачен в короткий же пурпурный плащ (трабею), украшенный вышивкой.

Особым знаком царского достоинства были ликторы, шедшие впереди царя и несшие на плече фасции (пучки прутьев с секирой в середине). Уверяют, что у каждого из двенадцати этрусских царей был один ликтор, но в случае войны, когда высшая власть переходила к одному из них, в его распоряжении оказывались все 12 ликторов с их фасциями. Как раз 12 фасций этрусски и преподнесли Тарквинию вместе с другими царскими знаками, в знак покорности не од-

ного-единственного города, а целого народа. Известно также, что в Римской республике каждый из двух консулов, преемников царей, имел при себе 12 ликторов.

Упоминание о пучке прутьев с секирой, который этрусски передали некоторым римским магистратам в качестве символа их власти — *imperium*, встречается среди древнейших документов. Как утверждал поэт Силий Италик, живший во времена Флавиев, автор поэмы о Второй пунической войне, где, наряду с подражаниями Вергилию и риторическими преувеличениями, содержатся драгоценные описания традиций, восходящие, надо полагать, к «Началам» Катона¹⁸, курульное кресло, тога с пурпурной каймой, военная труба и фасции были изобретены в Ветулонии: «Ветулония, некогда прославившая лидийское племя, первой поставила 12 фасций во главе шествий, присовокупив к ним молчаливую угрозу секир»¹⁹.

Любопытно, что именно в Ветулонии в гробнице VII века был обнаружен самый древний образец фасции — посвятельное приношение из железа в уменьшенном размере, причем, в отличие от римских фасций, секира между прутьями была двойной²⁰.

Топор всегда занимал особое место в религии первобытных народов, а цивилизации Востока и Средиземноморья сделали его важным религиозным символом. В нем заключено, как говорили, «всё, что есть божественного в грозе, в человеческой крови, в принесенных жертвах». В особенности на Крите двойная секира (лабрис) была объектом культа, из-за чего ее помещали в гробницы, в священные пещеры, изображали рядом со священнодействующими богами²¹.

Фасция с двойной секирой из Ветулонии, тоже найденная в гробнице, несомненно, имеет отношение к критской религиозной культуре. Однако сочетание прутьев с двойным топориком, более напоминающее атрибуты римского магистрата, говорит не столько о религиозной, сколько о политической символике: по-

* Ученые считают, что от слова «лабрис» происходит название знаменитого Лабиринта в Кноссе, бывшего символом власти критских царей.

койный — правитель, возможно, царь, и его последнее пристанище напоминает о власти, которой он был облечен при жизни.

Судьбе словно захотелось дважды подтвердить слова Силия Италика: в той же Ветулонии была найдена стела конца VII века до н. э. с изображением двойной секиры, которую держит в правой руке, словно командирский жезл, воин в шлеме с высоким гребнем и с круглым щитом²². Одна из древнейших этрусских надписей — если не самая древняя — сообщает нам имя этого человека: *Avels Feluskes Tusnuties*, или, на латыни, Авл Фелуск Победитель, или Грозный, или Храбрец (значение прозвища до сих пор остается неясным). Памятная стела была воздвигнута одним из его братьев по оружию — *Hirumina Pbersnachs*, Герминием из Перузии²³.

Кондотьеры

Создается впечатление, что здесь речь идет уже не о законных царях, а о кондотьерах, которые с самых давних пор этрусской истории носились по полям во главе своих ратей, служа поочередно то Перузии, то Ветулонии. Точно так же в XV веке Эразм из Нарни, прозванный Гаттамелата («Хитрая куница»), чья конная статуя работы Донателло до сих пор стоит в Падуе, обеспечил победу Светлейшей республики Венеции над Филиппо Висконти, за что и получил жезл полководца.

Если нам практически ничего не известно об Авле Фелуске, то подвиги других этрусских военачальников, воспетые в эпических поэмах, оставили кое-какие следы в литературе и искусстве более поздней эпохи. Так, например, даже римляне еще помнили двух легендарных героев из Вольци — братьев Целия и Авла Вибенна.

Их историческое существование — во всяком случае, существование их рода (*gens*) — даже подтверждено эпиграфически, как и в случае царского рода Толумниев²⁴. В том же храме в Вейях, в середине VI века до н. э. — как раз в то время, когда Вольци, согласно археологам, достиг пика своего могущества, — некий *Avile Vippiennas* (Авл Вибенна) принес в дар богам сосуд из красной

глины. Столетием позже то же имя (*Aves V(i)pinas*) появляется на краснофигурном сосуде, расписанном этрусским художником, вероятно, из Вольци, в подражание аттической вазе. В настоящее время она находится в Париже в музее Родена.

Целию и Авлу Вибенна приписывали многочисленные подвиги: на одном зеркале и на погребальных урнах III века они изображены входящими, с мечами в руках, в священный лес, где пророчествовал некий Как, с лирой и повадками Аполлона: они угрозами заставляют его открыть им будущее²⁵. Кстати, судьба должна была привести их в Рим. Ученые мужи конца эпохи Республики даже полагали, что один из семи римских холмов, Целий, назван в честь Целия Вибенны, который оказал помощь то ли Ромулу, то ли Тарквинию, получив взамен право обосноваться там со своими людьми²⁶. Поврежденный текст Веррия Флакка обрывается как раз на том месте, где раскрывается важная тайна, имеющая отношение к прибытию обоих братьев в Рим, к Тарквинию. Но, если вчитаться повнимательнее, мы увидим, что их сопровождал таинственный персонаж, о котором нам ничего не известно, кроме начальных букв его имени: «Мах...» Издатели расшифровали это так: «Vol(c)i entes fratres Caeles et A. Vibenna[e...ad] Tarquinum Romam se cum Мах [...contulerunt]» — «Братья из Вольци Целий и Авл Вибенна прибыли в Рим к Тарквинию с Макс...»²⁷

Этрусские историки, если верить императору Клавдию²⁸, рассказывали иное: с Целием Вибенной был связан Сервий Туллий, время правления которого, согласно римской традиции, приходится между правлением Тарквиния Старшего и Тарквиния Гордого. Он был «верным другом Целия Вибенны и неизменным участником его приключений». Приключения эти, похоже, закончились плачевно: Сервий, изгнанный из Этрурии вместе «с остатками армии Целия», был вынужден укрыться в Риме и занял там холм Целий, названный им так «в память о вожде». Затем он правил «на благо римского государства» под именем Сервия Туллия, «ибо на этрусском он звался Мастарна» или Макстарна: именно он и был тем таинственным незнакомцем, о котором говорил Веррий Флакк.

Один из самых драматических эпизодов сражений Целия и Авла Вибенна, которым помогал преданный союзник, со своими врагами изображен на фреске в гробнице Франсуа в Вульчи²⁹. Это освобождение *Caille Vipinas* (Целия Вибенны) верным *Macstma* (Макстарной), который перерезает его узы. Рядом сражаются несколько пар воинов, над каждым написано его имя: *Larth Ultbes*, то есть Ларс Вольций, убивает *Laris Papathnas Velznach*, то есть Ларса Папатия из Вольсиний; *Rasce*, или Расций, закалывает *Pesna Arcmnas Sveamach* — Песия Аркумния из Сованы; *Alve Vipinas* — сам Авл Вибенна — расправляется с соперником по имени *Vethical...plsachs* — надпись повреждена, но, вероятно, речь идет о воине из Фалерий. Наконец, и это не менее интересно, *Marce Camitlnas* (Марк Камитилий) пронзает мечом *Sneve Tarchuinies Rumach*, Гнея Тарквиния из Рима — одного из наших Тарквиниев, хотя имя Гней и не соответствует имени Луций, вошедшему в историю. Отметим, что во всех поединках только имена побежденных снабжены указанием их родины. Целий и Авл Вибенна, Макстарна, Ларс Вольций, Расций, Камитилий не нуждались в представлении. Остальные были вождями иноземной коалиции, объединявшей отряды из Вольсиний, Сованы, возможно, Фалерий и Рима. На какое-то время ей удалось пленить Целия Вибенну, но Макстарна прибыл вместе с Авлом во главе спасательного отряда, поправил дела и спас своего предводителя и друга.

Об этом удивительном Макстарне можно рассказать еще много интересного: по римской версии, он прибыл в город как союзник с намерением послужить Тарквинию, а согласно этрусской версии событий, он сначала был в числе врагов и даже убийц Тарквиния, а под конец своих приключений завладел одним из холмов Рима, а потом — причем далеко не мирным путем — еще и тронем города, пустовавшим по непонятным причинам. Ясно, что уязвленное самолюбие, как это случилось уже не раз, например, в случае с Порсенной, заставило римлян выдать унижительное поражение за добровольную уступку. Но и для самих этрусков Макстарна был не слишком «удобным» героем, которому они отвели только роль Пилада. Просто в самом Вольци он был чу-

жаком, что доказывает его имя латинского происхождения.

На самом деле уже давно установлено, что *Macstrna* — именно такая надпись была обнаружена в гробнице Франсуа — не что иное (если отбросить *-na*, обычный суффикс родовых имен), как латинское существительное *magister*: в этрусском языке внутрислоговые гласные на письме выпадают, а гуттуральный сонорный звук *g* смешивается с гуттуральным глухим *s*. Таким образом, *Macstrna* — это *mag(i)st(e)r -na*³⁰.

Здесь этруски совершают ту же ошибку, что и римляне, которые принимали титул «лукумон» за имя человека. Они превратили в родовое имя то, что на самом деле было титулом римского магистрата. На латинском языке слово *magister* — «господин» (*magistratus* — прямое производное от этого слова) — изначально обозначало различные «должности». В классическую эпоху еще упоминается *magister equitum* («начальник конницы») — помощник диктатора, но мало кому известно, что сам диктатор первоначально назывался *magister populi* — «глава народа». Можно было бы предположить³¹, что Макстарна, отождествляемый этрусскими историками с Сервием Туллием, снискал себе славу тем, что стал первым диктатором римско-этрuscoго мира — одним из тех революционных народных вождей, которые в тот момент, когда основы монархии в Италии, да и во всем Средиземноморье, пошатнулись, встали на пороге республиканской эры, неся с собой новую идеологию, свергая царей и освобождая народы. Тот ли он человек, кому в римских анналах худо-бедно выделяется место между двумя Тарквиниями в конце портретной галереи правителей? В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что Сервий Туллий, само имя которого говорит о происхождении из рабов или чужеземцев*, считался основателем всех демократических институтов в республиканском Риме; по выражению поэта-трагика Акция, *libertatem civibus stabileverat* — «даровал гражданам свободу». И, действительно, с этого времени, то есть с конца VI века до н. э., вся Центральная Италия — Рим,

* Раб на латыни — *servus*.

Тускулум в Лациуме, Тарквинии в Этрурии, Ассизи в Умбрии — приступила сообща, в мирное и военное время, к разработке политических форм будущего.

Магистраты

Отныне письменные документы и произведения изобразительного искусства всё четче представляют нам аристократию, ревниво относившуюся к своим привилегиям и оставлявшую за собой власть над городом³². Авторы неоднократно говорят о тех, кого Тит Ливий называл *principes* — «знать». Они составляли класс (*ordo*), заседавший в сенате — единственном политическом собрании в государстве этрусков, за исключением тех, что напоминали центуриатные и трибутные комиции в Риме. *Principes* выбирали из своей среды *princeps civitatis*, который, заменив собой царя, был кем-то вроде президента республики, избираемого на один год, а в помощь ему — магистратов, тоже на один год; они составляли коллегию, напоминающую коллегию архонтов в Афинах. Эпиграфика отчасти компенсирует молчание историков по поводу этих магистратов, их титулов, ступеней их карьерной лестницы, особых полномочий для некоторых из них. Из надписей можно почерпнуть описание около сорока *cursus honorum*^{*}, часто очень запутанных, с перечислением различных должностей, значение и взаимоотношения между которыми еще не вполне ясны.

Нужно отметить, что чаще всего мы имеем дело с письменными документами довольно позднего времени, самые древние из них относятся только к IV веку до н. э., а большинство — к той эпохе, когда, волею-неволею вступив в римский союз, этрусские города лишились большей части своих политических прерогатив, а институты победителей подмяли под себя их традиции. Этрусские *principes* все еще гордо звенели своими медалями, но это было все, что оставалось от их полномочий, поскольку Рим даже на муниципальном уровне стремился подмешивать в их ряды своих

^{*} Послужной список (*лат.*).

чиновников. В живописной Тускании, находящейся между Тарквиниями и Витербо, где на акрополе из туфа возвышаются зубчатые городские стены, средневековые башни и две чудесные романские церкви, был найден саркофаг III века до н. э., прославляющий известного человека, чье имя, к несчастью, не сохранилось; известно лишь, что он был жрецом, пританом и главнокомандующим своей родины, возможно, еще и дуумвиром какого-то учреждения и скончался под грузом почестей, но не лет — всего 36-летним. Неважно: эта приверженность к пустым титулам многое говорит нам о том времени, когда они были все еще исполнены смысла.

Оставив в стороне множество религиозных или административных званий, которые известны нам пока чисто номинально, рассмотрим только те должности, которые считались особенно почетными, поскольку подразумевали действительное участие в управлении. В этрусском языке выделили группу слов, происходящую от одного общего корня *zil-*, что означает «управлять»: *zilc* или *zilath* — этрусский аналог латинского *magistratus*: «государственная должность» или «сановник»; *zilachnve*, *zilachnuce* означает, в форме совершенного вида, «исполнял должность зилата». Городом управляли несколько зилатов (точное их число нам неизвестно), образовывавших коллегия, которую мы уже сравнивали с девятью афинскими архонтами. Некоторые из зилатов порой обладали четко обозначенными полномочиями: так же, как в Афинах различали архонта-басилея, архонта-полемарха, архонта-эпонима и шестерых тесмотетов, один зилат ведал вопросами культа, другой представлял интересы плебса, а третий — аристократии. Некоторые зилаты носили особый титул *maru*, который, в различных значениях, встречается в государственных институтах других народов Италии, в частности в умбрийских Ассизи и Фолиньо; мантуанец Вергилий (Публий Вергилий Марон) получил благодаря ему свое фамильное имя, след этрусских традиций. Мару были одновременно жрецами и должностными лицами, в некотором смысле они являются аналогами римских

эдилов. Наконец, главу коллегии зилатов несколько раз обозначали в текстах только одним этим титулом — собственно «зилат», а иногда *putrb* или *purthne*, что, вероятно, соответствовало греческому притану: «первый зилат», как говорят, «первый министр». Римляне переводили это слово как *praetor*, в старинном значении — глава государства.

Таковы были основные должности в пределах города. Но на общенациональном уровне, когда 12 этрусских народов объединялись в федерацию, они выбирали главу своего союза — верховного зилата, упоминаемого в эпитафике как *zilath mechl rasnal*, то есть «зилат этрусского народа» (известно, что этруски называли сами себя «расена»); должность *praetor Etruriae* сохранялась до самого конца Римской империи.

Опираясь на эти данные, эпитафисты нашли способ истолковать *cursus honorum* и проследить блестящий жизненный путь многих людей. Одна из надписей в Вольци сообщает, что *Larth Tute*, сын Аррунса и *Ravnthu Hathli*, был семь раз зилатом, один раз *purth*, то есть председателем коллегии, и скончался в возрасте семидесяти двух лет³³. Его сын (вероятно) *Sethre Tute*, сын Ларса и *Vela Pumpli*, был зилатом и умер в 25 лет, в тот год, когда являлся председателем коллегии³⁴. Из этих двух примеров видно, что одну и ту же должность можно было занимать несколько раз и достичь высот в очень молодом возрасте.

Недавно был расшифрован обратный *cursus*, где должности перечислены в нисходящем порядке, начиная с самых поздних: «...Larisa Crespe Thanchvilus Pumpnal clan zilath mechl rasnas marunuch cepen zilc thufi tenthass marunuch pachanati ril LXIII»³⁵.

Этот *Crespe*, имени которого мы не знаем, сын *Laris* и *Tanaquil Pumpni*, был: 1) *marunuch pachanati*, то есть мару братства Бахуса; 2) *zilc thufi* — либо зилатом в первый раз, либо первым зилатом; 3) *marunuch cepen*, держателем должности, относящейся к общественному богослужению; 4) *zilath mechl rasnas* — предводителем лиги этрусков. Умер он в возрасте шестидесяти трех лет.

Подобных примеров существует множество, и все они наглядно демонстрируют работу государственной машины этрусков. Она станет еще более понятной, если добавить к текстам иллюстрации с барельефов и надгробных росписей³⁶. Есть множество саркофагов, на крышке которых возлежит скульптурное изображение покойного, а под эпитафией, напоминающей о его величии, высечен траурный кортеж, сопровождающий его в загробный мир. Но эти зилаты, мару, пурсы не желали предстать перед богами подземного мира в простой повозке. Их последний путь, запечатленный в камне в назидание потомкам, был триумфальным шествием, они вступали в мир иной, облачившись в парадные одежды, в окружении свиты, подобающей их сану. На саркофагах из Тарквиний, на алебастровых урнах из Волатерры и на некоторых фресках они изображены на парадной колеснице, запряженной двумя—четырьмя лошадьми в богатой сбруе, облачены в тунику или подобие тоги, на головах их — венцы с остатками позолоты. За колесницей идут слуги, нагруженные вещами — не только с дорожной котомкой, но и с большим свитком, с табличками для письма, цилиндрическими футлярами для хранения свитков, — знаками их административных должностей, и непременно с курульным креслом, на котором восседал покойный вельможа и на котором — кто знает? — он будет сидеть среди судей преисподней.

Авангард кортежа представляет собой еще более впечатляющее зрелище. Впереди обычно идет оркестр из музыкантов, трубящих в огромные рога и длинные прямые или изогнутые трубы, порой их сопровождает кифарист или флейтист. За ними, расчищая путь повозке магистрата, следуют: сначала страж, на латыни *viator*, держащий в правой руке копьё, один из символов власти, или же выставивший вперед палку, чтобы отгонять толпу, затем — ликторы, количество которых может быть различным, чаще двое, но иногда трое и даже четверо. Пока не удалось установить связь, существовавшую, возможно, между их числом и рангом усопшего.

Но эти ликторы и в этрусских республиках, и в Риме были прямыми наследниками тех, что открывали шествие царя. Вот только в фасциях, которые они несли на левом плече — традиционном атрибуте власти, — уже не было секиры.

Возможно, причина в том, что римское завоевание урезало полномочия этрусских магистратов и отняло у них право распоряжаться жизнью и смертью людей. Кстати, и в самом Риме консулу П. Валерию Публиколе приписывали, наряду с законом от 509 года до н. э., позволяющим любому римлянину, приговоренному к смертной казни, апеллировать к народному собранию, инициативу изъять из фасций топорики: *secures de fascibus demi iussit*³⁷. На самом деле закон *de provocatione* был принят не ранее 300 года до н. э.: с этих пор римские ликторы внутри городских стен, где прекращались суверенные права магистратов, носили только фасции без топорика. Интересно отметить, что ликторы из Тускании поступали так же с III века до н. э.

Кроме того, на некоторых барельефах из Волатерры, высеченных в алебастре, который позволяет точнее передавать мелкие детали, ликторы, помимо фасций, несут еще тонкий жезл, возможно, дротик, удерживая его в равновесии либо свободной правой рукой, либо той же левой прямо перед собой, как свечу. Однако этот атрибут, значение которого нам пока не ясно, но, вероятно, должно было компенсировать неудобство в обращении с ним, присутствует на римских денариях, где изображена сцена обращения к народу: вестовой магистрата, с двумя прутами на левом плече, держит вертикально в левой руке дротик — эмблему суверенной власти. Все это показывает, что этруски даже в эпоху упадка оставались верны — по меньшей мере, в надгробной иконографии — древним символам своего могущества.

Эти кортежи сообщают нам ценные сведения не только о церемониале зилатов, но и о том, что существовал у римских магистратов. Этрусская символика *imperium*, частично перенятая римлянами, была необыкновенно разнообразна: назначение многих атрибутов оказалось римлянам неизвестно. На фресках из гробниц Тифона в Тарквиниях и Гескана в Орвьето³⁸ в толпе музыкантов

и ликторов стоят глашатаи, несущие на левом плече подобие кадудея, концы которого закручены в спираль: подобного предмета нет ни на одном изображении из Рима.

Класс слуг

Ниже господ в Этрурии стояли только рабы, однако мы увидим, что они также подразделялись на подклассы. Дворцы в городах, усадьбы в сельской местности, шахты и мастерские в промышленных зонах кишели рабами, и порой кто-то из этой огромной челяди выступал из тени и появлялся на изображениях и в рассказах историков.

Поначалу челядь, которую римляне позже назовут *familia urbana*, проживала в Тарквиниях и Вольсиниях лишь в домах богатых людей. В Этрурии эта *familia* была столь многочисленной, что назначение атриума — двора с портиком в центре дома — заключалось в том, чтобы отделить от «людской» покои хозяев и защитить их «от шума, производимого толпою слуг»³⁹. На фресках из склепов VI века до н. э. слуги суетятся вокруг пиршественных лож: виночерпий готов наполнять чаши, молодая служанка обмахивает опахалом хозяйку, повара месят тесто или сажают блюда в печь, один юный раб приносит стул, второй дразнит кошку под столом, а третий, сморенный сном, прикорнул в уголке. Это очень напоминает пиры римлян, и к этим картинам можно подобрать подходящий комментарий, хоть и исполненный сатирических преувеличений, в знаменитом письме Сенеки Луцилию об обращении с рабами⁴⁰:

«Мне смешны те, кто гнушается сесть за стол с рабом — и почему? Только потому, что спесивая привычка окружила обедающего хозяина толпой стоящих рабов! Он ест больше, чем может, в непомерной жадности отягощает раздутый живот, до того отвыкший от своего дела, что ему труднее освободиться от еды, чем вместить ее. А несчастным рабам нельзя раскрыть рот, даже чтобы сказать слово. Розга укрощает малейший шепот, даже случайно кашлянувший,

чихнувший, икнувший не избавлен от порки: страданием искупается малейшее нарушение тишины. Так и простаивают они целыми ночами, молча и не евши... Мы возлежим за столом, а из них один подтирает плевки, другой, согнувшись, собирает оброненные пьяными объедки, третий разрезает дорогую птицу и уверенными движениями умелых рук членит на доли то грудку, то гузку. Несчастен живущий только ради того, чтобы по правилам резать откормленную птицу, но тот, кто обучает этому ради собственного удовольствия, более жалок, чем обучающийся по необходимости. А этот — виночерпий в женском уборе — воюет с возрастом, не имеет права выйти из отрочества, снова в него загоняемый; годный уже в солдаты, он гладок, так как стирает все волоски пемзой или вовсе выщипывает их; он не спит целыми ночами, деля их между пьянством и похотью хозяина, в спальне — мужчина, в столовой — мальчик. А тот несчастный, назначенный цензором над гостями, стоит и высматривает, кто лестью и невоздержанностью в речах или в еде заслужит приглашение на завтра».

Сенека показывает нам неприглядную изнанку, но в мире этрусков эта сторона жизни порой проступала в более человечном облике. Некоторых из рабов называли по именам, они обладали индивидуальностью; близкие покойного как будто хотели доставить ему удовольствие, окружив в загробном мире заботами верных слуг — «смирненных друзей», по выражению того же Сенеки.

Те люди, которые на фресках в гробницах Авгуров или Триклингия развлекают гостей или участвуют в ритуальных играх в честь усопшего — атлеты и борцы, акробаты и жонглеры, а чаще флейтисты, танцоры и плясуньи и, возможно, актеры, — тоже рабы. У каждого тосканского правителя была своя артистическая труппа. По свидетельству Посидония, артисты были одеты более роскошно, нежели подобало их рабскому положению⁴¹. Мы еще расскажем об этих великолепных платьях и накидках, яркие краски которых известны всем благодаря моде на этрусскую живопись, но тем не менее их носили рабы.

Тит Ливий рассказывает по этому поводу об одном примечательном случае. Дело было в начале IV века до н. э., незадолго до осады и разрушения Вей. В Вольсиниях, в храме Волтумы, собрался совет двенадцати городов, чтобы избрать предводителя союза и отпраздновать большой ежегодный праздник. Одним из кандидатов был знатный житель Вей, который больше остальных пожертвовал на проведение игр. Тем не менее он не был избран, и досада его оказалась настолько велика, что прямо посреди спектакля он неожиданно отозвал артистов, «которые почти все были его рабами» — «artifices, quorum magna pars ipsius serui erant, ex medio ludicro repente abduxit»⁴². Сорвать священную церемонию — это возмутительно, этрусское благочестие такого не прощало. Но можно представить себе возвращение по виа Кассиа этих древних «Счастливых и Несчастливых» — унылую череду повозок с расстроенной труппой, спрятавшей свои яркие костюмы в сундуки.

Крестьяне

Совершенно другими, но, без сомнения, столь же многочисленными, были деревенские рабы (*familia rustica*). Не стоит верить на слово рассказу Плутарха о впечатлениях Тиберия Гракха, который в 137 году до н. э. проезжал через Этрурию, направляясь воевать в Испанию, к Нуманцию: «Его поразила пустыньность страны, где, среди полей и пастбищ, жили только чужеземные рабы и варвары»⁴³. Это описание прибрежной части Этрурии — а Тиберий Гракх ехал по дороге вдоль берега, виа Аурелиа, — справедливо разве что для Мареммы и наименее плодородных районов Этрурии; но самое главное — его ценность имеет временные ограничения: речь идет о демографическом положении не только в Этрурии, но и во всей Центральной Италии во II веке до н. э., когда по ряду экономических и политических причин, выявленных историками, исчезновение мелких земельных наделов и распространение латифундий привели к обезлюдению сел на всем полу-

острове, так что пришлось использовать рабский труд, чтобы пасти скот на убранных полях. «Чужеземные рабы и варвары» — очень точное описание, и историки полагают, что речь идет, скорее всего, не о греках, а о карфагенянах, сардах, галлах, испанцах, которых войны массово выбросили на невольничьи рынки. Но в ранней Этрурии сельское население было несколько иным.

Тот же Тит Ливий сообщает нам несколько ценных сведений по этому вопросу. В конце IV века до н. э. римский легион под командованием консула К. Фабия Руллиана прошел через дремучий Циминийский лес в окрестностях Витербо и вышел к тучным хлебным нивам Центральной Этрурии. Традиция семьи Фабиев сильно приукрасила подвиг своего героя, сохранив в качестве фона немногие подлинные факты. Неважно, родной или сводный брат консула отправился на разведку в сопровождении одного-единственного раба, сумев ускользнуть из всех ловушек, расставленных природой и врагом. Всё это сказки, однако детали до удивления достоверны. Этот римлянин знал этрусский язык, поскольку воспитывался в Цере в местной семье, с которой Фабии поддерживали дружеские связи.

Чтобы не быть узnanными, оба разведчика нарядились местными жителями: «Они пошли, одетые пастухами, взяв себе деревенское оружие — по серпу и по две рогатины». И когда основные силы углубились вслед за ними во вражескую территорию, то обнаружили там только небольшие отряды этрусских крестьян, спешно собранных их хозяевами: «tumultuariae agrestium Etruscorum cohortes repente a principibus regionis eius concitatae»⁴⁴.

Итак, когда римляне оказались в окрестностях Клузия, Арретия и Перузии, они увидели возделанные поля, протянувшиеся вдоль обширных лесов (злаки и лес всегда были основными ресурсами Клузия), а среди них — оседлое население, весьма примитивное и не практикующее разделение труда, поскольку оно занималось скотоводством («они переоделись в пастухов»), земледелием (серп, чтобы жать хлеб) и охотой (рогатины). Эти крестьяне должны были по тревоге явиться на

военную службу, используя свою утварь в качестве оружия, и образовывали импровизированные войска, бое- способность которых, похоже, была весьма невысокой.

Дионисий Галикарнасский назвал этрусских крестьян «пенестами»: это конечно же метафора, но очень удачная. Во время одной из легендарных войн между Римом и Вейями, которую историческая традиция относит примерно к 480 году до н. э., Вейи обратились за помощью к лиге двенадцати городов. «Подкрепления пришли со всей Этрурии», — пишет Тит Ливий⁴⁵. Но Дионисий Галикарнасский уточняет: «Со всей Этрурии прибыли самые могущественные правители, ведя с собой пенестов»⁴⁶.

Так называли коренных жителей Фессалии, порабо- щенных после нескольких волн дорийских завоеваний. Прикрепленные к земле, как илоты в Спарте, они за известную долю доходов и гарантии защиты от насилия и лишения имущества возделывали землю хозяина и в случае необходимости несли военную службу в его от- ряде. Демосфен рассказывает нам о благородном фес- салийце Меноне из Фарсала, который во время похода Кимона на Амфиполис предоставил Афинам 12 талан- тов серебра и «300 всадников, набранных среди пенес- тов». На таких же условиях лукумоны созывали на по- мощь Вейям ополчение своих вассалов. Сравнивая их с пенестами Фессалии, Дионисий уточняет, что этрус- ские крестьяне были свободными людьми, выступав- шими по отношению к хозяевам в роли клиентов, од- нако, в отличие от Рима, этрусские господа относились к своим клиентам с презрением, поручали им грязную и тяжелую работу и подвергали телесным наказаниям, словно они действительно были рабами, купленными на рынках Греции или Азии. Дионисий этого как будто не замечает: будучи сторонником теории об автохтон- ности этрусского народа, своим упоминанием о пенес- тах он предоставляет лишний аргумент тем, кто видел в крепостных-клиентах на полях Этрурии дальних по- томков народа Виллановы, арендующих земли, кото- рые отняли у них завоеватели.

Когда он укоряет этрусских вельмож, что те заставля- ют своих «пенестов» заниматься работой, недостойной

свободного человека, на ум приходят самые тяжелые виды труда — в рудниках и карьерах, где во времена античности трудились только рабы. Мраморные карьеры Луны (Каррара) начали разрабатываться только к концу Римской республики. Но очевидно, что горная промышленность, заложившая основы этрусского могущества в Популонии и Кампильезе, использовала рабский труд в огромном количестве, а оружейные мастерские, которые в одном лишь Арретии изготовили в 205 году до н. э. для флота Сципиона Африканского три тысячи щитов и столько же шлемов, 50 тысяч дротиков, гезумов* и копий, не считая топоров, лопат и кос, могли работать в полную силу только за счет многочисленных *familiae* рабочих-металлургов.

Ювенал рассказывает о наказании для ленивых и изнеженных городских рабов, если те совершали какой-либо проступок. Их отсылали в Луканию, на полевые работы, или же в *Tusca ergastula* — «тосканские эргастулы»⁴⁷. Некоторые толкователи понимают здесь слово «эргастул» в его первом значении: «мастерская», от греческого «эргастерион». В Популонии, в устье По и в этрусских деревнях наверняка были такие эргастулы — пещеры или бараки, где запирали на ночь шахтеров или рабочих, занимавшихся осушением болот. Но условия жизни в них были настолько невыносимыми, что вскоре термин «эргастул» стал синонимом тюрьмы для рабов, где с заключенных — *vincti* — никогда не снимали пут. Так что Марциал в конце I века н. э. безо всяких риторических преувеличений заявлял, что в латифундиях Этрурии слышится постоянный звон цепей⁴⁸.

Восстания рабов

Как мы видим, сохранившихся свидетельств о жизни низших слоев населения мало, они скудны и неточны. Но в них упоминается о частых и бурных социальных волнениях, которые с конца IV века до н. э.

* Гезум (*gaesum*) — метательное копье галлов, заимствованное римлянами.

потрясали самые оживленные города Этрурии — Арретий⁴⁹, где наглое обогащение Цильниев, дальних предков Мецената, вызвало вооруженное восстание, а позже Вольсинии (Реймон Блок обнаружил мощные крепостные валы этого городка выше современной Больсены)⁵⁰. Революция такого рода произошла и в загадочной *Oinarea* или *Oina*, которую отождествляют то с Волатеррой, то с Орвьето, то с самими Вольсиниями, но на этот счет у нас есть свидетельство почти современника — грека III века до н. э., которое приводится в «*Mirabiles Auscultationes*» — произведении, приписываемом Аристотелю⁵¹.

О падении Вольсиний рассказывал Тит Ливий в книге, которая, к несчастью, была утрачена, однако многие его последователи и перелагатели, в том числе Валерий Максим, Флор, Дион Кассий⁵², донесли до нас суть его рассказа, историческая ценность которого весьма значительна, несмотря на морализаторство и романические повороты сюжета.

В 280 году до н. э. Вольсинии были вынуждены покориться Риму. По неясным причинам, среди которых Тит Ливий называет прежде всего последствия сибаритства, но также от отчаяния и отвращения местная знать отошла от дел и переложила всю ответственность за них на своих рабов. Псевдо-Аристотель, обладавший более острым политическим чутьем, говоря о событиях, происходивших параллельно в Ойнарее, считал главной причиной этого самоустранения угрозу тирании, которую знать либеральных взглядов думала отвести, оперевшись на рабскую чернь.

Как бы там ни было, в Вольсиниях, в результате постепенных демократических преобразований, произошло массовое освобождение рабов. За неимением собраний наподобие римских, которые выражали волю народа и направляли ее в нужное русло, вчерашние вольноотпущенники получили прямой доступ в сенат. И не медля хитростью забрали всю власть в свои руки. Псевдо-Аристотель пишет, что городские власти смеялись ежегодно.

Последователи Тита Ливия не устают перечислять бесчинства новой власти: новоявленные господа за-

ставляли писать завещания по своей указке (то есть производили реформу собственности и перераспределение земель), запрещали ранее свободным людям устраивать встречи и пиры (то есть лишили их права собраний), женились на дочерях своих хозяев (то есть отменяли все ограничения на брак между свободнорожденными и вольноотпущенниками, которые в Риме сохранялись вплоть до эпохи Августа). Более того (если только это правда), они издали особый закон, оправдывающий их развратные действия в отношении вдов и замужних женщин и запрещающий девушкам выходить замуж за свободнорожденных, не предоставив одному из новых господ «право первой ночи».

Оказавшись в таком отчаянном положении, партия знати и обратилась к римлянам. Вот тут летописцы — предшественники Тита Ливия — дали волю своему воображению. Они сочувственно описывали прибытие тайных послов, которые пожелали быть принятыми сенатом в частном доме, чтобы никто ни о чем не узнал. К несчастью, случилось так, что один самнит, гость хозяина дома, к тому же хворый, спрятавшись там, подслушал весь разговор и раскрыл заговор. По возвращении послов арестовали, пытали и казнили.

Это произошло в 265 году: консула Фабия Гурга отправили в Вольсинии; опрокинув армию, шедшую ему навстречу, он осадил город. Он был смертельно ранен, и его заменил консул-суфпет* Публий Деций Мус, которому пришлось отразить мощную вылазку осажденных. Вольсинии удалось взять только измором, год спустя. 1 ноября 264 года до н. э. консул Марк Фульвий Флакк праздновал триумф *de Vulsiensibus*⁵³. Вольноотпущенников перебили в тюрьме, уцелевшую знать восстановили в правах, но отправили жить в Больсену. Сами Вольсинии разрушили, а двумя тысячами бронзовых скульптур, вывезенных из города, украсили Рим.

* Так в Риме назывался магистрат, выбираемый вместо прежнего консула в случае, если тот умирал или был не в состоянии исполнять свои обязанности.

Вольноотпущенники

Мы не скрывали затруднений, которые испытывали, пытаясь точно определить формы зависимости низших классов Этрурии от высших. Мы не знаем, как точно их назвать: рабами, крепостными, клиентами, вольноотпущенниками?⁵⁴ Да и древние вынужденно использовали лишь приблизительные определения, сознавая их неточность. Греки, избегая слова *douloi* (рабы), использовали только *oikétai* и *thérapeuontes* — «дворня» и «слуги». Можно подумать, будто революцию в Вольсиниях совершили повара и музыканты! Дионисий Галикарнасский только однажды, упоминая о сельских крепостных, прибегнул к метафоре, которая достаточно ясно показывает недостаточность обычной терминологии. Ему пришлось искать в далекой Фессалии то слово, которое отражало бы социальное положение сельского населения. Этруски были настолько древним народом, что не походили ни на один другой — их пенесты, если позволительно применить к ним ранее данное определение, были свободными людьми, с которыми обращались как с рабами. Дионисий Галикарнасский, живший в Риме в начале Империи, не мог найти в традициях этого удивительного общества хорошо известных юридических форм, четко обозначенных в *mancipium*: праве собственности хозяина на раба, определенном римским законодательством. Если по закону положение сельских работников казалось ему похожим на статус клиентов по отношению к хозяину, он не мог не видеть, что их истинное положение мало чем отличалось от положения рабов. Вот проблема, которую ставило изучение этой странной и архаичной цивилизации перед историком, привыкшим мерить вещи категориями собственного времени и собственной страны.

Тит Ливий не столь щепетилен — он не колеблясь называет безапелляционным словом *servi* (рабы) как танцоров на службе у лукумона, так и крестьян, поднявших в 196 году восстание против землевладельцев⁵⁵. А Валерий Максим пишет о том, что *servi*, неосторожно допущенные в сенат в Вольсиниях, изгнали из правительства своих бывших хозяев: здесь он совершает ошибку, пе-

рескакивая через этап освобождения рабов. Ее исправляют Орозий и Аврелий Виктор, справедливо говоря о *libertini* (освобожденных)⁵⁶. Но и здесь нас подстерегает очередная трудность: не факт, что освобождение в Этрурии было тем же самым и имело те же последствия, что *manumissio* в Риме.

Небольшое число двуязычных текстов на этрусском и латыни позволяет допустить соответствие между латинским словом *libertus* и этрусским *lautuni*, чаще сокращаемым до *lautni*. На крышке погребальной урны, найденной в Перузии, написано: «Lucius Scarpus Scarpiae libertus pora» — «Луций Скарп, вольноотпущенник Скарпии, приносящий жертвы»⁵⁷. Слово *pora* обозначает помощника жреца, подводившего жертву к алтарю и убивавшего ее молотом. Этот человек был отпущен на волю женщиной по имени Скарпия, родовое имя которой он взял себе.

Этому факту соответствует надпись на самой урне: «Larth Scarpe lautuni», где тот же человек назван своим этрусским именем (*Larth*) и родовым именем, образованным от имени хозяйки, с добавлением своего статуса — *lautuni*, что переведено на латынь как *libertus*. Возникает соблазн автоматически перевести слово *lautni* или его женский вариант *lautnitha*, часто встречающееся в записях на этрусском языке, как «освобожденный»: «Avle Alfnis lautni» — «Авл, освобожденный Альфием» или «Velia Tutnal lautnitha» — «Велия, вольноотпущенница Тутии»⁵⁸.

С другой стороны, нам известна этимология слова *lautni*: оно происходит от слова *laut(u)n*, которое довольно точно соответствует латинскому *familia*. Однако *familia* на латыни вовсе не означает «семья»: под ним прежде всего подразумеваются все рабы и слуги, живущие под одной крышей, а в более широком смысле — весь дом, хозяин, его жена, дети и слуги, находящиеся в его подчинении⁵⁹.

Значение слов развивается в ходе постоянного и сложного процесса: в *familia* вначале входили только рабы, исключая свободных членов семьи, а в конечном счете стало все наоборот. Одновременно слово *familiaris* (домашний, семейный) стало более эмоциональ-

но окрашенным, выражая нежность и близость. Когда Сенека в письме, цитату из которого мы уже приводили, радуется тому, что его друг живет со своими рабами *familiariter*, то есть «по-семейному», так как приглашает их обедать вместе с ним, он обыгрывает оба значения этого наречия, старое и новое. Далее Сенека пишет: «И разве вы не видите, как наши предки старались избавить хозяев — от ненависти, рабов — от поношения. Хозяев они называли “отцом семейства” (*pater familias*), рабов — “домочадцами” (*familiares*)».

Этимологически слово *lautni* следовало бы перевести как *familiaris*, то есть «раб». Несовпадения, обусловленные природой — или возрастом, — которые разделяли два общества, привели к тому, что в тот момент, когда уходящий мир этрусков все больше отрекался от себя, подстраиваясь под победителя, в двуязычных надписях это слово толковали как «вольноотпущенник», то есть «бывший раб».

Но это противоречие не так глубоко, как кажется на первый взгляд. Даже в Риме вольноотпущенник все равно зависел от прежнего хозяина, имя которого он брал себе, словно был его сыном. И хотя теперь он все же мог вырваться из объятий прежней *familia*, нам известно множество склепов, где хозяин сохранял место «*sibi libertus libertabusque posterisque eorum*» — «для себя, для своих вольноотпущенников и вольноотпущенниц и для их потомства». У этрусков же, по крайней мере, в позднюю эпоху *lautni* занимали внутри *familiae*, целостность которой осталась незыблемой, относительно привилегированное положение. Это вам не безымянная толпа рабов, стоящих на низшей социальной ступени и вряд ли достойных надгробия, а люди, поднявшиеся на определенную высоту в иерархии черни, пользующиеся благодаря личным заслугам или по воле хозяина определенной свободой, из-за чего, с точки зрения римского права, они могут называться *liberti*. Возможно и даже вероятно, что эта свобода была подкреплена юридическим актом об освобождении, аналогичным *manumissio*. Но главное — что они не покидали *familia* и даже составляли ее основную часть, про остальных можно было не упоминать.

Прекрасный пример этой крепости и устойчивости этрусских семей рабов содержится в следующем описании, датированном 91 годом до н. э. В тот год грозные знамения возвестили о гневе богов, которые, по мнению богатых собственников, были оскорблены аграрными реформами, лет за 40 до того начатыми Гракхами и теперь докатившимися до Этрурии: «На земле Модены две горы сошлись и разошлись со страшным грохотом, а между ними вспыхнул огонь, и дым поднялся к небу среди бела дня, и на виа Эмилия большая толпа римских всадников со своими *familiae* и путешественников наблюдала за этим зрелищем. Сотрясение стерло с лица земли все поместья, множество животных погибло»⁶⁰.

Это описание землетрясения, в том виде, в каком оно присутствует в книгах гаруспиков, откуда оно перекочевало в труды Плиния Старшего, замечательно своими красочными подробностями, и каждая его деталь заслуживает краткого комментария. Кто не знает виа Эмилия — большую римскую дорогу, опоясывающую огромную и плодородную равнину от Римини до Пьяченцы? Всякий, кто хоть раз ехал по ней от Болоньи до Модены или из Реджо в Парму, помнит ее, прямую, как стрела, бегущую меж кукурузных полей и богатых ферм, к которым ведут аллеи из шелковицы, а на юге видны первые отроги Апеннинских гор, откуда разбегаются манящие тропинки, ведущие в Тоскану, — ему не составит труда вообразить себе описываемую сцену, хотя современная цивилизация и преобразила окрестный ландшафт. Вероятно, катастрофа произошла в долине Фриньяно: там находились многочисленные виллы, которые были разрушены; там занимались овцеводством, а рынок шерсти в Макри Кампи славился на всю округу. Эти овцы и есть те самые *animalia*, которых раздавило во время землетрясения. Дорога была черна от людей. Приведем точную цитату из Плиния: «Spectante e via Aemilia magna equitum Romanorum familiarumque et viatorum multitudine». Вполне естественно, что путешественники (*viatores*), пешком, верхом или в повозках, различные типы которых распространились благодаря цизальпинским галлам, остановились поглазеть. Но в основном толпа любопытных состояла

из местных жителей, делившихся на две группы: римских всадников (*equites Romani*) и их слуг (*familiae*). Однако в 91 году эти римские всадники являлись потомками этрусской знати, ставшими гражданами Рима и вошедшими в сословие всадников благодаря своему состоянию. Богатству этих землевладельцев, хозяев злосчастных стад, не нанесла урона ни римская колонизация, ни политика Гракхов. А вокруг них столпилась *familiae*, в которой греческий натуралист не дал себе труд выделить основные группы.

Состав невольников

К счастью, этрусская эпиграфика дает нам возможность более глубокого анализа и при изучении этих групп, позволяя взглянуть на них изнутри, вплоть до подробностей отдельных биографий.

Где-то между Кьюзи, Монтепульчано и Тразименским озером жило семейство из пятнадцати членов, о котором говорится в погребальных надписях. Это была семья *Alfni*⁶¹ — ее название, несмотря на свой суффикс, не является чисто этрусским: оно образовано от корня *alb-* на латыни или *alf-* на оско-умбрийском, что означает «белый». Альбии и Альфии («Беловы») встречались по всему полуострову, вполне вероятно, что предок *alfni* однажды перебрался в поисках счастья из Умбрии или Кампании в Кьюзи.

В последнем веке до нашей эры прах *pater familias* был помещен в красивую урну из травертина, на которой его социальное положение было впервые указано на латинском и этрусском языках:

VI. *Alfni. Nuwi. Cainal.*

C. *ALFIVS. A. F. CAINNIA. NATVS*⁶².

На своем родном языке он звался *Vel Alfni Nuwi*: этрусское имя и два родовых, ни одно из которых не входит в этрусский ономастический фонд. *Nuwi* — этрусское производное от прилагательного *novus* («новый»), очень распространенного на юге Италии, что подтверждает связи *Alfni* с внешним миром. О приверженности этого человека национальным традициям можно судить по

упоминанию о его матери *Cainei* — *Cainal* в родительном падеже.

Чтобы оказаться в списках римских граждан, *Vel Alfni Nuvi* изменил неассимилируемое этрусское имя *Vel* на «проходное» *Caius* (Кай). Он оставил только первое из родовых имен и уточнил с помощью общепринятых сокращений имя отца — *A(uli) f(ilius)* — «сын Авла». Но даже на латыни он не отрекся от своей матери — Кайнии.

Alfni содержали многочисленный и разношерстный штат слуг, облик которого смутно вырисовывается из эпитафий, написанных красной краской на некоторых похоронных урнах или кувшинах. Среди слуг был *Aule Alfni lautni*, то есть Авл, *lautni* Альфия. *Venzile Alfni lautni* получил в качестве имени уменьшительно-ласкательное от *Venel*, что говорит о трогательном отношении хозяина к маленькому рабу, рожденному в стенах его дома (*verna*). Черепок из соседнего оссуария представляет нам Аррунса Альфия, суконщика или *fulu* (*fullo* на латыни). Были и служанки, например, Вибия, *lautnitha* Альфия, или, на латыни, *Alfa Q(uinti) L(iberta) Prima*, или еще *Laribi Alfni lautnitha Percumsnas*, то есть «Ларси, *lautnitha* Альфия, супруга Перкумсны» — что соответствует имени Перкуний или Пергоний. Терракотовая урна с прахом этой женщины была найдена в десятке километров к западу от Кьюзи, в Сартеано, где Ларси, выйдя замуж, была похоронена рядом с мужем Велом Перкумсной, сыном Аррунса.

Другая женщина, *Sleparis Alfni l(autnita) Achlesa*, носила имя, соответствующее греческому «Клеопатра»: оно, скорее, указывало на особые обязанности, которые выполняла эта служанка; другие заведовали посудой (*urnasis*), постелями (*bupnis*) или столом (*aklchis*)⁶³. Эта *lautnitha* Альфия тоже была замужем — за *Achle*, то есть Ахиллесом. Он был не единственным рабом или вольноотпущенником греческого происхождения в составе «семьи». В другой терракотовой урне покоится еще один *lautni* Альфия с узнаваемым именем *Pilunice*, то есть Филонейк. Другое надгробие сохранило память об *Amethyustus T. Alfi Hilari servus* — «Аметисте, рабе Тита Альфия Гилара»; *servus*, как, впрочем, и *libertus*, было приблизительным переводом слова *lautni*.

Вся ономастика Центральной Этрурии, касающаяся рабов, от Клузия до Перузии, напичкана греческими именами, легко угадываемыми под коростой фонетических и орфографических искажений. Повсюду встречаются *Antipater* (Антипатр), *Apluni* (Аполлоний), *Archaza* (Аркадий), *Atale* (Аттал), *Evantra* (Эвандр), *Herclite* (Гераклит), *Licantre* (Ликандр), *Nicipur* (Никифор), *Pberse* (Персей), *Philutis* (Филот), *Tama* (Дамас), *Tinusi* (Дионис), *Tiphile* (Дифил), не говоря уже о нескольких *Zerapiu* (Серапион), египетское происхождение которых бросается в глаза⁶⁴.

Но и приморская Этрурия, будь ее эпиграфика столь же обильна и велеречива, говорила бы на том же языке. В Цере, где ранняя романизация привела к распространению латыни, но не к исчезновению правящих родов, *cognomina* греческого или восточного происхождения часто встречаются в многочисленном семействе *Magilii*, происходящих, верно, от *Macla* или *Macula*, которые процветали еще во времена независимости: Филемон и Лаис, Филипп и Хелидонис («ласточка»); Эбена — черная и драгоценная, как эбеновое дерево, и даже еврей — *L. Magili L. L. Aciba*, прозвище которого было всего лишь преобразованием еврейского имени *Aqiba* — Яков⁶⁵.

Источником пополнения челяди, которая непомерно разрослась с конца III века до н. э., была уже не столько деятельность этрусских пиратов, сколько захват пленных римскими военачальниками: в 167 году до н. э. Павел Эмилий привел из эпирского похода 150 тысяч греческих пленников, значительная часть которых осела в тосканских эргастулах; из пятидесяти тысяч карфагенян, которых Сципион Эмилиан продал в 146 году после разрушения их города, большая часть, несомненно, осталась в Этрурии и способствовала распространению там некоторых агрономических приемов, разработанных великим специалистом в этой области, пунийцем Магоном, и переосмысленных этрусским агрономом Сасерной и его сыном. Хотелось бы найти в анналах Этрурии след карфагенских рабов, искажения имен типа Ганнон или Мусумбаль, известные благодаря «Пунийцу» Плавта, но до сих пор эти поиски не дали результата. Может быть, эти пленники записаны под греческими именами — та-

ким образом работорговцы набивали цену. Или же они скрываются под специфическими этрусскими именами — самыми распространенными, типа *Caе* (Кай) или *Aule* (Авл), или под любопытным *Lethe* — *Lethia* в женском роде. Недавно было доказано, что оно часто указывало на статус раба, как латинское *puer*, обозначавшее молодых рабов, — своего рода имя нарицательное, которое раб носил как собственное и даже передавал своим детям в качестве фамилии⁶⁶.

Даже если нам не удастся идентифицировать карфагенян и сардов, которых Тиберий Гракх наверняка в большом количестве встречал вдоль виа Аурелиа, в этрусских семействах были и другие «чужеземцы», другие «варвары», следы которых исследователи находят все чаще и чаще.

В Перудже обнаружен склеп, в котором явно процветающая семья хранила урны, по меньшей мере, девяти своих членов. Это гробница Венециев (*Venetii*), по-этрусски *Venete*. Вот имя одного из них: «Se. Venete La. Lethial clan»⁶⁷, которое легко расшифровать: «Sethre (имя) Venete, clan (сын) Larth (Venete) и Lethi». Древний эпоним *Venete* пришел, несомненно, с севера, из окрестностей Эсте и Падуи, где процветало племя венетов, давшее имя Венеции. Венеты — коневоды, торговцы и мореплаватели, чьи религия, искусство и язык, сходный с латынью, только выходят на свет истории, единственные из цизальпинских народов сохранили независимость и не поддались этрусской колонизации. Тит Ливий, тоже венет, не упускает ни единого случая с гордостью об этом напомнить. Однако они не окружали себя неприступной стеной, и взаимообмен с другими народами неизбежно происходил и в мирное, и в военное время. В Эсте жили *Volthiomnios* (=Вольгумний), *Carponia* и другие этрусски⁶⁸, а в Перузии, Клузии и Бомарцо (Политарций) проживали *Venete*, сделавшие своим именем название национальности.

Хотелось бы знать, добровольно ли первый из этого рода пришел в Перузию в качестве гостя и иноземного поселенца? Возможно, он был захвачен в плен и обращен в рабство, а потом отпущен на свободу — он сам или один из его потомков. Во всяком случае, в склепе *Venete* уже ничто не напоминало о их скромном происхожде-

нии. Однако отец *Sethre Venete, Larth Venete*, женился на женщине по имени *Lethi*, которое выдает ее прямую или косвенную принадлежность к рабскому сословию. Мы еще встретимся с ним, когда речь будет идти о другом аспекте его *familia*.

В Перузии и Клузии эпитафический свидетельствует и о других венецах, которых лингвисты узнают по характерным именам: *Ustiu, Autu, Tita*, а также об уроженцах другого конца Цизальпинской Галлии — лигурах: *lautni* по имени *Lecusta* (Лигуст)⁶⁹, или вольноотпущенница, имя которой пишется на латыни как *Salassa Grania* — по названию салассов из долины Аосты⁷⁰. Не говоря уже о мантуанцах — Мантуя была этрусской колонией, и неудивительно, что *Mantbuate* или *Mantbuatnei* вернулись умереть на земле своих отцов⁷¹. Но особенно среди северян нас интересуют галлы. Мы знаем, что они вели с этрусками вековую борьбу за владение Цизальпинской Италией, которая сначала была этрусской, а в итоге стала называться Галлией. Над самой Этрурией постоянно довлела угроза: на пути к Риму в 390 году до н. э. галлы разграбили этрусские города. Долгое время, когда Рим был еще крохотным государством, зажатым между своими семью холмами, Этрурии приходилось воевать на два фронта — с греками, то есть сиракузцами, флот которых опустошал ее побережье, и с галлами, чей напор едва удавалось сдерживать на Апеннингах. Эта двойная опасность нашла отражение в варварском ритуале: при определенных критических обстоятельствах следовало умиловить богов, закопав живыми на городском форуме две пары мужчин и женщин, греков и галлов — несчастных выбирали из безликой толпы рабов в ближайшей эргастуле.

Галлы были для этрусков неисчерпаемым источником рабов. Большинство из них, как и наши предполагаемые карфагеняне, прятались под банальными именами типа *Sae, Aule* и т. д. или под определением *Lethi*. Но иногда завеса тайны приподнималась. Надпись на одном надгробии из Волатерры сообщает нам о захоронении поблизости Моветия, *lautni* Кнейны, — *Mucetis Cneunas lautunis*. Родовое имя хозяина *Cneuna* или *Cnevna* обра-

зовано от имени *Sneve*, по-латыни — *Snoeus* (Гней). Но в *Muceti*-Могетии лингвисты единодушно видят кельтское имя, часто фигурирующее во всех трех Галлиях вплоть до Майнца, название которого, *Mogontiacum*, кстати, образовано от того же корня со значением «великий»⁷².

Истинное положение рабов в Этрурии

Помимо происхождения рабов из надписей можно почерпнуть сжатые, но порой очень точные сведения об условиях, в которых они жили. Разумеется, нам ничего не известно о народных массах. На голос, имя, оссуарий мог рассчитывать лишь тот раб, кто поднялся до уровня *lautni*. Мы уже говорили, что он часто звался *Letbe*, но об этом мы знаем от других. Сам он молчит. *Lautni* более разговорчивы и, помимо прочего, могут поведать нам о своих браках.

Thana Laucinei или, если угодно, Тана Луциния (на латыни) была *lautnitha* двух братьев, Вела и Тита, то есть находилась в их общей собственности, пока ее не отпустил на волю один из братьев, причем оба остались ее хозяевами. Отсюда надпись на скромной терракотовой урне:

*Laucinei Thana Velus Tites lautnitha*⁷³.

Но на могильной табличке, которую мог прочесть прохожий, было написано:

Thana Laucinei Letbesa = Thana Laucinei, жена *Letbe*⁷⁴.

Не стоит пытаться выяснить, сочетались ли они официальным браком. Но отметим, что жена получила здесь право на тот же титул супруги, что и свободнорожденные женщины — *ruia* или *conjunx*: *Caia ruia Lachus*, жена *Lachu* (вероятно, видоизмененное греческое имя Лакон)⁷⁵.

Впрочем, вольноотпущенники при случае находили себе жен вне своей «семьи», и тогда жена переходила в дом, где жил муж: мы уже видели, что *Larthi Alfni* после замужества переехала из Клузия в Сартеано.

Случались и мезальянсы — не только браки свободнорожденных мужчин с вольноотпущенницами, но иногда — нам известны два таких случая — и сожительство свободных женщин с *lautni*. Все в той же урне из Клузия,

хранящейся в Лувре, смешан прах *Hasti Ecnatei*, чье имя и родовое имя указывают на почтенное происхождение (Эгнатии со II века заседали в римском сенате), и *lautni*, имя которого не менее красноречиво: *H. Ecnatei Atiuce lautnic*⁷⁶. Хотя частица *s* (на латыни — *que*) стоит после второго из двух согласованных слов, смысл ясен: *Hastia Egnatia Antiochusque libertus* — Гастия Эгнатия и вольноотпущенник Антиох. Позорный союз, о котором мечтали мятежники из Вольсиний во время их недолгого пребывания у власти, в Этрурии более позднего периода не вызывал практически никакого возмущения, и о нем можно было даже написать в гробнице, — а ведь этого Антиоха, верно, совсем недавно привезли с какого-нибудь сирийского рынка на берегах Оронта!

Похоже, что отныне *familiae* Клузия и Перузии стали стартовой площадкой для более быстрого восхождения по социальной лестнице. Мы уже упоминали о Дифилии, который вместе с другим греком по имени Дамас стал членом дома Вельциев. Его прах покоится в Клузии, рядом с женой Поллией, наверняка тоже *lautnitha*: *Tiphile, lautni Velches Pulias*, или *Diphilus, Velcii libertus et Pollia*. У них родился сын, имя которого указано на соседней урне: *Ath. Tiphile. Palpe. Pulias*, или *Arruns Diphilus Balbus, Pollia natus*. Таким образом, за одно поколение *Tiphile* стало родовым именем, перед которым стоит классическое этрусское имя *Arnth* — Аррунс, — а за ним следует прозвище, взятое из латыни (*Balbus*, «Заика»). В соответствии с обычаями, принятыми в приличном обществе, матроним также упоминается, но нет никаких ссылок на отца, поскольку юридически этот Аррунс является *nullo patre* (безотцовщиной). Пройдет еще несколько лет, и вот уже мы видим эпитафию на латинском языке: *Ar. Tibile, P. l., Arruns Diphilus Publii libertus*. У только вчера возникшего рода уже появились свои вольноотпущенники!⁷⁷

Клиенты

Социальное восхождение не завершилось с достижением положения *lautni* и обретением свободы. Выше стояла категория *etere*, занимавшая почетное место в

семейном склепе. Так, в гробнице Венециев бок о бок с урной *Se. Venete La. Lethial clan* стояла другая, принадлежавшая *La. Venete La. Lethial etera*⁷⁸. Единственное отличие в надписи — наличие имени *Larth* вместо *Sethre* и замена *clan* (сын) словом *etera*. В гробнице Титиев Петрониев у дальней стенки рядом стояли урны с прахом старшего сына и *etera* «отца семейства». *Etera* составляли привилегированный, но зависимый класс, поскольку всегда были чьими-нибудь. В Тарквиниях их интересы представлял особый чиновник — *zilatheterau*⁷⁹.

Все больше исследователей приходит к выводу, что эти *etera* — клиенты, причем отборные. Сам термин пытались объяснить разными способами. Мы склоняемся к той этимологической версии, согласно которой это слово восходит к греческому *hétairos, hétaros* — товарищ по оружию. Этруссские легенды, созданные по образу и подобию гомеровского эпоса, без устали прославляют воинское товарищество, соединявшее, как мы видели, Мастарну и Целия Вибенну. Кроме того, институт клиентуры был характерен для всех древних обществ на ранней стадии развития. У римской знати были свои клиенты, которых Дионисий Галикарнасский называет иногда *hétairoi*, у галльской аристократии — свои, называемые на кельтском языке *ambact*; любопытно, что историк Полибий, говоря о цизальпинских галлах, с которыми так долго враждовали этруски, переводит слово *ambact* как *hétairoi*⁸⁰. Он мог бы сказать и об этрусках, что они не знали иного признака влияния и могущества, кроме большого числа слуг и *hétairoi*, которыми себя окружали. Весьма вероятно, что они дали своим клиентам имя *etera*, позаимствовав его у греков, как и многие другие термины.

Однако в этруссских надписях из Перузии и Клузия встречается еще и определение *lautneteri* — несомненно, состоящее из *lautn* и *etera*. Так, *Salvi Precus lautn eteri* означало *Salvius, lautneteri Preco*⁸¹. Логично предположить, что речь идет о *lautni*, достигшем в этруссской «семье» завидного положения *etera*. Тит Ливий ненароком сообщает нам латинский эквивалент этого термина, говоря о *cliens libertinus* народного трибуна Публия Рутилия⁸².

ЭТРУССКАЯ СЕМЬЯ И РОЛЬ ЖЕНЩИН

Семейная жизнь

Этруская семья (теперь мы рассматриваем это слово в его привычном узком смысле), то есть группа людей, состоящая из отца, матери, детей и внуков, ничем не отличалась по составу от римской или греческой. В ней не было ни общности женщин, как у арабов, о чем пишет Страбон¹, или у кельтов с Британских островов, о которых рассказывает Цезарь², ни браков между братом и сестрой, как то было принято на Древнем Востоке и у Птолемеев в Египте, ни полигамии, признаваемой ассирийскими законами, ни передачи родства по материнской линии, практикуемой в матриархальном обществе, например в Ликийи, где, по словам Геродота, дети носили имя матери, а не отца³.

Этруски на протяжении всей своей (известной нам) истории имели крепкие и дружные семьи. Они не оспаривали власть *pater familias*, которой наделяли их римляне; родство у них прежде всего передавалось по отцу. Один благочестивый житель Тарквиний в начале II века именовал себя *Laris Pulenas*, сыном *Larce*, племянником *Larth*, внуком *Velthur*, внучатым племянником *Laris Pule Creice*⁴. В то же время один из представителей рода Сципионов в Риме прозывался *L(ucius) Cornelius, P(ublili) f(ilius), L(ucii) n(epos), P(ublili) pron(epos)*.

Благодаря этим записям нам известны основные термины родства у этрусков. Так, *clan* означает «сын», *sec* — «дочь», *puaia* — «жена», а *tusurthi(r)* — «супруги». Можно догадаться, что «дедушка» на этрусском языке —

papa (ср. с греческим *pappos*), «бабушка» — *ati nasna*, что дословно переводится как «дорогая мать»; «брат» — *thiwa*, «племянник» — *papacs*, «правнук» — *prumaths*, «внук» — *nefts*, что сильно напоминает латинское *nepos*. *Nefts* и *nepos*, *papa* и *pappos* — такие соответствия или заимствования говорят о том, что между этрусской и греко-римской семьями существовало большое сходство.

О постоянстве семейной жизни, например Петрониев из Перузии, говорит эпитафия — банальная, как наши объявления в газете, — написанная на урне, крышку которой украшают лежащие скульптурные изображения мужа и жены: «Вел Тит Петроний, сын Вела и Аннеи Спуринны, покоится здесь со своей женой Вейлией Клантией, дочерью Аррунса». В соседней урне — прах их сына Ларса Тита Петрония и его жены Фасции Капении, дочери Вела и Койсидии, супруги Тарки⁵. Конечно, это относительно поздние надписи (II век), но именно о том же поведали бы большие саркофаги, поставленные на поток в VI веке, если бы рассказали нам о безымянных супругах из Цере, лежащих рядом на смертном ложе, величавая и одновременно интимная поза которых — ласковое покровительство мужа, нежная доверчивость жены — отражает семейное счастье в общечеловеческом понимании.

Эти скульптуры и надписи не имеют ничего общего со злословием Теопомпа, опровергнутого нами выше, который утверждал, будто «у тирренов женщины в общем пользовании... Они воспитывают всех детей, появившихся на свет, не зная, кто чей сын»⁶.

Женщина в этруском обществе

Заметили ли вы в приведенных выше надписях одну деталь, отличительную для гражданского положения у этрусков? Женщины там названы по имени. Самая знатная римлянка в латинских надписях будет фигурировать под родовым именем — Клавдия или Корнелия, — и даже императрица будет всего лишь Ливией. А у этрусских женщин было собственное имя: Рамса, Та-

наквиль, Фасти, Велия, — что позволяло им более полно раскрыть свою личность внутри семьи. Кроме того, если у римлян в закрепившуюся ономастическую формулу входило только имя собственное, родовое имя и имя отца (*M(arcus) Tullius M(arcus) f(ilius)*), то этрусски добавляли к ним еще и фамилию матери, иногда даже с ее именем. Одного претора из Тарквиний звали *Larth Arnthal Plecus clan Ramthasc Apatruial*, то есть «Ларс, сын Аррунса Плеко и Рамсы Апатрони»⁷. И эта традиция столь глубоко укоренилась в национальных обычаях, что сохранилась даже после романизации в латинских надписях в Этрурии, где имя матери (в глазах истинного римлянина это было излишней роскошью) соседствует с именем отца. Надписи из Монтепульчано, сделанные еще во времена Империи, знакомят нас с неким *A. Papirius L. f. Alfia natus* — Авлом Папирием, сыном Луция, рожденным Альфией, или *L. Gellius C. f. Longus Senia natus* — Луцием Геллием, сыном Кая, рожденным Сенией⁸. Благодаря этой особенности можно даже за пределами Этрурии определить происхождение родственницы императора Клавдия: *Vibia Marsi filia Laelia nata* — Вибия, дочь (Вибия) Марса, рожденная Лелией⁹.

Из живучести этого обычая можно извлечь важные выводы, однако не стоит преувеличивать их значение. Каждому видно, что первым ставится имя отца; в Тарквиниях и в Перузии, так же как в Риме, сыновья и дочери при рождении получают родовое имя отца, а имя матери занимает лишь вторую позицию. Но стремление не забыть его, да еще и наделить женщин собственным именем — один из признаков особого уважения, которым они были окружены. Не будем торопиться с поиском объяснений, просто констатируем факт.

Вольность женщин

Между тем этрусские женщины пользовались дурной репутацией в глазах греков и римлян. Даже серьезные авторы, такие как Аристотель, подхватывали рассказы Теопомпа и обвиняли их в том, что они пируют вместе с мужчинами, лежа с ними под одним покрывалом¹⁰.

Авторы комедий, например Плавт, утверждали, что они добывали себе приданое, торгуя своей красотой¹¹. В этом узрели еще один аргумент в пользу восточного происхождения этрусков. Но, спрашивается, зачем искать истоки «этрусского разврата» в сакральных оргиях Вавилона? Лидийские женщины будто бы отдавались первому встречному — но так же поступали женщины с Кипра и даже из Локреса, что в Великой Греции. Из всего этого следует одно: эта сторона жизни этрусков давала пищу для критики злопыхателей, а с точки зрения античной морали она была неприемлемой. Дело в том, что, хотя суровые дорические законы, запершие гречанок в гинекее¹², со временем смягчились, этрусские женщины пользовались такими вольностями и правами, которые для греков, придерживающихся узких взглядов — а таких находилось немало, — ассоциировались с распутством.

Если гречанка и римлянка жили в четырех стенах, то этруская женщина часто «выходила в свет». Ее можно было встретить повсюду, с ее мнением считались, она находилась в центре внимания и не робела среди толпы мужчин, как сказал Тит Ливий об одной из них. В Этрурии самые почтенные дамы, а не гетеры, как в Греции, имели законное право участвовать в пирах наряду с мужчинами и возлежать рядом с ними на триклинии, тогда как в Греции даже во время домашних обедов, изображенных на аттических стелах, жена скромно сидит, чтобы лучше услужить своему господину и повелителю. Этрусские женщины не боялись предстать на многочисленных фресках в Тарквиниях, в гробницах Леопардов и Триклиния (V век); обычно их изображают со светлыми волосами (мужчины темноволосы) и в тяжелых расшитых плащах, наброшенных поверх туники. В таком виде они посещали выступления танцоров, музыкантов и атлетов и даже, как показывает фреска из Орвьето, судили, сидя на возвышении, состязания боксеров, колесниц и акробатов¹³, в то время как в Олимпии присутствовать на играх могла только одна женщина — жрица Деметры Хамины¹⁴. Подобное участие этрусской женщины во всех проявлениях общественной и частной жизни могло показаться нескромным, вызы-

вало подозрения у соседних народов и давало врагам Этрурии пищу для сплетен.

Замечательные примеры такого завидного — во всяком случае, сильно отличающегося — положения дел, которое вызывало в Риме и Греции неодобрительное удивление, приводит историк Тит Ливий. Несмотря на поспешные выводы учебников, он остается одним из самых умных историков античности, чье психологическое чутье не уступает пронизательности Тацита. Работая во времена Августа, Тит Ливий почерпнул из трудов своих предшественников множество древних исторических фактов, которые всякий раз старался понять, найти их причину, объяснить с точки зрения их участников. Во второй части своей первой книги он рассказывает историю трех этрусских царей — Тарквиния Старшего, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого, которые правили в Риме в VI веке до н. э. Эта часть его произведения отличается от остального новыми чертами: на смену легендам и сухому перечислению войн приходит насыщенное повествование, исполненное правды характеров и изобилующее драматическими поворотами. На сцене неожиданно появляется живая династия кондотьеров, написанная яркими красками, и на целый век затевает сложную игру, полную интриг и жестокости. Хотя в основе этого труда Тита Ливия лежат неясные данные этрусской историографии, использованные и переработанные до него первыми римскими хронистами, среди них встречаются своего рода «окаменелости» — упрямые и неистолкованные факты. Титу Ливию не всегда удается уловить их смысл, для него это гнусности или странности, значимости которых ему не постичь во всей их глубине, но в этом случае задача их интерпретации ложится на наши плечи.

Так, в главе LVII он рассказывает любопытный исторический анекдот. У власти в Риме Тарквиний Гордый; его молодые сыновья осаждают Ардею в Лациуме, но город все не сдается: «Здесь, в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попой-

ках. Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, разговор заходит о женах»¹⁵.

Сюжет этой истории хорошо известен, он бесчисленное количество раз повторялся в литературе и на театральной сцене: несколько мужчин коротают время, находясь на отдыхе или в плену и говоря о женщинах; каждый хвалит свою жену, из этого рождаются драма, влечение, ревность. То, о чем умалчивает Тит Ливий, но что больше всего интересует нас — это что жены царских сыновей родом из Этрурии, как и они сами, кроме супруги Тарквиния Коллатина, римлянки. Но именно добродетельная Лукреция самой своей чистотой пробудила в Сексте Тарквинии, пресыщенном Дон Жуане, страсть и жестокость, а закончилось все восстанием и свержением царей.

Итак, «разговор заходит о женах, и каждый хвалит свою сверх меры. Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова — всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. “Отчего ж, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего”. Подогретые вином, все в ответ: “Едем!” И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгущавшихся сумерках, они двинулись дальше в Коллацию, где поздней ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц (или сверстников, поскольку латинское *cum aequalibus* не содержит указания на пол), сидела она посреди покоя в кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией».

Если для Тита Ливия это было сравнение распущенности и добродетели, то для нас — противопоставление двух типов цивилизации. Отметим попутно смущенную сдержанность историка, который лишь мельком упоминает о том, чем занимались жены царских сыновей, но фрески в гробницах Леопардов и Триклинция не оставляют сомнений по поводу того, что с ними были при-

гожие юноши, а что касается самой манеры «проводить время», то мы знаем, что они были «любительницами выпить»¹⁶. Но краткое упоминание о жизни этрусских дам приводится в самом конце, чтобы на контрасте представить в более выигрышном свете образ римлянки Лукреции — хранительницы очага, прядущей вечером, при свете свечи, в окружении дремлющих женщин и, что важно, не возлежащей за пиршественным столом, а сидящей — *sedentem*.

*Pudica, lanifica, domiseda** — вот каковы эпитеты, которые римские мужья обычно вставляли в могильные надписи, восхваляя своих жен. Они не представляли для них более прекрасной участи, кроме как прясть шерсть и вести хозяйство. «*Domum servavit, lanam fecit*» («дома сидела, шерсть пряла»), — скупое заключение самая знаменитая из этих надписей¹⁷. Этрусский идеал, этрусские нравы были иными. Можно себе представить, сколько семейных конфликтов возникало при смешении обоих обществ. Когда молодой римлянин привозил невесту из Клузия или Арретия и представлял ее *pater familias*, то вывод, который тот делал о ее манерах, не всегда был в ее пользу. Чужеземка не была «домашней» женщиной, не сидела достаточно прямо на стуле и т. д. А когда какая-нибудь Клавдия или Фабия появлялась в семье из Волатерры или Вольци, то свояченицы, должно быть, насмеялись над ее стыдливостью. Но в конце концов верх взяли римляне, и начиная с IV века до н. э. на фресках из Тарквиний видно, что этрусские женщины научились сидеть, как подобает.

Политическое влияние женщин

Этрусские женщины пользовались большей свободой, чем римлянки, не только в развлечениях. Они играли в обществе главенствующую роль, на которую не могли претендовать римские матроны, несмотря на все свои добродетели и нравственный авторитет. Замечательный тому пример — Танаквиль, о которой Тит Ливий пишет не без удивления: эта необыкновенная жен-

* Целомудренная, пряжа, домоседка (*лат.*).

щина весьма способствовала возвышению своего мужа, Тарквиния Старшего.

Когда в Коринфе вспыхнуло восстание, греку по имени Демарат пришлось покинуть родину и перебраться в Тарквинию. В середине VII века до н. э. коринфские купцы вели оживленную торговлю на побережье Этрурии, так что эта легенда весьма правдоподобна¹⁸. Оказавшись в Тарквиниях, Демарат женился на этрусской женщине, родившей ему двоих сыновей. Один из них, которого Тит Ливий называет Лукумоном, выбрал себе в супруги Танаквиль. «Этот человек, женатый на женщине по имени Танаквиль, происходившей из знатного этрусского рода, по настоянию властной и гордой жены уехал из города, жители которого постоянно напоминали ему, что он — сын изгоя, и не оказывали должных почестей и уважения. Танаквиль, возмущенная и униженная отношением к Тарквинию своих соотечественников, уверенная в счастливом жребии своего мужа, одаренного умом и доблестью, выбрала для нового жительства Рим, считая, что среди народа, где еще мало знатных людей, энергичному и честолюбивому человеку легко занять одно из первых мест, которое подобает ему по достоинству»¹⁹.

И вот состоялось торжественное и вместе с тем прозаичное прибытие семьи эмигрантов — будущего Тарквиния и его жены Танаквиль. Сложив свой скарб на повозку, они ехали по дороге, которую позднее назовут виа Аурелиа, и в один прекрасный день, за последним поворотом на вершине Яникула, увидели перед собой Рим в излучине Тибра — конечно, не тот Рим с тысячей куполов, которым в наши дни любуются со знаменитой смотровой площадки, и даже не тот, который во времена Тита Ливия Август начал одевать в мрамор, а всего лишь его зародыш, деревушки, разбросанные по семи холмам, купающимся в золотистом свете: именно Тарквиний превратит его в настоящий город — Вечный город.

И вот тут-то, когда они сделали остановку, гадая о своей судьбе, произошло чудо: в небе появился орел, кружась над головой Тарквиния, сорвал с него остроконечный колпак, сделал несколько кругов в воздухе и

надел шапку обратно на голову тому, кого Юпитер таким образом избрал на царство. Тарквиний немного испугался, но Танаквиль, «искусная, как все этруски, в толковании небесных знамений», успокоила его: «Она поцеловала мужа и сказала, что его ждет великое и славное будущее». Тарквиний и Танаквиль, обрадованные случившимся и уверенные в правильности своего выбора, продолжили свой путь. Найдя себе жилье, они отправились прямо в квестуру, и Тарквиний записался там под странным именем — Луций Тарквиний Приск, то есть Старший, чтобы отличаться от тех, кто будет следующим²⁰. Римская традиция, наслонившаяся на этрусские данные, старается наделить будущего царя тремя именами настоящего римского гражданина, оставляя безымянной ту, кто, однако, была истинным толкователем и создателем его судьбы.

Спустя примерно 37 лет, уже после смерти Тарквиния, Танаквиль вновь сыграет определяющую роль в странном приходе к власти Сервия Туллия. Когда он был еще ребенком, она узнала тайну его будущего, сделала своим зятем и своей непререкаемой властью, в обход собственных сыновей, поставила главой над народом, который не сразу был готов пойти за ним²¹. Это новое вмешательство Танакиви в политическую жизнь Рима, преподносимое обычно с примесью малопонятного волхвования и правдоподобных ученых расчетов, тем не менее доказывает, что этруская царица обладала необыкновенной властью, что затмила бы влияние мужчин, возведенных ею на трон, если бы кропотливый и упорный труд историков не поставил ее худо-бедно на то место, которое, с точки зрения римлянина, подобало занимать женщине. Целые поколения историков, начиная с Фабия Пиктора, который первым в начале II века до н. э. отыскал в этрусских источниках материалы для этих рассказов, изощрялись, чтобы подогнать эту «бой-бабу» под общие мерки матрон и подчинить ее постфактум всемогуществу *pater familias*. Танаквиль, которая, несомненно, в своих родных Тарквиниях присутствовала на пирах и играх наравне с мужчинами, в Риме — по крайней мере, в воображении ее новых соотечественников — села за пресловутую прялку. Моло-

дожены в день свадьбы, по обычаю, взывали к ней, ибо она являлась образцом супружеской верности — потому что была «превосходной пряхой», *summa lanifica*. Варрон видел ее веретено и прялку, еще заправленную шерстью, которые чудом сохранились в храме Санка на Квиринале²².

• • •

Не стоит искать этрусские корни у всех властных женщин в римской истории. Однако при дворе Августа была женщина, которая, хотя прошло много времени, как будто повторила судьбу Танаквилы. Ее звали Ургулания, и ее имя, недавно обнаруженное в одной надписи из Тарквиний, ясно указывает на ее происхождение. Тацит в «Анналах» набросал пышный портрет этой высокомерной и властной особы²³. Благодаря дружбе с Ливией, женой Августа, она приобрела положение, «ставящее ее выше закона». «Она была вызвана на судебный процесс в сенат в качестве свидетельницы, но не удосужилась явиться. К ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому». В дальнейшем ей удалось отвести от себя обвинения, явившись в императорский дворец. Позже она вновь появляется на страницах «Анналов» в виде старейшины рода, дорожащей его честью. Один из ее внуков выбросил свою жену из окна, и Ургулания, чтобы избавить его от неминуемого наказания, послала ему кинжал.

Вот какова была эта невероятно гордая и властная этруска, о муже которой не известно ничего, кроме имени — Плавтий. Чтобы обеспечить состояние своим потомкам — единственному сыну и четырем внукам, — она использовала всё свое невероятное влияние и непомерную власть (*nimia potentia*), приобретенные благодаря связям с императрицей.

Сначала она помогла сыну, Марку Плавтию Сильвану, стать во 2 году до н. э. консулом — ему была оказана невероятная честь делить эту должность с самим Августом. Сильван сделал блестящую карьеру, о которой нам сообщает надпись в мавзолее, построенном им для себя и своей семьи в Понте-Лукано близ Тиволи²⁴, а из эпитафий его родных можно узнать об истории его

семьи. Сам он женился на Лартии, родовое имя которой — производное от *Lars* или *Lartis* — явно этрусское. Ургулания поддерживала вокруг себя непоколебимую верность своему народу.

У старшего из ее внуков, тоже Марка Плавтия Сильвана, ставшего претором, были семейные неурядицы, о которых мы уже знаем. Но его жену, которую он выбросил из окна, звали Апронией, и это еще одно этрусское имя. Вторым внук, Авл Плавтий Ургуланий, умер в девять лет, так что бабка не успела его женить. Но третий, Публий Плавтий Пульхер, не избежал своей участи. Благодаря посвященной ему надписи мы можем проследить его медленное и трудное восхождение, вершиной которого, несмотря на покровительство, стала должность претора. Но он тоже женился на этрусской царевне, *Vibia Marsi filia Laelia nata*.

Ургулания, проводившая, как мы видим, политику строгой эндогамии внутри этрусской аристократии, приняла только один мезальянс: ее внучка Ургуланилла вышла замуж за одного из внуков Ливии, будущего императора Клавдия. Это был «дурачок» в императорской семье: все его презирали, народ насмеялся над ним, и он доставлял своим деду и бабке немало проблем. Сохранился фрагмент письма Августа Ливии, в котором стареющий император говорит о своем замешательстве. Что делать с этим несчастным малым, *misellus*, теперь, когда он достиг нужного возраста для исполнения государственных должностей? Чтобы обучить его хорошим манерам, они не придумали ничего лучшего, как доверить его заботам Марка Плавтия Сильвана (того самого, кто потом выбросит свою жену из окна) и женить на Ургуланилле. Клавдий, посвященный в учение этрусков, стал большим ученым: он написал историю этрусков в двадцати томах. Понятно, что, будучи мужем, зятем и шурином истинных представителей главных этрусских родов того времени, имея доступ к семейным архивам, ревностно охраняемым за глухими стенами тосканских дворцов в Тарквиниях, Волатеррах, Клузии и Перузии, он сделался этрускологом, и с этой точки зрения немногие дошедшие до нас отрывки из его «Истории этрусков» (*Tyrrhenica*) приобретают необычайную ценность.

Возвращаясь от *nimia potentia* Ургулании к дерзкому честолюбию Танаквили, нельзя не заметить следов, наполовину стертых или запутанных предусмотрительными историками — свидетельств социального статуса женщины, сильно отличающегося от того, что был принят в Риме. Девяносто лет назад немецкий ученый, современник и друг Ницше И. Я. Бахофен издал свое гениальное — и резко критикуемое — «Предание о Танаквили» (*Sage von Tanaquil*), где приводил этрусское общество в качестве примера *Mutterrecht* или матриархата, пережившего отведенную ему историческую эпоху.

Mutterrecht почти в чистом виде был описан Геродотом, когда он упоминал о ликийцах Малой Азии: «Они имеют лишь один удивительный обычай, не свойственный никаким другим народам: называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-либо спросит соседа — кто он, то он называет свой род по материнской стороне и перечисляет матерей матери. И если женщина-гражданка соединилась с рабом, то дети считаются благородными, если же мужчина-гражданин, хотя бы и знатнейший среди них, возьмет чужеземку или наложницу, то дети не имеют гражданских прав»²⁵.

Однако социологи отличают матриархат от положения, характерного для Египта и отчасти Крита, при котором передача родства по материнской линии не смешивается и тем более не совпадает с гинекократией — властью женщин. Можно себе сообразить, что в обоих случаях высокое достоинство *mater familias* было одной из отличительных черт средиземноморских социумов, пока греческие и итальянские завоеватели не учредили там царство мужчин.

Нельзя отрицать, что этрусское общество во многих отношениях напоминало одновременно матриархат и гинекократию. То, что мы говорили выше о роли матрона в гражданском положении, напоминает некоторые черты матриархата. В этом плане весьма любопытен пример Мецената, советника Августа, предки которого правили в Арретии. Он назывался *C. Maecenas C. f.*, однако своей знатностью был обязан предкам по материнской линии — знаменитому этрусскому роду Цильниев.

Поэтому Август, умалчивая о его предках по отцовской линии, шутливо называл его *Cilniorum smaragde* — «изумруд Цильниев». Но если называть это *Mutterrecht*, то *Mutterrecht* получается фальшивый. Дети носили родовое имя отца. Если бы Тарквиний Старший жил в сугубо матриархальном городе, ему бы не понадобилось уезжать²⁶. У ликийцев «если женщина-гражданка соединилась с рабом, то дети считаются благородными». В Тарквиниях сын этрусской женщины и коринфянина без труда реализовал бы свои амбиции, и Танаквили не пришлось бы страдать от уязвленной гордости из-за мезальянса, никоим образом не нарушавшего ее привилегии.

Что сказать? Цицерон, упрекая Катона в абстрактной непримиримости и догматизме, сказал: «Он ведет себя так, словно находится в идеальном государстве Платона, а живет он среди подонков Ромула»²⁷. Мы не ставим себе задачу отыскать в этрусском обществе теоретический матриархат, идеальную гинекократию, а просто описываем один из этапов долгого пути, хрупкое и неверное равновесие противоборствующих сил на пике развития, который обретает смысл лишь в сравнении с тем, что наблюдалось в Греции и в Риме. Мы уже не раз отмечали, что цивилизация этрусов была архаичной. Как ни странно, ее феминизм — не столько недавнее изобретение, сколько пережиток далекого прошлого, над которым нависла угроза греко-римских ограничений: он во многом напоминает не Афины Солона и Перикла, а Крит Ариадны и росписи из Кносского дворца. Но общественный строй, некоторые черты которого сохранились в Этрурии VII—VI веков до н. э., полностью переродился под влиянием противоположных веяний. Истина — в оттенках, а социумы никогда не загоняют себя в жесткие рамки определений. В этрусском обществе *pater familia* вершил закон, но и *mater familia* могла сказать свое слово, которое часто оказывалось последним.

• • •

Вернемся к Титу Ливию: при восшествии на престол Тарквиния Гордого его жена Туллия сыграла роль, аналогичную роли Танаквили при Тарквинии Старшем и Сервии Туллии²⁸.

У Сервия Туллия были две дочери — Туллия Старшая и Туллия Младшая, римская история не сохранила их личных имен. Одна была свирепой, другая — робкой. Чтобы укрепить свой трон, отец выдал их замуж за двух сыновей Тарквиния Старшего. С подбором супругов он прогадал: свирепой дочери достался робкий супруг, а робкой — свирепый. В итоге свирепая Туллия влюбилась в своего свирепого зятя. Мягкосердечный Тарквиний и кроткая Туллия были убиты. Убийцы сочетались браком и своей двойной свирепостью добыли царский венец Луцию Тарквинию Гордому.

Но в этой истории, рассказанной Титом Ливием так, будто это трагедия в стиле Эсхиловой «Орестеи», имеются некоторые детали, над которыми стоит задуматься. Сервий Туллий только что подвергся в курии жестокому оскорблению от своего зятя Луция Тарквиния: тот с размаху швырнул его вниз по ступеням. Туллия в своем дворце дожидалась исхода этой драматической сцены, но не выдержала и вышла из дома:

«Она въехала на колеснице на форум и, не оробев среди толпы мужчин [это личное замечание римлянина Тита Ливия], вызвала мужа из курии и первая назвала его царем» (*regemque prima appellavit*)²⁹. Эти четыре слова — «первая назвала его царем» — возможно, одна из тех «окаменелостей», отголосок древней традиции, о которой мы уже говорили; весь контекст представляет собой психологическую интерпретацию и в каком-то отношении является художественным текстом. Факт один: царя объявляет царица. Тит Ливий, которому такой приход к власти кажется весьма подозрительным, призвал на помощь всю свою находчивость, чтобы объяснить происшедшее темпераментом Туллии. Сам Луций Тарквиний глубоко этим шокирован, как и положено римлянину, каким его сделали римские биографы. Он «отослал ее прочь из беспокойного скопища». Но похоже, что ядро рассказа кроется в незапамятном обычае, по которому этруская женщина, как было заведено в критском и египетском обществах, была «делательницей королей» — качество, недоступное пониманию Тита Ливия. Легитимность монархии как будто

зависела от выбора и утверждения царицей — *regem prima appellavit*.

Издателей Ливия сильно смущала одна короткая фраза в предшествующей главе²⁰. Туллия, как мы видели, презирала младшую сестру за ее кроткий и робкий нрав и неустанно доказывала ее супругу, Луцию Тарквинию, что такая жена его недостойна, поскольку «ей не хватает женской отваги» — *muliebris cessaret audacia*. Эта «женская отвага» повергала в шок издателей Тита Ливия. Когда историк изображает сабинянок, останавливающих сражение между своими отцами и мужьями — картина, так вдохновившая Давида, — говоря, что они превозмогли *muliebris pavor*, свою женскую робость, всем все понятно. Когда Саллюстий в «Заговоре Катилины» рисует образ прекрасной Семпронии — умной, талантливой, дерзкой — и объявляет, что ее мужественная отвага стала источником многих бед, эту *virilis audacia* никто не отвергает. Но Туллия презирает свою сестру за то, что она не обладает «женской отвагой», и многие приходят к заключению, что текст был искажен. Один английский издатель предложил заменить *audacia* на *ignavia* — *muliebris ignavia*, это совсем другое дело: «Туллия презирала свою сестру за то, что та, из-за женской лености, была нерешительна». Жан Байе предлагает читать так: *muliebriter cessaret audacia*, «потому что, будучи женщиной, ей недоставало отваги». Но было бы разумнее сохранить оригинальный текст, как и поступили Конвей и Уолтерс в оксфордском издании. Возможно, Тит Ливий не вполне сознавал, насколько важно то, что он говорит. Возможно, ему самому не все было ясно. Но наша задача — видеть реальность такой, какая она есть. Туллия не восстает против своего пола, не отрекается от своих сестер, не считает себя исключительной личностью, свободной от женских слабостей. Вот только у нее свое, особенное представление о женском темпераменте, вполне уживающемся с отвагой, энергией и амбициозностью, — *audacia muliebris*, движущей силой этрусских женщин, Танаквили и Туллии Старшей из династии Тарквиниев.

Традиции, отраженные в словах Тита Ливия, не были пустыми баснями: расцветившая красками вымысла подлинные события и образы людей, они соответствовали уровню цивилизации, когда женщина обладала широкими привилегиями, которых лишилась позже, о чем явственно свидетельствуют археологические находки. И речь не только о росписях, на которых этрусские женщины изображены участвующими в общественной жизни наравне с мужчинами, не только об эпитафиях, в которых обязательно упоминаются матронимы, но и о некоторых свидетельствах, до сих пор ускользавших от внимания, о сведениях, которые можно извлечь из содержимого и расположения гробниц.

Некоторые из них, самые пышные и древние, открывшие потрясенному XIX веку сокровища этрусских царей, на самом деле были сооружены для цариц. Это совершенно точно можно утверждать по поводу гробницы Реголини-Галасси в Цере³¹, датируемой приблизительно 650 годом до н. э.: подземная гробница представляла собой склеп в конце длинного коридора, в стенах которого были прорублены две ниши: в правой, вместе с оружием и парадной колесницей, хранилась урна с прахом воина, с лошадью на крышке; в передней части был погребен еще один мужчина, посреди богатой утвари, серебряных и бронзовых сосудов, часть которых занимала левую нишу; но собственно в склепе, на полу, усыпанном золотом, серебром и пластинками слоновой кости, рядом с троном, лежал скелет, покрытый женскими украшениями. Именно для этой женщины была предназначена гробница, и ее имя — *Larthia* — выгравировано на серебряных бокалах и кубках.

Можно только строить предположения о том, что связывало между собой троих усопших. Во всяком случае, главенствующее положение принадлежит Ларсии. Эта царица, к которой после смерти присоединились, заняв нижестоящее положение, представитель царского рода, похороненный в преддверии, и воин, прах которого покоится в правой нише, просто создана для того, чтобы стать героиней романов. Смешение раз-

ных погребальных обрядов — захоронения в землю и кремации, — различие в образе жизни между воином и придворным, о чем говорит оружие одного и драгоценная утварь другого, взбудоражат чье угодно воображение. Один из крупнейших ученых поддался искушению предположить, что воин — это поверженный враг или раб, принесенный в жертву духам предков царя, захороненного в преддверии, а сама Ларсия — почему бы нет? — его вдова, вынужденная, подобно индусским женам, последовать за мужем в могилу. Луиджи Парети, совсем недавно исследовавший гробницу Реголини-Галасси, высказывается более осторожно: «Предположительные свидетельства матриархата в этрусском обществе, несомненно, преувеличены. Тем не менее в древности женщина царского рода в Цере могла играть такую же независимую роль, какую римская историческая традиция приписывает Танаквили, супруге Тарквиния Старшего, способствовавшей восшествию на римский престол сначала своего мужа, а потом своего протеже Сервия Туллия»³².

Более того, Ларсия, возможно, не была исключением. Гробница Бернардینی из Пренесте, вероятно, относящаяся к тому же периоду, что и гробница Реголини-Галасси из Цере, и заключающая в себе не меньше чудес, перестала быть безымянной. Расчистив один из больших серебряных кубков, которые там хранились, археологи обнаружили на нем гравировку с именем *Vetusia*³³. Это латинское имя, которое в результате фонетического искажения — ротацизма — после IV века до н. э. закрепилось в форме «Ветурия». В начале V века до н. э. среди римских консулов еще встречались Ветузии. Латинское имя не было чем-то из ряда вон выходящим в Пренесте, латинском городке. Но для нас важно то, что единственное имя владельца, до сих пор обнаруженное в гробнице Бернардینی, это имя женщины — Ветузии.

Возникает вопрос: почему и в Цере, и в Пренесте Ларсия и Ветузия заявляют о своих правах владения только на серебряной посуде? В гробнице Бернардینی найдена единственная надпись, но в гробнице Реголини-Галасси имя Ларсии повторяется на пяти кубках, шести чашах и небольшой серебряной амфоре, тогда как имени ее

спутника из коридора нет ни на одном из принадлежавших ему серебряных кубков, да и на фибулах, браслетах и золотых пластинах, украшавших царицу, нет никаких надписей. В то время, в середине VII века до н. э., в Греции, Афинах, Эгине и Коринфе начинают чеканить серебряную монету. Может быть, серебро могло соблазнить воров, думавших его переплавить? Исчислялось ли приданое этрусской принцессы в серебряных сосудах? Судить об этом мы пока не можем.

Отметим, однако, что даже позднее, к концу VI — началу V века до н. э., когда Цере находился на вершине своего могущества, женщины-аристократки не отказались если не от права на трон, то, по меньшей мере, от владения дорогой утварью. Это подтверждается находками, сделанными в начале XX века в некрополе на холме Бандитачча археологом Раньеро Менгарелли, в частности, в так называемой гробнице Греческих ваз³⁴. Мы еще вернемся к этой гробнице, когда речь пойдет об этрусском доме, точно воспроизводимом в архитектуре погребальных сооружений. Планировка и убранство этой гробницы говорят о классическом вкусе тех, для кого она была вырублена, а поверх насыпан высокий курган, поглотивший три соседние могилы их предков. Полторы сотни краснофигурных и чернофигурных аттических ваз строгого стиля и зачастую среднего качества, скопившиеся здесь за два-три поколения, показывают, с каким рвением начиная с 550 года до н. э., когда Тарквинии правили в Риме, знатная семья из Цере собирала керамические изделия и вообще самые утонченные предметы эллинской цивилизации.

Культура этрусских женщин

Среди находок, обнаруженных в гробнице Греческих ваз, имеются три изделия, подписанные именем гончара Никосфена, две чернофигурные амфоры и одна краснофигурная пиксида (коробочка для хранения косметики). На двух амфорах Никосфена изображены различные сюжеты: на одной — шествие животных, на другой — танец силенов и менад. Обе они, словно

нарочно, одинаковой высоты — 31 сантиметр, — и на обеих внизу написано имя владельца: «*mi culnaial*» — «я принадлежу *Culni*». Эта Кульни — женщина. Кстати, Кульни сочла нужным написать свое имя и на двух чернофигурных кувшинах, называемых ольпами, датируемых, как и амфоры Никосфена, приблизительно 530 годом до н. э. В поисках других надписей была обнаружена только одна, на подножии третьей ольпы: «*mi atiaial*» — «я принадлежу Ати». Таким образом две женщины, Кульни и Ати, согревают холодную гробницу теплом живых людей. И делают они это, особенно Кульни, в весьма выразительной манере. Кульни нравились аттические вазы, она отдавала предпочтение авторским изделиям и питала особую любовь к изгибам амфор Никосфена. Однако одна амфора от Никосфена — хорошо, а две, да еще обе высотой 31 сантиметр, — это уже эстетика. Эти амфоры-близнецы должны были составлять пару, стоя по обе стороны от двери. Кульни обладала чувством симметрии, согласующимся с архитектурным стилем гробницы, в которой она похоронена. Этрусские женщины второй половины VI века до н. э., в то время как их мужья бороздили моря, сражались у Алерии и побивали камнями пленных фокейцев, играли активную роль в эллинизации своей страны.

Разумеется, на метках, сделанных на личных вещах, находили и мужские имена, хотя в Цере они встречаются очень редко. Зато в Греции, насколько можно судить по надписям на керамических изделиях с агоры Афин или Ольвии, мы не найдем пометок, сделанных женщиной. Конечно, в «Экономике» Ксенофонта Исомах поручает своей супруге заботу о домашнем хозяйстве: «Как приятно видеть, что сандалии выстроены в ряд, что бронзовые вазы, посуда и котелки так аккуратно расставлены по местам! Кухонная утварь подобрана тщательно, как участники хора, и повсюду такой порядок!»³⁵ Но если бы добросовестная хозяйка, имя которой Ксенофонт, кстати, забывает нам сообщить, вздумала поставить свою метку на посуде, вышел бы скандал. Не делая далекоидущих выводов, заключим из этого, что этрусские женщины золотого века имели

право лично владеть амфорами Никосфена и были порой весьма образованными. Разве такое не повторялось в другие эпохи? Например, в период поздней Римской империи христианство нашло самых лучших последователей, а святой Иероним самых отзывчивых слушателей именно среди римских аристократок, чьи мужья-полуварвары пропадали где-то на границе.

Но исследование захоронений в Цере позволяет сделать и другие выводы. В эпоху, следовавшую за годами расцвета Кульни и Ати, у входа в гробницы повсеместно встречаются бесчисленные колонны, врезанные в плиты пола, рядом с каменными сундуками в форме саркофагов или домиков с двухскатной крышей. На этих надгробиях имеются выгравированные или нанесенные краской надписи на этрусском языке и на латыни, сообщающие прохожему о том, что рядом находится могила, и называющие имя покойного. Однако колонны — несомненный фаллический символ — отводились мужчинам, а домики — женщинам, возможно, потому, что именно в доме они проводили большую часть своей жизни³⁶. «В Риме, — утверждает один историк, — главным в доме был *pater familias*; в Этрурии — женщина»³⁷.

В Цере дискриминация налицо: все надгробия с колоннами помечены, например, именами *A(vles) Campanes L(arthal) clan* или *L(ucius) Magilius L(ucii) l(ibertus) Pilemo*, то есть Филемон; все надгробия в форме дома — именами *Tbanchvil Pustinia L(arthal) s(ec)* или *Magilia L(ucii) l(iberta) Celido* — то есть Хелидонис — «ласточка». В то же время это правило строго соблюдалось только в Цере, потому что в Тарквиниях, где, кстати, таких надгробий гораздо меньше, Массимо Палоттино с чувством глубокого удовлетворения обнаружил надгробие в форме дома с именем мужчины³⁸. Дело в том, что и в похоронных ритуалах, и во всем остальном каждый этрусский город следовал своим собственным традициям.

В самом Цере такие надгробия появились только в начале IV века до н. э., с развитием погребальной эпиграфики. Но традиция, на которую они опираются, наверняка имеет куда более глубокие корни, что под-

тверждается другим фактом — менее известным, более таинственным и более важным, отмеченным в захоронениях конца VII — середины V века до н. э.

Привилегии в загробном мире

Менгарелли уже в 1927 году³⁹ выделил в этих усыпальницах два типа похоронных лож, высеченных в туфе, на которые клали тела усопших. Одни представляли собой точное изображение этрусского или греческого ложа (клине) с четырьмя круглыми резными ножками; в изголовье было сделано полукруглое углубление под подушку. Другие, более широкие и длинные, напоминали собой греческие саркофаги без крышки, но с треугольными фронтонами на концах; внутри место для подушки часто отмечали полукругом.

Рассмотрим, к примеру, план красивой усыпальницы второй половины VI века до н. э. — гробницы Капителей⁴⁰. В преддверии ее находятся только лавки для домашней прислуги. В центральном помещении вдоль стен стоят восемь клине. Но в трех камерах, упирающихся в дальнюю стену, которые соответствовали парадным комнатам в доме, покоятся останки его хозяев, и в каждой из них с левой стороны кровать, а с правой — саркофаг. Невольно возникает мысль, что перед нами — семейная усыпальница: в центре покоятся *pater* и *mater familias*, а по обе стороны от них — их дети и супруги детей, причем саркофаг-домик предназначен для женщины. Менгарелли провозгласил новый закон: в этрусских захоронениях тело мужчины лежало слева на клине, а тело женщины — всегда справа в саркофаге.

Разумеется, как случается всегда, когда гипотеза возводится в аксиому, немедленно появились возражения и нашлось множество исключений. В некоторых гробницах рядом стоят два ложа с резными ножками. Это что — двое братьев, соединившиеся после смерти?

В гробнице Таблинума стоят две кровати и восемь саркофагов: можно подумать, что в этой семье дочерей было не в пример больше, чем сыновей⁴¹. Взвесив все хорошенько, мы вместе с большинством этрускологов

все же признаем правоту Менгарелли. Его наблюдение подтверждается слишком часто, в том числе раскопками, проводившимися в Цере Римским университетом в 1951 году⁴², чтобы замеченное им расположение могил можно было приписать случаю или истолковать иначе. Бывают даже трогательные случаи, когда в саркофаге справа вместо одного полукруга для подушки очерчены два, один побольше, другой поменьше: умершего ребенка похоронили вместе с матерью. Иногда в камере справа, рядом с материнским саркофагом, ставили маленький клине, предназначенный для мальчика⁴³.

Отступления от основного правила легко объяснить, если понять, что заложенное в нем различие — исторический факт, который имел свое начало, расцвет и угасание. Начало? Было замечено, например, что в очень древней гробнице Нарисованных львов, относящейся к «восточному» периоду (примерно 650 год до н. э.), погребальные ложе неуклюже переделали в саркофаг, прикрепив к нему два треугольных фронтона⁴⁴. Угасание? Около 450 года до н. э. — примерно в это время появилась усыпальница Таблинума — саркофаги и погребальные лежа утратили свое специфическое значение. К этому времени установился обычай заменять, хоть и не везде, ложе саркофагом — во всяком случае, если это касалось женских захоронений. В этой настойчивой тенденции угадывается какой-то неясный замысел.

Его глубинный смысл, возможно, станет понятнее, если мы обратим внимание на одну деталь, оставшуюся незамеченной Менгарелли⁴⁵. Сказать, что существовало два типа погребальных лож — кровать с резными ножками и саркофаг, — было бы не совсем точно. Саркофаги, как мы уже отмечали, были шире, с высокими стенками. На зарисовках мы обычно видим мужские лежа шириной 80 сантиметров и саркофаги шириной 110 сантиметров. Толщина их соответствует толщине стенок саркофага. Внутри последнего на самом деле находилось клине и для женщины, у которого виден только закругленный край, а ножки спрятаны. Другими словами, не было альтернативы «кровать или саркофаг», выбирали между неприкрытым погребальным ложем и ложем, спрятанным внутри

саркофага. В начале было ложе, которое в некоторых случаях снабжали треугольными фронтонами и заключали в саркофаг. Вполне вероятно, что цель этих добавлений или преобразований, к которой продвигались методом проб и ошибок, заключалась в том, чтобы придать сакральный характер определенной категории усопших, в особенности женщин, сохранить ее прах в неприкосновенности, оградить от посягательств ее погребальное ложе. Этот саркофаг был своего рода ракой для хранения особо ценных мощей. Такое впечатление, будто между 650 и 450 годами до н. э. этруски — по крайней мере жители Цере — считали женщин высшими существами, стоящими ближе к богам, чем мужчины.

Мы затрагиваем здесь, причем весьма поверхностно, глубочайшие вопросы, ответы на которые если и возможны при нашем уровне знаний, то потребуют долгого изучения. Отметим только, что особое использование саркофагов и надгробий в форме дома в некоторых этрусских похоронных ритуалах связано с целым комплексом традиций, распространенных во всем античном мире от Малой Азии до Западной Европы, и может изучаться только в соотношении с использованием урн-хижин в доэтрусских некрополях Этрурии, Лациума и полабской Германии и надгробных стел в виде домов на кельтских кладбищах римской Галлии. Похоже, что этруски переняли довольно распространенную практику, наполнив ее при определенных обстоятельствах дорогим их сердцу смыслом. С другой стороны, отметим, что до сих пор неясно, символизируют ли эти саркофаги дом или храм, поскольку храм, как и гробница, строится по подобию жилища людей; возможно, здесь нельзя провести четкую грань между допустимой неточностью и намеренной двусмысленностью. Наконец, верховное божество в пантеоне этрусков — это мать-земля, почитаемая в Вейях и Цере под именем Геры или Юноны, Матер Матуты или Левкотеи. Возможно, умершая внушала оставшимся в живых чувство благоговейного почитания, поскольку должна была соединиться в загробном мире с великой богиней, и в целом женщина по природе своей счита-

лась частью того божества, которое царило в храмах и некрополях.

Во всяком случае, некрополи дают нам основания предоставить этрусской женщине привилегированное положение в обществе, где она блистала и трудясь, и развлекаясь, осыпаемая градом стрел чужеземных завистников и наделяемая в своей земле почти суверенной властью, сведущая в искусстве, образованная, питающая особую любовь к изыскам эллинской культуры и становящаяся проводником цивилизации, наконец, почитаемая после смерти как эманация могущественного божества. Такое место, возможно, занимали Федра или Ариадна на минойском Крите, а Корнелия, мать Гракхов, никогда бы не осмелилась претендовать на него в Риме.

СТРАНА ЭТРУСКОВ И СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Плодородность земель

Выше мы уже писали о том, как поэтически вдохновенно древние прославляли плодородие этрусских земель. По их словам, все дары природы были собраны в этой стране, все земные плоды обильно вознаграждали труды земледельца, и само изобилие жатвы и винограда, в конце концов, разнежило этот народ, предопределив его упадок. Но если буквально воспринимать описания *Etruria Felix* — «плодородной Этрурии», в том смысле, в каком говорили о *Campania Felix* (благодатной Кампании) или о «счастливой Аравии», можно представить себе идиллический пейзаж, где журчат ручьи, пробегая мимо виноградных лоз и молодых вязов, и как тут не подумать, что за два с половиной тысячелетия всё сильно изменилось.

Туристы, путешествующие из Пизы в Рим по виа Аурелиа, что-то не замечают «равнин, разделенных холмами с возделываемыми склонами»¹, за болотистыми и каменистыми низменностями Мареммы, веками находившимися в запустении и лишь в последние годы частично поддавшимся окультуриванию. Ветераны Итальянской кампании, шедшие в июне 1944 года вдоль виа Клодиа, запомнили Южную Этрурию как череду жарких степей и зарослей колючего кустарника, искромсанную лабиринтами обрывистых каньонов, посреди которых возникали остатки земляных рвов, или изрезанную запесоченными руслами Фиоры, Орчии и Омбронне. В наши дни это описание верно (и можно лишь удивляться

его точности) лишь для Центральной Этрурии: от озера Больсены и склонов Амиаты погружаешься в сень каштановых деревьев, в мир, в котором более четкая линия горизонта, череда холмов, глубокие ручьи возводят настоящую Тоскану. Углубляясь в долины Пальи и Кьяны, выходя к верховьям Тибра, к Кьюзи, Кортоне и Перудже, испытываешь то же ощущение, что, должно быть, чувствовали римляне конца IV века до н. э., когда, выйдя из Циминийского леса, видели расстилавшиеся перед ними «плодородные нивы Этрурии» — *opulenta arva Etruriae*².

Именно современную Тоскану имели в виду авторы, расхваливая природные богатства Этрурии, в особенности ту область, которую называли *Etrusci campi* — «этрусскими равнинами»³, протянувшуюся между Фьезоле и Ареццо, «обильно приносящую хлеб, скот и прочие вещи».

Желаете небольшую зарисовку с натуры? Предоставим слово Плинию Младшему, выстроившему себе загородный дом в окрестностях Тифернума Тиберинума (ныне Читта ди Каstellо)⁴: «Общий вид местности прекрасный: представь себе огромный амфитеатр, такой, который может придумать только природа. Широко раскинувшаяся равнина опоясана горами, вершины которых покрыты высокими старыми рощами. Охота там занятие обычное, дичь разнообразная. Дальше спускаются по горе леса, откуда берут листья на корм скоту; между ними холмы с жирной почвой (если даже будешь искать здесь камни, вряд ли они попадутся), плодородием не уступающие полям на равнине; обильная жатва тут ничуть не хуже, только вызревает позднее. Ниже по всему боковому склону сплошные, широко и далеко раскинувшиеся виноградники представляют вид однообразный; по краю они как бы окаймлены деревьями, по которым вьются лозы. Дальше идут луга и поля — поля, которые могут поднять только очень крупные волы с самыми крепкими ралами; при первой вспашке из вязкой земли выворачиваются такие глыбы, что совсем их измельчить удастся только при девятой. Луга в пестрых цветах с клевером и другими нежными травами, всегда мягкими, словно весенними: их питают непере-

сыхающие источники, но даже там, где воды очень много, болот не бывает. Земля здесь со склоном, и вся вода, которую она получает, но не впитывает, стекает в Тибр. Он пересекает поля, судоходен, и по нему везут в Рим и зерно, и плоды, но только зимой и весной; летом он мелеет, русло у него высыхает: назвать его полноводной рекой в это время нельзя, но по осени опять можно. Ты получишь большое наслаждение, если оглядишь всю эту местность с горы; тебе покажется, что ты видишь не просто земельные угодья, а картину редкой красоты: куда ни обратишь глаза, они будут отдыхать на этом разнообразии, на этой упорядоченности».

Приморская Этрурия сильно отличалась от Центральной во все времена. Еще в эпоху римского завоевания она представляла собой дикие и зловонные заросли кустарника, где водились только кабаны и змеи, которые Данте изобразил в своем «Аду»⁵, а путешественники XIX века наделили романтической живописностью. Такой, как мы уже говорили, предстала Этрурия взору Тиберия Гракха, которого «поразила пустынность страны, где, среди полей и пастбищ, жили только чужеземные рабы и варвары»⁶. На заре Римской империи Вейи заросли буйной зеленью, орошаемой водопадами, а там, где был городской форум, пастухи пасли стада⁷. Цере походил на собственную тень, и Страбон утверждает, что соседний курортный городок *Aquae Caeretanae* был куда более населен, поскольку люди толпами съезжались на воды⁸. О Вольци, Ветулонии и Рузеллах уже и речи не было. В начале V века н. э. римский поэт Рутилий Намациан, возвращавшийся морем в родную Галлию, описал побережье Этрурии: повсюду на смену прежним городам и поселкам пришли большие поместья, а в местечке Коза близ Орбетелло он разглядел «древние развалины и величественные стены, которые никто не охранял»⁹.

Проблема малярии

Можно назвать несколько причин, вызвавших запустение и обезлюдение берега, на который в стародавние времена сошли тиррены, основав там свои самые круп-

ные города. Это обмеление портов (порт Ветулонии разорился к концу VI века до н. э.); война (Вейи и Вольсинии были разрушены до основания); политический режим, о котором писал Тиберий Гракх, подразумевая под этим расширение латифундий, а также эпидемии малярии, и на этой последней проблеме стоит кратко остановиться.

Малярия, свирепствовавшая в Маремме и время от времени прорывавшаяся в долины, закрепила за Этрурией, вследствие несправедливого обобщения, репутацию страны с нездоровым климатом. Сидоний Аполлинарий из своей родной Оверни однажды заклеил ее всю разом: «*pestilens regio Tuscorum*» («гибельная страна тусков») ¹⁰. Странно, что образованный римлянин конца I века н. э., почитавший Марциала и переписывавшийся с Плинием Младшим ¹¹, встревожился, узнав, что тот отправляется летом на свою виллу в Тоскане. И Плинию пришлось его успокаивать: «Мое имение далеко отступило от моря: оно лежит у подножия Апеннин, а эти горы по климату самые здоровые». Впрочем, он признавал, что «побережье Этрурии действительно заражено и губительно» — «*est sane gravis et pestilens ora Tuscorum, quae per litus extenditur*» ¹².

Самое древнее свидетельство по этому поводу принадлежит Катону, и в этом лаконичном отрывке говорится о важном историческом событии. В 181 году римляне основали у подножия плато, на котором возвышались Тарквинии, у самого берега моря, в месте, в древности называемом Грависки, а ныне Порто-Клементино, колонию с целью запугать этот гордый город, упорно сохранявший свои традиции. Но эта затея окончилась крахом: место оказалось непригодным для жизни крупного города, и лихорадки, выкосившие ряды новых поселенцев, оставили по себе у римлян горькое воспоминание ¹³. Об этом упоминают Вергилий и Рутилий Намациан ¹⁴. Катон же, переживший эту неудачу, заявил, что название *Graviscae* происходит от слова *gravis* — «тяжелый», «нездоровый», — потому что земля источает *gravem aerem*, «тяжелые пары», то есть малярию ¹⁵.

Попробуем вернуться чуть дальше в прошлое. Знаменитый документ, о котором мы еще вспомним, от-

носит нас к концу Второй Пунической войны, то есть к 205 году до н. э.¹⁶ В том году Сципион, готовившийся к высадке в Африке, призвал на помощь союзников, чтобы вооружить флот, поскольку государство отказалось брать на себя расходы. Как сообщает Тит Ливий, Этрурия откликнулась сразу же, и подробное перечисление товаров, обещанных каждым городом, позволяет узнать о том, что там возделывали и какими ремеслами занимались. Цере должен был поставить зерно и другое продовольствие, Популония — железо, Тарквинии — льняное полотно для парусов, Волатерра — дерево для киля и рангоута и хлеб, Арретий — три тысячи щитов, столько же шлемов, дротики, гезумы, копья — по 50 тысяч каждого вида, топоры, лопаты, косы, корзины для земли, жернова для сорока военных кораблей и часть дорожных припасов для гребцов и надсмотрщиков, не считая 120 тысяч ведер пшеницы; Перузия, Клузий, Рузеллы — еловую древесину для строительства кораблей и большое количество зерна.

При чтении этого списка сразу же бросается в глаза, что самые богатые города Этрурии оказались отодвинуты вглубь страны, и, судя по внушительному вкладу Арретия, как в области металлургии, так и в плане сельского хозяйства, он явно стал экономической столицей Этрурии. Но если мы рассмотрим вклад прибрежных городов, то между Тарквиниями и Рузеллами, находящимися выше современного Гроссето и когда-то заменившими собой Ветулонию, увидим зияющий провал в сотню километров. В этой колыбели этрусского величия, где столько городов — Теламон, Анседония-Коза, Сована, Сатурния, Вольци — прославились своими бесценными дарами цивилизации, не удалось собрать ни центнера пшеницы. Особенно блистает своим отсутствием Вольци — великий Вольци на Фьоре. Не то чтобы жизнь там совсем остановилась: в то время в городе еще были свои зилаты, перед которыми торжественно шествовали ликторы, а позднее, в гробнице Франсуа, он будет упиваться славными воспоминаниями об Авле и Целии Вибенна. Но сам факт, что с него ничего не потребовали, доказывает, что город был razoren. И даже Тарквинии, гордившиеся тем, что из борозды на одном

из окрестных полей на заре времен вышел божественный карлик Тагес¹⁷, смогли выделить из своих запасов только полотно. Ясно, что на всю эту местность обрушилось какое-то бедствие — уж не малярия ли?

По этому поводу было сломано немало копий, а вопрос так и остается открытым. Ученые спрашивали себя и спрашивают до сих пор, когда же приморская Этрурия сделалась опасной для здоровья. Да, там всегда было много лагун, но не все лагуны — источник малярии: в Равенне, например, полностью построенной на сваях посреди болот, климат был таким здоровым, что в ней даже открыли школу гладиаторов¹⁸. Малярийные комары опасны только как переносчики вируса, сами же они этот вирус не вырабатывают. Чтобы заразить малярией здорового человека, им прежде необходимо укусить больного малярией. Значит, был такой момент, когда микробы малярии оказались занесены в Этрурию, как и на равнины Сибариса в Великой Греции. И поскольку очаги малярии возникают преимущественно в тропиках и в субтропиках, занесших болезнь чужеземцев ищут в Африке или Азии. Со сторонниками версии Геродота о восточном происхождении этрусков Нелло Тосканелли сыграл злую шутку, вычленив из этой теории лишь одно: именно спутники Тиррена, высадившиеся в Ветулонии, передали вирус комарам из озера Кастильоне (*Prilius lacus*), и болезнь, постепенно распространяясь, в конечном итоге погубила ранее здоровый и безгрешный народ¹⁹. Отбрасывая эти чересчур смелые предположения, исследователи сегодня полагают, что эпидемия вспыхнула довольно поздно, а уверовавшие в колонизацию Этрурии пришельцами из Азии подчеркивают, что если бы Маремма уже была рассадником лихорадки, когда к ней причалили тиррены, они быстро бы оставили эти негостеприимные берега, а если бы и остались, то никогда не смогли бы создать там могущественной цивилизации, процветавшей несколько веков²⁰.

Нам кажется, что это значит недооценивать возможности человеческой энергии, которой этрускам было не занимать. Малярийные местности возможно оздоровить, что было доказано сегодня на примере самой Тосканы, где мелиорация и сельхозреформа после

долгой борьбы уничтожили последние остатки болот. Нам, французам, лучше известна история алжирской Митиджи, которая, будучи плодородной от природы, превратилась из-за бесхозяйственности и халатности во времена турецкого господства в «огромную клоаку», но теперь, отвоеванная за 130 лет у болот и лихорадки, раскинула в окрестностях Буфарика, насколько хватает глаз, свои поля, виноградники и прекрасные фруктовые сады²¹. Но поначалу малярия производила ужасающие опустошения среди солдат и поселенцев. Возможно ли перенести на этрусскую почву то, что писал Туссенель, глава гражданской администрации Буфарика? «В 1842 году Буфарик был самым гиблым местом в Алжире. Лица редких обитателей, не ставших жертвами малярии, были землистыми и одутловатыми. Хотя в приходе за один год сменились три священника, церковь была закрыта; мировой судья умер; весь штат гражданской и военной администрации пришлось обновить, и на главу округа, единственного, кто еще оставался на ногах, были возложены обязанности всех тех, кто умер или заболел».

Разумеется, этрускам был неизвестен хинин и у них не было Лаверана, который открыл вирус малярии*. Но почему бы им не заняться борьбой с малярийными комарами, личинки которых плодятся в стоячей воде, используя два основных приема: выравнивать почву, чтобы вода не застаивалась, и осушать болота.

Велико же было наше удивление, когда мы узнали из прекрасной книги докторов Эдмона и Этьена Сержанов «История одного алжирского болота», цитаты из которой мы приводили выше, что в рукописях Леонардо да Винчи, хранящихся во Французском институте, есть записка с рисунком, на котором изображено, «как, используя проточные воды, переносить грунт с возвышенностей в болотистые равнины, делать их плодородными и оздоравливать окрестный воздух»²².

«Метод кольматажа, — заключают авторы, — зародился в Тоскане, на родине Леонардо да Винчи». Заро-

* Шарль Луи Альфонс Лаверан (1845—1922) — французский врач, открывший способы борьбы с малярией и другими опасными болезнями. Лауреат Нобелевской премии по медицине (1907).

дился? Возможно, если только это не было привычкой, переданным через века этрусскими инженерами своему нежданному преемнику.

Достижения этрусской гидравлики

Необходимо отметить, что еще на заре своей истории этрусский народ умел решать сложные проблемы гидравлики и упорно «приручал» земные воды. Недавно обнаруженные древние города Спина и Адрия (о них мы поговорим позже) подтвердили свидетельство Плиния, который, описывая устье По и масштабные работы, выправившие его русло, говорил: «Все эти ответвления и каналы от самого Сагиса первыми создали этруски: выкопав канал, они направили воды реки в болота Адрии»²³. Но и не заходя так далеко, можно вспомнить, что именно Тарквиниям историки приписывают сооружение в Риме дренажных рвов и сточных канав, которые позволили убрать стоячие воды с римского форума, и это расценивается как одна из величайших услуг, оказанных ими Риму.

О Тарквинии Старшем (616—579) пишут: «Он осушил в городе низкие места вокруг форума и другие низины между холмами, проведя к Тибру вырытые с уклоном каналы (ибо с ровных мест нелегко было отвести воды)»²⁴. О Тарквинии Гордом (534—510): «Хотя этот труд, и сам по себе нелегкий, добавлялся к военной службе, все же простолюдины меньше тяготились тем, что своими руками сооружали храмы богов, нежели теми, на вид меньшими, но гораздо более трудными работами, на которые они потом были поставлены: устройством мест для зрителей в цирке и рытьем подземного Большого канала — стока, принимающего все нечистоты города. С двумя этими сооружениями едва ли сравнятся наши новые при всей их пышности»²⁵. Своды знаменитой *Cloaca Maxima*, впоследствии много раз реставрировавшейся, можно видеть и сегодня в том месте, где она впадала в Тибр. Под форумом обнаружили несколько других подземных галерей, служивших сточными канавами, акведуками или резервуарами

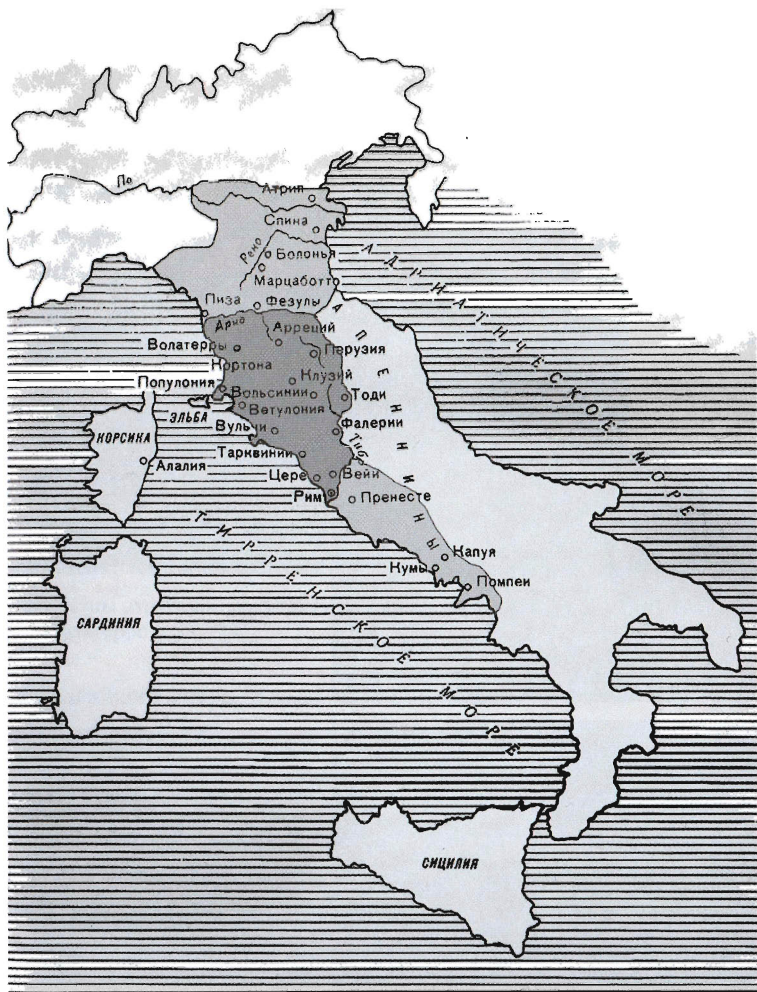
для сбора воды, стекающей с Капитолия. Все недавние археологические раскопки подтверждают, что этруски сыграли важнейшую роль, превратив Рим в *in regione pestilenti salubrem* — «здоровый город посреди гиблых земель», какой хотел основать Ромул²⁶, а осушенный форум сделали политическим центром Рима. Но и после ухода этрусков в Вечном городе время от времени случались вспышки *pestilentiae* — малярии, делавшие опасным соседство Тибра в летнее время. В Риме сооружали святилища в честь Фебрис (богини лихорадки), а Аполлон, храм которому был построен на Марсовом поле в середине V века, почитался прежде всего как бог-врачеватель — *Medicus*²⁷.

Неужели же этруски, заботившиеся об улучшении санитарных условий в колониях путем отвода стоячих или сточных вод — а именно этим в первую очередь занимались европейцы в XIX веке в своих владениях в Азии и Африке, — не делали прежде ничего подобного на своей собственной земле? Делали, и следы их трудов не исчезли до сих пор. Хотя Тальята в Козе, которую считали вырубленной в скале специально для того, чтобы отводить воду из лагуны Бурано, оказалась фарватером римского порта, предупреждающим его обмеление²⁸, ни у кого уже нет сомнений, что именно этруски создали огромный крытый тоннель у Вей — 80 метров в длину, четыре в ширину и десять в высоту, — при Понте-Содо, для прохождения реки Кремера²⁹. А главное, уже давно было замечено, что земля в Южной Этрурии, в частности, в *ager Tarquiniensis* в Бьеде (около Равенны), была изрыта подземными *cuniculi* (крытыми каналами), «забирающими воду с поверхности и уводившими ее под землей», чтобы «снижать влажность, не разрушая поверхности земли»³⁰. Хотя было бы ошибкой приписывать исключительно этрускам создание обширной дренажной системы Лациума, которую римляне поддерживали в рабочем состоянии, сама идея, без сомнения, принадлежит именно им. Кстати, искусство гаруспиков, косвенным образом отражая технические проблемы, стоявшие перед инженерами, предписывало выполнение особых ритуалов для удаления лишней влаги. Когда во время осады Вей Камиллу объявили, что озеро Аль-

ба чудом вышло из берегов, этрусский прорицатель не растерялся и без труда описал *quae sollemnis derivatio esset*, то есть «ритуальный способ отвода воды»³¹. Гидравлике этрусков было отведено место в самых древних основах религии.

Еще один маленький факт подтверждает их осведомленность в этой области. Досконально изучив все, что было связано с удалением лишней влаги, этруски оказались не меньшими специалистами и в вопросе орошения засушливых земель. Варрон не зря называет *aquilex'a* (специалиста по вопросам водоснабжения) «Tuscus»³²: за лучшими водоискателями отправлялись в Этрурию, и это были не простые ведуны; они умели, например, находить подземные водоносные слои по особенностям растительности и бурить скважины, в наши дни называемые артезианскими колодцами³³.

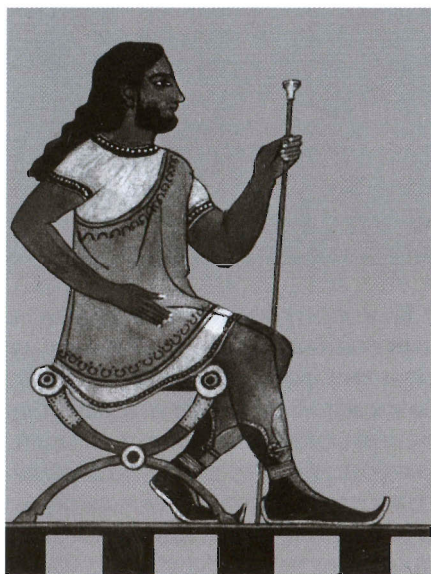
Надо полагать, что малярия не была занесена в Этрурию в позднюю эпоху, погубив ее население, а существовала всегда в виде эндемических очагов на побережье. Бдительная борьба с заболачиванием, которую этруски проводили в своих провинциях, находясь на вершине могущества, сообразуясь с предписаниями древних религиозных традиций, показывает, что они с самого начала знали об этой угрозе и долгое время умели ее сдерживать; в какой-то мере эта напасть и сделала их такими, какими они стали. Но «заброшенный дренажный канал становится столь же опасным, как и болото»³⁴. Где-то с III века до н. э. политические и экономические обстоятельства, войны, разрушение некоторых городов, превращение возделываемых земель в выпасы привели к возвращению и распространению болезни, подточили жизненные силы этрусков и ускорили их упадок. И все же это еще не стало полным и окончательным приговором. Хотя малярия выкосила первых римских поселенцев в Грависки, озеро Прилий на краю Мареммы в Гроссето в последние годы Республики было не настолько гиблым местом, чтобы не прельстить трибуна Клодия³⁵: по словам Цицерона, он захотел выстроить себе виллу на участке земли, украденном у местного землевладельца. Даже в самые тяжелые времена лихорадка свирепствовала не

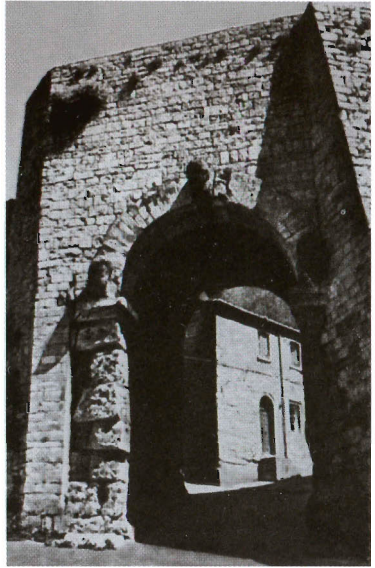
Древняя Этрурия

Бог-воин.
Бронзовая статуэтка.
V в. до н. э.

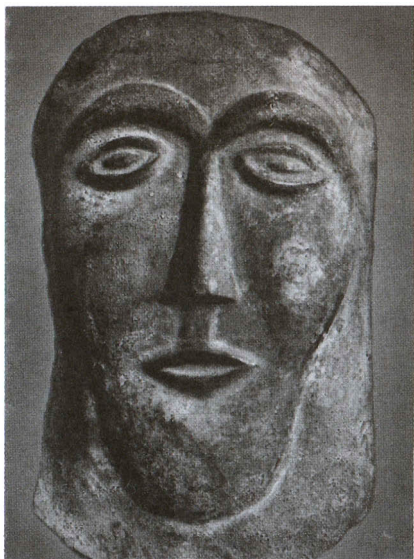
Этрусский правитель —
лукумон

Образцы этрусской архитектуры — ворота в Сатурнии и Порта дель Арко в Вольтерре

Возлежащий юноша. *Деталь бронзового сосуда. V в. до н. э.*

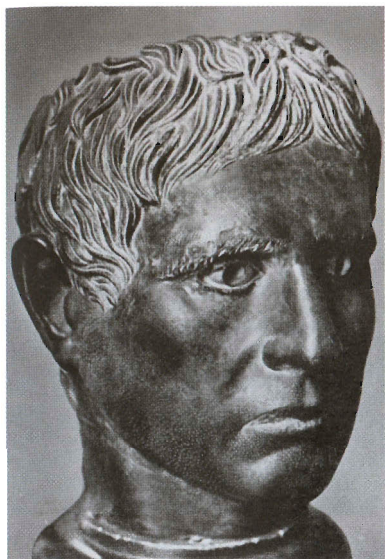
Маска из Клузия. Бронза. VII в. до н. э.

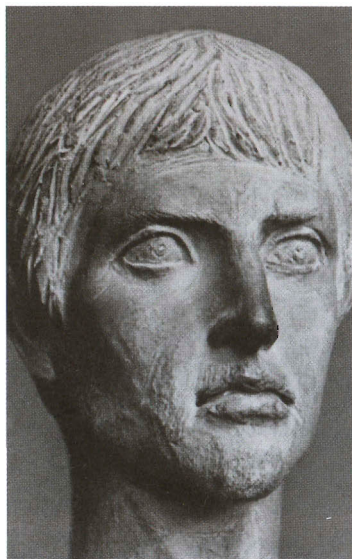
Богиня Афина. Бронза.
VII в. до н. э.

Аполлон. Терракотовая
статуя из святилища
Портоначчо в Вейях.
VI в. до н. э.

Мужской портрет из Сан-Джованни.
Бронза

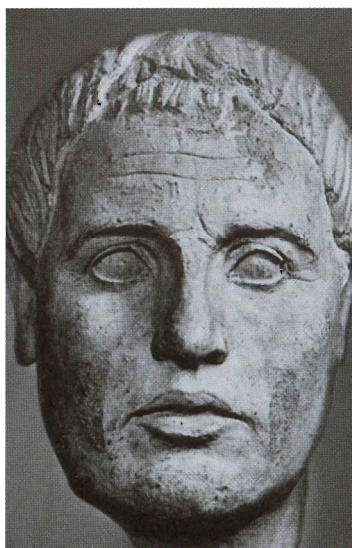

Голова юноши из Лация.
Терракота

Типы этрусков III—II веков до н. э.

Мужская голова из Фьезоле.
Бронза

Мужской портрет из Тарквиний.
Терракота

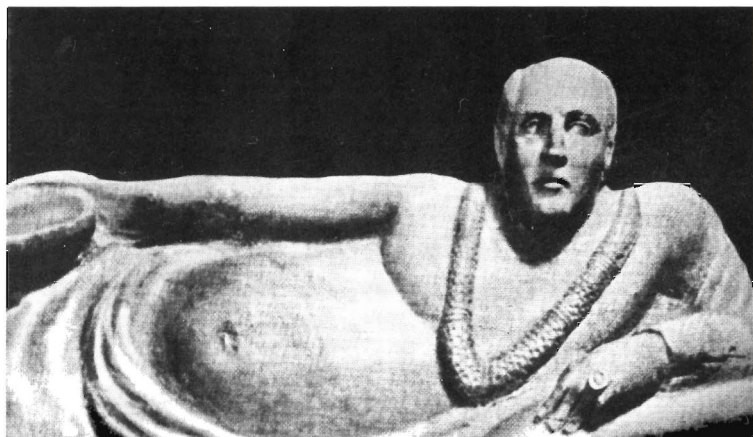

Внутренний вид гробницы Ингирами, открытой в окрестностях Вольтерры в 1861 году (сейчас находится в археологическом музее Флоренции)

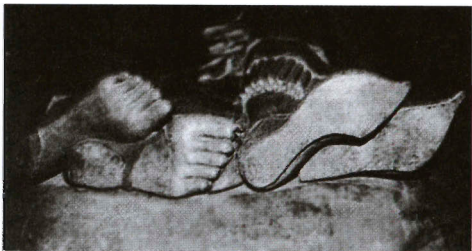
Деталь саркофага ►
из Черветери.
VI в. до н. э.

Пирующий этруск.
Деталь крышки саркофага из Клузия. II в. до н. э.

Супружеская чета
знатных этрусков.
Саркофаг из Черветери.
VI в. до н. э.

Скульптура на крышке
саркофага V в. до н. э.,
известная под названием
«Старики»

Этрусский пир.
Фреска из гробницы
Леопардов
в Тарквиниях

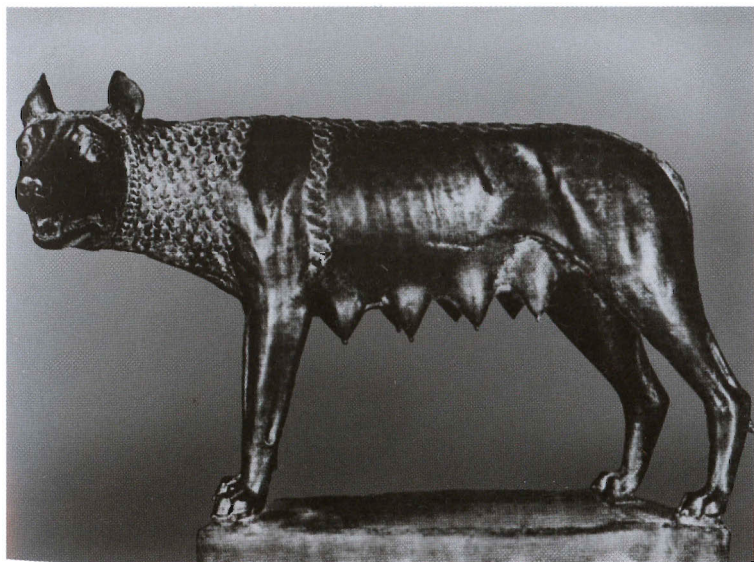

Танцоры
и музыканты.
Рельеф туфовой
погребальной урны
из Клузия

Треножник с котлом из гробницы Бернардини в Палестрине.
VI в. до н. э.

Капитолийская волчица — символ Рима, изготовленный этрусскими мастерами. *VI в. до н. э.*

Обряд облачения невесты. Гравюра на бронзовом зеркале из Вей

Этрусский алфавит
на сосуде в форме
петуха. VII в. до н. э.

Погребальная урна
из Клузия. Терракота.
VI в. до н. э.

Этрусский
бронзовый шлем

Бронзовый котел
из гробницы
Барберини
в Палестрине.
VI в. до н. э.

Изображения танцоров из гробницы Триклиния в Тарквиниях

Борцы. Деталь росписи гробницы Авгуров в Тарквиниях

Демон, уносящий душу женщины. Роспись таблички из Черветери

Беседа со жрецом.
Роспись таблички
из Черветери. VI в. до н. э.

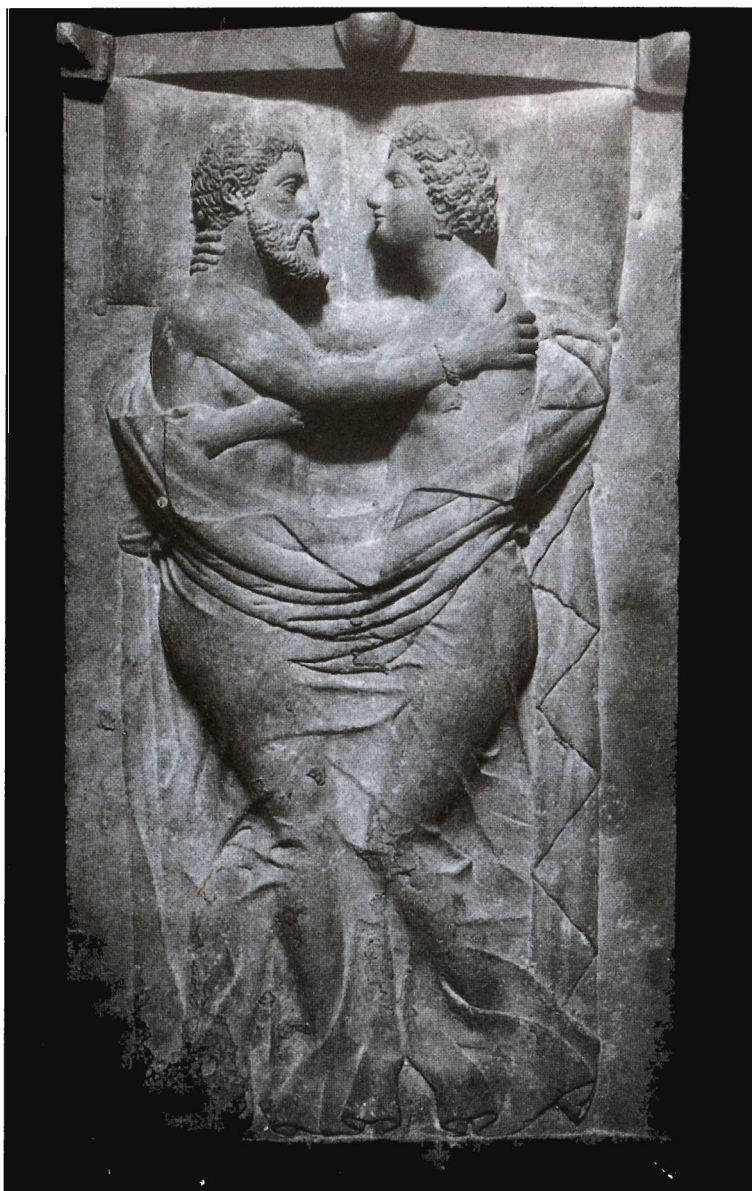

Голова женщины.
Деталь росписи
гробницы Орко
в Тарквиниях.
III в. до н. э.

Супружеская пара
на пиру. Роспись
гробницы Шитов
в Тарквиниях.
III в. до н. э.

Это вечное объятие на супружеском ложе символизирует таинственную притягательность этрусской цивилизации, давно угасшей и все-таки живой

езде. Даже в окрестностях Грависки Рутилий Намациан любовался «густой зеленью лесов» и «сенью сосен, колышущихся над водами»³⁶.

Право на собственность

Эти плодородные долины, эти низменности, отвоеванные у болот, эти терпеливо орошаемые степи — вторая черта, которую мы должны отметить в нашем описании этрусской сельской местности, расчерченной на квадраты огороженных полей. Не похоже, чтобы этруски тосковали по золотому веку, когда неделимая природа сама наделяла всех земными плодами, а Сатурн правил мирными народами, свободными от жажды обладания — «*amor habendi*»³⁷. Их самые ранние воспоминания связаны с приходом Юпитера и с законом труда, с царством собственности. Их мир был миром активным и жестким, который Вергилий воспел в «Георгиках», смягчив чувством вселенской любви:

Вовсе не знали поля до Юпитера пахарей власти.
Даже значком отмечать иль межой размежевывать нивы
Не полагалось. Все сообща добывали. Земля же
Плодоносила сама, добровольно, без понуждения³⁸.

Примерно то же самое сказала этруская пророчица нимфа Вегоя в откровении, которое дошло до нас на латинском языке, в сборнике текстов, относящихся к землеизмерению — «*Corpus de Agrimensores*». После краткого космогонического экскурса, в котором Вегоя рассказывает о разделении моря и неба, она сразу же выводит на сцену Юпитера, создателя частной собственности и покровителя границ, будто до него Этрурии не существовало³⁹: «Знай, что море было отделено от небес. И когда Юпитер заявил о своих правах на землю Этрурии, он установил разделительные межи и приказал мерить землю и огораживать поля. Зная людскую жадность и желание обладать землей, он хотел, чтобы все было определено межевыми столбами».

Этрусский Юпитер или Тин был в основном Юпитером Термином, хранителем границ — на латинском *termini*, на этрусском *tular*. *Tular* — «межи», «пределы», —

это одно из тех слов (окончание свидетельствует о форме множественного числа), толкование которых, окончательно принятое в последние годы, позволило этрускологам сделать серию важных выводов о социологии мира этрусков⁴⁰. Девять каменных стел, в надписях на которых оно присутствует, осторожно перенесены в те места, где их нашли, и выяснилось, что они обозначали либо *pomerium** города типа Перузии⁴¹, либо границы территории какого-либо поселения, например Фьезоле⁴², с указанием имен магистратов, которые их провели, либо границы частного владения⁴³ или участка на кладбище⁴⁴, либо, наконец, границы этрусского союза в Кортоне⁴⁵.

Но это стремление этрусков четко определять понятными знаками принадлежность тех или иных мест государству, общине или частному лицу распространилось и на провинции, и даже на соседние страны, после чего, подхваченное римлянами, обуяло весь мир. Так, в названии поселения *Tullare* (современная Толлара) близ Пьяченцы, упомянутом в кадастре из города Веллея, еще во времена Траяна явственно прослеживался отпечаток древнего этрусского *limitatio* — межевого столба. А умбрийцы переняли саму идею и термин, переделав его в *tuder* (упоминаемый в Таблицах из Губбио), который дал название пограничному городу между Умбрией и Этрурией — *Tuder*, современный Тоди⁴⁶.

Как бы хотелось до конца понять эти записи о разделительных межах, через которые страна этрусков предстает занесенной в рудиментарный кадастр! Насколько обогатили бы мы свои познания об этрусском праве и о праве античного мира в целом, если бы удалось до конца разобрать надпись на так называемой стеле из Перузии⁴⁷, но на самом деле обнаруженной в Пьянкастаньяйо у подножия горы Амиата, — 46 строк на двух гранях, договор, заключенный между *Velthina* и *Afula* в завершении тяжбы о совместном владении земель. Впрочем, разгадки ждать недолго: плод уже созрел и скоро сам упадет на землю.

* Священное место за пределами города, на котором не разрешалось ни строить дома, ни возделывать землю.

Еще один термин возбуждает наше нетерпение: это слово с надгробного столба в Монтепульчано — *claruchies*, которое может быть только формой родительного падежа прилагательного, образованного от греческого *klèrouchos* и попавшего в этрусский язык из Египта эпохи Птолемеев. Так называли колонов, наделенных землей⁴⁸. Не был ли человек с любопытным именем *Au. Latini* = *Aulus Latinius* (Авл Латин) одним из сторонников Суллы, которому диктатор выделил земли в окрестностях Клузия?

Активная колонизация, затеянная Гракхами в 133 года до н. э., целью которой было раздать землю бедным гражданам Рима, вызвала такую бурю протеста среди этрусков, что в 91 году противники кампании двинулись на Рим. Колонизация покушалась одновременно на интересы землевладельцев и на вековую нерушимость границ, дорогую сердцу этрусков. Злоумышленников, тайно передвигавших межевые столбы, и деятелей аграрной реформы ждала одинаковая кара. Ведь разделительные межи установил сам Юпитер, и потому они считались священными. В Клузии рассказывали, что Юпитер с богиней Юстицией передали лукумону Аррунсу через посредство нимфы Вегойи нерушимые законы собственности⁴⁹. В Тарквиниях были убеждены, что заповеди о *limitatio*⁵⁰ дал Тархону сам Тагес, когда, к великому изумлению пахарей, появился из-под земли⁵¹; ему приписывают книгу, название которой на латыни звучит довольно странно: *liber qui inscribitur terrae iuris Etruriae* — «книга о земельном праве Этрурии». *Terrae ius Etruriae* — это литературный перевод выражения (несколько неуклюжий), которое Маццарино нашел и расшифровал в надписи на стеле из Перузии⁵². Речь идет о заключении договора между сторонами *belu tesne rasne*, где *hil (belu)* означает «земля», *tesan (tesne)* — «закон», а *rasna (rasne)* — «этрусский», отсюда перевод на латинский язык *terrae iure Etruriae*.

Таков был закон, который Юпитер дал Этрурии, когда был ее верховным правителем: он сделал ее цитаделью частной собственности на землю — как крупной, так и мелкой и средней. Именно это явствует из исследования, проведенного не так давно в Южной Этрурии господи-

ном Уордом Перкинсом и Британской школой в Риме⁵³: пока бульдозеры мелиораторов не стерли окончательно все следы, нужно было срочно восстановить на местности, шаг за шагом, сеть античных дорог. Это оказалось очень поучительно. Было, в частности, установлено, что весь район Вей и западная часть *ager Faliscus* (поля фалисков) во II и I веках до н. э. были повторно заселены, о чем говорит плотность развалин, оставшихся от сельских поместий, указывающих на определенный достаток. Продвигаться дальше в прошлое мы можем только ощупью. Но большое количество эпиграфических памятников и логика наводят на мысли о том, что, хотя земли независимой Этрурии находились в руках земельной аристократии, предпочитавшей крупные поместья, в плодородных долинах Пальи и Кьяны, от Клузия до Арретия и Кортонны, существовали — или возникли — небольшие земельные владения, возделываемые крестьянскими семьями. И с этой точки зрения ход истории не сильно изменил вид этрусской деревни.

Злаковые культуры

Тщательно обрабатываемая плодородная почва, приносящая обильные урожаи... Говоря о том, какие поставки армии Сципиона осуществляли различные народы Этрурии, Тит Ливий сообщил нам кое-что об экономике этих регионов, уже начавшей приходить в упадок. Зато можно себе представить, какими были этрусские города в период своего расцвета, когда их окружали поля и фруктовые сады и их жители не знали ни в чем недостатка. «На жирной почве, такой как в Этрурии, — пишет Варрон, проводя различие между ней и скудными землями в окрестностях Тускула и Тиволи, — плодородные поля никогда не стоят под паром, деревья прекрасны, и нигде нет мха»⁵⁴.

В Этрурии собирали достаточно большой урожай зерновых, чтобы при случае экспортировать его в соседние страны. В V веке до н. э., когда в Риме начался голод, его часто выручали запасы приморской и притибрской Этрурии⁵⁵, и в документах упоминается о

больших караванах, спускавшихся по реке⁵⁶. В списке за 205 год тоже говорится о зерне из Цере, Рузелл, Волатерры, а в основном из Клузия, Перузии и Арретия. В классическую же эпоху самые богатые житницы Этрурии находились именно в Клузии и Арретии. Славились сказочные урожаи *Tusci campi* (этрусских полей), в пропорции пятнадцать к одному⁵⁷, полба из Клузия (*far Clusinum*) — из одного ведра зерна выходило 26 фунтов муки крупного помола⁵⁸, белизна муки (*candoris nitidi*)⁵⁹, которой Овидий однажды советует своим читательницам пудрить лицо⁶⁰, а пока бедняки варили из нее жидкую кашу (*Clusinae pultes*)⁶¹, долгое время составлявшую основу пищи этрусков и италийцев. Но, кроме того, Клузий и Арретий славились пшеницей высшего качества — *siligo*, из которой получалась крупчатка⁶². Она же прославила и Пизу⁶³, где изготавливали «макаронные изделия»⁶⁴ из полбы (*alica*), смешанной с медовым вином. А в Цизальпинской Галлии особенно хорошо родилось просо⁶⁵.

Виноградники и деревья

О винах Этрурии нам тоже известно довольно много. Еще во времена Александра Македонского этрусские вина были популярны в Греции⁶⁶, Дионисий Галикарнасский ставил их в один ряд с фалернским и с винами *Colli Romani*⁶⁷. Испанец Марциал признавал, что они не уступают таррагонскому⁶⁸. Другие авторы уточняют, что лучшим считалось вино из Луны на границе с Лигурией⁶⁹. Виноградники Грависки, несмотря на окружающие их малярийные болота, и Статонии на холмах в верховьях Фьоры давали превосходное вино⁷⁰. Но в окрестностях Вей, к великой досаде желудков Горация, Персия и Марциала, удавалось получить только розовое вино из виноградных выжимок с густым осадком, которое доставляло удовольствие разве что кошелькам скупых амфитрионов⁷¹. В Цизальпинской Галлии были

* *Амфитрион* — внук Персея, герой греческих мифов, известный своей щедростью. В переносном смысле — хозяин, принимающий гостей.

известны вина из Адрии и Цезены и некий «Меценатинан», вероятно, поступавший из поместья Мецената⁷². Таковы были общепризнанные марки вина.

Интересно, что сами этруски предпочитали мускатные вина, сладость которых, как говорили, нравилась пчелам (*apes*), поэтому их стали называть *Apianae*⁷³ — поэтическая этимология, поскольку, по всей вероятности, это название восходит к имени производителя вина Аппия: известно, что как раз во Флоренции жил некий *Aviles Apianas=Aulus Appianus*⁷⁴. Во всяком случае, именно этим сладким вином, ударявшим в голову, упивались пирующие на фресках. Среди прочих местных сортов были предки кьянти и орвьето: в Тоди, на границе с Умбрией, — «тудернис», в Арретии — «тальяна» (это название восходит к родовому имени *Talpius, Talponius*⁷⁵). Разнообразие сортов говорит о большом опыте в области виноградарства, о навыках прививания дичков для создания гибридных сортов, о методичном создании виноградников путем сопоставления разных растений. Плиний рассказывает о лозе под названием «мургентина», привезенной с Сицилии в Кампанию, где она получила имя «помпейяна», которая давала особенно богатый урожай на плодородной почве холмов Клузия⁷⁶. Но хотя этот саженец был завезен относительно недавно, вряд ли именно вкус его вина внушил галлам, привлеченным Аррунсом из Клузия, желание завоевать Италию⁷⁷.

• • •

Мы видели, что Тарквинии в конце III века до н. э. специализировались на выращивании льна и производстве полотна для парусов; Плиний об этом уже не упоминает. Тацкое производство было традиционным и в стране фалисков: поэты часто облачали своих легендарных героев в просторные льняные одежды, хотя римлянам они казались признаком изнеженности⁷⁸, и еще в эпоху Августа фалиски сохраняли за собой первенство в изготовлении охотничьих силков — «столь прочных, что их было не рассечь клинком, столь тонких, что их можно было пропустить сквозь кольцо, и столь легких, что один загонщик запросто нес на плече столько сетей, что ими можно было опутать целый лес»⁷⁹.

Что же касается оливковых деревьев с их серебристо-зелеными кронами — символа современной Тосканы, — то они, как ни странно, в античной Этрурии были мало распространены. Во времена Тарквиния Старшего олива была еще неизвестна в Италии⁸⁰, и хотя во II веке до н. э. Катон с любовью описывал оливковые насаждения в области Венаффо, на северо-западной оконечности Кампании⁸¹, он даже намеком не указывал на то, что в Этрурии имелось нечто подобное. Не то чтобы этруски потребляли мало масла — они, как и латиняне, очень давно позаимствовали название этого продукта у греков. Одна из самых древних этрусских надписей, сделанная на глиняном сосуде, гласит: *aska eleivana* — сосуд (*askos*) для масла (*elaion*)⁸². Но масло это они долгое время ввозили из Аттики в бесчисленных амфорах, так часто встречающихся на кладбищах Цере и Спины.

В те времена, когда, восторженно восхваляя Италию, Варрон заявлял, что она «так густо засажена деревьями, что кажется сплошным фруктовым садом»⁸³, Этрурия не должна была быть исключением из правила. Но не надо забывать, что большинство современных овощей и фруктов древним жителям Италии было неизвестно, они были туда завезены на протяжении веков вместе с другими изысками Востока. Неслучайно Вергилий в четвертой книге «Георгик» доверяет сад своей мечты садовнику, только что прибывшему из Киликии⁸⁴. То было время, когда вишня, привезенная в 73 году до н. э. богачом Лукуллом с Понта, после победы над Митридатом⁸⁵, еще считалась экзотическим плодом, а лимон в стране «wo die Zitronen bluhn»* использовали только как противоядие или для освежения дыхания⁸⁶. Связи Этрурии с Карфагеном, где садоводство было превосходно развито⁸⁷, и большое количество рабов с востока, пополнявших собой их *familiae*, возможно, позволили им опередить римлян. Достаточно полистать «Словарь латинских ботанических терминов» Жака Андре, чтобы убедиться, что слово «цитрус» или «цедра» взято из неиндоевропейского языка через посредство этрусско-

* Где цветут лимоны (*нем.*) — строка из стихотворения И. В. Гёте «Миньона», где речь идет об Италии. В переводе Б. Пастернака: «Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...»

го⁸⁸, а среди разных сортов вишни был один необыкновенно яркого цвета — *cerasum Apronianum*, выведенный неким Апронием, который, верно, родился где-нибудь в Перузии⁸⁹. Но когда агрономы античности перечисляют самые сочные плоды полуострова, то называют яблоки из Америи, груши из Тарента, фиги из Геркуланума и миндаль из Пренесте⁹⁰; Этрурия в этом списке не значится, и Овидий говорит только, что в стране фалисков много садов⁹¹.

То же самое относится к овощам: все нахваливали лук-порей из Ариции, редис из Нурсии, репу из Амитерны, лук из Тускулума, спаржу из Равенны, но по поводу этрусских огородов — странное молчание. И даже капуста, которой Катон пел потрясающие дифирамбы⁹², капуста — мечта чревоугодников и лекарство от всех болезней, особенно от язвы и меланхолии, капуста, заставлявшая соперничать все города Италии — Арицию, Ардею, Тиволи, Сигнию, Капуя, Каудиум и прочие⁹³ — в выведении новых сортов — кучерявой, сочной, крупнокочанной, острой, цветной и реповидной, — даже капуста оставляла Этрурию равнодушной к этому соревнованию. Это значит, что в прибрежных латифундиях садоводство и овощеводство особо не поощрялись, а в долинах предпочитали выращивать злаки и виноград.

Что касается более древних времен, о них остается судить по цветочным мотивам на фресках в гробницах и на предметах искусства, хотя возможно, что кое-что было позаимствовано из художественной традиции Востока. Вполне узнаваемы артишок, вьюнок, плющ, карликовые пальмы и дуб — представители местной флоры, а также занесенные извне крокус, акант, лавр, кипарис, лилия, мак, гранат и т. д.⁹⁴ Гранат появляется на рисунках Цере, относящихся к VI веку: это «пуническое яблоко», *malum punicum* на латинском; честь его открытия приписывали себе карфагеняне⁹⁵. Благодаря фрескам из гробниц Барона и Триклиния⁹⁶ можно представить себе прекрасные сады в Тарквиниях: пальмы, лавровые деревья, гранатовые деревья, всевозможные кустарники, ветви которых сгибаются под тяжестью больших голубых соцветий, являют собой для танцующих фон, возможно, восходящий к давним представ-

лениям о «рае» в древней Персии⁹⁷. Среди этрусских текстов, дошедших до нас в переводе, один посвящен зловещим растениям: «Крушина, кизил кровавой, папоротник, черный инжир, остролист, дикая груша, шиповник, ежевика, иглица»⁹⁸. Все это образчики адской флоры, разрастание которой возвещало гаруспикам о грядущих ужасных бедствиях, и именно из них состояли заросли колючих кустарников, которые приходилось беспрестанно выкорчевывать земледельцам.

Земледельческие орудия

Земледельческие орудия этрусков широко представлены в экспозиции музея Флоренции. Это — железные инструменты из Луны и Теламона, а также обнаруженные там же предметы, принесенные в дар богам в 225 году до н. э. по случаю победы этрусков и римлян над галлами⁹⁹. Они отлиты из бронзы, поскольку носят религиозный характер; религия заставляла использовать этот сплав и в железном веке: легендарный мудрец Тагес велел проложить бронзовым лемехом борозду, разделявшую города¹⁰⁰. Во всяком случае, перед нами полное собрание орудий, куда входят кирки и сапки, лопаты и мотыги, садовые ножи для обрезания ветвей, серпы, косы и две сохи, позволяющие составить четкое представление об обработке земли в Этрурии.

Нужно ли напоминать, что наш плуг с передком на двух колесах впервые появился на равнинах Севера и что древние авторы говорят о нем в I веке до н. э. как о недавнем изобретении ретийских галлов?¹⁰¹ Далее мы увидим, что кельтские племена ушли далеко вперед в том, что касалось повозок и телег. Средиземноморские народы долгое время довольствовались легкой сохой, больше подходившей к их почве и к рельефу местности¹⁰². Одна из сох Теламона в некотором смысле является ритуальной и относится к довольно примитивным орудиям: это просто длинная рукоять, оканчивающаяся крюком. Именно такой предмет изображен на барельефах, где легендарный воин, сражавшийся при Марафоне одной только сохой, размахивает ею, как оружием¹⁰³.

В этой же музейной коллекции находится плоский лемех в форме ковша, который насаживали на полевую доску. Вторая соха имеет более сложное строение: она состоит из заостренного лемеха, рукоятки с ручкой и длинного дышла, на конце которого закреплено ярмо с тремя выступами, для направления ремней упряжи¹⁰⁴. Похожая соха встречается с конца VI века до н. э. на фризах болонского кладбища Чертоза, где изображен землепашец, отправляющийся в поле с сохой на плече, погоняя перед собой волов, а более усовершенствованная ее разновидность — на бронзовой фигурке из Ареццо, относящейся к началу IV века, изображающей землепашца, идущего за сохой, которую тянут волы¹⁰⁵. Но это еще не тот плуг, который описывали Плиний и Вергилий — с плужным ножом впереди лемеха, вспарывающим борозду, и с отвалами.

Этрусские агрономы

Интерес этрусков к обработке земли проявляется в трактатах по сельскому хозяйству. Неслучайно отрывок из откровения Вегойи находился в сборнике текстов, посвященных землеизмерению, вместе с произведением знаменитого карфагенского агронома Магона: «*Ex libris Magonis et Vegoiae auctorum*» («Из книг Магона и пророчеств Вегойи»). После Третьей Пунической войны 28 его книг были переведены на греческий и латинский языки, а вековые связи между Этрурией и Карфагеном привлекли к нему внимание этрусков.

Но уж Сасерна, судя по его имени, должен был быть этрусском. Его труд, написанный в конце II века до н. э. и продолженный его сыном, часто упоминается Варроном, Колумеллой и Плинием со смесью похвал и насмешек. В качестве примера Сасерна приводит свое имение в Цизальпинской Галлии, куда этрусские поселенцы пришли раньше римских, вероятно, в районе Пьяченцы или Веллейи, ровные долины и невысокие холмы которых Варрон противопоставлял обрывистым склонам соседней Лигурии¹⁰⁶. Римляне конца Республики частенько посмеивались над пикантной нелепостью

его советов, ибо Сасерна включал в понятие сельского хозяйства и медицину, и гигиену, и уход за телом. Вот, к примеру, рекомендуемое им надежное средство от клопов¹⁰⁷: «Возьмите корень горца змеинового, отварите и полученным отваром облейте место, где вы собираетесь спать: ни один клоп даже близко не подойдет. Или же смешайте бычью желчь с уксусом и натрите ею кровать». Для удаления волос с тела следовало бросить в кипящую воду желтую древесную лягушку и, когда она съезжится и уменьшится на две трети, умастить ею тело: «Если же вареную лягушку дать съесть собаке, то она будет верно следовать за вами повсюду». Но главное — Сасерна открыл магическое заклинание для лечения подагры (Варрон узнал о нем от некоего Тарквенны, разумеется, тоже этруска): «Как только возникнет боль в ногах, надо 27 раз повторить натошак, сплюнув и коснувшись земли: “Я думаю о тебе, исцели мои ноги, пусть земля заберет мою боль, пусть здоровье вернется к моим ногам”».

Надо сказать, что такие бабьи заговоры встречаются в фольклоре всех стран; Катон тоже знал заклятие от вывихов, и даже в прикосновении к матери-земле нет ничего специфически этрусского. Гораздо интереснее то, что очень широкое толкование Сасерной понятия «сельское хозяйство» говорит о привычке помещика производить на месте все необходимое для хранения и продажи урожая. Ферма Сасерны была маленьким самодостаточным миром. Если, к великому негодованию римлян эпохи конца Республики, он уделял целую главу описанию глиняных карьеров (*figilinae*)¹⁰⁸, то только оттого, что разрабатывал их на своей земле, снабжая гончаров глиной для изготовления кувшинов для зерна и амфор для вина и масла. В крупных поместьях были свои врачи, сукновалы и прочие специалисты-ремесленники, что лишало сельских тружеников повода «разгуливать в будни в праздничной одежде».

Сасерна, унаследовавший огромный опыт в решении вопросов, связанных с рабочей силой, еще строже, чем Катон, настаивал на соблюдении дисциплины в *familia rustica*: «Запрещается покидать территорию кому бы то ни было, за исключением управляющего,

раба, несущего продукты, или того, кто выполняет поручение управляющего. Отсутствующий, несмотря на запрет, должен быть наказан; иначе ответственность ложится на управляющего»¹⁰⁹. Он также приводит точные данные о количестве людей, необходимых для выполнения заданного урока: один человек может вскопать за 45 дней восемь югеров, то есть примерно два гектара земли; на самом деле, он мог бы вскопать один югер (25 аров) за четыре дня, но следует прибавить 13 лишних дней на случай болезни, плохой погоды или нерадения¹¹⁰. Для того чтобы вспахать участок земли в 200 югеров (около 50 гектаров), требуется две упряжки волов¹¹¹ — это дает нам представление о размерах типичного поместья, «золотой середины» между небольшими наделами римских колонов в один-два гектара в Модене или в Парме и большим имением Плиния Младшего в 750 гектаров¹¹². Еще во времена Марциала, самого богатого землевладельца в Цере, некто Гилар, наследник старинного местного рода, отдавал земледельцам в аренду участки, площадь одного из которых, описываемого поэтом, не превышала трех с половиной гектаров¹¹³. Так что нужно внести некоторые коррективы в распространенные представления о латифундии.

Скотоводство

На пастбищах прибрежных латифундий и в лесистых ложбинах центральных областей паслись тучные стада, быки в Этрурии были коренастыми и сильными, телочки из страны фалисков — белоснежными, и потому именно их приносили в жертву богам¹¹⁴, — в этой картине нет ничего примечательного. Зато до нас дошла слава овечьего сыра «пекорино» из Луны на границе Лигурии: он был гигантского размера и весил иногда до тысячи римских фунтов — 327 килограммов. В римскую эпоху его помечали полумесяцем, а Марциал среди подарков, отправленных друзьям, упоминает голову *caseus Lunensis* (сыра из Луны) — ее хватало бы на тысячу обедов для рабов одной *familia*¹¹⁵.

Еще одна интересная подробность, но уже по поводу свиноводства, которое у этрусков, как и у цизальпинских галлов, было поставлено на широкую ногу (кстати, высоко ценились потроха по-фалиссски — *venter Faliscus*). Поскольку этруски все делали под музыку, они приучили стада следовать за собой по звуку трубы, тогда как в Греции, как отмечает Полибий, свинопасы гнали стадо впереди себя. Историк описывает перемещения огромных потоков животных вдоль берега Тирренского моря: свинопасы шли впереди своей колонны, время от времени трубя в бучину — свиньи достаточно хорошо распознавали тембр этой огромной трубы, чтобы не отстать на повороте и не прибиться к соседнему стаду. Варрон добавляет, говоря о возвращении поросят, что пастух должен с раннего возраста приучить их *omnia ut faciant ad bucinam**¹¹⁶.

Охота

В лесах и зарослях кустарника в изобилии водилась всевозможная дичь. Когда Рутилий Намациан плыл в родную Галлию, буря вынудила его задержаться в гавани Пизы (впоследствии там вырос Ливорно), и он воспользовался этой вынужденной остановкой, чтобы поохотиться. «Хозяин дома снабдил нас охотничьим оружием и собаками, обученными находить дичь по запаху. Попав в наши ловушки, в широкие и коварные петли наших сетей, там бился вепрь со страшными острыми клыками. Даже Мелеагр с могучими руками устрасился бы к нему подступить, он вырвался бы даже из хватки Геракла. Но вот над холмами зазвучала труба, эхом от них отражаясь; под песни было легче нести добычу»¹¹⁷.

Это описание относится к 417 году н. э., однако во всех подробностях, десять веков спустя, воссоздает картины с этруских памятников, относящиеся ко временам мифического Лавза, сына Мезенция и *debellator ferarum* (усмирителя зверей)¹¹⁸: оружие, рогатины, дротики и топоры, собаки, взявшие след, силки из Фалерий, в которые попадает дикая зверь (*Tuscus aper*

* Все делать по звуку бучины (лат.).

Статия)¹¹⁹, призывные звуки рожка из чаши леса и возвращение с охоты с тушей кабана, привязанной за ноги к шесту, который несут на плечах двое слуг, — все, вплоть до упоминания о калидонском и эриманфском вепрях, будораживших воображение лукумонов, отображено на фризах кладбища Чертоза и фресках из гробниц Кверчьола и Скрофа Нера в Тарквиниях¹²⁰. Охота на кабана, на оленя, на зайца...

В конце Республики (письменные свидетельства относятся лишь к этому периоду, и нигде не сказано, что речь идет о нововведении) на территории Тарквиний существовали заповедные охотничьи угодья площадью десять гектаров, владелец которых, К. Фульвий Липпин, разводил там не только зайцев (благодаря чему такие заповедники обычно называли *leporarium*), не только оленей и ланей, но и диких баранов. Варрону были известны и более обширные угодья в окрестностях Статонии¹²¹. Феодальная структура общества и обилие дичи объясняют, откуда взялись охотничьи навыки этрусков. Но возможно, к этому еще примешивались малоизвестные и неписанные народные традиции, некая религиозная близость к миру животных, уходящая корнями далеко в прошлое: далее мы процитируем по этому поводу удивительный текст Элиана о роли музыки в поимке диких зверей у псовых охотников из этрусских преданий¹²².

Искусство этрусков, сформировавшееся под влиянием эллинской культуры, всегда тяготело к изображению животных в качестве декоративных элементов. Пантеры по обе стороны колонны, львы, настигающие газелей, составляют обычный набор зверей и, вкуче с изображениями мифических сфинксов и грифонов, застилают завесой иллюзии реальность, в которой бродили настоящие волки¹²³.

Некоторые рисунки вызывают вопросы, например изображения обезьян. Дело в том, что мы обнаруживаем целый обезьяний питомник на фибулах Виллановы, на амулетах и янтарных ожерельях из Ветулонии и Марсилиана д'Албенья, на амфоре из Тральятеллы, относящейся к концу VII века до н. э., на которой изображен всадник, посадивший сзади себя обезьянку, однако вос-

точное происхождение этого сюжета очевидно, особенно в сравнении с находками с Самоса¹²⁴. В хорошо известной гробнице из Кьюзи, относящейся к первой половине V века до н. э., изображены ритуальные игры в честь умершего, включающие все развлечения народного цирка, и в том числе обезьянка на цепочке рядом с карликом и гимнастом¹²⁵. На росписях из гробницы Сетте Камини недалеко от Орвьето, датируемой VI веком, также присутствует обезьяна.

Трудно поверить, чтобы эти домашние животные были изловлены в соседних горах. Они считались предметом роскоши, и мода на них пошла из Греции. Домашняя обезьянка сыграла свою роль в начале комедии Плавта «Хвастливый воин», действие которой происходило в Эфесе. Но главным рынком этих животных была Северная Африка¹²⁶. Нумидиец Масинисса спросил однажды любителей, пожелавших купить большое количество обезьян: «Неужто в вашей стране женщины не рожают детей?»¹²⁷ В «Пунийце» Плавта показано, что в знатных домах Карфагена держали ручных обезьянок, способных играючи укусить маленького мальчика и оставить на его руке памятную метку, которая пригодится для счастливой развязки комедии¹²⁸. «Местные» же обезьяны — надо полагать, сувениры, захваченные каким-нибудь наемником из Клузия, сражавшимся в Африке, или подарки купца-карфагенянина своим клиентам из Орвьето. Это всего лишь свидетельство близких отношений между двумя народами.

Но не всё так просто — два факта сбивают с толку. Остров Искья, где в VIII веке до н. э. высадились первые поселенцы-халкидяне, был назван ими Питекусса, от слова *pithècos* — «обезьяна», и этим экспрессивно окрашенным топонимом греческие авторы пользовались для обозначения разных мест в Африке, где в изобилии водились обезьяны. С другой стороны, древние лексикографы настойчиво донесли до нас наименование обезьяны на этрусском языке — *arim-*, и если эта глосса точна, то название реки *Ariminus*, в устье которой этрусски основали город Аримин (современный Римини), можно перевести как «Обезьяний ручей», наподобие того, что течет в ущелье Хиффа близ Блиды в Алжире.

Вероятно, то же самое слово лежало в основе туземного названия Искьи — *Enarime*, которое греки перевели на свой язык, придав ему форму Энария. Так что перед нами вопрос, который занимал Страбона и над которым ломали голову ученые Нового времени¹²⁹. В *arim-* предполагали заимствование из пунического наречия — *barim* («курносый» — так карфагеняне называли своих обезьян). Значит, *Enarimé* получила свое название под их влиянием. Но ни карфагеняне, ни финикийцы не появлялись в окрестностях Аримина. И что? В давние времена в Италии водились обезьяны: и их ископаемые останки были обнаружены в Тоскане, они оставили свой след в древней топонимике. Кстати, любопытно, что Гомер, Гесиод, Пиндар знали страну *Arimnoi*, лежащую в районе Сирии. Слово *arim-* здесь, вероятно, принадлежит к средиземноморскому субстрату. Что касается эпохи, о которой идет речь, то это дела не меняет: янтарные ожерелья VII века — простые безделушки, а гробница Обезьяны в Кьюзи свидетельствует только о дружбе между Карфагеном и Этрурией.

В небе Этрурии носились птицы, за полетом которых внимательно наблюдали гаруспики. Их «сборники примеров» (*Ostentaria*) иллюстрированы изображениями птиц разных видов, появление каждого из которых имеет свое значение¹³⁰. Были там и такие, по словам Плиния, которых никто никогда не видел. Но именно благодаря этим книгам мы знаем, как на этрусском языке будет «орел» — *antar*, «ястреб» — *arac*, «сокол» — *capu*¹³¹. В сцене гадания из гробницы Франсуа был опознан дятел, готовый взлететь.

В этрусских росписях есть много прекрасных птиц, парящих в небе или склевывающих плоды с деревьев. Гробница Триклиния — это настоящий вольер, где, не считая петуха с курицей, которых подстерегает кот под пиршественным ложем, танцоров окружают певчие дрозды и скворцы, качающиеся на ветвях. Над борцами и участниками кровавых игр, изображенных в гробнице Авгуров, пролетают огромные красные птицы с распростертыми крыльями и с перепончатыми лапами, которых ученые определили как бакланов¹³². Кстати, Страбон отмечает, что водоплавающая дичь привлекала

охотников к озерам и болотам Этрурии. На знаменитой росписи из гробницы Охоты и рыбалки в Тарквиниях охотники, стоящие на скале, бьют из пращи по целой туче диких уток¹³³.

Рыбная ловля

Эта сцена разворачивается на берегу моря, и наряду с охотой идет рыбная ловля. Лодки, управляемые кормовым веслом, качаются на зелено-фиолетовых волнах, где резвятся дельфины. На носу лодки с изображением глаза, приносящим удачу, стоит рыбак, который бросает гарпун или вытягивает сеть. Есть даже ныряльщики, которые взбираются на скалу, чтобы нырнуть между лодок. Массимо Палоттино прекрасно описал оригинальную манеру художника, создавшего эту картину — «уникальную в античном творчестве архаической и классической эпох», что проявляется в абсолютно свободном подходе к трактовке поведения людей посреди буйной природы.

Зато письменные свидетельства крайне скупы на этот счет. Из них можно узнать только о ловле тунца: у мыса Популонии и Монте Аргентарио, выше Орбетелло, были две *thynnoscopes* — сторожевые башни, с которых высматривали косяки тунца. Порт Цере Пирги также был знаменит своим рыболовным промыслом, снабжавшим рыбный рынок Рима. Кроме того, нам известно, что в озерах Браччиано, Больсена и Вико этрусски разводили зубатку и дораду, а также всевозможных морских рыб, способных приспособиться к пресной воде¹³⁴.

Лесное хозяйство

Исследование природных ресурсов Этрурии приводит нас к ее лесам. Естественно, они сильно поредели. Уже во времена Тита Ливия непроходимый Циминийский лес, вплоть до конца IV века до н. э. внушавший священный ужас купцам и римским солдатам, утратил

всю свою таинственность; сегодня это жидкая рощица чахлых деревьев, торчащих над кустарником¹³⁵. Склоны холмов, поднимающиеся к Волатерре, тоже обнажились, остается только гадать, где же росли те дубы и буки, из которых в 205 году до н. э. строили *interamenta navium*, то есть корпуса судов; на обшивку и рангоут пошли ели из Рузелл, Перузии и Клузия¹³⁶. Задолго до Сципиона этрусски использовали для нужд флота еловые и сосновые леса вокруг Цере, описанные Вергилием, для которого сосна была чисто этрусским деревом (*Etrusca pinus*). В IV веке до н. э. Теофраст писал о буках, достигавших в высоту 30 метров: из одного такого ствола можно было изготовить киль «тирренского корабля». Но главным богатством Этрурии считались строевые леса Пизы, идеально подходящие для кораблестроения; именно в Пизе придумали снабжать боевые корабли роstrами для абордажных боев. Так продолжалось до тех пор, пока упадок этрусского флота и развитие роскоши не лишили леса их бывшего назначения: корабельные сосны пошли на балки и доски для украшения дворцов¹³⁷.

Не будем говорить о каменоломнях, поскольку мраморные месторождения Луны, сегодняшней Каррары, этрускам известны не были: их открыли только в самом конце Римской республики. Кое-какие сведения об обработке камня содержатся у Плиния: например, из белого известняка *ager Tarquiniensis*, недалеко от озера Больсена, были высечены прекрасные саркофаги из гробницы Партуну¹³⁸. Но нам не терпится перейти к одному из древнейших и важнейших источников богатства Этрурии — к шахтам и металлургии.

Шахты

Мы видели, что истоки могущества Этрурии были заложены ее минеральными ресурсами. Когда около 770 года до н. э. халкидяне основали на острове Питекусса (Искья) первый форпост, который вскоре станет опорной базой для их продвижения вглубь Кампании, они стремились к олову, меди и бронзовым слиткам из Центральной Италии¹³⁹. Контраст между обилием бронзо-

вых изделий в гробницах Виллановы и почти полным их отсутствием в греческих гробницах геометрической эпохи (IX—VIII века до н. э.), синхронное начало греческой колонизации на Западе и расцвета цивилизации этрусков в VIII веке — вот основные данные, которые объясняют чудесное обогащение, проявившееся в гробницах восточного типа в Пренесте, Цере, Ветулонии и Популонии. Особенно Популонии, расположенной около современного Пьомбино напротив острова Эльба, «богатого неисчислимыми залежами железной руды» (Вергилий), ставшей центром горного дела и металлургии и прозванной за это учеными Питсбургом античного мира¹⁴⁰.

Вся южная часть провинции Ливорно, вся область от Волатерры на севере до Масса-Мариттима на юге испещрены следами этой вековой деятельности, во многом угасшей к началу нашей эры, когда Страбон увидел на равнинах Популонии множество заброшенных рудников¹⁴¹, но сохранившейся в других местах, например в Масса-Мариттима, лежащей на пути в Сиену. Этот городок, где великолепный кафедральный собор в романском стиле и дворцы XIII века неожиданно возникают за заросшим холмом, изрытым красными котлованами, — прекрасный пример сохранившегося процветания: разработка месторождений здесь возобновилась с 1830 года на том же самом месте, где их оставили древние.

В Кампилья-Мариттима, в десятке километров к северо-востоку от Популонии, с высоты птичьего полета еще явственно видны следы шахт, выкопанных в эпоху этрусков в поисках не только меди и железа, но и сереброносного свинца и олова. Хорошо известно (исследования Жерома Каркопино и Роже Диона пролили свет на этот вопрос)¹⁴², что олово, необходимое литейщикам бронзы, обычно добывалось на далеких Касситеридах (острова близ Британии), на атлантическом побережье Бретани и Корнуолла, откуда его привозили корабли финикийцев, ревностно охраняя секрет, чтобы сохранить за собой эту монополию. С другой стороны, кельты ввозили олово в центральные области своей страны по дороге, проложенной, несомненно, по просьбе гре-

ков Массалии и обогатившей тех, кто проживал вдоль этого пути. Свидетельство тому — знаменитый кратер, шедевр греческой чеканки, обнаруженный в княжеской гробнице у границы Бургундии, и другие драгоценные предметы, найденные в 1953 году в Виксе, недалеко от Шатильон-сюр-Сена¹⁴³. Однако олово, как и медь, с которым оно соединялось обычно в соотношении 8—15 процентов¹⁴⁴, имелось и в самой Этрурии, в месторождениях, долгое время удовлетворявших нужды местного производства, о чем свидетельствуют шлаковые отходы у Кампилы, в местностях с говорящими названиями — Кампо делле Буке (Ямное поле), Ченто-Камерелле (Сто выемок), Кавина (Раскоп), — а также на острове Эльба.

Добыча меди предшествовала добыче железа: так было и в Восточном Средиземноморье, где железо до открытия закалки воспринималось лишь как метеорит, чудесным образом упавший с неба. Позднее, когда железо нашло широкое применение в быту, бронза приобрела священный характер, и это мы видим в многочисленных ритуальных предписаниях. Макробий говорит, что практически все предметы культа изготавливали из бронзы; сабинские жрецы и фламины Юпитера в Риме могли стричься только бронзовыми ножницами. Культ Тагеса у этрусков был связан с аналогичными запретами, и разделительную межу между городами проводили бронзовым лемехом. Кроме того, Антонио Минто отметил, что колесницы, найденные в Популонии, в некрополе Сан-Чербоне, были покрыты бронзовыми и железными пластинами, причем ажурные железные чешуйки были инкрустированы в бронзу наподобие деревянной мозаики¹⁴⁵; драгоценным металлом тогда считалось железо. В конце VII века до н. э., на исходе «восточного» периода, черная металлургия была еще редкостью и роскошью.

Авторы подтверждают, что и на Эльбе медь предшествовала железу, а в Кампильезе это подтверждено археологическими находками: в местности, которая явно не зря носит название *Val di Fucinacia*, то есть «Кузнечной долины», недавно удалось раскопать целый комплекс шахт с широкими открытыми выемками, колодцами, сообщающимися галереями, подводными траншея-

ми и рядом печей. Судя по черепкам и по бронзовым изделиям, найденным неподалеку, все это относится к VIII веку до н. э.

Некоторые из плавильных печей неплохо сохранились¹⁴⁶: они имеют форму усеченного конуса диаметром около 180 сантиметров, выложенного внутри огнеупорным кирпичом и разделенного перегородкой с отверстиями на два отсека — верхний и нижний. Эта перегородка опирается на колонну из местного порфира. Внизу проделано квадратное отверстие для вентиляции печи и регулирования пламени. В верхний отсек закладывали медный колчедан и древесный уголь, а в нижнем разводили огонь: наверху скапливался оксид железа, а высвободившаяся медь стекала в низ отверстия (в них застряли карбонаты меди).

Как можно догадаться, происхождение таких печей установить сложно: похожие образцы археологи находили у филистимлян, искусных металлургов Палестины (XII—XI века), а также в кельтской цивилизации более близкого, латенского периода, да и тут еще могло проявиться чье-то влияние — западное или восточное, — но это уже не относится к предмету нашего исследования. Отметим лишь, что отдача от таких печей была очень низкой, как показал анализ отходов — в современной промышленности их еще можно было бы пустить в дело. Хотелось бы узнать побольше и о труде людей; одна из находок сообщает нам вполне конкретную подробность — это шахтерские лампы из глины, прочные и с двумя отверстиями для крепления сзади¹⁴⁷.

В конечном итоге железо победило бронзу. Добыча меди и олова в Кампильезе и на острове Эльба прекратилась — возможно, из-за конкуренции рудников в Испании и Бретани, захватываемых средиземноморской торговлей, а может быть, из-за истощения месторождений. Про Эльбу Псевдо-Аристотель сообщает, что в его время (то есть в III веке до н. э.) меди там уже давно не находили, зато в тех же шахтах обнаружили много железа¹⁴⁸. На сей раз ресурсы оказались неисчерпаемыми: считалось даже, что железные рудники острова Эльба заполняются заново, подобно карьерам Пароса по мере выборки мрамора¹⁴⁹.

Изначально руду обрабатывали на месте, в многочисленных печах, выплевывавших в небо Средиземноморья клубы темного дыма — отсюда, как утверждают этимологи, и происходит греческое название острова, *Aithaleia* — «черный от сажи»¹⁵⁰. Но с V века было замечено, что в печах, расположенных на острове, руда не выплавляется как следует, так что ее стали перевозить в Популонию, где оборудование было лучше. Можно представить себе вереницы тяжелых лодок, пересекающих канал шириной в десять километров. Порт, куда долгое время свозили бронзовые слитки из Кампильезе, а затем чугун с Эльбы, сделался крупным центром черной металлургии в Италии¹⁵¹. Псевдо-Аристотель, Варрон и Страбон не расходятся по поводу такого разделения труда, следствия технического прогресса, отделявшего добычу и плавку. Сегодня Популония лежит под огромной кучей шлака от железа, покрывшей ее некрополь и памятники древности, что красноречиво свидетельствует о размахе промышленного производства: 40 лет назад металлургические компании занялись переработкой местного пирита, который еще содержит 30 процентов железа, и эта неожиданная помощь оказалась на пользу археологам. Впрочем, об этом и так знали. Популония, как это видно из ее названия, была городом этрусского божества плодородия Фуфлунса, отождествляемого с Вакхом, но в этрусской теологии стоящим ближе к богу изобилия Сатре. С III века до н. э. на монетах стали чеканить изображение Вулкана с клещами и молотом. И когда в 205 году до н. э. Сципион потребует у городов Этрурии самых разных приношений, от Популонии он хотел только одного — железа¹⁵².

Что касается техники выплавки металлов, по крайней мере в эпоху упадка, то на этот вопрос проливает свет — а иногда и наводит тень — Посидоний Апамейский, подробно говорящий о рудниках Испании и, надо полагать, не оставивший без внимания рудники Этрурии. У Диодора Сицилийского мы читаем: «На острове Эльба много скал, содержащих железную руду и сидерит, их разбивают на куски, чтобы выплавить чугун и железо. Те, кто занимается этим делом, дробят их и обжигают в превосходных печах, где они под действи-

ем могучего огня плавятся и превращаются в слитки нужного размера, похожие на огромные губки. Купцы покупают их оптом и везут в Путеолы или в иное место, где их можно продать. Их покупают дельцы, на которых работает целая армия ремесленников, и превращают во всевозможные изделия из железа: оружие, мотыги, косы и прочие орудия прекрасного качества. Затем купцы везут их во все уголки мира, облегчая таким образом там жизнь»¹⁵³.

Этот текст интересен не только заключением, в котором цитату из историка преподносит философ-стоик, восторженно прославляющий торговлю, несущую блага цивилизации повсюду, где живут люди. Уже из этого можно заключить о времени его создания: Диодор описывает вовсе не наиболее древнюю фазу в развитии черной металлургии на Эльбе, а последнюю ее стадию, когда Путеолы («маленький Делос» по выражению Луцилия) во II веке до н. э. стали крупным *emporium** Италии, поддерживающим тесные торговые отношения с Грецией и с покоренным Востоком¹⁵⁴. Да, текст интересный, но в нем, возможно, по вине автора краткого изложения, есть пропуск или ошибка: то, что в Путеолах выковывали сельскохозяйственные орудия, вполне соответствует нашим представлениям о деятельности местных мастерских во времена Катона¹⁵⁵; то, что там делали оружие для наемников или гладиаторов-самнитов — факт менее известный, но ничего удивительного в нем нет¹⁵⁶. Вот только Диодор, по-видимому, выбросил из текста Посидония часть фразы о роли Популонии между добычей ископаемых на Эльбе и изготовлением конечного продукта в Путеолах. Разве что издали Эльба и Популония слились воедино в одном расплывчатом выражении.

Во всяком случае, примерно сотню лет спустя, на заре нашей эры, Страбон еще сможет написать: «С высоты города, куда я нарочно поднялся, я увидел вдали Сардинию, Корсику и, чуть ближе, остров Эльба. Увидел я и плавильные печи, где обрабатывают железо, привезен-

* Торговый порт (лат.).

ное с этого острова». Следовательно, печи Популонии еще не погасли и в них по-прежнему загружали только что добытую руду. Восстановим же опущенное слово «популонцы» в том месте, где, судя по текстам Псевдо-Аристотеля, Варрона и Страбона, оно было обязано находиться, будучи тесно связанным с уточняемыми словами «те, кто занимаются этим делом». Кстати, именно в Популонии должны были находиться «превосходные печи», упомянутые Диодором, а вовсе не на Эльбе, о которой все как один заявляли, что ее печи неудовлетворительны.

Из этого ненадежного отрывка все же можно почерпнуть ценные указания о несовершенстве методов плавки в Популонии: они представляли собой всего лишь предварительный обжиг. То, что после обработки слитки внешне напоминали губку, приводит на память замечание Плиния Старшего, удивлявшегося тому, что «при плавке руды железо становится жидким, как вода, а потом, затвердевая, раскалывается на пористые куски — *in spongeas frangi*»¹⁵⁷. Следовательно, в то время в Популонии не могли довести до конца процесс обработки металла — поэтому там и не производили уже ремесленных товаров. Популония могла лишь вздохнуть о своем былом процветании. Ее печи еще функционировали, но, как подмечает Страбон несколькими точными штрихами, «сегодня этот городок совершенно пустынен, если не считать храмов и нескольких домов. Немного более оживлены так называемый арсенальный квартал, маленький порт у подножия холма и две внутренние гавани». Пройдет еще четыре столетия, и Рутилий Намациан, остановившийся здесь 4 ноября 417 года н. э. на пути в родную Галлию, увидит лишь «городскую стену, обрушившуюся то здесь, то там, и крыши, погребенные под развалинами»¹⁵⁸. Ветры Истории больше не дули в паруса бывшей промышленной столицы этрусского мира, новой кузницы Вулкана, Питсбурга античности; а ведь раньше, когда ее стены покрывались копотью от плавильных печей, ей не нужны были ПUTEОЛЫ, чтобы завершить обработку металла и выковать соху Тагеса или секиру Макстарны.

Дороги

Большая, деятельная и многоликая страна с полями, отвоеванными у болот, с корабельными лесами и зарослями кустарника, с судостроительными верфями и рудниками, с квадратами хлебных полей и виноградниками вокруг городов! Прежде чем войти в эти города, бывшие сутью Этрурии, нам остается воссоздать сеть дорог — нервную и кровеносную систему этого обширного тела, обеспечивавшую сообщение между ее регионами.

Сложно сказать, были ли в хорошем состоянии дороги страны. В этом плане римское завоевание привело к бесповоротному разрыву Этрурии со своим прошлым. Все крупные дороги античности, проходящие через Этрурию, все известные нам маршруты, по которым проложены и современные трассы, были построены после завоевания и ведут, как и положено, в Рим: *виа Аурелиа*, построенная в 241 году до Рождества Христова, шла вдоль побережья из Рима в Пизу; *виа Клодия* (225 год) на внутреннем плато — через Бьеду, Тусканию, Матернум (Фарнезе) и Сатурнию; *виа Кассиа* (154 или 125 год), лежащая дальше к востоку, — из Рима во Флоренцию через Вольсинии, Клузий и Арретий; *виа Америна* (около 241 года) поднималась по правому берегу Тибра до Америи. Эти четыре дороги выходили из Рима, центра мира, и служили исключительно целям римлян, независимо совпадавшим с целями этрусков, а иногда и противоречившим им. Например, одна старая дорога шла из Цере в Вейи, а оттуда в Пренесте, чтобы попасть в Кампанию, минуя Рим; она пересекала Тибр в Фиденгах (Кастель-Джубилео), в восьми километрах вверх по течению, и вполне вероятно, что легендарный поход трехсот Фабиев на Вейи был затеян для того, чтобы завладеть этим путем сообщения¹⁵⁹. Римляне никогда не заботились о поддержании этой дороги в хорошем состоянии, зато построили в Этрурии четыре других, о которых мы уже говорили — четыре пути доступа в покоренную страну, чтобы как можно быстрее перебрасывать легионы на север Италии, для отражения угрозы со стороны галлов и в перспективе новой экспансии.

Понятно, что хотя эти дороги порой и совпадали с существовавшими ранее, например, *ager Tarquiniensis*, по которой виа Клодиа следует между Бьедой, Норкией и Тусканией, они часто проходили, не отклоняясь от прямой линии, вдалеке от прежних крупных центров: та же виа Клодиа, начиная с Тускании, идет прямо на Сатурнию — римское поселение, в то время как в Вольци и Совану можно было попасть только проселком, что немало способствовало их упадку¹⁶⁰.

Не стоит представлять себе этрусские дороги по образу римских, вроде Аппиевой, с красивыми плитами и проторенной колеей. Впрочем, и Аппиеву дорогу начали мостить только в 293 году¹⁶¹. В Этрурии дороги были выложены плитами только на подступах к городам, например у северо-восточных ворот Тарквиний¹⁶². В большинстве своем они были вырублены в скалах, и тяжелые повозки и потоки воды проделали в них глубокие рывины. Кое-какие из таких дорог, например, в Вейях, Бьеде, Соване, с высокими отвесными стенами, посреди которых пробиты гробницы, окруженные пышной растительностью, обладают дикой красотой, привлекающей туристов. Но не нужно приписывать этрусское происхождение всем этим *cave* и *cavoni*^{*}, указанным в путеводителях: «Невозможно отличить заброшенную дорогу столетней давности от дороги эпохи этрусков»¹⁶³.

Единственным критерием подлинности могут служить расположенные по обочинам гробницы и скальные надписи. Последние исследования Уорда Перкинса на землях фалисков¹⁶⁴ позволили обнаружить множество участков дорог доримской эпохи вдоль виа Америна и в других местах и оценить отвагу, с какой дорога, чтобы избежать слишком крутых склонов, уходила в землю на глубину до 15 метров; параллельно с одной стороны дороги шел иногда крытый *cuniculus*, обеспечивающий отвод воды. Некоторые из таких сооружений подписаны именем создавшего их инженера, например *Larth Vel Arnies*, возле Коркиано¹⁶⁵. Эти данные позволяют предположить, что между

* Пещеры и склепы (*ut.*).

такими городами, как Вейи, Непет и Фалерии, существовало довольно интенсивное движение. Кроме того, в противоположность властной простоте римских дорог, здесь сам собой сплелся клубок, отражающий особенности региона и подчеркивающий отсутствие централизации в этрусском мире, о чем нам уже было известно. В *fanum Voltumnae* (храме Вольгумны) близ Вольсиний было место ежегодных собраний. Если бы нам была лучше известна карта дорог Этрурии, увидели бы мы там двенадцатилучевую звезду? Вряд ли. К концу Римской империи умбры из Спелло осмелились обратиться к Константину с просьбой, чтобы он избавил их от путешествия по крутым скалам и труднопроходимым дорогам — *ardua montium et difficultates itinerum*¹⁶⁶. Десятью веками раньше с аналогичными просьбами, наверное, обращались к Тархону.

Средства передвижения

Из города в город ездили часто, небольшими этапами. История средств передвижения этрусков начинается с боевых колесниц, обнаруженных в Популонии, Ветулонии, Марсилиане и Цере в гробницах VII века до н. э.¹⁶⁷ Это повозки на двух колесах с металлическими ободами, с деревянной будкой, открытой сзади и закругленной спереди; к ней крепились длинное дышло, над которым нагибался возница, управляя лошадьми. Они похожи на колесницы, которые мы видим на греческих вазах эпохи Дипилон, и вызывают в памяти сражения из поэм Гомера. Но маловероятно, чтобы этрусские Ахиллесы использовали их в настоящих сражениях. Богатая отделка бронзовыми пластинами говорит о том, что, скорее всего, это церемониальные колесницы: их могли использовать для торжественных шествий в честь военачальника, одержавшего победу. В Риме такие колесницы везла квадрига белых коней триумфатора.

Еще более парадными выглядят колесницы из Монтелеоне и Кастель-Сан-Мариано¹⁶⁸, относящиеся к середине VI века до н. э. Они украшены бронзовыми

масками Горгоны и изображениями мифологических персонажей — несравненный шедевр этрусских чеканщиков, никак, впрочем, не относящийся к воинскому искусству. К этому времени тактика боя и вооружение уже изменились, и колесница, архаическое орудие личной доблести, уступила место коннице, маневрировавшей плотными отрядами. Сама же она использовалась только во время парадов или состязаний, наподобие тех, приготовления к которым изображены в гробнице Биг* в Тарквиниях (начало V века до н. э.)¹⁶⁹.

Однако ее изображения вновь встречаются на стенах из Болоньи, датируемых III веком, и на урнах из Волатерры, на которых представлено загробное путешествие умершего, увлекаемого демонами-душепроводителями¹⁷⁰: как некогда на дорогах Этрурии, покойному приходится то идти пешком, то садиться на лошадь, ведомую под уздцы Хароном, то ехать в колеснице — поскольку это сцена героизации, естественно, что речь идет о биге или квадриге древних времен, которую лошади галопом уносят в бессмертие¹⁷¹. Но иногда этрусский реализм придавал колеснице прозаические черты современной повозки: два колеса, изогнутый верх, сделанный будто из брезента, натянутого на обручи, и украшенный тесьмой и вышивкой; видно, как внутри, удобно устроившись и погоняя двух кротких мулов, сидит путник с женой — такое впечатление, будто они направляются на соседний рынок¹⁷².

Именно в таком экипаже Тарквиний и Танаквиль, покинув родные Тарквинии, когда-то приехали в Рим; в такой повозке, названной Титом Ливием *carpentum* (двуколка), они, сложив в нее весь свой скарб (*sublatiis rebus*), добрались до вершины Яникула. И там, когда Тарквиний «сидел с супругой в двуколке» — *carpento sedenti cum uxore*, с неба спустился орел, чтобы показать ему, что боги поддерживают его устремления¹⁷³.

Эти *carpenta* часто появляются в ранних хрониках Рима, в частности, в связи с историей римского феминизма: они участвуют в долгой борьбе, которую пришлось вести римским матронам, чтобы, по примеру

* Бига — греческая колесница, запряженная парой лошадей.

своих этрусских сестер, получить право выезжать в свет. Изначально, по свидетельству Овидия, италийки свободно разъезжали в *carpentum*:

*Nam prius Ausonias matres carpenta uehebant*¹⁷⁴.

Однако римские Катоны без конца оспаривали, отнимали, возвращали, выторговывали у них это их право под предлогом того, что из-за колесниц на узких городских улицах возникают заторы, а главное — попираются моральные устои. Нужно было быть бессовестной — и этрусской! — как Туллия, дочь Сервия Туллия, чтобы не оробеть среди толпы мужчин на форуме, куда она приехала на своей *carpentum* (*carpento in forum inuecta*)¹⁷⁵. Кстати, на обратном пути она поступила еще хуже, переехав тело умирающего отца (*per patris corpus carpentum egisse fertur*). Нужно было быть бесстыжей, как Кинфия в стихах Проперция, чтобы отправиться в Ланувий в *carpentum* с шелковым верхом (*serica carpenta*) милого друга, «сидя у самого дышла, болтая ногами»¹⁷⁶.

В 395 году до н. э., после взятия Вей, диктатор Камилл, чтобы отблагодарить римских матрон, отдавших все свои драгоценности в казну, разрешил им ездить в *pilentum* (парадная четырехколесная повозка) на жертвоприношения и игры и каждый день в *carpentum*, будь то праздник или будни¹⁷⁷. В 213 году, в самые тяжелые дни Второй Пунической войны, *lex Oppia* (закон против роскоши) запретил женщинам ездить в запряженных повозках в Риме и в других городах, находящихся от него в радиусе тысячи шагов; исключения составляли только поездки на богомолье. В 195 году, когда вернулся мир, Катон выступил с пламенной речью, обрушившись на тех, кто пытался отменить этот закон и преуспел в этом¹⁷⁸. Но с годами в сараях, где к колесницам присоединились другие средства передвижения — двухколесные тележки, повозки с сиденьями и с откидным верхом, — *carpenta* покрылись налетом древности и престижа церемоний, для которых были предназначены. Вот отчего во времена Империи Мессалина и Агриппина не придумали ничего лучше, чтобы потешить свою гордыню,

* Встарь авзонийских матрон возила, бывало, карпента (пер. Ф. Петровского).

чем отправиться на Капитолий в *carpentum* (*carpento Capitolium ingredi*), «предназначенных ранее для жрецов и святынь»¹⁷⁹. После смерти своей матери, Агриппины Старшей, Калигула устроил игры в цирке, во время которых ее статую торжественно провезли в *carpentum*¹⁸⁰. На медальоне, выбитом по этому случаю — *memorae Agrippinae*, — изображена почетная колесница, возведенная в ранг кареты: ее сводчатый верх как будто опирается на четыре маленькие статуи. «Очень вероятно, что такая крыша имеет этрусское происхождение»¹⁸¹.

Действительно, ничто не противоречит тому, что Рим мог заимствовать *carpentum* из Этрурии, где ее изображения сделаны раньше. Однако хорошо известно, что большинство средств передвижения, а также лексику для их обозначения римляне переняли у галлов: «Римляне, как прекрасно сказано¹⁸², — это оседлые земледельцы, у них не было больших четырехколесных повозок, в которых завоеватели-галлы перевозили свои пожитки, а ночью огораживали ими свой лагерь». Они заимствовали их название у галлов, деятельность которых в Италии привела к их освобождению от господства этрусков. Это относится как к слову *carrus* (четырёхколесная повозка), которое заменило собой в романских языках латинское *currus*, к *petorritum*, *benna*, *covinnus*, *rheda*, *cisium*, *essedum*, так и к *carpentum*, галльское происхождение которого подтверждают Тит Ливий и Флор¹⁸³. Но очевидно, что сами этруски первыми подчинились этому влиянию, если вспомнить о продолжительном соседстве с цизальпинскими галлами, щедром не только на битвы, но и на торговые и культурные связи: тяжелые повозки и легкие колесницы галлов колесили перед глазами этрусков по обширной Паданской равнине. «Все модели и названия средств передвижения в Риме позаимствованы у галлов»¹⁸⁴. Возможно, но не без посредничества этрусков — кому, как не им, было перенимать эти секреты, в том числе и *carpenta*, как бы они ни называли их на своем языке, которые изображены на урнах III века до н. э. в Северной Этрурии, в Волатерре и Фьезоле.

ГОРОДА И ЖИЗНЬ В НИХ

Этруски были хорошими агрономами и умели подчинять себе природу, однако в полной мере они раскрыли свой гений как строители городов. На заре истории Италии они выступили первыми носителями этой идеи и первыми претворили ее в жизнь¹. Многие факты доказывают, что у италийцев не было понятия города в том смысле, какой латиняне вкладывали в слово *urbis*, то есть не произвольного нагромождения домов, а живого существа, одновременно материального и духовного, управляемого собственными законами, ограниченного в пространстве строгими правилами и освященного ритуалами основания. Хорошо известно, что именно этруски создали из поселков, рассеянных по римским холмам, настоящий город с возвышающимся над ним Капитолием и с осушенным форумом. Во всех местах, которые были им подвластны и где местное население по своей природной склонности растекалось по сельским округам, усеянным усадьбами и хуторами, этруски сосредоточили в городах основы своего могущества, органы управления и религиозные церемонии.

Ритуалы закладки города

Никто в античном мире не оспаривал у этрусков этих заслуг, и лучшей похвалой в адрес какого-либо города было сказать, что он построен в соответствии с

Etrusco ritu (этрусским ритуалом). Всем было известно, что у тирренов имелись «ритуальные книги», в которых было указано, «каким ритуалом должно основать город, освятить его алтари и храмы, чтобы сделать стены неприступными, а врата — законными»².

Эти ритуалы переняли римляне и использовали их в своих колониях на всем полуострове и в провинциях. Изучив предзнаменования, авгур задавал направление будущего города, сверяясь по солнцу с помощью инструмента, называемого *groma*, фиксируя направление с востока на запад (*decumanus*) и с севера на юг (*cardo*). После этого начинались операции по *limitatio*, живописные детали которых особенно привлекали внимание древних. Основатель города, покрыв голову полой тоги, проводил бронзовым плугом, в который были впряжены бык и телка, первую борозду (*sulcus primigenius*), отбрасывая землю внутрь, а доходя до местоположения ворот, поднимая и «перенося»* свой плуг. Таким образом, он не только окружал город символическими рвом и стеной, но и освящал, по обе стороны проведенной линии, пространство, называемое *pomerium*, внутри которого запрещалось строить, а снаружи — пахать³.

Внутри очерченной территории находилась система улиц, параллельных направлениям *decumanus* и *cardo* и так же, как они, обозначенных натянутой бечевой. Они делили город на правильные *insulae* («островки» — кварталы), и его план напоминал шахматную доску. Соотношение между шириной главных, второстепенных улиц и *insulae* было величиной постоянной.

Римские этрускологи утверждали, что основатели этрусских городов считали город построенным неверно, если в нем не было трех врат, трех улиц и трех храмов, посвященных Юпитеру, Юноне и Минерве⁴. Такой была теория *ritus Etruscus*; если воспринимать ее буквально, то самые древние лукумонии Тосканы следовало бы представить себе по образу и подобию лагерей и колоний времен ранней Римской империи, например в Северной Африке, с четкостью чертежа разбивающих местность на ровные квадраты. В таком случае Тарквинии Тархона и Агилла Мезенция на восемь веков предвосхитили бы Лам-

* На латыни *porta* — «ворота», *portare* — «переносить».

без и Тимгад, разворачивающие свой шахматный ковер без единой складочки по пологому склону. Никто в это не поверит: во-первых, потому, что рельеф местности в Этрурии, как, впрочем, и в Нумидии, в большинстве случаев мешал строгому соблюдению правил, да и природа часто сопротивлялась неукротимому желанию подчинить ее человеческому разуму. «Если местность позволит, — писал римский геометр, — мы должны придерживаться расчетов; если же нет — мы должны как можно меньше от них отклоняться»⁵. Расчетами пришлось изрядно поступиться, чтобы вознести Орвьето на его пьедестал, окруженный пропастями и расщелинами, чтобы усадить Волатерру на нагромождение холмов, над которыми возвышается ее головокружительная пирамида. Археологу нужен зоркий глаз, чтобы разглядеть в веерообразном контуре Арретия и в очертаниях Перузии в форме морской звезды план *urbs justa* — правильного города.

Добавим, что недавние исследования с полным правом оспаривают закрепленное за этрусками звание родоначальников античного градостроения. В том немногом, что осталось от наиболее древних городов Этрурии, трудно разглядеть симметричное расположение улиц по отношению к двум главным перпендикулярным осям. В Ветулонии, исчезнувшей в начале VI века до н. э., улицы, наоборот, были непрямыми и извилистыми и пересекались как угодно, но только не под прямым углом⁶. Возможно, что Вейи или Сована содержали зачатки осевого расположения, заложенного при их основании⁷. Но настоящая система прямоугольных пересечений и являющийся ее логическим продолжением план «шахматной доски» появились довольно поздно, в VI—V веках до н. э., причем одновременно на территории всего Средиземноморья, под влиянием потребностей и распространения греческих колоний от Милета до Агригенты и Метапонта. Разработку «шахматной» планировки традиционно приписывают архитектору Гипподаму Милетскому, жившему в первой половине V века до н. э., который лишь кодифицировал и раскрыл направления, заданные предыдущими поколениями⁸. Так что с этой точки зрения оригинальность этрусков не кажется столь уж яркой, хотя ценно и то, что они ста-

ли проводниками греческой культуры в Италии, придав ей свой собственный колорит — мы уже видели, что в этом заключается их главная заслуга.

Подтверждение и символ этой зависимости в плане градостроительства предоставляет история языка: название прибора, которым пользовались римские землемеры — *groma*, заимствовано из греческого *gnomon*, *gnoma*. Оно претерпело фонетические изменения в результате диссимиляции носовых согласных (*gn/gr*), что соответствует законам этрусской фонетики и обличает наличие языка-посредника⁹. Впрочем, связи между Этрурией и Ионией были столь многочисленны и очевидны, что мы лишь рады случаю записать на счет этрусков еще один долг перед родиной Гипподама Милетского.

Новые поселения этрусков сразу стали строиться по типу греческих колоний. Именно колонии устраивали и сами этруски, с начала V века до н. э.¹⁰, на границах своих цизальпинских и кампанских провинций, в Мардзаботто и Капуе. По счастью, рисунок местности здесь больше подходил для требований ритуала, отныне называемого этрусским: в первом случае — терраса над рекой Рено, несущей свои воды в Эмилию Романью, во втором — на плоской равнине, которая, согласно неверному, но классическому этимологическому толкованию, дала свое имя Капуе — *campo dicta*¹¹. Капуя всегда вызывала у римлян восхищение, смешанное с завистью, из-за своего удобного местоположения на абсолютно гладкой равнине, что позволяло осуществить гармонично задуманный план. В то время как их собственный город, «загнанный в рамки холмов и долин, поднялся кверху... и повис в воздухе со своими многоэтажными домами, прорезанный негодными дорогами и узкими улицами»¹², как говорил Цицерон, слишком напоминая древние города собственно Этрурии до реформы Гипподама.

Мардзаботто

За 2500-летнюю историю Капуи черты этого города изрядно размылись и спутались. Что же касается Мардзаботто, уничтоженного гальским нашествием в IV ве-

ке до н. э., то его черты проявились в ходе археологических раскопок XIX века, возобновленных после Второй мировой войны, с такой четкостью, что сразу же пошли разговоры об «этрусских Помпеях»¹³.

Оставим в стороне, на северо-западе, холм Мизанелло, который был религиозным центром города: там обнаружили фундаменты пяти храмов и алтарей. У подножия этого Капитолия, на плато Мизано, располагался собственно город: прямые улицы, пересекающиеся под прямыми углами, образовывали квадраты кварталов на площади примерно 100 гектаров, западная часть которых сползла в реку. Сохранились две основные оси, четко ориентированные по сторонам света: это две улицы шириной 15 метров (эти данные не с чем сравнить), разделенные на три части: проезжая часть между тротуарами шириной три метра. Там были даже сточные каналы для отвода дождевых вод, каких не было в римских городах более позднего периода — Остии или Помпеях. К югу от *decumanus maximus* шли параллельно *decumani* меньшей ширины (12 метров), соединенные между собой *cardo*, параллельными улочками пятиметровой ширины. Эти квадраты очерчивали островки домов, от которых остались только массивные каменные фундаменты. Стены их, вероятно, были сложены из необожженного кирпича.

Длина этих *insulae* являлась величиной постоянной — 165 метров, ширина — 35, 40 или 68 метров. Внутри, вокруг очень просторных дворов, похожих больше на двор фермы или фабрики, чем на *atrium* римского дома, было беспорядочное нагромождение небольших жилых помещений, лавок и мастерских: в 1952 году по гудам железного шлака возле одной из них археологи определили, что перед ними маленькая металлургическая фабрика. Все это выглядит гораздо скромнее и грязнее, чем позволяла предположить внешняя обстановка — широкие прямые улицы, тротуары, гидравлические сооружения. Возможно, основатели Мардзаботто, опьяненные восторгом созидания, слишком размахнулись, а скудость ресурсов и посредственная судьба этого города не оправдали их ожиданий: город не оставил в истории никакого следа, нам даже

неизвестно его точное название — возможно, Миза. Надо полагать, это был просто поселок. Однако в его гробницах хранились богатые похоронные принадлежности, частично уничтоженные бомбардировками 1944 года, — золотые украшения, аттические вазы. При последних раскопках удалось обнаружить чрезвычайно изящную головку юноши из паросского мрамора. Дело в том, что Мардзаботто расположен всего в 80 километрах от крупного греко-этрuscoго города Спина, через который на этот склон Апеннин поступали греческая керамика и все изыски эллинизма.

Спина

Спина стоит у современных археологов на первом месте в списке приоритетов¹⁴. Она все еще затоплена водой, но покрывало тайны и загадки с нее уже удалось приподнять. В V веке до н. э. Спина была крупнейшим портом Адриатики, Венецией своего времени, расположенной в трех километрах от моря посреди лагун, образованных одним из рукавов реки По, на месте современного Комакьо. В этом космополитичном городе жили бок о бок местные уроженцы-венеты, новые хозяева страны этруски и греческие купцы, утверждавшие, что пришли в эти края вслед за Диомедом, сыном Тидея; сокровищница, выстроенная от их имени в Дельфах, свидетельствовала о их процветании и благочестии. Город был центром международной торговли, куда афинские корабли заходили за янтарем с Балтики и оловом с Касситерид, а главное — за пшеницей с Паданской равнины, мелиорированной этрусскими инженерами и дававшей обильные урожаи. В обмен на это греки привозили в Спину товары с Востока и великолепные аттические вазы: обнаруженные за 30 лет раскопок в грязи местных некрополей, они теперь составляют гордость музея Феррары. Множество других нашли в Болонье и Мардзаботто, некоторые — чуть севернее, в местечке Атрия, сестре-близнеце Спины, давшей имя Адриатике, тщательное исследование которой еще должно принести свои плоды¹⁵.

Спина и Атрия разбогатели благодаря особым экономическим обстоятельствам: в 474 году флот Сиракуз нанес при Кумах поражение этрусскому флоту и изгнал его из Тирренского моря. Это сразу же сделало чрезвычайно важным путь через Адриатику, а рынки, расположенные в устье По, позволили афинянам обновить и укрепить торговые отношения с этрусками. Судя по возрасту аттических ваз, найденных в Спине, Атрии, Болонье и Мардзаботто, импорт резко пошел вверх примерно с 470 года: 63 вазы относятся к последней четверти VI века, 110 — к первой четверти и 309 — ко второй четверти V века до н. э.

До начала войны были проведены раскопки тысячи двухсот захоронений; сегодня их число перевалило за три тысячи. На руку археологам сыграли аграрная реформа и работы по осушению и оздоровлению почвы: на песчаных отмелях, выходящих на поверхность, были обнаружены новые некрополи; из металлических ящиков, увязших в иле, извлекли целый урожай кратеров с завитками и панафинейских амфор, что не могло не подхлестнуть тайную деятельность рыбаков из Комаккьо, но вовремя предпринятые меры положили конец утечке за рубеж этой чудесной добычи. После того как был обнаружен город мертвых, предстояло найти город живых.

Это случилось в октябре 1956 года. Изучение фотографий, полученных методом аэрофотосъемки, открыло то, что не было доступно невооруженному глазу — очертания города под песком. Спина оказалась городом-лагуной, в котором жители перемещались по каналам, как в Венеции. Местный «Большой канал» шириной 30 метров пересекал город из конца в конец — это было выправленное русло реки По, на которой стоял порт. Через равные промежутки его перерезали малые каналы (сегодня они заросли более высокой травой, а потому выглядят более темными), разграничивавшие геометрически правильные и ориентированные по сторонам света *insulae*. Руководствуясь этими снимками, археологи начали поиск остатков зданий под толщей болотной жижи и раскопали ряды свай, на которых, как и следовало ожидать, покоились основа-

ния построек. Спина, озерный город, по-своему соблюдал законы этрусского ритуала; хотя возможно, что именно через Спину планы Гипподама были перенесены на Мардзаботто, а затем распространились по всему этрусскому миру¹⁶.

План Капуи, руины Мардзаботто, фотографии Спины дают нам только иллюзорное представление о том, какими были древние метрополии самой Этрурии, хотя учение этрусков включило эти новшества в свою традицию. Иным был облик Тарквиний, когда Танаквиль покидала дворец своих предков, или Вольсиний, когда вожди всего народа карабкались туда по скале на собрание союза двенадцати племен. *Urbs justa* изначально был лишь недостижимым идеалом, о котором, как о совершенстве греческого мира, можно было только мечтать и который удавалось осуществить лишь частично, если какой-нибудь тиран — Порсенна в Клузии и Тарквиний Гордый в Риме, увлеченные, как все тираны, грандиозным строительством и переделыванием своих городов, — решал в один прекрасный день пробить прямые проспекты в архаичном лабиринте переулков. На кладбищах в Цере, с начала V века до н. э., когда туда начали прибывать аттические вазы, мы увидим неожиданно прямые ряды фасадов и симметричные площадки, наверняка служащие отражением того, что происходило в ту пору в городе живых.

• • •

Об этих городах живых мы знаем вообще очень мало, несмотря на упорное стремление археологов докопаться до сути. Еще до войны Романелли исследовал уже не могилы, а город Тарквинии¹⁷; после войны группа ученых из Больсены под руководством Реймона Блока раскопала Вольсинии¹⁸. Взгляду открылись городские стены, было установлено местоположение акрополей, а внутри них проводились плодотворные исследования. В Тарквиниях был найден храм, названный Ара делла Реджина (Алтарь царицы), с великолепной группой крылатых коней из терракоты; в Вольсиниях — храм богини Нортии. Но, несмотря на все эти впечатляющие находки, большая часть обоих городов, их улицы, пло-

щади и дома все еще скрываются от нас под масличными садами и виноградниками, об экспроприации которых не может быть и речи, и, возможно, так и не покажутся нам на возвышенностях, с которых дождевые воды за века смыли все рукотворные сооружения.

Вот почему в 1955 году новость о том, что город Вольци, гробницы которого со времен Люсьена Бонапарта обогатили все музеи Европы, станет объектом археологических раскопок под руководством господина Барточчини, суперинтенданта древностей Южной Этрурии, была воспринята с таким воодушевлением¹⁹. Для проведения этой работы потребовались, во-первых, тщательные предварительные исследования с помощью самого современного оборудования: составление топографических планов, аэрофотосъемка, геохимическое, электрическое и звуковое исследование по методу инженера Леричи, чтобы с пустынного плато на берегу реки Фьора, где было этрусское поселение и где сегодня не видно ни следа древних построек, сняли подробную карту, и раскопки можно было бы уже производить наверняка. Стремление избежать разорительных и бесполезных работ по расчистке и сократить время, угроза со стороны бульдозеров мелиораторов и «черных копателей» сочетались с заботой о том, чтобы не упустить ни единой зацепки, позволявшей воссоздать прошлое Вольци.

Городские стены

Пока же остается ограничиться тем, о чем нам сообщают, например, мощные городские стены, сложенные из огромных каменных блоков, более или менее обтесанных и не скрепленных цементом, которые раньше относили к сказочным временам пеласгов и циклопов²⁰. Надо сказать, что этрусские города, защищенные природой — отвесными скалами, на которых они стояли, — долгое время обходились без дополнительных укреплений. Только угроза галльских нашествий в VI и V веках до н. э. заставила их окружить себя стеной. Впечатляет размах этих сооружений: в Тарквиниях городская стена

протянулась на десяток километров, в Волатеррах — на девять, в Вольсиниях — на шесть-семь. В Вольсиниях в городскую черту включены четыре холма. В Волатеррах городской вал, вытянутый в почти ровную линию на юге, выписывает к северу, в чистом поле, глубокую дугу, чтобы, на случай осады, захватить соседние источники. Поступает все больше подтверждений, что огромные городские площади — 150 гектаров в Цере, 135 в Тарквиниях — не были сплошь застроены, а включали в себя и сады, и выгоны для скота, и пустыри. Даже в Капуе вся восточная половина города хоть и спрятана за крепостными валами, но ничем не застроена.

Преобладание частных домов

В свидетельствах Посидония и Диодора о жилищах этрусков встречается неожиданная фраза: «У них не только рабы, но и большинство свободных людей имеют разные частные дома». На первый взгляд это поразительно: можно подумать, что речь идет о немилости, которая обрушилась не только на рабов, но и на свободных людей. Получается, что свой угол, кажущийся нам сегодня ценным благом, для общества этрусков таковым не являлся.

В действительности ход мыслей сложнее. Прежде автор приводил примеры роскошного образа жизни этрусков, говорил об обильных пирах, о вышитых коврах, о серебряных сосудах, о многочисленных слугах, красивых и богато одетых: их одеяния, по его словам, никак не соответствовали статусу рабов. Далее же он пишет о том, что «у них было отдельное жильё». Но это вовсе не наказание, а очередной признак щедрости, мягкотелости, если угодно, их хозяев. Делая это замечание, Посидоний вспоминал об обычном положении рабов, не только тех, кто был наказан и с цепями на ногах томился в эргастулах, но и в целом рабов в городе и деревне — можно догадаться (хотя письменные источники и умалчивают об этом), что они жили все вместе в отведенных для этого помещениях на *villa urbana* или *villa rustica*. Так было в поместьях в окрестностях Пом-

пей, где рабов держали в лепящихся друг к другу каморках возле конюшен. Но здесь речь идет о других рабах. Мы уже видели, что под этим обобщающим понятием этрусски в основном подразумевали плебс, отдельные представители которого — более способные или более привилегированные, вольноотпущенники или клиенты — жили в довольно либеральных условиях.

Отметив эту привилегию этрусских «рабов», Диодор, несколько неловко пересказывая Посидония или присоединив к своему рассуждению чисто риторическое «не только... но и», искажающее смысл, добавляет, что она распространяется и на свободных людей. Его поняли бы лучше, если бы он сказал: «Впрочем, отдельные дома есть и у свободных людей». Только первая часть фразы служит подтверждением этрусской *tryphe* (изнеженности). Но замечание о таком образе проживания тотчас наводит его на другую мысль — что он распространен даже среди свободного населения. И раз он считает, что об этом стоит упомянуть, значит, Этрурия отличалась в этом плане от мира римлян: оставаясь верной традиции *domus*, она не принимала принципа *insula*, принятого в столице.

Жером Каркопино в «Повседневной жизни Древнего Рима»^{*21} рассказал о возникновении доходных домов, которые росли как грибы в конце эпохи Республики, давая приют непрерывно увеличивающемуся населению и задавая направление развитию города «по вертикали». Он напоминает, что «уже в III веке до н. э. четырехэтажные *insulae* стали столь многочисленными, что на них больше не обращали внимания». Во многих письменных источниках рассказывается, как в 218 году до н. э. какой-то бык чудом взобрался на четвертый этаж одного из таких небоскребов форума Боариум, где торговали скотом, и, напуганный криками жильцов, бросился вниз; в 153 году царь Египта Птолемей Филометор, находясь в изгнании, нашел прибежище в Риме у художника Деметрия и ютился у него в каморке на последнем этаже — плата за жилье была чрезвычайно высокой. В 99 году Тит Клавдий Центумал лишился

* Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М.: Молодая гвардия, 2008.

по решению суда своего дома на холме Целий: его пришлось снести, так как он мешал авгурам наблюдать за предзнаменованиями с высоты Капитолия. «Рим, — по выражению Цицерона, — поднялся кверху и повис в воздухе». Известно, что несчастья Марка Целия, юного друга Цицерона, происходили оттого, что он снял жилье в доме, принадлежавшем трибуну Публию Клодию, и его соседкой по лестнице или по саду оказалась Клодия — красавица Лесбия, воспетая Катуллом.

Вскоре и портовая Остия у ворот Рима стала нагромождать этажи на этажи в жилых домах, расположенных в промышленных кварталах. Рим же являл собой самый яркий пример тесноты и скученности. На фоне такого компактного проживания замечание Посидония указывает на то, что в Этрурии предпочитали жить просторнее: один *domus* на человека или на семью. Возможно, это лишь поспешный вывод, наскоро записанный путешественником. Ему в определенной степени противоречит то, что нам подсказывают камерные гробницы, в которых с конца V века до н. э. перестали хоронить только супружеские пары, помещая в них все более многочисленные *familia*, а также *columbaria* Сованы, Бьеды и Вей с двумя сотнями *loculi* (гробов): все это наводит на мысль о человеческих ульях, не приспособленных для уединения. Но все же отметим специфическую — и архаическую — черту этрусских городов: особняки, личные дома, которые, естественно, занимали много места внутри городских стен.

Население городов

Городские пределы, однако, существенно расширились, что ставит вопрос о численности населения. Надо признать, что в этом плане историкам не на что опереться. У них нет драгоценных сведений, подобных тем, которые позволили Карлу Белоху заложить основы его «Bevolkerungsgeschichte Italiens» («Истории населения Италии») в Средние века и в Новое время²², — списков рекрутов, куда в Пизе и Сиене с конца XII века заносили мужчин «призывного возраста», синодиков умерших,

списков *bocche che mangiano pan* («ртов, которые едят хлеб»), церковных книг и т. п. Из этих документов известно, что до эпидемии чумы 1348 года во Флоренции проживала 51 тысяча человек, а в Корнето, наследнике Тарквиний, в 1503 году было только 6810 жителей, в Орвьето — 9190, в Сориано (Сована) — 1140.

Что же касается Древнего мира, то здесь можно только строить предположения. Лет 30 тому назад Б. Ногара предложил принять население Цере, исходя из его площади в 150 гектаров, за 25 тысяч человек. Аналогичным образом он приписал Тарквиниям, Волатерре, Популонию, Вейям, Клузию и Перузии примерно такое же число жителей в эпоху расцвета этих городов. Сегодня этрускологи занижают эту цифру. На недавнем коллоквиуме фонда СИБА некоторые ученые высказались против предположения о том, что этрусский город мог насчитывать 20—30 тысяч жителей²³. Тем не менее они признают, что демографическое положение в Этрурии VI века до н. э. не должно было сильно отличаться от средневекового, когда на смену этрусским метрополиям пришли новые столицы, например Флоренция с населением в 51 тысячу человек. «Предположим, пять тысяч», — говорил один ученый. «Я бы сказал — до десяти», — отвечал второй. «Мне трудно поверить, чтобы город, подобный Тарквиниям, насчитывал не более пяти тысяч жителей», — резонно возражал Уорд Перкинс. Но эти противоречивые оценки и жонглирование цифрами — не последнее слово в поиске истины. М. Фоти заметил, что можно попытаться определить численность населения какого-нибудь этрусского города по данным захоронений, но такие подсчеты так и не были произведены.

Вот, например, как можно было бы поступить. О точных цифрах здесь, конечно, речи не идет. Некрополи Цере занимали площадь более 400 гектаров²⁴ и непрерывно пополнялись с начала VII века и до середины I века до н. э. На территории одного из них, Бандитачча, с 1911 года ведутся систематические раскопки, результаты которых начали публиковать в 1955 году в «*Monumenti Antichi de l'Academie des Lincei*»²⁵. Там есть подробные описания и точные планы.

Рассмотрим, к примеру, в зоне А, называемой Речинто («Ограда»), сектор Е, названный Тумулус делла Кверчия (Курган Дуба) из-за дуба, выросшего над одной из могил²⁶. Северная часть сектора представляет собой прямоугольник 74 на 47 метров, то есть 34,78 ара, исследованный почти полностью. На нем теснятся 170 захоронений всех эпох и всевозможных форм: курганы, камерные гробницы, могилы и даже две-три кремационные гробницы. В одних полно красивейших коринфских или аттических ваз, в других находят керамику из Арретия, в третьих — буккеро, в других — грубые сосуды из терракоты. В общей сложности речь идет о 354 захоронениях, то есть 8,8 на один ар. Второй прямоугольник: 40 на 42 метра, то есть 16,8 ара, в соседнем секторе D, названный Тумули делла Корниче (Курганы Рога)²⁷, содержит 184 захоронения, то есть 9,1 на ар. Учитывая «пробелы» в других секторах, похоже, что и там дело обстояло примерно так же. Следовательно, если предположить, судя по данным аэрофотосъемки, что все 400 гектаров некрополей Цере были повсюду столь же плотно заполнены, можно прийти к выводу, что за шесть с половиной веков (700—50 годы до н. э.) существования некрополя в городе умерло примерно 400 тысяч человек.

Вспомним, что, согласно приведенным нами выше расчетам, приблизительная продолжительность жизни в то время равнялась сорока годам (40,88)²⁸. Конечно же Цере не был населен во II веке так же густо, как во времена своего расцвета, и численность населения не была величиной постоянной. Но за этой оговоркой можно допустить, что за 650 лет поколения сменились 16 (15,9) раз. Так что число жителей Цере в определенный момент должно было достигнуть $400\ 000:15,9=25\ 157$. Это минимальное число, поскольку 184 и 354 захоронения из прямоугольников в секторах D и E, 400 гектаров некрополей Цере — нижние пределы величин, и не будем забывать, что Цере с течением времени обезлюдел. Но мы пытались установить лишь порядок величин, и в этом плане полученный нами результат, соответствующий инту-

итивному предположению Бартоломео Ногара, — 25 тысяч жителей, — может задать правильное направление мысли.

Что могилы умерших рассказывают о домах живых

Несмотря на похвальные попытки современных археологов вырвать у городов живых тайну внешнего облика этрусских городов, для того чтобы точно ответить на данный вопрос, нам придется спуститься в преисподнюю некрополей. Среди них наиболее изучены некрополи Тарквиний, благодаря фрескам, превращающим их в музей этрусской живописи. Не менее потрясает суровым величием голого камня город мертвых в Цере с чередами курганов по обе стороны погребальной дороги, под которыми скрываются гробницы, красота которых чаще всего заключается единственно в архитектуре. Они и способны пролить гораздо больший свет на занимающий нас вопрос.

Мы уже имели возможность посетить одну из них — гробницу Греческих ваз²⁹ — и сделать несколько неожиданных выводов о положении женщины в этрусском обществе. На предыдущих страницах мы рассказывали о многочисленных сведениях, полученных во время раскопок 1911—1933 годов³⁰. Фотографии с воздуха, сделанные Дж. Брэдфордом, показали, что под густой растительностью находятся следы более тысячи неисследованных могильных курганов: на снимках они похожи на бесчисленные воздушные пузыри, выпирающие на поверхность, образуя очертания улиц и площадей, проложенных между захоронениями³¹.

Начиная с VII века до н. э. некрополи Цере, должно быть, окружили весь город, особенно на двух возвышенностях — Бандитачча и холме Абетоне, протянувшихся параллельно городу на северо-западе и юго-востоке за руслами речек Манганелло и Мола. Однако на двух других концах, особенно на юго-западе, в углу, образованном слиянием обеих речушек, более древние кладбища, с нагромождением могил и колодцевых погребений с очень бедными похоронными принадлежностями, от-

носятся к доэтрусскому периоду истории города. Этот некрополь Сорбо особенно важен для нас, потому что он, подобно некрополям Тарквиний и Вольсиний, позволяет проследить непрерывную преемственность, начиная с железного века, цивилизации Виллановы и этрусской цивилизации. Отметим, что именно в Сорбо, а не на Бандитачче или Абетоне, была обнаружена в 1836 году гробница Реголини-Галасси с золотыми украшениями, серебряными сосудами и пластинами слоновой кости, украшающими последний приют таинственной Ларсии. А ведь эта гробница расположена в непосредственной близости от города у подножия скалы и возвышается на юге над виллановийским кладбищем, словно господин над подданными.

Однако начиная с этого времени этрусские гробницы заполняют холмы на северо-западе и юго-востоке, и именно здесь, в особенности на Бандитачче, лучше всего прослеживается их постепенная эволюция. На аэрофотографиях вокруг крупных, уже давно изученных курганов проступают сотни крошечных холмиков — малых тумулусов, от 10 до 15 метров в диаметре. Таков был размер самых древних курганов (*tumuletti arcaici*), и он оставался обычным до конца V века до н. э., хотя за это время некоторые насыпи разрослись до 30, 40, а иногда и 50 метров. Дело в том, что эти большие курганы, в отличие от *tumuletti arcaici*, покрывают несколько могил: они были насыпаны поверх прежних тумулусов, принадлежавших, вероятно, членам одной семьи; потомки, устраивая собственную гробницу, пожелали лежать вместе со своими предками под одним куполом из земли и дерна.

Исследование одного кургана

Это очень хорошо видно, если мы посмотрим на большой курган № 2 с основанием 40 метров в диаметре³². В нем находятся четыре гробницы, из них последняя по времени — несомненно, гробница Греческих ваз, названная так из-за 150 чернофигурных и краснофигурных аттических ваз строгого стиля, стоявших на

полу и на скамьях. Они свидетельствуют не только об утонченном вкусе их владельцев, точнее, владелиц, но и позволяют вычислить возраст этой могилы — конец VI века до н. э. Кроме того, было отмечено, что входной коридор ориентирован по одной из осей тумулуса в стремлении к симметрии, что соответствовало вкусам эллинизированных этрусков: никаких сомнений, что большой курган № 2 с тремя старыми захоронениями внутри насыпали именно они.

Осмотрим по порядку каждое из захоронений. Попутно мы проследим за развитием камерной гробницы с VII по V век, следовавшим собственной логике, но и испытывавшим постоянное влияние домов для живых. Как только этруская гробница перестала быть простой продолговатой ямой, выдолбленной в скале, она расширилась до размеров настоящей комнаты с пристройками, куда попадали по лестнице, а затем — по пологому коридору, ведущему вниз (на греческом — *dromos*). Чтобы решить проблему кровли, внутри имитировали настоящую двухскатную крышу с коньковым брусом (*columen*). Самая древняя гробница — та, которая на плане расположена вверху слева³³. В нее спускались по широкому дромосу, в конце которого были две ниши — справа и слева; коридор вел в трапециевидную комнату со скамьями вдоль стен, а затем в другую, поменьше. Это захоронение получило название гробницы Хижины, потому что над обеими камерами помещен сомкнутый свод с краями, доходящими до самой земли, прикрепленный к рельефному изображению тонкого конька: это имитация соломенной крыши древних хижин, до введения черепичной кровли. Точно так же дальняя дверь — входное отверстие сельской хижины, ее наклонные косяки соединяются вверху арочным сводом. Всё это вместе напоминает шалаши, известные нам по похоронным урнам, которые повторяют их форму и часто встречаются в некрополях Лациума и в Южной Этрурии, и по следам, оставленным ими в скале на Палатинском холме и в Больсене³⁴.

Погребальная утварь, особенно чаши и блюда из грубой керамики черного и красно-коричневого цвета, называемой импасто, в купе с местным подражанием

протокоринфским вазам подтверждают принадлежность этой гробницы к середине VII века до н. э. Но вряд ли мы когда-нибудь точно узнаем значение надписи на ручке амфоры — *benphath*. Ногара прочитал ее как *Heli Phath* и перевел на латинский язык как «Гелия Фатиния», предполагая, что это имя владелицы.

Чтобы понять, как усложнилась и упорядочилась за полвека планировка гробниц, достаточно осмотреть два следующих захоронения. Первая гробница имеет два названия³⁵: переднюю ее часть, состоящую из двух боковых камер в конце входного коридора, называют гробницей Подставок (*degli Alari*), потому что в камере слева среди многочисленной кухонной утвари археологи нашли две железные подставки для дров. Дальняя часть гробницы, состоящая из двух прямоугольных камер, соединенных проходом, получила название Доли (Бочек) из-за нескольких огромных кувшинов импасто, достигающих 90 сантиметров в высоту: эти кувшины все еще находятся там вместе с остальной утварью, огромными амфорами для вина местного изготовления, протокоринфскими и коринфскими вазами — все они были изготовлены около 600 года до н. э.

Левая камера гробницы Подставок осталась нетронутой грабителями, и ее находка произвела сенсацию. В записках Менгарелли³⁶ передано волнение собравшихся, когда 13 апреля 1910 года, в присутствии князя и княгини Русполи, посла Титтони и других высокопоставленных римских чиновников, была торжественно открыта дверь, остававшаяся неприкосновенной два с половиной тысячелетия, с тех пор как через нее пронесли тело этрусской аристократки. «Когда сняли верхние глыбы ограды, — пишет ученый, — на черном сыром полу мы увидели несколько сверкающих золотом предметов и множество ваз и предметов, расставленных группами, небольшие протокоринфские вазы с египетскими статуэтками вокруг груды щепок и обломков сгнившего дерева — жалких остатков саркофага или ложа, где когда-то покоилось тело усопшей. От скелета же не осталось ничего, потому что, как обычно, кислотность туфа из Цере разрушила за века кости и органические ткани. Некоторые маленькие прото-

коринфские вазы все еще были прикреплены к стенам с помощью заржавевших гвоздей. Внимательнее рассмотрев, не спускаясь в нее, внутренность гробницы при свете карманных фонариков, мы увидели всю сложность и богатство сложенной там утвари: золотые украшения, маленькие сосуды для ароматических масел и духов, пиксиды — деревянные шкатулки для мелочей, — все эти вещи могли пригодиться только женщине для ее загробного существования. Но к этим вещам добавлялась кухонная утварь: подставки для дров и вертелы, котелок и треножник к нему; наконец, столовый сервиз — тот самый, который использовали для поминок по усопшей: кувшины, амфоры для вина, черпаки и сосуды для смешивания вина с водой, чаши и блюда — всего 109 предметов». И Менгарелли делает вывод: «Должно быть, похороненная здесь женщина была нежно любимой матерью семейства».

Гробница внизу слева, называемая гробницей Лож и саркофагов³⁷, относится примерно к тому же, а может быть, к чуть более позднему периоду. Она была разграблена еще в древности; археологи нашли в ней протокоринфскую ольпу позднего периода (630—610) с надписью на ножке: «mi L...ia Aricus» — смысл которой, несмотря на повреждение, ясен: «Я принадлежу Ларсии, жене Апиция».

Эта гробница интересна прежде всего особенностями своей архитектуры. Дромос снова приводит к двум боковым камерам, а затем в основное помещение размером 4,3 на 3,7 метра, которое выходит в комнату поменьше — 3,2 на 2,7 метра. В обеих комнатах крыша двухскатная, посреди которой проходит широкий брус, однако скаты, очень пологие, покоятся на боковых стенах в двух метрах от земли.

Попасть из дромоса в боковые камеры, в главное помещение, а из него — во внутреннюю камеру можно через два дверных проема с наклонными боковыми стойками, поддерживающими тимпан в виде круглой арки. Это арочный дверной проем из гробницы Хижины, сведенный к типу трапециевидной двери. Но по бокам дверного проема, ведущего из основного помещения в дальнюю камеру, сделаны два узких окна с глухими ар-

ками сверху. Для чего они нужны? Архитектор просто хотел придать задней стене главного помещения привычный вид фасада дома, и похожий прием мы наблюдаем в гробнице Домика (*de la Casetta*)³⁸.

Вдоль трех стен дальней камеры расставлены скамьи, но в основном помещении и в боковых камерах стоят погребальные лежа и саркофаги, благодаря которым гробница и получила свое название. Мы уже упоминали о том, что на лежа обычно клали тела мужчин, а в саркофаги — женщин.

И вот снова гробница Греческих ваз, откуда мы и начали наш осмотр³⁹. Сразу заметно, что вместо вытягивания в длину, господствовавшего в предыдущих гробницах, ее планировка сводится к тому, чтобы собрать все помещения внутри квадрата со стороной приблизительно девять метров. Центральная камера существенно шире (8,7 метра), но не глубже, чем в других гробницах (3,3 метра); следовательно, потолочный брус *coluimen* расположен перпендикулярно входу. Помещение расширяется так, что немного выходит за пределы левой и правой границ боковых камер. Кроме того, в глубине мы видим уже три камеры, а не одну, так что общая ширина приблизительно равна ширине центрального помещения. По аналогичному плану, характерному для конца VI века до н. э., построены некоторые из прекрасных усыпальниц Цере — гробница Щитов и кресел, гробница Капителей и гробница Карниза.

В задних комнатах находились только скамьи, зато в боковых камерах и в центральном помещении стояли лежа. В центральной камере по обе стороны стояли два женских саркофага с треугольными фронтонами, а перед ними, у входа, — два лежа для мужчин с отверстиями по углам, в которые вставлялись ножки настоящих кроватей. Чтобы пронести громоздкие погребальные лежа, дверные проемы в дальних камерах расширили.

Архитектоника дальней стены центрального помещения предстает в особенно выигрышном свете по сравнению с гробницей Лож и саркофагов. Средняя из трех дверей — самая высокая, она явно ведет в помещение хозяев. Все три двери трапециевидной формы, их стороны и перемычка обрамлены выпуклым багетом,

изначально выкрашенным в зеленый цвет. Но в гробнице Карниза еще остались окошки с полукружьями тимпанов: два по обе стороны центральной двери и по одному сбоку от боковых дверей. В гробнице Щитов и кресел⁴⁰ и в гробнице Капителей⁴¹ эти окошки стали прямоугольными и их только два: часть места отведена под новые декоративные элементы. Но фасад дома, выходящий во двор или перистиль, по-прежнему узнаваем.

Прекрасные греческие вазы, давшие название одной из гробниц, говорят об утонченной культуре, носительницами которой выступали этрусские женщины. Те же утонченность и вкус проявились в гармоничном устройстве дворцов, отображенном в архитектуре усыпальниц. Приглядимся к ним внимательнее: им было готовано великое будущее.

Атриум

До сих пор мы из осторожности называли просторное помещение, вокруг которого строилось все здание гробниц Греческих ваз, Капителей, Карниза и других, «центральной камерой». Почему бы не назвать ее сразу атриумом, как называли римляне большой зал в центре дома, где каждое утро толпились клиенты, чтобы поприветствовать хозяина и получить свой ежедневный дар? Те, кто знаком с Помпеями, непременно провели бы такую параллель, только взглянув на чертеж. Она еще больше напрашивается в связи с гробницей *della Ripa*⁴², относящейся к середине V века до н. э., где есть таблинум, — гостиная в домах более поздней эпохи, — сообщающийся с атриумом уже не через узкую дверь, а во всю ширину: несмотря на относительное несовершенство планировки, в ней угадываются будущие черты так называемого дома Ливии на Палатинском холме⁴³ или дома Марка Лукреция Фронтонна в Помпеях⁴⁴. В дальней стене таблинума все, вплоть до ложного арочного проема, намекает на существование за ней выхода в *hortus* — огород. Такая планировка сохранится и в более поздних гробницах, вплоть до гробницы Волумни-

ев в Перудже⁴⁵ и гробницы Франсуа в Вульчи⁴⁶, которые, построенные в римский период, тоже повторяют планировку реальных домов и позволяют судить о том, чем римляне обязаны этрусской цивилизации.

Кстати, римляне сами сознавали, что они перед ней в долгу, и называли *tuscanium* разновидность атриума «с того времени, — пишет Варрон⁴⁷, — как начали подражать внутренним дворам этрусков». Более того, среди версий этимологии слова «атриум» Варрон и его ученик Веррий Флакк предпочитали ту, что связывала его с Атрией в Этрурии, потому что «образец они переняли именно у жителей Атрии»⁴⁸. Мы уже упоминали об этом городе в устье По, который начиная с середины VI века до н. э. сыграл большую роль в эллинизации Этрурии⁴⁹. В подтверждение этой этимологии отмечается, что слово *athre* встречается в Загребской льняной книге, правда, в довольно неясном контексте⁵⁰.

Однако определение, которое древние давали атриуму, гораздо точнее определения, которым мы довольствовались до сих пор, и поскольку его наделяли двумя основными чертами, касающимися назначения атриума в доме и его роли в отводе и сборе дождевой воды, вопрос заслуживает тщательного изучения.

«Атриум, — сказано в извлечении Феста⁵¹, — сооружение, расположенное перед домом и имеющее в середине пространство, в которое стекает дождевая вода со всей крыши». «Перед домом» (*ante aedem*) значит, что атриум не был непосредственной частью дома. Центром жилища был таблинум, где хозяин принимал посетителей, где стояли его ложе и алтарь предков. По крайней мере, таким было представление о нем у римлян конца Республики. Археологи пытаются найти ответ на вопрос, всегда ли было так или же атриум занял подчиненное положение по отношению к таблинуму в результате долгой эволюции. Одни полагают, что первоначально ядром римского дома — а следовательно, и этрусского, послужившего для него образцом, — было здание, состоящее из одной, двух или трех комнат, которые мы описали при рассмотрении задней части гробниц, и расположенное между атриумом, двором или сенями и огородом⁵². В этой связи они проводят па-

раллель с микенским домом, где перед *mégaron** также находится *aul*. Другие же — и, возможно, правы именно они — считают, что вначале был атриум, дом состоял только из одной центральной комнаты, где в очаге поддерживали огонь и где у стены напротив входа стояло брачное ложе: альков, в котором оно находилось, превратился со временем в главную спальню, а затем — в парадную комнату⁵³. В большинстве изученных нами гробниц, кроме *della Ripa*, называемой также *Tablino*, будущий таблинум — еще всего лишь спальня хозяев дома, по сторонам которой расположены спальни детей: он «воплощает собой главенство родителей над остальными членами семьи, собранными в прилегающих комнатах»⁵⁴. Неслучайно в камерах у входа, выходящих к дромосу, вместо разукрашенных лож часто стоят лишь простые скамьи, как в гробнице Капителей: в домах живых в таких комнатах жила прислуга. Таким образом, уже с VI века до н. э. подтверждалось то, что мы читали у Посидония: атриум в этрусских домах защищал хозяев от шума, производимого слугами.

Кроме того, римляне обязательно проделывали в крыше атриума отверстие (*compluvium*), через которое дождевая вода стекала в резервуар, стоявший под ним (*impluvium*). На самом деле это очередное усовершенствование было введено довольно поздно: в гробницах, зеркале городской архитектуры, нет ничего подобного, а самые древние дома в Помпеях в своем первоначальном виде были покрыты кровлей безо всякого *compluvium*⁵⁵. В гробницах Цере нет никаких следов отверстия в центре крыши, хотя все детали конькового бруса, стропил, реек, кессонов воспроизведены очень тщательно. Их *atria* или *cavaedia* — что одно и то же — представляли собой, пользуясь терминологией Витрувия, описывавшего различные формы внутренних дворов⁵⁶, тип *testudinatum*, потому что их крыша напоминала *testudo* — панцирь черепахи. Гробница в Тарквиниях, названная *Mercareccia*⁵⁷, и урна в форме дома, найденная в Поджо-а-Гайелла недалеко от Кьюзи⁵⁸, знаменуют

* Мегарон — центральный зал древнегреческого дома, разделенный колоннами на несколько частей. К нему примыкал длинный двор (ауле).

собой начало нового этапа в архитектуре: свет в них проникает через прямоугольное отверстие на месте *compluuium*. Но обе они появились не раньше IV века до н. э., и по их четырехскатным крышам, напоминающим усеченную пирамиду, вода стекала наружу — Витрувий называл такую систему *cavaedium displuuiatum*. Система *compluuium-impluuium*, напротив, подразумевала, что четыре треугольные плоскости крыши наклонены к центральному отверстию и дождь стекает по ним внутрь. Но на этот счет у нас нет никаких археологических данных, и нам придется положиться на Витрувия, который различал тосканский, четырехколонный и коринфский атриум.

«В первом, — пишет он, — четыре ската крыши направлены внутрь помещения к прямоугольному среднему отверстию — комплювию, через который вода стекает в имплювий. Крыша в нем держится на перекрещении двух пар горизонтальных балок, не поддерживаемых промежуточными столбами». Четырехколонный атриум отличается от тосканского только наличием промежуточных опор, поддерживающих главные балки по углам комплювия, а в коринфском колонны были расставлены не только по углам комплювия, но и под его сторонами.

Колонны и перистиль

Название *cavaedium tuscanicum* сохранилось за этой относительно архаичной формой атриума, крыша которого (с комплювием) поддерживалась только горизонтально расположенными балками без опоры на колонны. Тем самым римляне признали, что заимствовали эту идею, причем довольно давно. Еще при Империи Плиний Младший сообщает о «простом, но элегантном атриуме» (*atrium frugi nec tamen sordidum*)⁵⁹ своей виллы в окрестностях Остии, а на вилле, которую он выстроил для себя в Тоскане, в Тифернуме Тиберинуме (Читта ди Каstellо) — дух этих мест, вероятно, побудил его обратиться к традициям этрусков, — об «атриуме старого образца» (*atrium ex more veterum*): он, несом-

ненно, имел в виду тосканский атриум без колонн, суровая нагота которого освежающе контрастировала с барочной роскошью мраморных колоннад, которыми он был сыт по горло⁶⁰. Но было бы неверно утверждать, что сами этруски, отказавшись от пышности эллинских колоннад, остались до конца верны выбранному ими стилю. Доказательством этому является определение, данное этрусскому атриуму Посидонием: он говорит о *peristoion*, греческом синониме слова «перистиль»⁶¹.

Витрувий⁶² выделил тосканский ордер, отличающийся от ионического, дорического и коринфского, с очень стройными колоннами: их диаметр равнялся седьмой части высоты; но образцов его не сохранилось. Это тоже результат длительной эволюции, поскольку этрусские архитекторы много работали на протяжении нескольких веков. Нам известно только самое начало этого процесса: уже в усыпальницах VI века потолок атриума опирался на колонны, давшие название самой гробнице: в гробнице Дорических колонн⁶³ и гробнице Капителей⁶⁴ в Цере их было по две, а в гробнице Виньянелло⁶⁵ в земле фалисков — одна. Эти приземистые колонны имели круглое основание, рифленую или гладкую поверхность и происходили от очень древнего типа греческих колонн, получивших неожиданное развитие в земле этрусков. На двух противоположащих сторонах удивительных капителей, в одноименной гробнице, — двойной ряд завитков, между которыми проступает пальметта; на боковых сторонах капителей видны только вертикальные срезы завитков, повторенные десять раз и плотно прилегающие друг к другу, как книги на полке. Интересно, что лицевая сторона обращена вглубь усыпальницы: они украшают собой главную дорогу, которая, продолжая собой дромос, торжественно ведет к основному помещению. Эти капители называли эолическими; их предшественницы, но только с более выраженным восточным колоритом, встречаются в ассирийском искусстве.

Об обуявшей этрусков приверженности к колоннадам, которая иногда кажется чрезмерной, можно судить по более поздним (IV—III века до н. э.) гробницам, вырубленным в скалах близ маленьких городков в районе

между Тарквиниями и Вульчи — Сан-Джулиано, Бьеды, Норкии, Сованы⁶⁶. Снаружи находится портик с двумя, четырьмя или шестью дорическими или коринфскими колоннами, а иногда даже два портика друг над другом, причем второй уходит вглубь. Такими должны были быть в 200 году до Рождества Христова лоджии этрусских домов, выстроенных над долиной. Они напоминают и фасады храмов, но религиозная и бытовая архитектуры неразделимы. В эти гробницы, вырубленные в скале, ведет трапециевидный дверной проем, и интересно заметить, что и здесь произошли изменения: рама была деревянной, и резец столяра покрывал завитками выступающую часть перекрытия⁶⁷.

Следы заданного плана

Но вернемся в некрополь на Бандитачче. Он еще не всё нам поведал о жизни обывателей Цере, например, об улицах и площадях этого города. Первые гробницы, судя по всему, устраивали как придется, не заботясь об общей планировке. Похоронные процессии, направлявшиеся к самым древним захоронениям, сами собой постепенно проложили в районе большого кургана № 2 дорогу, которая, несмотря на свою извилистость, оказалась примерно ориентированной с востока на запад, подобно *decumanus*. Но никакой *cardo* так ее и не пересек. Город мертвых ни в коей мере не походил на «шахматный» идеал, которому этруски с конца VI века до н. э. мечтали подчинить непокорную природу. И все же интересно проследить в некоторых зонах раскопок и на территории, снимки которой были получены с воздуха, за новой тенденцией к упорядоченности: небольшие прямоугольные или треугольные площади, крытые, как во многих современных итальянских городах (Менгарелли называл их *Piazzetta incassata* — «встроенная площадка»)⁶⁸, или как те, что предстают крошечными черными квадратами на фотографиях Брэдфорда; а вдоль улиц — ровные ряды одинаковых усыпальниц.

В этом плане следует повнимательнее присмотреться к виа XIII — улице Греческих ваз, поскольку и здесь тоже

был собран богатый урожай аттической керамики. Это новый квартал некрополя⁶⁹: он был создан весь целиком примерно на поколение позже княжеских гробниц — Капителей или Щитов, скрытых под курганами и выражавших пристрастие к симметрии и величественности при строительстве дворцов второй половины VI века с просторными атриумами. Эта дата была определена в результате исследования утвари внутри усыпальниц, состоявшей в основном из чернофигурных аттических ваз, однако множество лекифов были изготовлены более небрежно — это «поздние чернофигурники», которые датируются 515—480 годами до н. э. В гробнице 355 были найдены краснофигурные вазы, скифос (чаша для питья на низкой ножке) приблизительно 520 года, в гробнице 343 — ойнохоя (кувшин для вина) начала V века, буккеры* и фрагменты этрусских ваз, определенных как «поздние». Таков общий характер гробниц на виа XIII: судя по всему, их начали строить в первой половине V века до н. э.

К данным анализа керамических изделий присоединяются сведения от перехода к новому типу погребальных сооружений, который отныне будет царствовать безраздельно. Речь идет о гробницах а *caditoia* (с дымоходом), которые называли так из-за «трубы», пробитой в крыше входного коридора и вертикально поднимавшейся до уровня земли. Назначение ее неясно, разве что, когда вынимали замуровывавшие ее плиты, внутрь проникал свет. Но главное — больше никакого атриума и погребальных лож: одна-две комнаты со скамьями вдоль стен, где место для тела покойного обозначалось прямоугольником с полукругом в изголовье. Это уже не семейный склеп. Главенство «родителей» над детьми и остальным семейством больше не выражается в планировке камер и лож. Очевидно, что причина такого упрощения кроется в неких неизвестных нам нововведениях в религии — пуританская реформа? — и общественно-политических институтах. Представим себе,

* Так называли очень тонкие и хрупкие керамические сосуды насыщенного черного цвета, секретом изготовления которых владели этруски в VII—V веках до н. э. Их украшали только насечками и рельефными изображениями. (Прим. авт.)

что начало V века, время появления гробниц а *caditoia* и множественных захоронений, знаменует собой во всей Центральной Италии, а не только в Риме, конец монархии и установление республики; этрусская цивилизация тоже скоро придет в упадок. Кое-что изменилось и в некрополе Цере.

Рассмотрим план: если в левой половине, то есть в западной части улицы, гробницы расположены совершенно хаотично, то в правой, на востоке, они, наоборот, выстроены в безупречную линию. У пяти гробниц одна линия фасада, которую словно провели по линейке. Первые три наверняка были построены сразу, и нельзя не задуматься о том, что связывало их владельцев. Но даже пятую, меньшую по размерам, тщательно подогнали в ряд с другими. Кстати, на каменных блоках и на стойках дверей видны отметки каменщика для их правильной установки. Лестницы, отделяющие третью усыпальницу от четвертой, а четвертую от пятой, сделаны, кажется, только для того, чтобы обозначить границы собственности. Разумеется, можно только гадать о том, какими особенностями похоронного права определены те или иные действия, и в этом плане очень познавательно провести сравнение с другим некрополем, лучше изученным и более новым, — римским некрополем Изола Сакра в Остии. Во всяком случае, любопытно взглянуть на эту абсолютно прямую стену, на совершенно одинаковые усыпальницы, на невнятный набросок общего плана: на улице Греческих ваз и в других кварталах Бандитаччи они выражают стремление к обустройству пространства, которое в то же самое время находило не менее яркое выражение в городе живых.

• • •

Немного воображения — и мы сможем заполнить эти все более аккуратные улицы и площади все более правильной формы, перенеся их из некрополя в светлые и шумные города, бурливой средиземноморской толпой — бегущими рабами из комедий Плавта, скотом, который гонят на ярмарку под звук трубы, кортежем магистрата, перед которым шествуют ликторы, матроной Кульни, отправляющейся в *carpentum* к греку, торгую-

щему аттическими вазами. И добавить к этому «заторы» наподобие тех, что еще прежде парижских, описанных Буало, исторгали стоны у Ювенала в Риме, хотя, по его словам, в «Вольсиниях, окруженных лесистыми холмами», не приходилось опасаться обрушения небоскребов, грозившего прохожим в Вечном городе⁷⁰.

Но сами эти дома, которые, как мы знаем, были в основном «особняками», предстают перед нами в зеркале гробниц в виде голых стен, в которых пробиты трапециевидные двери и симметричные окна. Чтобы дополнить картину быта, нужно попытаться их обставить — но без чрезмерного усердия.

Обстановка в домах этрусков

Мебель у этрусков, похоже, в самом деле была очень простая, как и греческая, оказавшая на нее большое влияние⁷¹. Мы уже описали лежа с точеными ножками, на которых не только спали, но и возлежали во время еды: перед ними тогда ставили низкие прямоугольные столы, двухъярусные и треногие, как в Греции⁷². Были у этрусков и кресла, к которым мы еще вернемся. Были сундуки для белья, но никаких шкафов, этажерок, комодов — тоже как в Греции⁷³. Были *trapezai* — столы на четырех ножках в форме лошадиных ног, на которые ставили посуду⁷⁴. Основными предметами роскоши в меблировке считались, судя по всему, бронзовые изделия, которые этруски экспортировали даже в Грецию и несравненное совершенство которых воспел в конце V века до н. э. тиран Критий, писавший в свободное время элегические стихи⁷⁵, — светильники, треножки, курильницы для благовоний. Наконец, были жаровни на колесах для защиты от зимних холодов.

На чем сидели? Если не на краю лежа, то на легких табуретах и складных стульях, знакомых нам по аттической керамике. На одной из фресок в усыпальнице Авгуров изображен юный раб, несущий складной стул судье в кулачном бою⁷⁶. Стул, покрытый пластинами из слоновой кости, становился троном царей и судей; он станет курульным креслом римских магистратов.

Более характерным для Этрурии является низкое и широкое кресло, два прекрасных образца которого (относящихся к VI веку до н. э.) были найдены в гробнице Щитов и кресел в Цере: они выбиты в скале, в глубине атриума, в промежутках между дверями, ведущими в парадные комнаты. Само кресло по форме представляло собой широкое вогнутое сиденье с округлой спинкой и с подставкой для ног. Эти каменные кресла, возможно, имитировали плетеные — они действительно напоминают одновременно наши садовые кресла и плетеные стулья на барельефах римской Ренании⁷⁷. Но они не предназначены для отдыха возможных посетителей, которым не терпится перейти в мир иной. В Клузии их изготавливали из обожженной глины и бронзы, они служили подставками для погребальных урн с крышкой в виде человеческой головы, называемых канопами⁷⁸. В Цере на них наносили изображение покойного во славе. На самом деле это были троны древнего местного образца (они изображены на ситулах — бронзовых ведрах, найденных в Болонье, рельефные изображения на которых сообщают замечательные подробности о костюмах и местных обычаях)⁷⁹, на смену которым пришли греческие троны с высокими прямыми спинками и резными подлокотниками. В гробнице Барберини в Пренесте был один такой, покрытый бронзовыми пластинами, но в ту же эпоху (середина VII века до н. э.) другой трон, классической формы, находился в гробнице Реголини-Галасси⁸⁰. Известен даже один мраморный трон, датируемый IV—III веками, — трон Корсини из Рима, архаичные украшения которого подтверждают, что такая мебель использовалась только в ритуальных целях⁸¹. Греческая мода быстро изгнала ее из обихода.

Гробница Рельефов

Чтобы почувствовать истинную атмосферу этрусского дома, нужно внимательно рассмотреть гробницу, обнаруженную в XIX веке и названную своими восторженными первооткрывателями *tomba bella* (прекрасная гробница) — словно речь идет об оперной приме.

В наши дни ее переименовали в гробницу Рельефов⁸². На ее стенах были развешаны на гвоздях все предметы, необходимые для комфортной и достойной жизни. Но это не настоящие вещи, а их гипсовые двойники, раскрашенные в нежные цвета — розовый, красный, коричневый, желтый, голубой, — подчеркивающие детали и порой указывающие на исходный материал.

Эта усыпальница менее древняя, чем те, о которых мы рассказывали выше (III век). Она состоит из одной-единственной камеры, потолок которой держится на двух столпах с квадратными основаниями, а в стенах высечены продолговатые ниши, в которые, как в альковы, помещали тела умерших. Таких ниш всего 13, они были предназначены для самых почитаемых членов семьи, тогда как около тридцати покойников не столь высокого ранга уложили прямо на полу в прямоугольных отсеках, огороженных невысоким бортиком.

Это усыпальница семьи Матуна — после латинизации ее стали называть *Madunius*⁸³, а позднее закрепился вариант *Matonius* или *Mathonius*⁸⁴. Несомненно, это была известная и уважаемая семья, и представителей другой ее ветви нашли в гробнице Цере, к северо-западу от Бандитаччи, рядом с так называемой гробницей Тарквиниев⁸⁵. В других городах, например в Тарквиниях, надписи рассказали бы нам о жизненном пути этих людей; мы узнали бы, какие светские и религиозные должности они занимали. Надгробные эпитафии в Цере не содержат таких подробностей, и тому есть ряд причин: в частности, в ту эпоху Цере был всего лишь римской префектурой и уже, наверное, не имел собственных магистратов. Так что мы можем узнать только имена и родственные связи, что само по себе весьма интересно⁸⁶.

Надпись на полуколонне у двери сообщает нам имя основателя усыпальницы: «*Vel Matunas Larisalisa ancni suthi cerichunce*» («Вел Матунас, сын Лариса, построил эту гробницу»)⁸⁷. Помимо этого, девять надписей в глубине некоторых ниш сообщают нам генеалогические сведения⁸⁸.

Vel Matunas был супругом некой *Canatnei*, передавшей родовое имя их сыну и дочери:

Vel Matunas Larisalisa ~ (? *Canatnei*)

A(ule) Matunas Canatnes *R(amta) Matunai Canatnei*
VII

V(elus) c(lan) VIII

V(el) Matunas A(ules) c(lan) ~ Ranthu Ranazuia V

V

Ramta Matunai V(elus) s(ec)

XIII

Здесь в родственных связях наступает пробел, но они возобновляются в следующих поколениях:

(? Matunas ~ ? Clatei)

M(arce) Matunas Clate II ~ Ranthu Plavti V(elus) s(ec) IV

M(arce) Matunas M(arces c(lan) XII

Остается некий *La(rth) Matunas (II)*, связь которого с семьей находится под вопросом.

Имя *Ramta Matunai Canatnei* выбито в алькове в центре дальней стены. Убранство и украшения помещения призваны отдать покойной все подобающие почести. При входе взгляд сразу устремляется меж двух колонн с орнаментами только на внутренней поверхности и по бокам к нише, заботливо украшенной так, что она напоминает спальню уснувшей девушки. Ложе с двумя резными ножками, между которыми расположен барельеф с изображением чудовищ загробного мира, — лишь имитация, но две подушки справа, положенные одна на другую, ждут, когда на них опустят голову покойной. Перед ложем на низком табурете стоят ее сандалии, как в «Сне святой Урсулы» Карпаччо. Слева — сундук с тщательно прорисованным замком, у которого откидывалась передняя стенка; на нем лежит стопка тщательно сложенного белья. На колоннах, обрамляющих альков, развешаны сосуды, ожерелье, опухало из перьев, длинная трость. Выше, по обе стороны от ложа, находятся бюсты мужчины и женщины (к несчастью, плохо сохранившиеся), слегка повернутые к кровати. Быть может, это отец и мать, *Vel Matunas* и *Canatnei*, охраняющие покой дочери, которую отняла у них смерть?

Это лишь одно из предположений. Обычно считается, что заботливо украшенная ниша была приготовлена для отца и матери семейства и бюсты на боковых опорах — их портреты. В пользу этой версии есть силь-

ный аргумент: внутри был обнаружен скелет мужчины. Эпитафия женщине в сочетании с останками мужчины — вот одно из тех досадных противоречий, с которыми слишком часто приходится сталкиваться историку: надо полагать, *Vel Matunas*, сын *Laris'a*, построил эту усыпальницу для своей дочери (*Ramta*) и ее мужа. Нам все же кажется, что одна пара подушек, уложенных друг на друга, единственная пара сандалий у кровати и преимущественно женские атрибуты вокруг (ведь необязательно трость или скипетр принадлежали мужчине) говорят о том, что это погребальное ложе предназначалось одной только Рамте. Ее брат Авл покоился в соседней нише, прилегающей к ней слева (VIII). Родителей, должно быть, похоронили в более ранней могиле. В принципе, каждая ниша гробницы Рельефов предназначалась для останков только одного человека. Но уже со второго поколения в нише V положили рядом двух супругов, а позже в нише II — даже просто двух членов одной семьи (двоих мужчин), как и в нише XIII (там лежали мужчина и женщина — возможно, двоюродные брат и сестра, но не обязательно супружеская пара). Использование одной усыпальницы на протяжении нескольких веков, нехватка места и нарастающий беспорядок привели к тому, что ниши стали использовать неоднократно, а в самой красивой, из которой предварительно убрали останки ее законной владелицы, оказался скелет мужчины.

Итак, склеп семьи Матуна был построен после кончины девушки, о мирном нраве которой говорят украшения и веер. Тем не менее это было семейство воинов, и общий декоративный орнамент, разворачивающийся в виде фриза над нишами и на бруске, несущем кровлю, показывает это яснее, чем в какой-либо другой гробнице в Цере. В орнаменте чередуются шлемы, ножны, круглые щиты, мечи в ножнах, зажимы для крепления оголовья узды и рожки, чтобы трубить атаку.

Зато две соседние стороны колонн в центре склепа покрыты изображениями всякой всячины. На четырех прямоугольных панно высотой около двух метров и шириной от 50 до 70 сантиметров разложен, точно на витрине, целый набор предметов преимуществен-

но бытового назначения: все, что нужно для счастья на том свете. Подобраны они произвольно, в основном из соображений гармонии рисунка и желания заполнить пустое пространство, а не представить методичную классификацию сведений для нашего исследования. Некоторые предметы даже не поддаются определению и уже давно заставляют ломать голову археологов, которым приходится, чтобы разгадать эту загадку, превращаться в столяров, мастеров скобяных изделий и шорников.

Не будем останавливаться на животных, изображенных в нижней части трех из панно, которые, как и в сценах пиршества на фресках из Тарквиний, волнисто изгибают спину в соответствии с восточной традицией: вот куница, поймавшая крота, гусь, клюющий зерна, спящая утка, засунувшая голову под крыло, и дикая кошка, держащая в когтях ящерицу. Поверх них изображена хорошо известная кухонная утварь: бронзовый кувшин, или ойнохоя, глиняная чаша с ручками, украшенная лавровыми листьями, полный набор половников и поварешек, а над тазом с треножником и пестом — очень удобная подставка для ножей: в нее вставлены два ножа с серо-зеленым лезвием (то есть из железа) и светлой рукоятью (из дерева). Справа — связка из семи вертелов. То тут, то там вставлен топорик между кухонным ножом и мотком веревки, клещи и щипцы, чтобы вытаскивать гвозди и крюки, на которых развешаны эти вещи. Некоторые из них нуждаются в пояснениях.

Верхнюю часть третьего панно занимает большой прямоугольный светло-желтый (вероятно, деревянный) поднос с лепными бортиками и двумя ручками: одна с длинной стороны, другая с короткой, за которую он и подвешен на гвоздь вместе с кожаным кошельком. По его поверхности прочерчено 11 горизонтальных линий (на рисунке их не видно).

Одни говорили, что это расчерченная бронзовая табличка, подготовленная к нанесению надписи, другие — что это счеты с делениями. Недавно кто-то ухитрился доказать, что это доска для нарезки макарон⁸⁹. Для этой цели использовали скалку, которая висит слева на веревочке на первом панно, и зубчатое колесико (?) с треть-

го панно, между уткой и клещами, которое должно было придавать тесту нужную форму — *fettuccini* или *tagliatelle**. А кожаный кошелек — это мешок для муки. И подобное предназначение таинственного подноса казалось автору гипотезы тем более правдоподобным, что глава дома, одержимый оружием и кухонной утварью, мог быть только поставщиком провианта для армии!

Не отрицая того, что древним уже были известны макароны (гуманисты Возрождения выводили происхождение этого слова от греческого *makar* — «счастливый», поскольку любители этого блюда испытывали блаженство), нам кажется, что разгадку следует искать в другой области⁹⁰. Мы считаем, что перед нами — *tabula lusoria*, разновидность шахматной доски, по двенадцати отделениям которой игроки двигали фишки — они-то, должно быть, и лежали в кожаном мешочке. Нам известно, что древние с увлечением играли в кости и в нарды или, по крайней мере, в очень похожие на них игры: правила нам неизвестны, но аксессуары знакомы по рисункам. На греческих вазах и этрусских зеркалах изображены Ахилл с Аяксом, убивающие время за игрой, пока длится осада Трои. Они сидят друг напротив друга, положив на колени доску, разделенную на зоны семью или двенадцатью параллельными линиями, на которой можно различить две зары (игральные кости) или две шашки. Этрусски играли в кости, о чем свидетельствует знаменитая пара зар, найденных в Тускании, которые теперь хранятся в Лувре, а поскольку цифры на их шести гранях были обозначены буквами, они стали для нас главным источником знаний о шести первых числительных этрусского языка. Но в мешочке, прилагавшемся к этой *tabula lusoria*, было больше двух костей, и можно предположить, что в семействе Матуна предпочитали игру со многими фишками, например «латрункули» — «игру в солдатики», которую описывает Варрон⁹¹, прародительницу шашек. В одной гробнице в Венафро, в Кампании, датируемой ранней эпохой Империи, нашли целый набор фигурок, вырезанных из кости — на зависть современному шахматисту, — которые должны были скрашивать досуг покойного.

* Ленточные макароны, различающиеся по ширине.

Второй вопрос, тоже вполне разрешимый, связан со странным предметом, изображенным на втором панно слева: на первый взгляд он напоминает килевой руль, если не знать, что античным мореплавателям, управлявшим своими кораблями с помощью кормового весла, он был неизвестен. Он имеет вид двух плотно пригнанных прямоугольников разной величины: один, подлиннее, светло-желтого цвета, на треть толщины покрыт красной лентой, прикрепленной кнопками или гвоздями с белыми шляпками; второй, покороче — фиолетовый, по краям окован белым металлом, от которого отходят вбок два круглых стержня с парой дисков на концах.

По поводу этого предмета тоже высказывалось множество самых разных гипотез. Одни говорили, что это руль, другие — двухуровневый светильник, третьи — визир, достойный самых современных геометров (те же самые ученые, преисполненные уважения к научным познаниям этрусков, разглядели в игорном столике счеты). Но многие заметили, что предмет, подвешенный здесь словно для хранения, в нормальном положении должен стоять на земле: если два прямоугольника расположить горизонтально, диски окажутся колесиками. При плоском изображении два передних колесика заслоняют собой два задних, на втором плане.

Не так давно появилось мнение, что перед нами... колыбель⁹². Красная ткань или кожа, прибитая к верхней части рамы, должна прогибаться под весом ребенка. Толстые колеса, ось которых касается земли, не крутились — они были сделаны для того, чтобы колыбель можно было покачивать, а не катать.

Но даже при такой правдоподобной догадке остается вопрос: зачем нужна колыбель в гробнице? Конечно, детей хоронили с куклами, но в такой усыпальнице, где барельефы явно предназначены для удовлетворения нужд взрослых людей, трудно себе представить, чтобы вера в их загробную жизнь допускала и возможность плодиться и размножаться.

Придется обратиться к менее яркой версии, но зато она опирается на сравнение нашего «столика на колесах» с предметами, широко распространенными в этруском мире: на него очень похожи более древние

бронзовые тележки с лошадиными головами по углам верхней доски, которые хранятся в музеях Орвьето и Кьюзи⁹³. Тележки обычно считали передвижными жаровнями; здесь такое использование придется исключить из-за покрытия из ткани или кожи, зато на такой тележке можно было возить что-то другое, что не горит, например еду, — и эта версия вполне согласуется с общим направлением рисунков.

Другие элементы украшения колонн также достойны нашего внимания. На передних гранях первой и четвертой колонн симметрично изображены две пары странных вертикальных валиков. Каждый состоит из цилиндрического ствола, который на уровне двух третей своей высоты разделяется на три ветви, образующие эллипс с осью: эта часть предмета сделана как будто из бечевки или скрученной камышины. Все это вместе, подвешенное на крюке, выглядит твердым, выходит за рамки панно, перекрывает капитель и касается потолка.

Предполагали, что это веретено или что-то вроде кадуцея, который носят на плече ликторы в кортеже магистратов на некоторых фресках. Но самое простое толкование выглядит наиболее правдоподобным: это пращи, аналогичные тем, которые используют охотники с росписи в *tomba della Caccia* (гробнице Охоты).

На внутренних сторонах изображены еще две длинные палки, загнутые наподобие клюшки. Имеет ли смысл идентифицировать их как *litui*, заимствованные римлянами у этрусков — непременный атрибут авгуров, с помощью которого они определяли, в какой части неба следует наблюдать за полетом птиц? Однако настоящий *lituus* обычно короче, а здесь, вероятнее всего, изображены просто пастушеские посохи, которыми покойный продолжит погонять свои стада в элизиуме.

Кстати, он любил сыр: об этом говорит желтоватый диск на четвертом панно, подвешенный немного криво, потому что соседние пращи сдвигают его вправо. Концентрические борозды на его поверхности остались, вероятно, от плетеной корзины или сита, *fiscina*, где его отжимали. Но по краям видны щербины, которые получились неслучайно: нам кажется, что это сыр, слегка погрызенный мышами.

Наконец, между колесами тележки изображен вещевой мешок, к которому перекрещенными ремнями прикреплены патера (тарелка) и фляга для благовоний: эта *tanica* должна была пригодиться во время большого пути, для кого-нибудь омовения по дороге, какого-нибудь жертвоприношения на таинственном перекрестке дорог.

Таким был дом мертвых семьи Матуна. С подробностями, достойными живописца фламандской школы, он рассказывает нам об образе жизни этрусской семьи в III веке до н. э., в городе, уже включенном в состав Римского государства. Семьи военных, в этом сомневаться не приходится. Но оружие, развешанное на стенах по всей комнате и напоминающее о славных победах над галлами и самими римлянами, теперь уже дело прошлое, боевые трубы умолкли. Возможно, воины семейства Матуна не вложили мечи в ножны: они еще послужат в легионах или особых когортах, под небом Сицилии и Африки — повсюду, куда их заведут Пунические войны и римские завоевания. И все же их главное занятие отныне носило иной характер: несмотря на то, что территория Цере была порядком урезана, они сохранили за собой поместье, обеспечивающее им значительный доход, и наслаждаются материальными благами в ограниченном пространстве. Эти помещики отправляли свои стада пастись на близлежащих холмах, охотились с пращей на диких уток, обрезали деревья во фруктовых садах, держали птичий двор, делали жирный сыр из овечьего молока. Они были искусными мастерами и не выпускали из рук рабочий инструмент. Иногда они играли в нарды. Их дома наполняли запах жареного мяса и шипение дымящихся сковородок. Они обрастали жиром на глазах.

Одежда этрусков

Тем временем дочь хозяина дома, окруженная служанками, которые обмахивали ее опахалом или доставали одежду из сундука в ногах кровати, одевалась,

чтобы выйти из дому. Об этрусском костюме можно рассказать много интересного.

Наряд, который носила в III веке в Цере Рамта Матунай, почти ничем не отличал ее от юных модниц, описанных Феоокритом в «Сиракузянках»⁹⁴ и изображенных на керамических изделиях из Миррины: это длинное платье со складками, застегивающееся на плече, и легкие накидки, в которые драпировались в соответствии с принятыми правилами. Тирания греческой моды установилась во всех эллинизированных городах, и Цере подчинился ей одним из первых. Как и Тарквинии: на росписях в гробнице Щитов⁹⁵, относящихся к III веку до н. э., *Ravnthu Aprthnai* и *Velia Seitithi*, сидящие в ногах ложа своих мужей, тоже одеты в льняные туники (хитоны) с короткими рукавами, а поверх — в белые накидки (гиматионы) с красной или черной каймой. Кстати, музыканты рядом с Велией уже одеты, точно римляне, в тогу, близкую к классической, как и знаменитый «Оратор» — бронзовая статуэтка какого-нибудь Цицерона из Клузия или Кортоны конца II — начала I века, найденная на берегах Тразименского озера⁹⁶.

Но прежде такой унификации мужской и женской одежды на древних памятниках встречались иные изображения. Известны прекрасные танцоры из усыпальниц Львиц, Леопардов, Триклиния и Франчески Джустиниани — в ярких накидках и платьях самого разного покроя, иногда весьма напоминающего современный. Разумеется, следует остерегаться иллюзий. Мы стали особенно восприимчивы к ярким цветам этрусского мира после того, как поблекли краски античных статуй и исчезла великая греческая живопись, оставив после себя почти монохромные рисунки на чернофигурных и краснофигурных вазах. С другой стороны, наряды, в которые облачались эти изящные и талантливые музыканты и танцоры для участия в пирах и играх, были сценическими, элементами декора, обратная сторона которого тоже должна быть нам известна. Позднее Посидоний будет поражен великолепием этих одежд — «более роскошных, нежели подобает рабам». В этом он окажется согласен с приземленным и скуповатым Катонем, который желал, чтобы рабам выдавали раз в два

года рубашку длиной в метр и сагум (короткий плащ), а старую их одежду пускали на тряпки⁹⁷. У изображенных на фресках артистов явно был обширный гардероб, но его вряд ли можно считать отражением повседневной этрусской одежды. В театральных костюмерных и сегодня бесконечно долго хранятся рыцарские доспехи и вышедшие из моды парадные костюмы.

Создавая наряды для своих «гистрионов», этруски иногда обращались не к настоящему, а к обаянию давно ушедшего прошлого. Иначе трудно объяснить рисунок, например, в гробнице Франчески Джустиниани⁹⁸, на котором изображено невероятное трио из юноши в голубом плаще и двух женщин, ослепительные наряды которых напоминают одежду придворных дам эпохи Возрождения или (что ближе к истине) принцесс крито-минойской культуры. Та, что слева, играет на двойной флейте, ее волосы коротко острижены — думается, перед нами служанка. Но та, что посередине — настоящая царица: левой рукой уперлась в бок, правая поднята вверх, голова увенчана диадемой, на шее висит ожерелье, запястья украшены браслетами; поверх длинного приталенного платья наброшен плотный казакин. В одежде этой дамы поражают не столько богатство и контраст между темно-красным, словно бархатным корсажем и розовато-оранжевым платьем из тонкой ткани в горошек и крестик, сколько полное несоответствие с греческой «линией» — с ниспадающими вертикально хитоном и гиматием. Здесь, наоборот, юбка-колокол расширяется и вздувается книзу, вероятно, поддерживаемая скрытым кринолином; широкие горизонтальные полосы ниже пояса и по подолу повторяют цвет корсажа; мотивы вышивки тоже делятся на горизонтальные полосы; добавьте к этому эффект рукавов-кимоно, благодаря которым плечи кажутся шире, а талия — уже.

По справедливому замечанию Густава Глоца в «Эгейской цивилизации»⁹⁹, «как бы ни менялась мода, минойские женщины так и не приобрели благородной осанки, какую придавали гречанкам складки просторных покрывал и естественное ниспадание легких тканей». Глоц обращал внимание на пышные формы, подчеркиваемые двумя основными элементами костюма — блузкой

и юбкой, исследовал пестроту тканей, изобилие складок и сборок, пристрастие крахмалить или натягивать на каркас широкие юбки с воланами. Чтобы объяснить современность этих моделей, он даже писал, что у эгейцев «женский костюм за два тысячелетия претерпел такие изменения, на которые северным народам, оставшим из-за долгого засилья греческой и римской моды, понадобилось больше трех». Именно в этом смысле мы говорили выше о современном покрое некоторых этрусских платьев — парадоксально современном, обусловленном архаическим консерватизмом, который мы уже неоднократно отмечали, и неизменным пристрастием к средиземноморской цивилизации и идеалу женщины, господствовавшему до прихода индоевропейцев. Во время игр в Тарквиниях порой оживало смутное воспоминание о царицах древности — по крайней мере благодаря костюмам. Можно вообразить себе, что сцена в гробнице Франчески Джустиниани изображает встречу Ариадны с Тезеем или Федры с Ипполитом, пока Энона играет на флейте, но ничто не помешает юному герою подняться на роковую колесницу.

Все вышесказанное относится только к женскому костюму. Ариадна одета по старинной моде, однако легкие плащи Тезея, Ипполита и прочих танцоров на фресках из гробниц Леопардов и Триклиния, едва прикрывающие загорелый торс, не столь древнего происхождения. Кстати, чаще всего это не столько плащ, сколько широкий шарф с круглым вырезом спереди и свободно ниспадающий сзади¹⁰⁰. Он яркого цвета, оранжевого, бледно-зеленого или синего, а по внешнему и внутреннему краю окаймлен вышивкой другого оттенка — желтого или голубого, бледно-желтого с коричневыми зубцами, белого в красный горошек. Ткань плотная, с тяжелыми складками. Можно смело назвать эту одежду латинским словом *lacerna*, происходящим из этрусского языка и обозначающим короткий узкий плащ, чаще всего из шерсти (*breves laenae, angusta lacerna*), о котором говорят поэты¹⁰¹. Он был известен уже воинам из поэм Гомера, называвшим его *chlaina*. Позднее это слово проникло в латынь, наверняка через посредство этрусского языка, в форме *laena* — «шерстяной плащ».

Женщины носили более просторные накидки поверх туники, как «широко шагающая танцовщица» слева на дальней стене в гробнице Львиц¹⁰²: поверх своего розовато-оранжевого хитона в цветочек она накинула длинный шерстяной плащ темно-красного цвета с широкими синими отворотами, перекинутыми спереди подобно завязкам пелерины. Такого рода детали имеются на накидках танцовщиц с росписей в Кьюзи¹⁰³.

Должно быть, этруски позаимствовали эти яркие, покрытые вышивкой *chlanai* или *lacernae* в Ионии. Мы уже говорили о том, каким успехом пользовались на Западе прекрасные окрашенные шерстяные ткани из Милета, которыми жители Сибариса восхищались так сильно, что именно в них историки усматривают основную причину дружбы между двумя этими полисами, и даже между Сибарисом и этрусками¹⁰⁴. Гиматион сибарита Алкисфена, перешедший затем в собственность Дионисия Сиракузского перед его отъездом в Карфаген, славился на весь Древний мир: он с самого начала был музейным экспонатом и неисчерпаемой темой для морализаторства философов¹⁰⁵. Этрусские плащи не так претенциозны, но не менее изысканны и говорят о том, что еще в середине V века до н. э. в Тарквиниях господствовал ионический стиль, переживший разрушение Сибариса (510) и Милета (494). В этруском костюме на сохранившиеся традиции Средиземноморья наложилось влияние Востока и Ионии, которым этруски были еще более верны.

От тебенны к тоге

Другой тип этрусского плаща имеет гораздо более длинную и славную историю, чем быстро поблекшие накидки-однодневки: это тебенна¹⁰⁶. Это слово встречается у греческих авторов, но лишь начиная с Полибия¹⁰⁷, который был романизированным греком и мог подхватить его в Италии; оно сбивало с толку Дионисия Галикарнасского¹⁰⁸. На греческое оно не похоже. Для авторов Нового времени его окончание не вызывает сомнений: если оно не восходит к праиндоевропейскому

субстрату, то вполне может быть этрусским¹⁰⁹. В лексиконе Поллукса дается как раз такое толкование: «Тебенна, плащ или хламида, которую носят этруски»¹¹⁰. Вот только Дионисий Галикарнасский в эпоху ранней Римской империи уже не знал точно, была ли тебенна коротким плащом всадника, называемым также трабеей, или тогой, в которую драпировались граждане Рима¹¹¹. Дело в том, что и трабея, и тога происходят от этрусского плаща, но первая в целом сохранила свою первоначальную форму, а вторая со временем удлинилась и освободилась от суровой простоты своего прообраза.

На «табличках Кампана» — раскрашенных глиняных таблицах середины VI века до н. э., найденных в Цере и хранящихся в Лувре, — нарисован этрусский царь со скипетром, сидящий на курульном кресле перед изображением богини¹¹². Поверх короткой белой туники с красной расшитой каймой он накинул на левое плечо еще более короткий плащ пурпурного цвета, украшенный вышивкой, оставив открытым правое плечо. Эта тебенна осталась патрицианским знаком в своем изначальном виде с небольшими видоизменениями; неизменными были пурпурный или алый цвет — всей ткани или каймы — и небольшой размер (*parva trabea*). Этот плащ, одновременно жреческий и военный, в Риме превратится в трабею салиев и жрецов других божеств, в более длинный *paludamentum* главнокомандующего — парадный костюм римских всадников во время торжественного шествия.

В повседневной жизни, когда тебенна уже не считалась военным плащом, она окрасилась в другие цвета, изменила форму, а главное — удлинилась и превратилась в римскую тогу. Самый ранний и вместе с тем самый классический пример такой тоги представлен на бронзовой статуе «Оратора», относящейся к последнему столетию существования Республики, на которой изображен магистрат из Кортонны или Клузизия. Процесс превращения трабеи в тогу можно проследить по другим изобразительным источникам. В гробнице Авгуров¹¹³, которая всего на несколько лет старше «табличек Кампана», в плащи облачены четыре человека: два *танасара*, в отчаянии заламывающие руки по обе стороны от двери в мир иной, и два *теварата*,

или организатора игр, которые на соседней стене судят бой двух борцов. Их плащи очень напоминают накидку царя, но только у трех из них они черного цвета, что можно объяснить трауром; они также свободнее и чуть длиннее, что позволяет забросить их за левое плечо, с которого спадает, подобно «отворотам» плаща танцовщицы из гробницы Львиц, широкая красная полоса. В начале V века до н. э. тебенна, темного цвета и украшенная каймой (*toga praetexta*), уже закрывает колени благородных зрителей, изображенных на фреске из гробницы Биг¹¹⁴. Легендарный царь Нестор из гробницы Франсуа изображен в тебенне почти до пят поверх туники с красной каймой, а усопший, стоящий перед ним, завернут в широкий синий плащ, покрытый вышивкой (*toga picta*)¹¹⁵. Даже музыканты из гробницы Щитов одеты в настоящую белую тогу. Удлинение этрусской тебенны продолжается по мере прохождения различных шествий магистратов из Тарквиний и Волатерры¹¹⁶, что позволяет нам уточнить хронологию этого процесса; одновременно определяется расположение складок, и, начиная с «Оратора», перед нами уже римская тога.

Вот почему Дионисий Галикарнасский, именующий тебенной «трабею» салиев, называет тем же словом «тогу» Тарквиния: описывая его плащ, он держал перед глазами одежду, принятую в Риме современной ему эпохи, — просторную пурпурную тогу, расшитую золотом, которую Август и Тиберий надевали во время триумфов, и широкие свободные одежды, которые носили в театре цари из трагедий¹¹⁷. Между ними двумя он видел лишь одно различие: плащ Дария был скроен из квадратного куска материи, а тога — из сегмента круга¹¹⁸. Но нам сложно судить по изображениям, соответствовали ли тебенны на табличках Кампана и в гробнице Авгуров этому требованию.

Обувь

Танцовщица из гробницы Львиц — настоящий кладезь информации. Ее башмаки с острыми загнутыми носами — еще одно заимствование из Ионии, успешно

прижившееся в Этрурии. Похожие носят мужчины и женщины, изображенные в гробницах Авгуров и Барона¹¹⁹, — длинноносые суконные туфли красного, коричневого или зеленого цветов, сильно открытые впереди и с высокими задниками. Это *calcei repandi* («загнутые»), которые Цицерон заметил на старой статуе Юноны Соспиты в Ланувии¹²⁰. Существовало несколько моделей остроносых башмаков; особенно примечательна обувь «царя» и божеств на табличках Кампана¹²¹. Она тоже с острыми загнутыми носами и с разрезом спереди, но с длинным «языком» и завязана на щиколотке несколькими горизонтальными ремешками; кроме того, верх этих башмаков, доходящий до середины икры, завязан еще одним ремешком, продетым в большое отверстие. Точно такая же обувь на даме из саркофага в Цере: хорошо видны шнурки, перекрещенные под ремешками, которые прикрывает край туники¹²².

Другие танцоры не усложняли себе жизнь тяжелыми сапогами: они носили низкую обувь, чаще всего — легкие сандалии, представлявшие собой просто подошву с закрепленными на ней ремешками. Разные виды таких сандалий представлены на изображениях в гробнице Триклиния. Этрусские сандалии (*Tyrrhenica sandalia*)¹²³ были известны в Афинах с середины V века до н. э.: предшественник Аристофана, пылкий Кратин, упоминает о них в одной из своих речей против пагубности чужеземной роскоши. Лексикографы уточняют, что у них были позолоченные ремешки и деревянные подошвы, иногда очень высокие, что делало их похожими на котурны трагических актеров. В Бизенцио и Цере находили металлические скобы от таких подошв¹²⁴. Сандалии у ложа Рамты Матунай, ожидающие пробуждения своей хозяйки, поскромнее: деревянная подошва, полукруглые перемычки и срединный ремешок, проходящий между большим пальцем и остальными.

Хотя, как в Греции, сандалии становились повседневной обувью этрусков, они не забыли и про сапоги, которые под влиянием классического вкуса опустили свои вызывающе загнутые носы. В гробнице Щитов *Velia Setithi* и маленькая рабыня с остриженными волосами, обмахивающая ее опахалом, обуты в черные по-

лусапожки с красной полосой посередине, по которой они, видимо, расстегивались¹²⁵. Больше всего посчастливилось сапогам с ремешками с табличек Кампана¹²⁶: они сохранились как часть парадной одежды магистратов, как признак благородства, и было точно установлено, что именно от них происходят *calcei patricii* или *senatorii*, присутствующие на множестве римских статуй. Язык (*lingula*), четыре ремешка (*corrigae*), черный цвет и мягкая кожа, обработанная квасцами, — вот основные черты этрусской обуви. Переходный образец предоставлен статуей Оратора, который расхаживал по своему городу на берегу Тразименского озера уже в настоящих *calcei senatorii*¹²⁷. Процесс продолжался, и древние прекрасно это сознавали. Вергилий так описывает пробуждение царя Эвандра: «Старец с ложа восстал, облачился туникою белой, голени плотно обвил ремнями тирренских сандалий» («...tyrrhena pedum circumdat uincola plantis»)¹²⁸, а Сервий поясняет: «Речь идет о *calcei senatorii*, потому что эта обувь была заимствована у этрусков».

Головные уборы

Танцовщица из гробницы Львиц позволяет нам перейти от плащей и обуви к головным уборам. Ее колпак конической формы, явно сделанный из той же ткани, что и хитон, и как будто надетый на высокий шиньон, тоже следует ионийской моде. Он сродни всем тюрбанам, митрам, платкам, мадрасам, которыми женщины Малой Азии стягивали волосы, вплоть до фригийского колпака и древнего эгейского эннена*. Мы уже видели его на голове одной из покойниц в гробнице Цере¹²⁹. Такие колпаки носят зрительницы в ложах на фреске из гробницы Биг¹³⁰. Это головной убор богинь (доказательством тому служит бронзовая фигурка богини Туран (Венеры) из Перузии¹³¹) и других божеств, например Геркулеса из Эсте¹³². Его называют *tutulus*, потому

* Э н н е н — женский головной убор Средневековья, напоминавший высокий колпак, с которого спускалась вуаль. Похожие изображены на фресках ахейской Греции.

что, по словам Варрона и Феста, таково было название шерстяного колпака пирамидальной формы, который носили понтифики и фламины, и высокой конической прически римских матрон, оплетавших косами алую ленту¹³³. Это значит, что он стал частью ритуального облачения. Этрусским женщинам он надоел уже к V веку до н. э., и чаще всего они не покрывали своих белокурых или обесцвеченных волос ничем, кроме легких украшений.

Украшения

В ушах у нашей танцовщицы в тутулусе тяжелые серьги в форме дисков; их оригинал находится в Лувре в составе собрания Кампана. В книге Коша де ла Ферте «Античные украшения»¹³⁴ можно найти фотографию дисков диаметром пять сантиметров с филигранными розетками и пальметтами или других серег с округлыми выступами диаметром два сантиметра.

У всех этрусских женщин, портреты которых дошли до нас — у загадочной Джоконды из гробницы Чудовища, известной нам по имени — Велия¹³⁵, — у прекрасной Персефоны из гробницы Голини¹³⁶ и так далее вплоть до юной распорядительницы пиршества¹³⁷, — у всех женщин, изображенных на саркофагах за туалетом, подобно Ларсии Сейянги из Клузия¹³⁸, волосы, шея, запястья украшены диадемами, ожерельями и браслетами. Но хотя эти изображения более или менее недавней эпохи указывают на неизменное пристрастие к ювелирным изделиям, они не имеют ничего общего с настоящими драгоценностями более раннего периода, которые нам посчастливилось найти, — фибулами, подвесками, нагрудными украшениями, наручами, серьгами, золотыми кольцами. Обнаруженные в гробницах VII и VI веков до н. э. в Цере, Палестрине, Популонии, Марсилиане, Ветулонии и Вольци, они свидетельствуют о внезапном и неслыханном обогащении этрусков в ту эпоху¹³⁹.

Разве можно забыть огромные фибулы и фермуары из гробниц Реголини-Галасси и Барберини, основа которых скрыта под накладкой, испещренной плотными

рядами двойных головок — львов, лошадей и сирен?¹⁴⁰ Или восхитительную фибулу Корсини, по краю которой тянется вереница уток?¹⁴¹ Или порывающий с этими барочными излишествами гладкий скифос Барберини, вся ценность которого заключается в качестве металла, изяществе линий, а единственным украшением служат две легкие фигурки сфинксов, сидящие на ручках?¹⁴²

Помимо владения элементарными навыками ювелирного дела —ковки, штамповки, чеканки, — авторы этих изделий показали себя искуснейшими мастерами скани. Греки и этруски умели насыпать на украшаемую поверхность тысячи крошечных золотых гранул и прикрепить их неизвестным припоем, не нарушая формы. Хочется верить, что исследователям вскоре удастся воссоздать этот секрет, ревниво охранявшийся горсткой посвященных и утраченный в эпоху поздней Империи. Вероятно, истоки этого секрета, как и всех тайных приемов этрусских златокузнецов, следует искать на Востоке, в Кавказском регионе, где жили легендарные халибы, знаменитые тем, что обрабатывали металлы с незапамятных времен, или в Месопотамии, Сирии, на Крите и в Египте¹⁴³. Но этрусские ювелирные изделия, несомненно, удерживают первое место по точности и работы, и микроскопическим размерам: диаметр золотой зерни порой достигает немыслимого размера — всего две десятых миллиметра. Свои исключительные способности мастера поставили на службу неистощимой фантазии: если сначала они использовали зернь для нанесения узоров на ровное и плоское золотое основание, то затем они стали заполнять ею поле, на котором проступали различные фигуры¹⁴⁴, — переворот в искусстве, напоминающий практически современную ему революцию в аттической керамике, когда на смену чернофигурным вазам пришли краснофигурные. Одно из самых замечательных изделий, выполненных в такой технике, — подвеска с изображением речного бога Ахелоя, хранящаяся в Лувре: борода и часть волос состоят из золотых гранул, а лицо сделано методом выпуклой контурной чеканки¹⁴⁵. Разглядывая фотографии этого украшения, не забудьте, что голова имеет всего четыре сантиметра в высоту. Но это один из последних ше-

девров этрусских ювелиров, искусство которых вскоре пришло в упадок вместе с могуществом их страны.

Здесь мы сталкиваемся с неразрешимой загадкой: до сих пор мы говорили об этрусских ювелирах, допуская, как это всё чаще делается, что эти украшения не были привезены с Востока. «Словно стихийное творение, возникшее из тьмы, покрывающей истоки этрусской цивилизации, — пишет Кош де ла Фертэ, — эти украшения появились на заре этой самой цивилизации во всем блеске своего технического совершенства и красоты. Конечно, мы уже сказали, каким могло быть их происхождение. И все же поразительно, что в гробницах Центральной и Северной Италии украшения из бронзы, в изобилии встречающиеся в усыпальницах виллановийской культуры, к 700 году до Рождества Христова постепенно уступили место украшениям, которые не имеют ничего общего со своими непосредственными предшественниками»¹⁴⁶.

Однако в тех же гробницах, где в начале VII века до н. э. внезапно — и сразу во всеоружии — проявилось этрусское ювелирное искусство, другие виды искусства, например скульптура, только начинают, словно развиваясь с нуля, изобретать свои формы и приемы. Трудно понять, как техническая виртуозность, породившая ожерелье из кургана Пьетрера в Ветулонии, «состоящее из двадцати подвесок, каждая из которых украшена одной-двумя человеческими масками с завитыми волосами»¹⁴⁷, могла сочетаться с тяжеловесной неопытностью, проявившейся в каменных изваяниях на гробнице¹⁴⁸. Кроме того, нам неизвестно, в каких местных рудниках добывали такое количество золота. Так что не стоит отмахиваться от одной гипотезы. Мы уже видели, что начало греческой колонизации Италии и основание халкидянами города Кумы в VIII веке до н. э. были обусловлены тем, что их привлекали этрусские железо и медь. Но возникает вопрос — что же греки привозили взамен?¹⁴⁹ Не золото ли? Не золотые ли украшения?

ЗАНЯТИЯ ЭТРУСКОВ: ПИРЫ И ИГРЫ

Счет времени

Представления о времени у этрусков в целом были те же, что и у римлян, которые заимствовали их или разработали совместно. Чаще всего античные авторы не упоминают о счете времени, поскольку, обнаружив, что этрусский календарь идентичен римскому, они решили, что это дело само собой разумеющееся. Редкие сообщаемые ими сведения связаны с этимологическими изысканиями или с удивлением, если этруски вдруг отступали от общепринятых понятий.

Так, днем у них считался промежуток времени не от полуночи до полуночи, как у римлян, или от одной утренней зари до другой, как у вавилонян (они называли утреннюю зарю *thesan*¹), или от заката до заката, как у афинян или германцев, но от полудня до полудня². Вероятно, это связано с тем, что момент, когда солнце находится в зените, не зависит от времени года или от продолжительности светового дня: в Риме тоже полдень всегда был полднем, исходом шестого часа, будь то длинный июньский день или короткий декабрьский. Но Варрон считал это абсурдом; днем рождения ребенка, который появлялся на свет в шестой час, в полдень, в день календ, считались половина календ и следующий день до полудня. Тем не менее эта этруская традиция распространилась и на соседнюю Умбрию³.

Месяц этрусков, как и в раннем Риме, был лунным, то есть соответствовал промежутку времени между дву-

мя новолуниями. Подтверждением этому служит само слово «месяц». Тив была богиней ночи, но в эпитафиях ее имя используется как нарицательное, в форме родительного падежа множественного числа: *Vel Vipinanas* из Тоскании умер *avils XX tivrs sas* — «в возрасте двадцати лет и шести (или четырех) месяцев»⁴.

В середине лунного месяца, в полнолуние, этруски праздновали день Ид, и именно у них римляне заимствовали слово *idus*, которое раньше писалось с глухим согласным: *itus*. Впрочем, некоторые эрудиты⁵ довольно странно интерпретировали это слово: по их мнению, *itis* означало «вера в Юпитера» или в свет, что одно и то же, потому что в этот день свет не гас после захода солнца и сияние дня продолжалось ночью благодаря яркой луне. Во всяком случае, иды этрусков, как и иды римлян, были посвящены Юпитеру.

Не будем говорить о календах (*Kalendae*), поскольку это не этрусское слово. Но уточним, что в Этрурии были ноны и, как в Риме, недели, состоявшие из восьми полных дней (*nundinae*): на девятый день — ярмарочный — этрусские цари давали аудиенции, и каждый имел право прийти и проконсультиться с ними о своих личных делах⁶.

Составители глоссариев донесли до нас названия восьми этрусских месяцев в латинизированной форме: *Velcitanus* (март), *Cabreas* (апрель), *Ampiles* (май), *Aclus* (июнь), *Traneus* (июль), *Hermius* (август), *Celius* (сентябрь) и *Xosfer* (октябрь)⁷. Мы видим, что год, как и в раннем Риме, начинался с марта. Некоторые из названий месяцев встречаются в письменных источниках: *acale* (= *acle*, *Aclus*) и *celi* (*Celius*) в Загребской книге⁸, где дата проведения трех церемоний отсчитывалась в обратном порядке, как у латинян, от конца месяца, показывают, что в нем было 30 дней. Другие названия связаны с именами божеств: *Traneus* (*t(u)rane*) был месяцем Венеры (Туран), *Hermius* — месяцем Гермеса. Слово *Xosfer* (*chosfer*, *cesfer*) образовано, вероятно, от числительного *cezp-* (восемь?) и, как октябрь (*October*), обозначало восьмой месяц года⁹. Очень может быть, что существовали диалектные формы названий месяцев. Латинское *Aprilis* справедливо считают производным от этрусско-

го имени Афродиты — Апро¹⁰. В других местах этот же месяц называли *Cabreas*.

Каждый год (*avil*) этруски вбивали гвоздь в стену храма богини Нортии в Вольсиниях¹¹, и эту церемонию, символизировавшую неотвратимое свершение судьбы, переняли римляне и перенесли его в храм Юпитера Капитолийского. И в Этрурии, и в Риме это стало основой хронологии, использованной первыми историками.

Наконец, были века, переменчивая длительность которых, соответствовавшая максимальной продолжительности человеческой жизни в целом, превышала 100 лет и порой достигала 119 или 123 лет. Конец каждого века возвещало чудо, распознанное гаруспиками; согласно их учению, этрусский народ должен был просуществовать десять веков начиная с 968 года до Рождества Христова¹².

Роскошь тиришественного стола

К сожалению, подробный распорядок дня этрусков нам неизвестен. Мы можем представить себе, по многочисленным письменным источникам, день грека или римлянина, но нигде не написано, в котором часу вставал лукумон, принимал ли он по утрам изъясления почтения от клиентов, спал ли после обеда и ходил ли затем в баню. Единственные точные сведения относятся к его режиму питания: два раза в день.

Вот они, последствия плодородия почвы и изнеженного темперамента, о котором не без возмущения писал Посидоний: «Этруски дважды в день велят накрывать роскошные столы, готовить расшитые цветами покрывала, подавать множество серебряных сосудов, а им прислуживает множество рабов»¹³.

Таким образом, на стол накрывали дважды в течение дня. Смысл этого замечания становится понятен, если вспомнить, что греки и римляне ели три раза в день: у греков были *akratismos*, *ariston*, *deipnon*, у римлян — *jentaculum*, *prandium*, *cena*, что соответствует нашим завтраку, обеду и ужину, однако два первых приема пищи постепенно свелись к простому «перекусу». После

пробуждения съедали кусок хлеба, натертый чесноком или смоченный в вине; в 11—12 часов был легкий завтрак, состоящий из остатков вчерашнего обеда; и только обед в два-три часа дня действительно заслуживал свое название¹⁴. Нужно было быть ненасытным обжорой, как император Вителлий, чтобы требовать полноценного приема пищи трижды (или даже четырежды) в день¹⁵. Сенека и Плиний Старший были весьма неприхотливы в еде: на обед философ довольствовался ломтем сухого хлеба, а натуралист слегка закусывал (*gustabat*)¹⁶.

Хотя эти свидетельства относятся к эпохе ранней Римской империи, ясно, что и в эпоху Республики римляне рассуждали так же. Цицерон во второй филиппике резко порицал Марка Антония, который после гражданской войны отобрал у ученого Варрона его поместье в Касине и превратил храм науки в логово разврата: «Начиная с третьего часа» (то есть с девяти утра) там уже «пили, играли, извергали из себя»¹⁷. Выражения *convivium tempestivum* и *cenare de die*, обозначавшие застолье, начавшееся слишком рано, ужин в разгар дня, давно использовали применительно к разгулу в Капуе и излишествам обжор. Но уже в Греции комические поэты разили стрелами сарказма «тех, кто не довольствуется одним обедом, а порой обедает дважды в день»¹⁸. Не обращая внимания на всеобщее неодобрение, этруски продолжали есть дважды в день, причем накрывали столы и возлежали за ними не только во время *cena*, но и во время *prandium*, который Сенека поглощал на ходу.

Что делалось на кухне

Фрески в гробнице Голини в Орвьето, построенной в конце IV века для семейства *Leinie (Laenii)*, не только рассказывают нам о траурном пире двух братьев в присутствии Гадеса и Прозерпины, но и прежде приглашают нас взглянуть на кухню, где 11 слуг заняты веселой суетой по приготовлению пищи¹⁹. Такие же повара превозносили достоинства своей профессии в надписи из Фалерий, сделанной на архаическом диа-

лекте латинского языка: «*Quei soueis agrutiais opidque Volcani condecorant saipisume comvivia loidosque*» — «Своими уловками и с помощью Вулкана они придают блеск пирам и играм»²⁰.

Сибариты возлагали венки на головы кулинаров. Этруски выказывали им не меньшее почтение. На фреске каждый из них обозначен двумя словами, выбитыми над его головой: первое, возможно, представляет собой имя, а второе — обозначение должности. Часто смысл этих надписей неясен, но рано или поздно их расшифруют, и это будет важным прорывом в изучении этрусского языка.

На левой стене от входа изображены мясные туши и битая дичь; два куста указывают на то, что эта кладовая находится под открытым небом. На круглой балке подвешена на веревках за задние ноги целая туша быка; его отрубленная голова с большими глазами, достойными Юноны, лежит рядом прямо на земле. Чуть поодаль, под навесом, висят заяц, лань и птица.

На смежной стене раб-мясник в набедренной повязке рубит мясо топором перед очагом, в котором он будет его жарить. На другом конце *pazu mulu(.)ane*, тоже практически обнаженный, склонился над ступой и толчет там что-то двумя короткими пестиками. Ступа выкрашена в густо-желтый цвет: наверное, она бронзовая и представляет собой чан на трех ногах, с клювовидным сливом. Может быть, перед нами пекарь, который замешивает тесто? Но инструменты, которыми он работает, напоминают цесты (кастеты) кулачных бойцов и годятся скорее для того, чтобы толочь, а не размешивать. Он готовит одно из тех сложных блюд, которыми любили лакомиться древние и в которое входило множество тщательно измельченных ингредиентов и специй, какие и мертвого бы пробудили.

В стихотворении «*Moretum*», приписываемом Вергилию, крестьянин готовит в ступке пестиком кушанье из ароматных трав, чеснока, сыра и вина²¹. *Satura*, прежде чем дать свое имя поэтическому жанру и стать сатирой Горация и Буало, была своего рода винегретом или «сборной солянкой» из ячменной каши, изюма, миндаля и гранатовых зерен, залитых вином с медом²².

А Апиций, имя которого уже попадалось нам в одной гробнице в Цере, этаким римский Брийя-Саварен* времен Тиберия, оставил нам целую коллекцию рецептов, секрет которых состоял в умении *terere* — «толочь»²³. Для приправы к заячьему рагу надо растолочь перец, любисток, зерна сельдерея, маниоку²⁴ и сильфиум с вином и небольшим количеством растительного масла. Чтобы сделать вкуснее вареную курятину, следует положить в ступку зерна укропа, сушеную мяту, корешки сильфиума, сбрызнуть уксусом, добавить финиковый мед, несколько капель гарума**, немного горчицы, масла и вареного вина для сладости и подавать. Кухня лукумонов из Орвьето, находясь где-то посередине между сельской простотой «*Moretum*» Вергилия и имперской изысканностью соусов Апиция, тоже требовала поработать пестиком в ступке, чем и занимается на фреске *pazu mulu(.)ane*: отметим, что это слово содержит индоевропейский корень, который есть и в латинском языке — *molo*, «молоть». Это Пакций, молольщик.

За его спиной, чтобы задать ему необходимый ритм, играет *tibicen*: это *Tr.tnun. suplu. Tr.* — вероятно, сокращение имени Требий; *thun* соотносится с числительным «один» и, возможно, означает «первый»; но *suplu* — наверняка то же самое, что и *subulo* — этрусское слово, обозначающее флейтиста, о котором сообщает нам Варрон²⁵. Кстати, далее мы увидим, что этрусски готовили еду под музыку.

На дальней стене можно распознать сложенную из камня печь и двух полуобнаженных работников. Тот, что сзади, властно потрясает кастрюлей в левой руке — это *tesinth tamiathuras*, то есть *curator*, или надсмотрщик за челядью, иными словами — шеф-повар²⁶. Его подчиненный, *klumie parliu* («хозяин кастрюль» — *parla*, на латыни *patella*)²⁷, осторожно ставит в пышущий жаром очаг сковороду.

Но особенно аппетитно выглядят четыре стола, выстроившиеся в ряд на боковой стене между мясником

* Жан Ансельм Брийя-Саварен (1755—1826) — знаменитый французский повар, автор кулинарных трактатов.

** Га р ум — римский соус, приготовлявшийся из крови и потрохов морских рыб.

и молольщиком. К ним слева спешит служанка, *thrama mlithuns*, одетая в желтую блузу и юбку с вышивкой по старинной моде; она несет два сосуда. Позади столов — раб и другая женщина, имя которой прочитывать не удалось; она очень нарядно одета: повязка на волосах, подвески в ушах, ожерелье, белая накидка с алой бахромой. Жестом она приказывает *thresu f(.)sithrals*, схватившему один из столиков, отнести его к ложу пирующих.

У этих столов прямоугольная форма и три ножки (на этой фреске они нарисованы в виде лошадиных ног) — мода на них пришла в Этрурию из Греции. На них уже лежат три слоя лепешек, поверх которых выделяются две «порции» для двух пирующих с каждого ложа. Каждый получит свою лепешку, вероятно, круглую — такова была обычная форма хлеба в Риме и Помпеях, а затем приступит к всевозможной снеди, среди которой как будто можно различить яйца; наконец, всё это венчают собой грозди темного винограда — по одной на человека. Кроме того, между двумя лепешками виден гранат с двумя узкими пирамидками по бокам — возможно, сладостями.

Наконец, на внутренней стене, выходящей из глубины гробницы и делящей ее на две части, есть еще одна, сильно поврежденная фреска, примыкающая к изображению печи и показывающая другой уголок кухни. Трое слуг стоят у деревянного стола, заставленного разнообразной посудой: всевозможными емкостями фиолетового цвета (возможно, художник хотел передать металлический отблеск черного лака), чашами на ножках, кубками, пиалами и другими сосудами, наполненными чем-то желтым или красноватым. От двух крайних фигур — *aklchis muiifu* и *thresu penzas* — сохранились только прекрасные профили, обращенные влево; *runchlwis rapnas* в центре фрески, с бородкой и обнаженным торсом, пострадал меньше: откинув правую руку для равновесия, он несет в левой тяжелый бронзовый графин необычной формы, похожий на киликс с двумя широкими ручками и с крышкой, — он напоминает вазы апулейского стиля, которые называют лепастами²⁸. Надо полагать, этот слуга будет разливать его содержимое по кубкам пирующих.

Кухонные сцены из гробницы Голини — явление исключительное. Сами пиры изображались гораздо чаще: мы встречали их на фресках в гробницах Тарквиний, на глиняных барельефах в Веллетри, на похоронных урнах и надгробиях из Клузия. Эти сцены выдержаны в греческих традициях, подражая образцам с фризов Ларисы в Эолиде²⁹ и кубков аттических вертопрахов³⁰: на них тоже есть ложе, на котором возлежат два гостя, низкий стол перед ложем, петух или собака под столом, музыкант, играющий на двойной флейте, и виночерпий, наполняющий чаши. Оригинальность образа жизни этрусков не слишком проявляется в рамках заезженной темы.

О месте и времени проведения застолий сказать ничего нельзя. Обстановка их выдуманная: часто они проходят среди деревьев с трепещущей листвой — судя по яркому свету, в парке среди бела дня. На других картинах венки и ленты, веера и оружие, развешанные на невидимом фоне, создают обстановку идеального триклиния. Но в гробнице Голини пир двух братьев — *Arnth Lecates* и *Vel Leinies*, за приготовлением к которому мы только что наблюдали, проходит при свете шести свечей, установленных в двух высоких канделябрах.

Чаще всего на ложах изображены мужчина и женщина — несомненно, законные супруги. Мы уже говорили о том, что участие в пирах этрусских женщин было правом, в котором отказывали гречанкам: в Афинах только куртизанки возлежали на пиршественном ложе рядом с юношами. Даже дома супруге было позволено лишь сидеть рядом с ложем обедающего мужа. В конечном счете под влиянием Греции такие правила поведения установились даже среди этрусков, и на фреске из гробницы Щитов в Тарквиниях, памятнике III—II веков до н. э., *Velia Seitithi* скромно сидит на ложе, в ногах у лежащего *Larth Velcha*³¹. Однако она ласково касается рукой плеча супруга, а другой рукой протягивает ему взятый со стола плод. Ее жест исполнен той же печальной нежности, что и трогательный

порыв супруга из гробницы Расписных ваз, построенной тремя веками ранее: взяв жену за подбородок, он поворачивает ее лицо к себе, чтобы в последний раз заглянуть в ее глаза³². Но надо признаться, что на других изображениях, например в гробнице Леопардов, юные гости, увенчанные миртовыми венками, беззаботно наслаждаются вином и флиртом. Мужчины со смоляными кудрями и светловолосые женщины одеты в чудесные многоцветные накидки; один, держа двумя пальцами сверкающее кольцо, показывает его своей замороженной подруге; соседняя пара одновременно повернула голову, чтобы взглянуть на обнаженного Ганимеда, проходящего мимо с кувшином вина, — сплошное заигрывание, светская болтовня, вспышки желания³³.

Посидоний, описывая роскошь этрусских застолий, особенно восхищался яркими вышитыми покрывалами, которыми застилали лежа³⁴. Это, вне всякого сомнения, те же милетские шерстяные ткани, что покрывали плечи танцоров. Цицерон обвинял Верреса, претора-взяточника (кстати, окончание его имени говорит об этрусском происхождении), в том, что он воровал шерсть у жителей Милета³⁵ и превратил все дворцы благородных сицилийцев в мастерские, в которых ткали пурпурные ковры, «будто ему нужно было застелить не три, а триста лож в каждом триклинии в Риме и на загородных виллах великолепными покрывалами (*stragula vestis*) и всеми прочими тканями, которыми украшают застолье»³⁶. Посидоний пишет о *strômnai antheinai*, но мы не станем исходить из этимологии этого прилагательного (*anthos* — «цветок») и переводить словосочетание как «покрывала в цветочек». На этрусских росписях часто показаны ткани с цветочным узором, но *antheinos*, как и его синоним *poikilos*, чаще означает материя, вышитую разноцветными нитками, как, например, покрывала из гробницы Леопардов, расчерченные на мелкие красные квадраты, обведенные синей каймой³⁷. Так было модно в начале V века до н. э. Позднее, на рисунках из гробницы Щитов, основным цветом станет пурпурный, но узоры останутся геометрическими³⁸.

Серебряная посуда

Посидоний пишет и о том, что в распоряжении пирующих было множество разнообразной посуды из серебра. Мы уже цитировали стихи тирана Крития, прославлявшего бронзовые изделия и «фиалы тирренов, покрытые золотом»³⁹. Фиалы — это небольшие плоские чаши с выступом в центре, служившие для возлияний богам. Мы также неоднократно упоминали о ситулах, тазах, амфорах, кувшинах, чашах, кубках из позолоченного серебра или из чистого серебра, иногда с гравированным или выпуклым чеканным узором, найденных в княжеских гробницах VII века до н. э. в Ветулонии, Цере и Пренесте. Серебряная посуда из гробницы Реголини-Галасси помечена именем владелицы, которая, судя по всему, придавала ей особую ценность.

Однако свидетельство Посидония относится к гораздо более поздней эпохе и, увы, не подтверждается никакими археологическими данными. Ни на росписях, ни среди утвари в гробницах мы не обнаружили после VII века до н. э. «большого числа всевозможных серебряных сосудов», которые философ видел на столах этрусков. Разве что на фреске из гробницы Расписных ваз в Тарквиниях (конец VI века) белизна большого киликса в руке одного из пирующих наводит на мысль, что он был серебряным⁴⁰. В основном художники изображают керамическую или бронзовую посуду. Изучение предметов из некрополя Цере только подтверждает этот вывод: количество аттической керамики значительно превосходит число металлических изделий. Кажется, что столовое серебро к тому времени исчезло из домов этрусков. Может быть, причина тому в обеднении народа, который оказался отрезан от центров добычи серебра, в частности в Испании? Или же скупость не позволяла этрускам жертвовать дорогостоящими вещами ради мертвых? А может быть, любовь к керамике, привитая Грецией и давшая пышные всходы, породив непрерывное производство терракотовой посуды — от архаического буккери, покрытого черным лаком, до изделий горшечников из Арретия, покрытых красным лаком, — превратилась во всепоглощающую страсть?

Все эти причины могли существовать одновременно, а переплавка — довершить дело. Однако отметим, что пристрастие к серебру не исчезло совершенно в Южной Этрурии, в особенности в Орвьето и в Больсене, где в IV—III веках до н. э. изобрели посеребренную керамику: яркая краска создавала иллюзию напыления серебра⁴¹.

Лишь начиная с III века до н. э. Этрурия, ставшая частью римского мира, начала пользоваться выгодами от завоеваний и оставлять себе часть огромного количества роскошной посуды, которая отныне поступала в Италию. В комедиях Плавта, написанных после Второй Пунической войны, показано богатое столовое серебро в домах знати. «Всякому свое подходит», — говорит раб Стих:

...У кого накоплено
Дома, те пусть пьют ковшами, чашами, бокалами,
Мы же хоть и пьем вот этой глиняною чашкою,
А свое — по средствам нашим — дело все же делаем^{*42}.

Этрусские лукумоны вновь принялись пить из серебряных скафий, канфаров и батиок**, привезенных из Александрии или изготовленных местными мастерами, выведенными из творческого оцепенения и охваченными духом соперничества. В 206 году до н. э. Сципион Африканский привез из Испании более 14 тысяч фунтов серебра, не считая серебряных монет⁴³. В 189 году его брат Луций, празднуя триумф после победы над Антиохом, выставил на всеобщее обозрение 1023 фунта золотой посуды и 1423 фунта серебряной⁴⁴. В 161 году до н. э. один из законов против роскоши запретил знатным горожанам, участвующим в пирах во время Мегалезийских игр, приносить туда серебряной посуды более чем на 100 фунтов⁴⁵. Стоит ли удивляться, что одна из редких этрусских гробниц, озаренных слабым отсветом серебряной посуды былых времен, — усыпальница

* Перевод А. Артюшкова. В оригинале вместо «ковшей, чаш, бокалов» — скафии, канфары, батиоки.

** Плавт намеренно перечисляет названия экзотических сосудов с намеком на восточную утонченность: с к а ф и я — кубок в форме лодки, к а н ф а р — сосуд с двумя непомерно объемными вертикальными ручками, б а т и о к а — чаша без ножки и без ручек, имеющая персидское происхождение. (Прим. авт.)

Larthia Seianti в Кьюзи — была датирована по римскому унциальному ассу с головой Януса, относящемуся, самое раннее, к первой половине II века до н. э. В этой же гробнице, среди всевозможных предметов женского туалета — спилек, гребней, щипчиков для эпиляции, — нашли несколько *vasa agrentea*, небольшой кратер, кастрюлю и блюда⁴⁶. Те, кто принимал у себя Посидония, были, наверное, куда богаче. Рим вернул их пиршествам главный элемент великолепия.

Игры

Самыми ясными представлениями о нравах этрусков мы обязаны играм, поскольку этруски любили рисовать сцены игр в честь умершего на стенах усыпальниц и высекать их на надгробиях и саркофагах. Традиция эта возникла очень давно, что нетрудно доказать: после сражения при Алалии (около 535 года до н. э.) жители Цере, захватившие в плен множество фокейцев, вывели их за пределы города и побили камнями. «С тех пор, — писал Геродот в середине V века до н. э., — у агиллейцев (жителей Цере. — Ж. Э.) все живые существа — будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев, — становились увечными, калеками или паралитиками. Тогда агиллейцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление. Пифия повелела им делать то, что агиллейцы совершают еще и поныне: они приносят богатые жертвы фокейцам, как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания»⁴⁷.

Не вызывает сомнений, что подобные проявления жизненной энергии и силы, которым этруски, как и другие народы Древнего мира, предавались во время погребальных обрядов, чтобы отвести от себя всемогущую смерть, не отличались от тех, которые во время сельских праздников, в период сева и жатвы, должны были пробудить энергию природы или, в результате церемоний в городах, обеспечить покровительство богов их капитолиям. Посвящались ли игры душам умерших или богам, их программа оставалась неизменной. Так,

в Риме, который лишь следовал примеру этрусков, комедии Теренция исполняли и на Римских играх, и на Мегалезийских, и во время игр в память Эмилия Павла. Наверняка танцы и состязания, изображенные в гробницах Тарквиний, — приукрашенное и стилизованное отображение игр, которые устраивались не только в некрополях, но и во всех святилищах, в том числе в храме Вертумна, *fanum Voltumnae*, когда там раз в год, по весне, собирался совет двенадцати городов⁴⁸. Тогда затевали торжественные игры, в которых принимали участие лукумоны двенадцати городов с артистами из своих собственных трупп. Вспомним историю о правителе Вей⁴⁹, который, проиграв выборы, тотчас удалился вместе со своими гистрионами и борцами — совсем такими же, как на фресках из гробниц Авгуров и Леопардов.

Эти изображения не только воскрешают панегирии с шумной суетой и пестротой ярмарки, проводившейся параллельно, с политическими интригами, которые плели в тени священных рощ; эти празднества — всего лишь возможность, повторяющая в определенные моменты, придать больше яркости простым событиям повседневности. В зрелищах, точно в зеркале, которое увеличивает, не искажая, отражались различные занятия обычной жизни. Точно так же, как траурные пиршества открыли нам подробности двойного ежедневного застолья этрусков, игры позволяют нам понять, чем для них были музыка, танцы, спорт и, разумеется, театр.

Музыка

Одна из самых поразительных черт этрусской цивилизации — огромное место, отводимое музыке. Констатируя этот факт, мы не собираемся оспаривать превосходство греков, сделавших музыку — не только в контексте культа муз и интеллектуального воспитания, но и в прямом смысле, как пение и игру на музыкальных инструментах, — основой своей жизни и пищей для души⁵⁰. Именно эллинам принадлежит миф об Орфее, очаровывавшем своей лирой животных, камни и

даже богов. Вся их мифология пронизана именами легендарных кифаредов и авлетов (флейтистов), учеников или соперников Аполлона, Орфея, Лина, Амфиона и Марсия, которые силой своего искусства разрушали крепостные стены и усмиряли чудовищ. В практической жизни программы обучения детей в Афинах и даже в Спарте на первое место ставили «игру на лире, легкие танцы и пение»⁵¹. Концерты стали излюбленной темой для малых мастеров, расписывавших вазы в V веке до н. э. Не было ни одного сколько-нибудь важного события в жизни города или села, будь то свадьба, похороны, сбор урожая или винограда, пиршество, которое не сопровождалось бы музыкой⁵².

Здесь, как и во всем остальном, этруски выступили учениками греков. Но они нашли способ распространить власть музыки на те области, которые ранее оставались ей неведомы. Музыка задавала ритм танцам — это было необходимо; она опьяняла гостей на пирах — это естественно; она присутствовала на религиозных церемониях — это вполне нормально; она подогревала пыл сражающихся воинов — так было всегда. Но мы удивлены не меньше Аристотеля, который увидел в этом признак изнеженности, узнав, что этруски занимаются кулачным боем, секут рабов и готовят пищу под звуки флейты⁵³. Таким образом, все повседневные занятия вплоть до самых прозаических сопровождались музыкой. Наверное, труднее всего в этрусском городе было найти тишину. Чтобы представить себе, что там творилось, нужно вообразить себе не столько «il lieto rumore» («радостный шум»), о котором писал Джакомо Леопарди, наполняющий по вечерам итальянские поселки, сколько постоянно включенное радио в пригородах Флоренции, когда люди приходят домой после работы и садятся ужинать, а из распахнутых окон каждого дома звучит «Норма» Беллини.

Итальянская музыка познала триумф уже тогда, однако, что бы ни говорил Аристотель, она не имела ничего общего с ленивой расслабленностью. Обличая три с первого взгляда нелепых применения игры на флейте, философ, похоже, не понял, что их целью было задать ритм трем видам резких движений. В Греции авлет

задавал темп гребцам; в наше время командами гребцов управляет человек с рупором. Этрусские кулачные бойцы тоже наносили ритмичные удары, но этот обычай, превращавший бой в подобие размеренного танца, ничуть не умерял его свирепости. Удары розгой, наносимые наказываемому рабу, повиновались определенному ритму, но вопреки тому, о чем пишет Плутарх в своем трактате «Об искусстве укрощать гнев»⁵⁴, в этом случае музыка не имела целью смягчить чувства хозяина или слуги. Что касается кухни, то замечание, сделанное сицилийским историком Алкимом⁵⁵, позволяет лучше понять, что имел в виду Аристотель: речь идет о «замешивании хлеба» — работе, которая выполняется ритмично. На росписи из гробницы Голини мы уже видели флейтиста, *suplu* или *subulo*, помогающего *razi tulu(.)ane* с обнаженным торсом, который, склонившись над ступой, энергично что-то растирает в ней или толчет, и музыка здесь нужна не для того, чтобы замедлить его движения и заставить испортить соус.

А была еще и охота, где музыка играла важную роль. И речь не только о рожках и трубах, созывавших собак. Элиан в сочинении «О природе животных», написанном в III веке до н. э., говорит об этрусском поверье, по которому именно музыка загоняет дичь в силки⁵⁶: «Среди этрусков бытует поверье, согласно которому кабанов и оленей можно ловить не только сетями и собаками, но и с помощью музыки. Вот как это происходит: этруски расставляют сети и прочие охотничьи принадлежности и снаряжают ловушки; рядом встает искусный флейтист, который наигрывает самые прекрасные мелодии, извлекая из своей флейты нежнейшие звуки, и среди всеобщей тишины и покоя эта музыка легко достигает вершин, долин и чащи леса — одним словом, проникает во все логова и норы животных. Сначала они удивляются и пугаются, но потом чистое и всепобеждающее наслаждение от музыки овладевает ими, и, оказавшись в ее власти, они забывают о своих детенышах и своих убежищах. Обычно животные не любят далеко уходить от родных мест. Но эти, увлекаемые, словно силой чар, завораживающей мелодией, приближаются и попадают в ловушки охотников, становясь жертвами музыки».

Непонятно, откуда Элиан, уроженец Пренесте, хорошо знавший италийские реалии, почерпнул сведения для этого рассказа о «диких зверях», проникнутого мистическим трепетом, и о волшебном воздействии на них музыки. Аристотель знал об этом любопытном способе подманивания, но писал о нем лишь по поводу охоты на оленей: древних поражала восприимчивость этих животных к музыке; кабанов к ним опрометчиво добавили, основываясь на этрусском источнике⁵⁷. Кстати, такой метод охоты — не чистая выдумка. Известно, что в Кот-д'Ивуаре охотники «подманивают антилоп, играя на длинной флейте, и любопытные животные, очарованные звуками, приближаются без опаски и погибают, пронзенные копьем или стрелой»⁵⁸. Может быть, рассказ Элиана стал далеким отголоском поэмы, в которой государь-охотник, какой-нибудь неизвестный Гильгамеш или Кир из эпоса Вольци или Клузия, преследовал оленя и кабана в обществе чудесного этрусского Орфея, использующего свой волшебный дар для грубо утилитарных целей. Но здесь всепокоряющим инструментом была не лира, а флейта.

На всем протяжении истории этрусков флейта оставалась их излюбленным инструментом. На рисунках и рельефах VI—V веков до н. э. под пальцами музыкантов поют лиры и кифары в семь струн и более, в соответствии с усовершенствованиями греческих лютнистов той эпохи. Авлеты сначала неразлучны с кифаредами. Потом дуэт аполлоновской лиры и дионисийской флейты распался, но в Греции и Этрурии это произошло по-разному. В Греции флейта, на которой виртуозно играл Перикл, была осуждена Платоном и Аристотелем⁵⁹. В Этрурии во время частных или публичных концертов пела только она. Древние авторы и памятники знакомят нас с множеством разновидностей этого инструмента, которые современные историки предпочитают называть кларнетом или гобоем. Флейты, на которых играли во время жертвоприношений, делали из слоновой кости (по Вергилию) или из самшита (по Плинию)⁶⁰. В архаическую эпоху они были маленькими и короткими⁶¹; на урне из гробницы Волумниев в Перузии, относящейся к позднему периоду, изображена поперечная флейта⁶².

Но все же самой распространенной в Этрурии оставалась двойная флейта, у которой музыкант зажимал губами оба ствола; в Риме для ее обозначения использовали слово *tibiae*, стоящее во множественном числе.

Итак, основой городского шума было немолчное пение флейт. Хотелось бы знать о нем больше, но даже греческая музыка известна плохо — что уж говорить об этрусской! Возможно, она была еще более хроматической. Надо полагать, что этруски, консерваторы по натуре, упорно придерживающиеся авлетики и традиции духовых инструментов, которые способствовали развитию энгармонизма и пристрастия к малым интервалам, следовали моде Малой Азии, пробуждавшей в них смутные атавистические отголоски, — например, наигрывали фригийские и лидийские напевы, характер которых, по выражению древних музыковедов, был «разнузданным, распущенным и сладострастным». Но ритм их, должно быть, был достаточно твердым, например, чтобы помочь пекарю замешивать тесто.

Как бы то ни было, слава этрусских авлетов покорила мир: одного афинского философа, жившего в начале III века до н. э. и питавшего слабость к флейте, насмешливо прозвали «тирреном»⁶³. Рим очень рано начал приглашать этрусских *subulones*, без которых нельзя было совершать жертвоприношений, поскольку они предваряли церемонию игрой на флейте. В Вечном городе они основали свой цех, ревниво охранявший свои права и монополизировавший музыкальное искусство. Однажды, в конце IV века до н. э., они устроили забастовку из-за того, что им не дали устроить традиционное пиршество у Капитолия, и уехали в Тибур (Тиволи). Сенату пришлось уступить и пойти на хитрость, чтобы вернуть их: несколько семей в Тибуре пригласили обиженных музыкантов на пир по случаю какого-то праздника (иллюстрацией к этой истории может послужить фреска из Тарквиний) и напоили их, «ибо, — как добавляет Тит Ливий, но это слова римлянина, — такого рода люди падки на вино». Их погрузили на повозки и отвезли на форум, а когда они проспались, подтвердили им все их привилегии⁶⁴. Далее мы увидим, что к этрусским флейтистам в Риме позже присоединились их сооте-

чественники-танцоры, что способствовало рождению латинского театра.

Рим перенял у Этрурии не только священную музыку, но и военную. Со времен Эсхила древние прославили достоинства этрусской трубы (*Tyrsénikè salpinxs* или *Tyrrhenica tuba*⁶⁵) с прямой трубкой, оканчивающейся раструбом в форме колокола. Изогнутая труба, напоминающая *lituus* авгуров, изображена в сценах шествий магистратов, равно как и кольцеобразные трубы, напоминающие наш охотничий рожок. Все эти *tubae*, *litui* и *cornua* сложились в духовой оркестр во время военных парадов, они трубили сигнал к атаке в сражениях при Сентинуме и при Филиппах, и даже гаруспики порой слышали их звук в небесах, возвещавший конец века или волю богов:

*Tyrrheusque tubae mugire per aethera clangor*⁶⁶.

Танец

Выставка этрусского искусства 1955 года, которую провезли по всем столицам мира, напоминала волшебный ларец. Его стенки — стены древней гробницы Триклингия — были украшены искусными фресками, на которых этрусские танцоры в разноцветных плащах из милетской шерсти неслись в заводной пляске, едва касаясь ногами земли. В Этрурии существовали священные и мирские танцы (граница между ними подчас неуловима), а если перечислять все их виды, то прежде всего следует упомянуть о военной пляске, подобной танцам римских салиев (это слово происходит от *salio* — «прыгаю, пляшу» — и означает «плясуны»), которые сталкивались щитами, по преданию, упавшими с неба. У святилищ Марса салии пели гимн, сопровождаемый ритмичными прыжками, и исполняли священную пляску⁶⁷.

Этот танец с оружием почитали во всей Центральной Италии, и маленький ритуальный двудольный щит, наподобие щита салиев (анкила), который Р. Блок на-

*Ревом тирренской трубы огласились неба просторы (пер. С. Ошерова).

шел в виллановийском захоронении в Больсене⁶⁸, говорит о том, что эта пляска была известна в Этрурии еще до расцвета этрусской цивилизации, при котором она стала частью церемониалов. В археологическом музее Флоренции хранится инталия IV—III веков до н. э. с изображением двух салиев со священными щитами. Кстати, в Греции многие религиозные праздники сопровождались пирриками — подобием боя, военным танцем под звуки флейты. Их отголоски мы находим в гробнице Биг и на надгробиях из Клузия.

На празднествах салиев был руководитель танца, корифей плясунов, *praesul* — «танцующий впереди». Он исполнял фигуры, которые остальные повторяли вслед за ним. Основные моменты этого танца обозначали два устаревших латинских глагола, значение которых очень скоро стало неясным: *amptruare* и *redamptruare*⁶⁹. Префикс *amp-* означает вращательное движение: ведущий переворачивается в прыжке (*amptruabat*), а все повторяют это за ним (*redamptruabat*). Значение корня *truare-* неизвестно: похоже, объяснение ему надо искать в этрусском языке.

Во времена правления Августа в Риме возродили традицию парада на Марсовом поле, в котором принимали участие три эскадрона высокородных молодых всадников в полном вооружении. Этот конный балет называли *troia*; существовали также выражения *troiam ludere* — «праздновать трюю» и *lusus troiae* — «игры трои». Никто не сомневался, что эти игры восходили к легендарным Троянским играм, устраиваемым в Риме. Вергилий способствовал этому заблуждению, уделив им место среди похоронных церемоний по Анхизу, описанных в пятой книге «Энеиды». В знаменитых стихах поэт обрисовал парад *Troiae juventus* — «юных троянцев», а затем перестроения всадников, повороты и сплетения рядов которых напоминали критский Лабиринт⁷⁰:

По трое в каждом ряду разделится строй, и немедля
Два полухория вновь разъехались; после, по знаку,
Вспять повернули они, друг на друга копыа наставив,
Встретились, вновь разошлись и опять сошлись на широком
Поле; всадников круг с другим сплетается кругом,
Строй против строя идет, являя битвы подобье...

В Тральятелле, недалеко от Браччано, в десятке километров от Цере, был обнаружен сосуд для вина (ойнохоя), протокоринфский стиль которого обличает в нем этрусское произведение конца VII века до н. э. На его стенках грубой чеканки изображен лабиринт, из которого выходят два вооруженных всадника, а впереди них движутся семеро пехотинцев, исполняющих военный танец⁷¹. В изгибах лабиринта ясно читается этрусское слово *truia*. Считается, что оно означает либо разновидность военного танца, либо пространство, арену, может быть, укрепленный лагерь, где этот танец исполняли. В латинском языке оно сохранилось в ритуальном лексиконе салиев (*amptruare*), а *lusus troiae* также происходит от него⁷². С VII по I век *troia* неявно присутствует на протяжении всей истории этрусского искусства танца, утвердившись и в самом Риме, где мифологи придумали для нее самую фантастическую этимологию.

Вакхические танцы

Но все-таки не Марс, а Дионис создал собственно этрусский танец и придал ему неизменный стиль. По всей греко-этресской Италии, по карнизам храмов, по крышкам свадебных сосудов и ритуальных котлов, по канделябрам и треножникам, по вазам и чашам несутся в неистовой фарандоле силены и менады. Соединив воедино несколько разрозненных образцов, можно попытаться восстановить последовательность целой танцевальной связки⁷³. Первая фигура — приглашение на танец — изображена на бронзовой рукоятке, где силен радостно подскакивает к менаде, а та бросается бежать. Далее следуют пикантные антефиксы из Фалерий, Ланувия и Сатрикума, где силен и менада исполняют в обнимку параллельные шаги. Наконец, последняя фигура показана на бронзовом изделии из нью-йоркского Метрополитен-музея: менада оказывается на плече торжествующего силенна, «словно на живом постаменте». Таким образом, этот танец был своего рода пантомимой и имел свой сюжет: это балет о Похищении⁷⁴.

Вакхическое настроение этрусского танца, вместе с полагающимися по случаю масками и переодеваниями, сохранилось и во время процессии, состоявшейся в Риме во время игр в Большом цирке: после серьезных танцев настал черед шутовских плясок силенов и сатиров: первые были одеты в ворсистые туники и плащи с цветочным орнаментом, а вторые — в козлиные шкуры и высокие парики из конского волоса⁷⁵. Дионисий Галикарнасский добавляет, что видел на похоронах знатных особ труппы танцоров, наряженных сатирами, шедших впереди гроба. Надо полагать, это было древним и устойчивым подражанием этрускам.

На фресках из склепов не присутствуют атрибуты тиаза (экстатической процессии в честь Диониса), но изображенные на них пляски представляют, хоть и в другом облачении, основных действующих лиц оргиастического безумия вакханалий. По изображениям из гробниц от гробницы Львиц и усыпальницы жрецов Вакха (около 520 года) до гробницы Триклиния (приблизительно 470 год до н. э.) можно проследить за эволюцией танца на протяжении полувека.

На стене в глубине гробницы Львиц по обе стороны большого кратера, увенчанного плющом Диониса, изображены флейтист и кифаред. Справа и слева от них — танцоры⁷⁶. Справа мы видим мужчину и женщину⁷⁷. Обнаженный танцовщик с телом кирпично-красного цвета и танцовщица в прозрачной тунике, с кастаньетами в правой руке, захвачены, по выражению М. Паллоттино, «буйным ритмом трипудия». *Tripudium* — старое латинское слово, обозначающее трехтактную пляску, при которой нужно было трижды топнуть ногой о землю, а в более общем плане — пляску с прыжками, на три счета или нет. Эти двое одновременно совершают одинаковые движения, толкаются одной ногой, поднимая вторую. Трехтактная ли это пляска? Трудно сказать. Важны прыжок и движение рук: одна вниз, другая вверх, в том же порыве. Примечательно, что танцовщик одновременно поднимает правую ногу и правую руку, а танцовщица — левую руку и левую ногу, невзирая на закон противопоставлений, которому подчинялись сложные, невакхические танцы.

По другую сторону одинокая танцовщица — с открытой головой, обутая, одетая, причем настолько основательно, насколько легко одеты ее партнеры, — делает широкий скользящий шаг влево, но в повороте, о чем говорит движение складок ее плаща. Обе ее руки согнуты в локте, но одна поднята вверх, а другая опущена вниз, кисти же повернуты друг к другу. Эта «хирономия» очень важна для этрусского танца, который в большей степени состоит из движений рук, чем ног. Знаменитый специалист в области древней керамики сэр Джон Бизли, исследуя танец в своей книге «Этрусские расписные вазы», глубоко восхищается «рукой этрусского танцора» в изображениях на кубках и *stamnoi* из Клузия. «Я знаком с одной итальянской семьей, — пишет он, — где мать и два ее сына могут делать руками жесты этрусского танцовщика, но это редкая способность, даже для итальянцев»⁷⁸.

От усыпальницы к усыпальнице прыжки и жесты приобретают все большую свободу, и на великолепной росписи из гробницы Триклинаия флейтист и кифаред сами пускаются в пляс среди кустов волшебного сада. Возможно, прыжки не такие неистовые, жесты более сдержанные, головы наклонены чуть меньше. Но классицистическая строгость исходит от художника, танцоры же по-прежнему охвачены дионисийским опьянением.

Рим, уже переманивший к себе этрусских флейтистов, в 364 году до н. э. призвал и танцоров. Тит Ливий, прибегая к прелестной литоте, пишет, что в них ценили «движения, не лишенные изящества», — *motus haud indecoros*⁷⁹. Он же сообщает нам этрусское название плясунов — *ister*, принявшее в латинском языке форму *histrion* и, в конце концов, ставшее известным нам словом «гистрион». На латыни их также называли *ludii*. Однако главное их искусство по-прежнему заключалось в прыжках трипудия. Овидий в «Науке любви»⁸⁰ анахронично упоминает об играх во времена Ромула, когда состоялось похищение сабинянок, увлеченных зрелищем пляски и не подозревавших об опасности:

Вот неумелый напев из этрусской дуды вылетает,
Вот пускается в пляс, трижды притопнув, плясун,
И под ликующий плеск еще неискusstvenных ладоней
Юношам царь подает знак к похищению жен.

В «Куркулионе» Плавта влюбленный Федром исполняет серенаду перед домом своей возлюбленной и обращается к крюкам дверных петель, чтобы они *выпрыгнули* и позволили ему войти:

Эй, крюки! Вам, крюки, шлю привет всей душой!
Вас люблю, вас хочу, вас прошу, вас молю!
Я влюблен: дайте мне сласть утех! Чудные!
Для меня бросьтёсь в пляс варварский, дайте вдруг
Вверх прыжок: пусть она выйдет к нам из дверей,
Страсть моя, боль моя, что пьет кровь из меня⁸¹.

Когда этрусские танцоры прибыли в Рим, их пляски, должно быть, имели такой же эффект, какой произвел «Русский балет» на французскую публику в 1911 году, и их скачки казались не менее поразительными, чем прыжки Нижинского.

Спорт

Спорт тоже был частью игр, устраиваемых на похоронах или в честь богов, и здесь этрусски опять проявили себя прилежными учениками греков и учителями римлян. Традиции соблюдались четко: Тарквиний Старший, едва взойдя на престол, после первой же своей победы устроил игры, куда более роскошные и лучше организованные, чем при его предшественниках. «В качестве места для их проведения он выбрал Большой цирк, разместил сенаторов и всадников в ложах на высоте двадцати локтей и устроил Римские игры, где были и скачки, и кулачные бои, традиции которых были привезены им из Этрурии»⁸². Событие это произошло, скорее всего, в конце VII века до н. э. А во времена Цицерона знатные этрусски еще держали конюшни со скаковыми лошадьми: Авл Цецина, наследник одной из известнейших семей «лошадников» из Волатерры, участвовал в гонках квадриг в Большом цирке. Он привозил с собой в Рим ласточек и выпускал их, чтобы сообщить о результатах состязаний

своим друзьям: птицы возвращались в свои гнезда, будучи окрашены в цвета партии, которая одержала победу⁸³.

Скачки

Изобразительные источники дают нам понять, какое важное место в жизни этрусков занимали гимнасий, стадион и ипподром. 26 марта 1958 года на территории Тарквиний нашли новую гробницу с фресками, которую тотчас назвали «гробницей Олимпийских игр» в честь тех игр, что проводились в Риме и успех которых словно предсказывали эти росписи, открытые благодаря фотографическому зонду инженера Леричи⁸⁴. На фресках, нанесенных на стены около 525—520 годов до н. э., изображены все основные виды соревнований, составлявших программу античных игр: метание диска, прыжки, кулачный бой, а главное — состязания в беге. На правой боковой стене три атлета несутся к цели. Их единственная одежда — легкая набедренная повязка, все трое работают руками в ритм шагов, но различаются между собой тем, что первый и третий носят любопытные остроконечные бородки, а также тонко переданным выражением лица — уверенным, упорным и смирившимся, в порядке финиширования.

С левой стороны изображено еще более впечатляющее состязание четырех биг, колесниц, запряженных парой лошадей, которые тоже находятся у самого финишного столба, но не на ровной арене цирка, а за городом. Возничие одеты в голубые или красные туники, однако в эти же два цвета попеременно окрашены лошади и колесницы, что говорит лишь о вкусе художника, а вовсе не о том, что они принадлежат к разным командам, как при Римской империи и даже, как мы уже видели, во времена Цецины. Интересная деталь, доселе нам неизвестная: вожжи завязаны за спиной у возничего, образуя огромный узел. Каждый с удвоенной силой погоняет лошадей. Первый, который уже победил, обращивается, чтобы оценить, насколько он оторвался от соперников; третий обходит второго слева; четвертая

колесница только что опрокинулась: одна лошадь упала на спину, вторая взвилась на дыбы, возничего отбросило назад, а три женщины, оказавшиеся свидетельницами катастрофы, схватились руками за голову и кричат от ужаса. Другие росписи из Тарквиний выполнены с большим вкусом и мастерством, но эта ценна своим необычайным динамизмом, чувством юмора и изобретательностью, с какой этрусский художник интерпретирует греческую традицию, передавая увиденное им в жизни.

Если бы злосчастный возница на перевернувшейся колеснице управлял не бигой, а квадригой, то его можно было бы назвать Ратуменной. Это этрусский возничий, о котором Плутарх и Фест⁸⁵ рассказывают чудесную историю, случившуюся примерно в то же время, когда была построена гробница Олимпийских игр. Он принадлежал к знатному роду: это доказывает, что, как и в архаической и классической Греции, спортом — во всяком случае его благородными видами — занимались любители, а не профессионалы, люди высокого происхождения, а не рабы.

В то время между Римом и Вейями возник спор из-за терракотовой квадриги, которую Тарквиний Гордый заказал в мастерской этрусского города, чтобы увенчать ею храм Юпитера Капитолийского, но власти Вей не хотели отдавать этот шедевр из-за чудесного знамения, говорившего о том, что он обеспечит Риму верховенство. Ратуменна, выиграв гонки в Вейях, получил венок победителя и шагом выезжал на своей колеснице с арены, как вдруг лошади испугались и понесли. Не слушая поводыря, они галопом помчались к Риму и остановились только на Капитолии, сбросив на землю возницу, который дал свое имя воротам Ратуменны.

Легкая атлетика

Из множества изображений состязаний гимнастов и колесниц в гробницах Тарквиний и на надгробиях Клузия мы выбрали росписи из гробницы Олимпийских игр. Другие послужат дополнением к ним. В гроб-

нице Авгуров (около 530 года до н. э.) представлен малоазийский сюжет с двумя абсолютно обнаженными борцами⁸⁶; их снабдили не только впечатляющей мускулатурой, но и восточным типом внешности: черные как смоль волосы и борода, очень длинные ресницы, полные губы и скошенный лоб. Можно подумать, что их привезли с левантийского невольничьего рынка, однако художник, судя по всему, руководствовался ионийским образцом, к тому времени уже превратившимся в карикатуру. Во всяком случае, он дал своим персонажам этрусские имена: *Teitu* и *Latitbe*. Первое нам незнакомо, зато второе носили почтенные семьи из Кортоны и Клузия. Рядом с борцами стоят еще двое людей, закутанных в плащи. Один из них держит в правой руке загнутый жезл (*lituus*) и внимательно следит за соблюдением правил во время поединка. Оба они, как гласит надпись над их головами, являются теваратами, то есть агонифетами — распорядителями борьбы и судьями. Три большие бронзовые вазы, поставленные между соперниками, станут наградой победителю.

В другой усыпальнице, гробнице Биг (начало V века до н. э.), на небольшом фризе изображены все состязания, включенные в игры⁸⁷. Стройные силуэты, тонкий и четкий рисунок подтверждают, что на этом новом этапе своего развития этрусские живописцы переняли все достижения своих греческих учителей, отраженные в аттической керамике того времени. Здесь есть парад биг перед сигналом к началу состязания, а также подготовка к скачкам верховых лошадей; есть борцы, кулачные бойцы, сражающиеся голыми руками или с цестусом, метание диска и копья, прыжки в высоту и военные пляски. Отдыхающие атлеты беседуют между собой перед выходом на арену. Агонифеты с *lituus* в руках прохаживаются между участниками состязаний.

Трибуны и публика

Посмотрим теперь на трибуны, предназначенные для зрителей⁸⁸. Они расположены по две в обоих концах фриза, друг против друга и обращены к зрелищу,

разворачивающемуся посередине. Возникает вопрос (хотя приемы античной живописи не допускают такого предположения) — уж не изображен ли здесь срез амфитеатра, позволяющий видеть лишь секции трибун, которые на самом деле огибали всю арену в форме эллипса или круга? Как бы то ни было, трибуны очень напоминают «ложи на высоте двадцати локтей», которые Тарквиний Древний устроил в Большом цирке для сенаторов и римских всадников⁸⁹. Эти же представляют собой деревянную платформу, установленную на опорах примерно в метре от земли, над которой натянут *velum*, защищающий зрителей от солнца. Они сидят по восемь—десять человек, друг за другом, на единственной скамье, о которой трудно сказать, изображена ли она в фас или в профиль, из-за незнания законов перспективы. Тут мы видим вперемешку пожилых мужчин, юношей и женщин в тунулах — все высшее общество Тарквиний, — тогда как в «партере», если можно так назвать узкое пространство между платформой и землей, худо-бедно примостились, лежа или полусидя, непоседливые рабы: те, кто может разглядеть хоть что-нибудь, смотрят и порой аплодируют; те, кто оказался позади, коротают время за не самыми невинными развлечениями.

Такие подмостки изображены и на надгробии из Клузия⁹⁰, но там на трибунах сидят судьи, распределяющие награды. Два магистрата, уподобляющие себя богам и принимающие позы олимпийцев на фризе сокровищницы сифниев, повернулись друг к другу, держа в руках скипетр или *lituus*, и совещаются. Стоящий позади них страж, исполняющий полицейские функции (об этом говорит связка прутьев в его левой руке), указывает своим жезлом на призовые вазы под платформой. На краю эстрады секретарь, положив себе на колени раскрытый диптих, записывает туда имена победителей: первый из них, в шлеме с гребнем, с копьем и щитом, только что исполнил пиррику; за ним следует кружащаяся танцовщица в блузе и юбке, напоминающих костюм женщин с фресок из гробницы Франчески Джустиниани; ее сопровождает флейтист; наконец, мы видим дискобола и его учителя.

В целом такая сцена, несмотря на *lituus* в руке судьи и на костюме танцовщицы, вполне могла быть греческой и разворачиваться, например, на Сицилии, неподалеку от Палермо, где, по воле случая, хранилось надгробие из Клузия. Но в ту же самую эпоху, в начале V века до н. э., и в том же Клузии на фресках из гробницы Обезьяны к сюжетам, общим для всей эллинской цивилизации — борьба, кулачный бой, военная пляска, конные состязания, — примешиваются более частные сюжеты местного характера⁹¹. Любовь греков к палестре и стадию здесь как будто уступает место крестьянскому празднику. И дело не только в изображенных здесь обезьянке и бородатом карлике: на краю сиденья или ложа, поставив ноги на скамеечку, сидит дама в глубоком трауре, в черном плаще, закрывающем ее волосы и шею, точно капюшоном, держащая перед собой обеими руками зонтик от солнца. Это, несомненно, сама покойная, в честь которой устроены игры. По ходу игр появляются странные артисты: флейтист и танцовщица. Эта последняя — еще и эквилибристка: она танцует с подсвечником на голове, можно поклясться, что свечи в нем зажжены. Руки она при этом держит перед грудью, стуча кастаньетами.

Одежду танцовщицы можно назвать очень современной — или архаичной: блузка с запахом, вышитый пояс и настоящая черная юбка. Наряд музыканта вызывает еще большее недоумение: облегающее светлое трико, доходящее до самой шеи, контрастирует с кирпично-красной кожей рук, обнаженных на три четверти, и лица, а также с широким кушаком, повязанным вокруг талии, с которого спереди спадают на бедра три языка материи. На голове у него широкополая «пиратская» шляпа, не имеющая аналогов во всем Древнем мире, если не считать шляп с ситудлы из Чертозы и болонских бронзовых изделий⁹², и напоминающая головной убор воина из Капестрано⁹³. Станный наряд, словно из гардеробной театра итальянской комедии! Вскоре мы убедимся, что некоторые маски с этрусских праздников напоминают Полишинеля и Арлекина. Но если приглядеться, то одежда бродячих актеров — это не взгляд в будущее, а пережиток очень далекого прошлого, извлеченный из сундуков: на похоронах знатной дамы из Клузия тради-

ции предков должны были быть соблюдены, несмотря на засилье греческого стиля, и требовали неожиданной интермедии в местном стиле посреди модных состязаний.

Бои гладиаторов

Игры порой были кровавыми. Похоже, этруски долгое время сохраняли варварский обычай приносить пленников в жертву манам погибших воинов. В этой связи можно вспомнить Ахилла, возлагавшего жертвы на погребальный костер Патрокла перед началом похоронных игр:

...Четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;
Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их⁹⁴...

Картина похорон Патрокла долго не давала покоя этрускам, и они воспроизводили ее повсюду: на вазах из Фалерий и Клузия, на цисте* из Пренесте, на саркофаге из Орвьето, на урне из Волатерры, на фресках из Тарквиний и особенно в знаменитой гробнице Франсуа в Вольци. Джон Бизли насчитал семь памятников, относящихся к IV—I векам до н. э. и восходящих к одному утраченному прототипу⁹⁵. Скорее всего, изображения жертвоприношения уже не соответствовали реальному действию: теперь уже даже можно было обойтись без живых жертв, как в Риме на празднике Аргеев, когда в Тибр бросали 24 куклы, сплетенные из лозы. Кроме того, они позволяли семье усопшего возвысить свое горе до уровня греческой легенды и найти утешение в поэзии. Однако на протяжении своей истории этруски время от времени вдруг вновь начинали испытывать жажду крови. В середине VI века до н. э. жители Цере забили камнями пленников, захваченных в сражении при Алалии⁹⁶. В 358 году до н. э., во время войны между Римом

* Каменный ящик для захоронения.

и Тарквиниями, 307 римских солдат были принесены в жертву на форуме этрусского города⁹⁷. Во время гражданских войн, когда Октавиан захватил Перузию, поддержавшую его соперника Луция Антония, он принес 300 знатных горожан в жертву манам Юлиев, цинично заявив, что поступает со своими врагами по их собственному обычаю; возможно, эту идею подсказали ему этрусски, бывшие на его стороне⁹⁸.

Поэтому не стоит отмахиваться от свидетельств и фактов, согласно которым именно этрусски стали родоначальниками гладиаторских боев: древние рассматривали это как прогрессивное явление, поскольку, вместо того чтобы убивать пленников на могиле, их заставляли сражаться между собой перед ней, что давало победителю шанс выжить. Николай Дамасский, живший во времена Августа, утверждал, что Рим заимствовал этот обычай примерно в первой половине III века до н. э.⁹⁹ Кроме того, слово *lanista* («хозяин гладиаторов») имело, по мнению древних грамматиков, которое разделяли грамматиками Нового времени, этрусское происхождение¹⁰⁰. Наконец, Отцы Церкви, с негодованием обличавшие кровавое безумие цирковых зрелищ, могли еще видеть шута, который уносил с арены трупы между боями и, что характерно, был одет в костюм этрусского Харуна с молотом¹⁰¹.

Однако полное развитие и классическую форму бои гладиаторов приняли вовсе не в Этрурии, а в Кампании и Лукании. Начиная с IV века до н. э. на фресках в Капуе и Пестуме появляются гладиаторы, сходящиеся двое на двое, в шлемах с султанами, со щитами и копьями, покрытые ранами и истекающие кровью¹⁰². В Центральной Италии гладиаторами чаще всего становились горцы-самниты; среди различных категорий, на которые подразделялись гладиаторы по типу вооружения, самыми древними были «самниты», позже Сулла добавил к ним «фракийцев», а Цезарь — «галлов». «Самнит» долгое время оставалось родовым понятием, а Кампания — базой, где набирали гладиаторов, средоточием их школ и восстаний¹⁰³.

В Этрурии ничего подобного не было. Бесплезно искать там на барельефах и фресках поединки двух во-

инов с мечами в руках¹⁰⁴. Но там можно найти кое-что другое, более древнее, более таинственное и более глубокое: хотя гладиаторские бои разворачивались в других местах, их принцип был отображен на фресках в Тарквиниях начиная с VI века до н. э.

Игры Ферсу

На фресках из двух захоронений второй половины VI века среди сцен похоронных игр изображена странная схватка, одновременно являющаяся казнью и задолго возвещающая растерзание мучеников дикими зверями в римских амфитеатрах. На фреске из гробницы Авгуров¹⁰⁵ осужденного на смерть человека рвет разъяренный пес, вонзивший зубы в левую ногу несчастного. Тот практически обнажен, если не считать набедренной повязки, и на его теле видны многочисленные следы от укусов. Как бы он ни размахивал дубинкой в правой руке, на голову ему надет мешок, полностью закрывающий обзор, и он вынужден наносить удары вслепую. Шанс на спасение жизни у этого мнимого Геркулеса ничтожно мал.

Этот рисунок, до недавнего времени считавшийся единственным в своем роде, — не плод жестокой фантазии, а отражение ритуала. В гробнице Олимпийских игр, среди конных и гимнастических состязаний, о которых мы уже говорили, изображен такой же безнадежный поединок между человеком с завязанной головой и раздирающим его диким зверем¹⁰⁶.

Конечно, в амфитеатрах Этрурии тоже устраивались сражения людей со львами и с медведями. «И удовольствие от этих праздников было бы неполным, — пишет Тертуллиан, — если бы дикие звери не раздирали человеческих тел»¹⁰⁷. Но бестиарии были, по меньшей мере, вооружены, и хотя чаще всего сражаться им приходилось обнаженными или в легкой одежде, они хотя бы могли следить за своим противником и пытаться вернуться от него, обладая свободой движений.

За этим же человеком стоит в позе арбитра кулачного боя, проходящего по соседству, распорядитель этой

жестокой игры. Одновременно внимательный и отстраненный, он не только подстерегает скорый исход схватки, но и держит не внатяг в поднятой левой руке поводок, привязанный, вероятно, к ошейнику собаки, а заодно обвивающийся вокруг шеи, руки и ноги человека, ограничивая его движения.

У него совершенно невероятный наряд, по которому его можно узнать в других местах и в других ситуациях: на противоположной стене гробницы Авгуров он бежит со всех ног от противника, оставшегося невидимым¹⁰⁸; в гробнице Олимпийских игр он изображен по пояс в конце дорожки, по которой несутся колесницы, и его нечеловеческий рост подобен росту богов; наконец, в третьей гробнице, современной двум предыдущим и получившей название гробницы Полишинеля (позднее мы узнаем, почему), именно он, правда, в несколько ином одеянии, шествует легкой походкой, размахивая руками¹⁰⁹.

Прежде всего, он, несомненно, в маске: его голову скрывает какой-то колпак вроде картонного фригийского шлема с поднятым забралом, перьями по бокам и накладками на уши; поверх него на лицо надета темная полумаска, к которой прикреплена длинная черная борода. На фреске из гробницы Полишинеля этот головной убор похож скорее на остроконечную шляпу волшебника с помпоном на конце.

Костюм его не менее своеобразен: куртка и штаны по колено, только на одной из росписей в гробнице Авгуров на красную куртку нашиты маленькие кусочки светлой ткани, а на фреске из гробницы Полишинеля она в черно-белую клетку. Вот почему этот персонаж напомнил итальянским археологам неаполитанского Пульчинеллу, хотя его можно было бы назвать и Арлекином.

Наконец, чтобы окончательно поразить наше воображение, Полишинель из гробницы Авгуров дважды открывает нам свое имя: *Pbersu*. А если лишить «Ферсу» придыхания, характерного для тосканского произношения, и снабдить уменьшительным суффиксом, то получится латинское слово *persona*, которое, собственно, и означает «маска». Затем слово приобрело значение

«театральная роль», а позднее — «персона»: вот отправная точка невероятной семантической эволюции, которая проложила одну из главных дорог в истории цивилизации¹¹⁰.

Итак, вначале был Маска, демон преисподней, имя которого близко к имени Персефоны (*Phersipnai*), правительницы царства мертвых и супруги Гадеса (*Eita*), — самый последний в ряду этрусских дьяволов в стиле Иеронима Босха, которые чуть позже, обзаведшись крючковатым носом, шевелюрой из змей, молотом для вышибания души и свитком судеб, населили под именами Тухулки, Харуна или Орка загробный мир фресок и погребальных урн. Просто поразительно, что уже с VI века до н. э. Ферсу играет роль непринужденного устроителя пыток, но порой убегает со всех ног под топот зрителей на погребальных играх, где комическое смешивается с ужасным. Это не так уж удивительно — ведь существует древняя связь между эмоциональной разрядкой, которую несет смех, и муками смерти, от которых он является надежной защитой. В программе погребальных игр Эмилия Павла была, например, комедия «Гецира» Теренция. Уже на народных зрелищах в раннем Риме, испытавших влияние этрусской цивилизации, присутствовал бредовый и гротескный мир чудищ, пугал, людоедов и оборотней, приспешников... нет, не Сатаны, но почти: Ферсу — созданных, чтобы поугатать и повеселить малых и больших детей. В конце процессии, каждый год проходившей в Большом цирке по случаю *ludi maximi* (Великих игр), толпа, замирая от сладкого страха, ожидала появления ужасных и смешных кукол, *ridiculae formidolosaeque*, среди которых были пьяная старуха и крикунья, издававшая пронзительные вопли, но больше всего аплодисментов срывал Мандукус (от слова *mandere* — «жевать»), широко разевавший огромную пасть и страшно скрежетавший зубами¹¹¹.

Через все позднейшие воплощения итальянской комедии тянется тонкая, но прочная нить, связывающая их с Ферсу. Апулей, перечисляя театральные реквизиты своего времени, упоминает тунику мимов (*centunculus*), состоящую из множества сшитых лоскутов¹¹². Но еще раньше одна ателлана Помпония была озаглавлена

«Pannuceati»¹¹³ от слова *pannus* — «кусоч ткани» (вспомним куртку Ферсу). Эти *pannuceati* были не столько «оборванцами», как обычно переводят, сколько «арлекинами».

Мы только что упомянули об ателлане: это был жанр народного фарса, зародившийся в маленьком городке Ателла под Неаполем, в Кампании, испытавшей сильное влияние этрусков, и приобретший популярность в Риме. Однако постоянные действующие лица ателлан должны были носить маски. Первую латинскую ателлану поставил в конце III века до н. э. поэт Невий, родом из Капуи. *Fabula personata* (комедию масок) разыграли актеры, называемые *Atellani, qui proprie vocantur personati* — «их, собственно, и называют масками»¹¹⁴.

Эти персонажи-маски нам довольно хорошо известны¹¹⁵: *Maccus* — человек с огромными челюстями, *Bucco* — обжора, болтун и дурак, старик *Pappus*, горбун *Dossennus*. Имя последнего по происхождению явно этрусское. Пьесы, которые они оживляли своим остроумием, пересыпали крепкими словечками и непристойными шутками, носили преимущественно названия типа «Макка-кабатчик», «Макка-изгнанник», «Макка-солдат», «Макка-девственник». Иногда, в соответствии с сюжетом классической комедии «Два Менехма», появлялось два Макка или два Доссена-близнеца. Буккона был гладиатором и приемным сыном, Паппа — земледельцем и неудачливым женихом. Как не признать в них, несмотря на скудость данных, предков Арлекина, Скапена, Бригеллы, капитана СпаVENTO и капитана Матамора, которые позже, в эпоху Возрождения, вышли из Неаполя и покорили Лондон и Париж? *Commedia dell'arte* это понимала, почему и сделала родиной Полишинеля городок Ачерра в Кампании.

Мы не будем заходить так далеко и пытаться объединить комедию дель арте с этрусской культурой. Даже без Ферсу итальянская *vis comica* придумала бы своего Полишинеля. Но было бы полезно размотать до конца эту направляющую нить и отметить, что остроты Макки и удары палкой Арлекина стали развитием парадоксальной религиозной традиции, заложенной Ферсу, которая раз и навсегда определила маски, костюм и в боль-

шой степени форму грубого фарса. С другой стороны, ничто не мешает нам представить себе, что в самой Этрурии были комические игры, аналогичные оскским¹¹⁶, отражение которых сохранилось в ателланах. Возможно, неслучайно, что самый гениальный автор комедий в Риме, умбр Плавт, родился в Сарсине на границе с Этрурией и, подобно Мольеру, начал свою карьеру в театре как актер и руководитель труппы, выступая на ярмарках в захолустных городках в роли Макки — шута с громадными челюстями.

ЭТРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Алфавит и буквари

Хотелось бы знать, кого из своих национальных героев этруски считали изобретателем письменности. У греков это были Кадм или Паламед, у римлян — древний царь Эвандр. Во всяком случае, распространение в Центральной и Северной Италии, от Кампании до Альп, алфавита, разработанного на основе греческого, стало одним из важнейших фактов их цивилизаторской деятельности. Умбры из Губбио, венеты из Эсте, оски из Капуи, латины из Пренесте и сами римляне научились записывать свои первые тексты этрусскими буквами, более или менее адаптировав их к родной речи¹. И с древнейших времен сохранились свидетельства, позволяющие нам представить, как этрусские дети постигали азы чтения и письма.

В VII веке до н. э. небольшой городок на побережье Этрурии, за лагуной Орбетелло — Марсилиана д'Албенья, — достиг не меньшего расцвета, чем Ветулония и Цере. Затем, к 600 году, слава города померкла — вероятно, не без влияния его соперницы Сатурнии, стоявшей выше по реке. В гробницах на территории Марсилианы удалось обнаружить, помимо знаменитой золотой фибулы с чередой уток и многочисленных «восточных» предметов из слоновой кости, маленькую табличку для письма размером девять на пять сантиметров, со следами воска, по которому школьник нацарапал стилем палочки. На одной из длинных сторон дощечки нанесен алфавит из двадцати шести букв, служивший образцом².

Тот же самый алфавит был найден на основании бутылки (*laguncula*) VII века в гробнице Реголини-Галасси в Цере³. Более того, на выпуклой части сосуда были записаны слоги: *ci, ca, cu, ce, vi, va, vu, ve, zi, za, zu, ze* и т. д.

Вслед за этрусками, которые, в свою очередь, подражали грекам, весь Апеннинский полуостров принялся учиться читать и писать. Несколько алфавитов такого рода были нанесены на кубки из Нолы в Кампании, а в Эсте, в устье По⁴, на множестве расчерченных бронзовых табличек нанесены серии букв, предназначенных для обучения письму, и даже кое-какие правила пунктуации, принятые у венетов⁵.

Неверно было бы думать, будто эти буквари использовались исключительно в педагогических целях лишь оттого, что они ассоциируются у нас с начальной школой. Мишель Лежен справедливо заметил по этому поводу в одной из своих работ по филологии венетов, что алфавитные таблицы из Эсте — это часть собрания предметов, принесенных по обету местной богине Ретии, и несомненно, помимо учебного назначения, они несли в себе магический и сакральный смыслы: «Сама эта наука вышла из храма и долгое время сохраняла священный характер»⁶. Записанное слово было для наших предков грозным оружием, наделяющим своего владельца могуществом и властью, и воображение простых людей поражали те кудесники, которые, владея секретом письма, умели останавливать слово на лету. Сами греки питали «религиозное почтение» к буквам алфавита, *stoicheia* или *elementa*, которые греческие философы считали прообразами вещей⁷. Что же тогда говорить о венетах? Этрусски, всегда интересовавшиеся сверхъестественными явлениями, разумеется, не сводили предназначение азбуки лишь к обучению: табличка из Марсилианы д'Албенья отличается от остальных *tabulae ceratae* античности, найденных в Помпее и в других городах, не столько тем, что она сделана не из дерева, а из слоновой кости, сколько тем, что этот предмет роскоши был найден в гробнице⁸, точно так же как ваза из Цере и все прочие азбуки. Иногда ими даже не пользовались при жизни, но после кончины клали в склеп вместе с другими необходимыми вещами. В

камерной гробнице в Колле, около Сиены, на одной из стен написаны весь алфавит и примеры слогов: *ta, te, ti, tu...*⁹ Письменность, освобождая от власти текущего момента и неизбежности забвения, была неразрывно связана с идеей постоянства, даже вечности.

Так получилось, что нам известно наименование письма как действия на этрусском языке. Из двуязычной эпитафии, найденной в Кьюзи, мы узнаем, что *Vel Zicu* на латыни именовался *Q. Scribonius Cf.*¹⁰, что приводит к сопоставлению корня *zic* или *zich* и корня *scrib*, а этот ключ отомкнул все замки, в которые его вкладывали. Глагол в форме прошедшего времени *zichuche, zichunce* в конце ритуального календаря из Капуи и соглашения о размежевании земли из Перузии, означает: «Такой-то написал это»¹¹. Возможно даже, что это слово, начертанное на вазах, совпадало по смыслу с греческим *egrapsen* и ставилось перед подписью художника¹². Впрочем, *Larth Vetes zichu* на надгробии¹³, возможно, означало *Lars Vettius scriba*, то есть «секретарь» или «секретарь суда». Наконец, свиток, который так называемый магистрат из склепа в Тарквиниях разворачивает перед собой и где изложена его карьера, обозначен вначале словами *anch zich* — «этот текст», — и отсюда мы получаем название книги на этрусском языке¹⁴.

Таблицы и свитки

Для письма этруски использовали примерно те же материалы, что и остальные народы Средиземноморья: нам они известны лишь по захоронениям, что подтверждает всё вышесказанное о священном и магическом характере письменного слова. Книги смерти в форме диптихов и свитков, которые держат в руках покойные или божества потустороннего мира, одним своим видом напоминают о непререкаемых суждениях судьбы.

Один такой диптих, представляющий собой две дощечки, соединенные с длинной стороны, четко изображен на фресках из гробницы Щитов в Тарквиниях¹⁵. Юный демон с обнаженным торсом и расправленными

красными крыльями сидит, поджав ноги, перед большим диптихом, одна часть которого лежит у него на коленях, а вторая откинута назад. Две черные черты между досками диптиха показывают скрепляющие их петли. На откинутой доске уже написаны три строчки во всю длину, начиная от внутреннего края. Таким же точно образом заполнял свои таблицы банкир Цецилий Юкунд из Помпей. На другой половине демон невидимым стилем пишет продолжение текста; он добрался до конца второй строки. Можно прочитать следующее: *zilci Velus Hulcbniesi Larth Velchas Velthurs Aprthnalc clan sacnisa thui eith suthith acazr*, то есть: «В магистратуру Вела Гулхни [=Fulcinius] (в Риме здесь было бы указано имя консула), Ларс Велха [Lars Volcius], сын Велсура и Апрсни [Aburtemnia], получил в этом склепе погребальные почести». Значение двух слов — *sacnisa acazr* — не очень ясно, но в целом смысл надписи примерно таков.

Другой диптих мы встречаем на зеркале из Больсени¹⁶, о котором уже шла речь: на нем изображены Авл и Целий Вибенна, нападающие в священной роще на пророка Кака, поющего и аккомпанирующего себе на лире. Сидящий у его ног юный слушатель Артиль (*Ar(n) tile*), маленький Аррунс из Клузия, поет, читая текст по диптиху, который держит на коленях. Он чем-то напоминает музицирующих ангелов Пьеро делла Франчески и Луки делла Роббиа. Но нам это изображение интересно тем, что, в отсутствие светских картин со сценами обучения, оно показывает, пусть и в мифологическом контексте, этрусского школьника, отвечающего урок.

Гораздо чаще на погребальных урнах и фресках встречается изображение свитка: что бы ни было на нем написано — имя Фурии или эпитафия умершему, — он всегда считался символом неумолимости судьбы. Вот почему его держит в руке Харун: это столь же грозное оружие, как и молот, которым страж преисподней потрясает другой рукой. Часто свиток вкладывали в руки статуям усопших на крышках саркофагов¹⁷.

Из какого материала изготавливали свитки? Вряд ли из папируса, хотя Страбон и упоминает папирус среди водных растений, росших на берегах Тразименского озера и озера Больсена, и добавляет, что его в больших

количествах отправляли по Тибру в Рим. Но похоже, что в Италии это было общее название для всех видов тростника или камыша, непригодных для изготовления бумаги¹⁸. Возможно, еще до распространения на Западе пергамента этруски делали «книги из кожи», если таково значение записи из Тарквиний: *zich nethsrac Laris Pulenas*¹⁹. Но большинство книг все же делали из ткани, наподобие тех *libri lintei*, которые, как говорят историки, хранились в Риме в храме Юноны Монеты и содержали списки магистратов начиная с V века до н. э.²⁰

Льняная книга мумии из Загреба

Одна из таких книг — не в виде живописного или скульптурного изображения, а в своей реальной сущности — была обретаена совершенно неожиданным путем²¹. В середине XIX века один хорватский турист привез из Египта мумию женщины, которая сначала находилась в его коллекции в Вене, а после его смерти попала в музей Загреба. Но когда с мумии сняли, местами повредив, полосы льняной ткани и взглянули на них повнимательнее, то обнаружили там надписи на языке, который сперва приняли за арабский или эфиопский, но позднее И. Крал определил, что это этрусский.

Конечно, обретение этого необыкновенно важного памятника религиозной литературы народа, о котором нам известно так мало, памятника, подобного которому не сохранилось ни в Греции, ни в Риме, — невероятное стечение обстоятельств. «Роман мумии» Теофиля Готье кажется пресным по сравнению с удивительной историей этого свитка, происходящего, судя по литерам, из Северной Этрурии, из Клузия или Перузии, предназначенного для облачения останков женщины где-то в дельте Нила или в Фаюмском оазисе (точное место находки неизвестно), где сухой климат должен был обеспечить ее сохранность, и в конце концов оказавшегося в Европе, чтобы окончить свой путь в хорватской столице. Можно лишь гадать о том, при каких обстоятельствах книга попала в Египет, но это произошло, должно быть, между 150 и 30 годами до Рождества Христова.

Физический облик покойной ничего не говорит нам о ее расовой принадлежности: ее рост составлял 162 сантиметра, и хотя ее волосы сегодня выглядят рыжеватыми, они могли изменить цвет от времени или под воздействием химических веществ при бальзамировании. Прибыла ли она из Этрурии или родилась на берегах Нила, она, несомненно, была женой или дочерью этруска, поселившегося в Египте, который хоть и перенял погребальные ритуалы своей новой родины, все же похоронил свою подругу, завернув в полотнище реликвии, привезенной с собой и напоминавшей ему о религии отцов. Возникает мысль, что это был наемник на службе Птолемеев (начиная с III века до н. э. среди них встречались и этруски), осевший в Среднем Египте и ставший воином-земледельцем. Это вполне возможно. Вот только непонятно, каким образом, хотя религиозная жизнь в эллинистических войсках была очень напряженной, наш *Miles Gloriosus** мог таскать в своем багаже столь ценную и хрупкую библиотеку? Однако в свите римских военачальников — Габиния, Цезаря, Антония, Галла Корнелия — были гаруспики, которые какое-то время жили в Египте. В эллинистическом мире настолько тесно смешались жрецы, маги, пророки, а Египет, классическая земля тайн, где в эллинистическую эпоху свершился синкретизм всех религий, настолько сильно притягивал к себе, что существует множество причин, по которым последователь *Etrusca disciplina* пожелал бы сопоставить свои убеждения с учением александрийских жрецов или традициями писцов из Мемфиса; мы уже видели, что в этрусских семьях встречалось египетское имя *zarapiu* — Серапион²².

Сам текст не имеет отношения к той, кому свиток должен был послужить саваном; в нем даже нет, в отличие от египетских Книг мертвых, предписаний с целью обеспечить ей безбедную загробную жизнь: похоже, любая священная книга, каково бы ни было ее содержание, одинаково выражала всемогущество судьбы. Общий смысл этой книги стал понятен благодаря исследованиям Крапа и Торпа, работам Хербига, Рунеса

* Славный воин (лат.).

и Контсена, Паллотино, Веттера, Ольцша: это ритуальный календарь, предписывающий совершать в определенные дни — 18 июня, 26 сентября и т. д. — церемонии в честь Юпитера, Нептуна и других богов²³. Обо всем этом этрускологи знают намного больше, чем многие думают, и намного меньше, чем им хотелось бы.

Но и на данном этапе полосы ткани с загребской мумии представляют собой редкий экземпляр античного свитка. Это «льняная книга», что подтверждает ее чужеземное происхождение в Египте, где всегда писали на папирусе. То, что от нее осталось (примерно половина), состоит из двенадцати лоскутов ткани различной длины (от 17 сантиметров до 3 метров 24 сантиметров), более или менее одинаковых по ширине (6—7 сантиметров). К счастью, несколько из них удалось соединить, что позволило восстановить по ним целое: это был свиток общей длиной 13 метров 75 сантиметров (свитки из папируса обычно были гораздо короче: 20 соединенных листов, то есть около пяти метров²⁴). Ширину свитка точно установить не удалось, но она больше 33 сантиметров. Эта лента была поделена на 12 столбцов, отделенных друг от друга перпендикулярными линиями, каждый шириной 25 сантиметров, и в наиболее полных частях (четыре дополняющих друг друга фрагмента) в столбце по 23—24 строчки: всего, должно быть, около тридцати. Как это было принято в Этрурии, текст читается справа налево и в таком же порядке — XII, XI, X, IX... III, II, I — следуют столбцы. Сам текст и линии, разделяющие колонки, начертаны красными чернилами ровно и тщательно, что говорит о том, какую ценность представляла эта книга для гаруспика, делавшего копию.

Нет сомнений, что свиток из Загреба — одна из знаменитых *Etrusci libri*, о которых так часто упоминают латинские авторы, особенно в конце Республики, когда они смогли использовать для получения более достоверной информации научные познания романизованных, но гордых своими традициями этрусков — Авла Цецины из Вольгерры, друга Цицерона, или Луция Тарквиция Приска, друга Варрона. Кстати, они получали распространение и среди публики: сложные времена, смятение в умах побуждали искать в эзотерических со-

чинениях и в особенности в старых колдовских книгах четкие ответы на вопросы, в которых отныне отказывали официальная религия и схоластическая философия. Напрасно Тит Лукреций Кар растолковывал «природу вещей», опираясь на рационалистическую теорию — число тех, кто объяснял их с помощью гаданий и «учения этрусков», постоянно росло.

За основание тут мы берем положение такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле
И оттого только страх всех смертельный объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коиx причины никак усмотреть и понять не умеют
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.

Последователь Эпикура не собирался тратить время на то, чтобы

*Non Tyrrena retro volentem carmina frustra
Indicia occultae divum perquirere mentis*²⁵.

Обычно слова *retro volentem* переводят «читая и перечитывая», будто *retro* не имеет иного значения, кроме как «заново». Но немецкий историк Б. Нибур в начале XIX века увидел в этом словосочетании аллюзию на обратное письмо или, точнее, на обратное — справа налево — расположение столбцов в этрусских книгах, например, в Загребском свитке, которые закручивались слева направо, тогда как у римлян было принято наоборот. «Наоборот разворачивать песни тирренов» казалось Лукрецию столь же странным, как христианину — листать Коран. А это значит, что он видел и держал в руках этрусские книги. (Кое-кто даже высказывал предположение, что он сам был этруском и его неприятие мук ада объясняется чисто тирренским страхом смерти.) Несомненно и то, что эта странная литература обладала притягательностью для современников Цицерона. Сам оратор в трактате «О дивинации», цитируя стихи, посвященные своему консульству в 63 году и чудесам, которые взволновали мнительных римлян двумя годами раньше, когда Катилина плел свой заговор, свидетельствует, что в стацию Капитолийской волчицы ударила молния:

Вместе с младенцами молнии страшным ударом
Сшиблена была волчица, остались на основанье
Тогда следы от их ног. Да ведь кто же тогда, изучая
Древние книги искусства этрусков, не открывал в них
Много зловещих оракулов, и все они предвещали
Беды великие, страшный грядущий раздор среди граждан?..²⁶

Книги о предзнаменованиях

Античные авторы часто ссылаются на эти книги и даже заимствуют из них фрагменты, благодаря чему мы знаем о них довольно подробно. Обычно их разделяли на три категории²⁷: прежде всего, *libri haruspicini*, в которые занесен вековой опыт этрусского народа в гаданиях по внутренностям жертв (*exta*), что и являлось собственно областью гаруспиков; затем идут *libri fulgurales* о толковании молний, часть которых нам известна, в том числе благодаря «Исследованиям о природе» Сенеки, и, наконец, *libri rituales*, охватывающие более широкую область, поскольку она включала в себя «предписания об основании городов, освящении алтарей и храмов, неприкосновенности городских стен, законы о городских воротах, деление на племена, курии и центурии, организацию армий и все прочие вопросы войны и мира»²⁸. Проще говоря, не было такого явления в личной или общественной жизни этрусков, которое не регламентировали бы «ритуальные книги». Именно к их числу следует отнести ритуальный календарь загребской мумии. Они также включали в себя «ахеронтические книги» (книги Харуна), целью которых было провести умершего по дорогам потустороннего мира, и *libri fatales*, позволявшие узнать решения судьбы: здесь были записаны все мыслимые формы знамений (*ostenta*), по которым посвященные могли распознать волю богов.

Все, что окружало этруска, будь то самые невинные растения или домашние животные, могло таить в себе угрозу или обещание благополучия²⁹. В саду следовало остерегаться всяческих «злых» деревьев и сжигать без промедления, как только их ростки покажутся из земли, шиповник, папоротник, дикую грушу, кизил кровавой,

у которого ветви красного цвета, черный инжир и все растения, дающие черные плоды и ягоды: им покровительствуют силы ада. Зато считалось, что лавр приносит удачу целеустремленным людям: если он вдруг проклянется на корме триремы, это сулит победу в морском бою. Одно лавровое дерево выросло в саду рядом с персиковым деревом и менее чем за год обогнало его в росте — знак, без сомнения возвещающий поражение персов... Следовало внимательно следить за поведением пчел: пускай легенды были к ним благосклонны, рассказывая, например, о том, что они сели на губы Платону, когда тот еще лежал в колыбели, предсказав тем самым его красноречие, этруски считали зловещими знамения, связанные с пчелами: например, когда целый их рой опустился на форум в Кассино. Правда, в то же самое время в Кумах мыши погрызли золото в храме Юпитера. Если случилось так, что огромный лев набрасывался на армию, маршировавшую колонной, и был сражен стрелами, гаруспики, которые еще в IV веке н. э. сопровождали императора Юлиана, заключали из этого, что какому-то царю грозит смерть. Но которому — его противнику Сапору или самому Юлиану? Этого предсказатели благоразумно не уточнили.

Часто в гаданиях этрусков участвовали змеи, подававшие противоречивые знамения. С птицами было то же самое: на голову претора Авла Туберона, вершившего суд на форуме, однажды сел дятел, причем так спокойно, что дался в руки. Прорицатели сказали, что, если его выпустить, Риму угрожает гибель, а если убить, то погибнет сам претор. Тот немедленно прикончил дятла, в результате римская армия потерпела поражение при Каннах, после которого Рим оправился, но 17 членов рода Авлиев сложили там головы.

Мы уже упоминали о том, как Тарквинию Старшему, подъезжавшему к Риму, явился орел, схватил его шапку, взмыл с ней в воздух, а потом бережно возложил ему на голову: Танаквиль сразу разглядела в этом самое благоприятное предзнаменование. Кроме того, рассказывали, что будущий император Август еще ребенком завтракал в лесу в стороне от дороги, как вдруг налетевший орел выхватил у него из рук краюху хлеба и через несколько

мгновений принес обратно. Но особенно примечателен следующий текст — почти дословный перевод с этрусского языка на латинский, который Вергилий приводит в Четвертой эклоге:

Больше не будет шерсть лживым мерещиться цветом,
Сам на лугах баран руно то в нежный румяный
Пурпур, то в шафраново-желтый тон окрасит;
Сами в алый цвет облекутся на пастбище агнцы.
«Мчитесь же, — Парки воззвали к своим веретенам, согласно
Волю небесной судьбы изъявляя, — столетия эти!»
Пробило время, — вступи же с почетом в свои пределы,
Отпрыск богов, Юпитера гордый в грядущем потомок!»

Можно представить, как вдумчиво этрусски пытались истолковать сны беременных женщин, что уж говорить о преждевременных родах, о рождении гермафродитов, двухголовых девочек, мальчиков с головами слона и того тельца, родившегося (в правление Нерона) на обочине, неподалеку от Пьяченцы, с головой на ляжке. Гаруспики тотчас пришли к выводу, что Империи собираются дать нового главу, но и положение его будет непрочным, и заговор раскроется, потому что голова у детеныша свернулась на сторону, когда он еще находился во чреве матери, а кроме того, он появился на свет рядом с дорогой.

Но в основном толкователи упражнялись в проницательности на небесных явлениях. Гадали не только по полету птиц; наблюдали движение звезд и в особенности появление комет, считавшихся дурным знаком, а еще грозы и дожди — дождь из молока, дождь из крови, из железа, из шерсти или обожженных кирпичей возвещал всенародные бедствия, зато дождь из мела, выпавший в 98 году, расценили как залог доброго урожая и хорошей погоды. Гражданским войнам, бушевавшим в конце Республики, предшествовали внезапные землетрясения, таинственные звуки труб и необъяснимое бряцание оружия в небе.

По одной из речей Цицерона (56 год) видно, насколько старая этруская цивилизация довлела над сознанием римлян³⁰. Однажды сильный глухой гро-

* Перевод А. Цветкова.

хот перепугал целый квартал у ворот Рима. Позвали гаруспиков, и те, заглянув в свои книги, заявили, что священные места были осквернены. Публий Клодий, заклятый враг Цицерона, тотчас заявил, что речь идет о земельном участке, на котором тот заново отстроил свой дом, разрушенный во время его изгнания, — этот участок был у него отобран и посвящен богине Либере. Вовсе нет, возразил оратор, боги указывают на соседний дом — дом самого Клодия: несмотря на находящиеся в нем святилище и алтари, хозяин превратил его в вертеп. Затем, развивая наступление, Цицерон доказал, что, если повнимательнее вчитаться в *libri fulgurales*, становится ясно, что Клодий был повинен и в других злодеяниях: непосещении или осквернении публичных игр, убийстве послов вопреки праву и справедливости, нарушении клятв, отказе от празднования древних мистерий, наконец, создании смертельной опасности для сената и глав государства из-за раздоров среди консерваторов. Отмечалось, что гаруспики, выявляя эти язвы, указывали не столько на римское общество, искавшее в их книгах исцеления, сколько на этрусское общество, изложившее в них свои религиозные предрассудки и принципы аристократического правления.

Тот же вывод напрашивается при изучении еще одной *liber fulguralis*, которую Андре Пиганьоль обнаружил в греческом переводе, выполненном византийцем³¹; шестью веками ранее этот текст был переведен с этрусского на латинский современником Цицерона, Нигидием Фигулом. Это «бронтоскопический» календарь, то есть в нем истолковывается значение раскатов грома в каждый день года: если гром прогремит 11 сентября, то клиенты знати затеют политическую революцию; если 24 октября, то плебс совладеет с господами из-за их раздоров; гром 3 декабря означает, что люди из-за нехватки рыбы будут резать скот; 26 марта — в порт придут невольничьи караваны; 14 июля — власть сосредоточится в руках одного человека, правление которого будет несправедливым; 19 августа — женщины и рабы дерзнут на убийства.

Этруская религия, в отличие от греческой и римской, является религией откровения — черта, сближающая ее с иудаизмом и христианством³². Во всех книгах, о которых мы сейчас говорили, излагалось учение нескольких вдохновенных существ, полубогов, открывших людям тайны мироздания. Самого знаменитого из пророков, Тагеса³³, особенно почитали в Тарквиниях. Рассказывают, что однажды какой-то земледелец во время пахоты слишком глубоко вонзил в землю свой плуг и из этой борозды появился Тагес: он обладал обликом ребенка и мудростью старца. Вскоре вся Этрурия собралась вокруг него, чтобы послушать его и записать его слова. На одном зеркале из Тускании изображено, как Тагес учит Тархона предсказывать будущее по внутренностям жертв. Множество священных книг создавались от его имени, например, бронтоскопический календарь, переведенный Нигидием Фигулом, приписывали ему. *Libri Tagetici*, как их называли, даже в Риме долго пользовались спросом, а начиная со II века н. э. их неустанно перечитывали и комментировали философы, находившие в них эзотерическую доктрину, способную соперничать с набирающим силу христианством. Апулей, автор «Метаморфоз», посвятил целую книгу толкованию «стихов» Тагеса.

В других местах этот пророк звался Как, по имени древнего италийского божества, которое в Лациуме представляло совершенно в ином свете — как разбойник, похитивший быков у Геркулеса³⁴. Напротив, на нескольких погребальных урнах и одном зеркале в Центральной Этрурии Как изображен вдохновенным Аполлоном, который пророчествует, аккомпанируя себе на лире, а сидящий у его ног Артилъ — маленький Арнс, или Аррунс, герой Клузия, — ему подпеваает³⁵. Но Целий и Авл Вибена врываются в священную рощу и пытаются его захватить. Тема похищения ведуна, у которого непосвященные хотят силой вырвать знание, доступное лишь избранным, неоднократно встречается в этрусской религии, однако она широко распространена во всем фольклоре Средиземноморья. Нам извес-

тен морской старец Протей, которого удалось захватить гомеровскому Менелаю и Аристею Вергилия, хотя тот пытался ускользнуть от них, принимая облики льва, дракона, текущей воды; но его не выпустили из рук, и он заговорил³⁶. Да и Силен из Шестой буколики согласился спеть двум молодым пастухам о сотворении мира, о любви Галла и о деяниях Аполлона вовсе не по доброй воле, а оттого, что пастухи захватили его врасплох, не проспавшегося.

Иногда послание богов передает «нимфа». Точно так же, как в Риме благочестивый царь Нума Помпилий беседовал по ночам с нимфой Эгерией, после чего учреждал религиозные культы, в Клузии Аррунс, по некоторым преданиям, узнал от нимфы Вегойи «о велениях Юпитера и Юстиции»³⁷. Во времена Цицерона Тарквитий Приск перевел на латинский язык *libri Vegoici*, которые хранились затем в храме Аполлона Палатинского. По счастливой случайности до нас дошел фрагмент этих книг под заглавием «То же от Вегойи Аррунсу Вельтумну»:

«Знай, что море было отделено от небес. И когда Юпитер заявил о своих правах на землю Этрурии, он установил разделительные межи и приказал мерить землю и огораживать поля. Зная людскую жадность и желание обладать землей, он хотел, чтобы все было определено межевыми столбами. Если однажды кто-нибудь, движимый алчностью уходящего восьмого века, пренебрежет благами, дарованными ему, и возжелает чужого, люди умышленно посягнут на эти столбы, сдвинут или переставят. Но тот, кто прикоснется к ним и переместит, дабы расширить свои владения и уменьшить чужие, совершит преступление и будет наказан богами. Рабы попадут еще в тяжелейшее рабство. Если же они действовали с ведома хозяина, то от его дома вскоре не останется камня на камне, а весь род его погибнет. Переместивших межевые столбы поразят страшные болезни и раны, их члены откажутся им служить. Затем землю будут часто сотрясать бури и ураганы, и она пошатнется. Урожай будут заливать дожди и бить град, сушить зной и губить ржа. Среди народа начнутся распри. Знай, что таково будет наказание за совершенное пре-

ступление. Потому не будь неискренен и лжив. Замкни наши заветы в сердце своем».

Мы не будем останавливаться на подробностях этого пророчества; в рассказ о сотворении мира, напоминающий некоторые отрывки из библейской Книги Бытия, включена проповедь о возмездии тем, кто нарушит законы земельной собственности, изданные самим Юпитером. Этрусский Юпитер, как это уже было отмечено — Юпитер границ, гарант их нерушимости, — а этрусская цивилизация выступает среди прочих цивилизаций Италии как цивилизация крестьян, крепко привязанных к «земельному праву Этрурии» — *ius terrae Etruriae*. Неусыпная забота о нерушимости священных границ, восходящая к истокам — к тем стародавним временам, когда Юпитер утвердил свое царство, — и приведенная выше цитата наверняка основаны на древних традициях. Но в таком виде текст был записан в тот момент, когда этрусскому земельному праву нанесли смертельный удар, когда аграрные реформы Гракхов и их последователей, насаждение новых земледельческих колоний поставили под угрозу вековую неприкосновенность разделительных межей. Прикрывшись легендарным именем Вегойи, подражая стилю и оборотам традиционных пророчеств, какой-то гаруспик в конце VIII века по летоисчислению этрусов, то есть незадолго до 88 года до Рождества Христова, возродил проклятия священных книг нарушителям границ.

Дату можно уточнить: пророчество Вегойи должно было появиться в 91 году до н. э. Это пропагандистский памфлет, выражающий протест этрусского народа против программы трибуна Ливия Друза, о котором в тексте говорится иносказательно, как и полагается пророчеству, — «кто-нибудь», — но мы знаем, что его политика спровоцировала поход этрусов на Рим по призыву консула Филиппа и что он погиб во время бунта. Лихорадочная атмосфера того года и придает данному отрывку неистовый тон, хотя он носит подлинно этрусский колорит — океан времени в последний раз плеснул волной, докатившейся до классической эпохи: в том же 91 году Цицерон написал трактат «Оратор», состоящий из спокойных уче-

ных бесед на вилле в Тускулуме. Как непохожи друг на друга вечерняя гроза со вспышками молний и ясное летнее утро!

• • •

Истины, открытые Тагесом, Каком, Вегойей и записанные в священных книгах, составляли доктрину, традицию, учение, которому этруски дали название, нам пока еще неизвестное, но, возможно, зашифрованное в надписи с одного надгробия из Перузии, по версии историка Санто Маццарино: *tesns rasnes*³⁸. Римляне называли его *Etrusca disciplina*. Это выражение часто всплывает в известных нам текстах, и латинисты не преминули отметить, что в этом устойчивом словосочетании прилагательное предшествует существительному: в латинском языке обычно бывает наоборот, и с помощью такого выделительного приема подчеркивается противопоставление чужеземной и национальной традиций³⁹.

«Этрусская дисциплина», восприемниками которой стали два самых знаменитых лукумона из преданий — Тархон из Тарквиний и Аррунс из Клузия, — долгое время оставалась общим достоянием знатных аристократических родов. О их преданности учению нам ничего не известно вплоть до того момента, когда это достояние чуть не превратилось в выморочное имущество. В своем трактате «О дивинации»⁴⁰ Цицерон упоминает о постановлении сената во II веке до н. э., которое предписывало, чтобы в каждом из двенадцати племен, составлявших союз, знатные семьи отдавали государству шестерых из своих сыновей для овладения религиозным учением. Таким образом было официально организовано обучение «этрусской дисциплине» под покровительством сената, выражавшего тем самым свой интерес к науке, к которой он неоднократно прибегал в прошлом и собирался еще не раз прибегнуть в будущем. Этот декрет Цицерон включил в свой свод законов идеальной конституции: «Пусть Этрурия обучает принцепсов своей науке» — *Etruria principes disciplinam doceto*⁴¹.

По правде говоря, смысл выражения был не совсем ясен, и текст Цицерона очень быстро исказили, так что

один путаник, Валерий Максим, в эпоху ранней Империи подумал, что речь идет о молодых людях из *римской* аристократии, которых следует отправлять, в количестве десяти, к каждому из этрусских народов, чтобы их обучали там «этрусской дисциплине». Но приведенная нами интерпретация соответствует мнению практически всех историков и подтверждается аллюзией, сделанной позднее императором Клавдием в одной из речей о коллегии гаруспиков. Он объявил тогда — это был 47 год от Рождества Христова, — что намерен бороться, в связи с засильем иноземных суеверий, за сохранение «древнейшего учения в Италии» и проводить политику по примеру прошлых времен, когда «этрусская знать либо по своему почину, либо по побуждению сената поддерживала и распространяла эту науку в своих семьях»⁴².

Гаруспики

Постановление сената от II века до н. э. как раз и должно было бороться с безразличием к национальным традициям, которое охватило поверженных лукумонов, «дабы столь великое искусство не превратилось из религиозного учения в ремесло из-за низкого положения тех, кто им занимается». В высших общественных классах был суровый «недобор» гаруспиков, и бывшее священство отныне бесславно деградировало в шарлатанство. По мере того как сокращалось количество квалифицированных гаруспиков, росла толпа деревенских гадалей — *haruspices vicani*, — которые, прикрывшись титулом, введя в заблуждение только сельских простофиль, всю пользовались их наивностью⁴³. Плавт и Помпоний саркастически отзываются об этих шарлатанах, а Катон, заботясь о порядке в своем поместье, приказал не пускать туда «гаруспиков, авгуров, гадалей и астрологов». Тот же Катон удивлялся тому, как один гаруспик может взглянуть на другого без смеха⁴⁴. Еще позже в Губбио некий Луций Ветурий Руфион, *avispex, extispicus* (искушенный в толковании полета птиц и гадании по внутренностям жертвенных

животных), объявил себя *sacerdos publicus et privatus* — «общественным и частным жрецом»; помимо исполнения своих официальных обязанностей, он давал частные консультации — разумеется, за вознаграждение⁴⁵. Но это было еще не самое страшное: император Август издал закон, запрещавший гаруспикам принимать посетителей при закрытых дверях и делать прогнозы относительно предполагаемой смерти кого бы то ни было⁴⁶.

Тем временем усилия сената по возрождению жречества среди этрусской аристократии приносили свои плоды. Благодаря мнительности населения число бродячих гаруспиков не уменьшилось, а даже возросло. В эпоху Империи гаруспики были везде, занимаясь своим искусством в муниципалитетах и легионах, при правителях провинций и императорском дворе⁴⁷. Известно, что еще в 408 году, когда над Римом нависла смертельная угроза — наступление готов во главе с Аларихом, — в городе находились этрусские гаруспики, бежавшие туда после захвата Тосканы: префект города и папа Иннокентий I не сочли для себя недостойным обратиться к ним за помощью⁴⁸. Начиная с правления Клавдия сложился «орден шестидесяти гаруспиков», организованный в форме коллегии с резиденцией в Тарквиниях, а затем в Риме. У него были председатель, избираемый на один год, и казна, управляемая казначеем; этот орден отныне играл роль официального учебного заведения, где преподавалась «этрусская дисциплина», и обеспечил ей долгое существование, вплоть до конца античного периода в истории и даже до начала византийской эпохи⁴⁹.

Начиная с последнего века республиканского периода в истории Рима обновленная верность лукумонов своим традициям проявлялась на деле и прежде всего в достоинствах гаруспиков, состоявших при крупных государственных деятелях не только в качестве советников, но и как верные друзья. Геренний Сикул в 121 году до н. э., после гибели Гая Гракха, гордо покончил с собой, когда его взяли под стражу; Постумий, мудро истолковав знамение, помог Сулле в 89 году до н. э. разгромить под Нолой лагерь самнитов; наконец, Спуринна предсказал Цезарю, который до последней минуты

не хотел в это верить, неминуемую гибель во время мартовских ид. Все трое происходили, несомненно, из достойных этрусских родов: первый — из рода Тусков, несмотря на свое прозвище (Сикул), которое означало лишь то, что у его родных или его самого были интересы на Сицилии; второй — вероятно, из Перузии, а третий — из Тарквиний⁵⁰.

Но главное — среди современников и знакомых Цицерона были представители этрусских родов, внутри которых *disciplina* бережно передавалась от отца к сыну как наследство по прямой линии. Мы уже называли имя Тарквития Приска⁵¹, который в эпиграмме юного Вергилия не слишком уважительно упоминается вместе с Варроном в ряду других напыщенных риторов⁵². До самого конца античной эпохи он славился как искусный гаруспик и перевел на латинский язык книгу предзнаменований (*Ostentaria Tusca*); Плиний ссылается на него как на источник в этой области, а к *libri Tarquitianani* обращались еще в IV веке. Две сильно поврежденные надписи из Тарквиний⁵³, выбитые во время правления Клавдия и, возможно, находившиеся в помещении «ордена шестидесяти гаруспиков», рассказывают нам об этом человеке и его сыне. Первый опубликовал переводы на латинский язык нескольких этрусских книг: одна была о ритуале народных собраний (*ritus comitalis*), а другие, еще более важные, содержали учение, проповедуемое Аррунсом из Клузия после откровения, полученного им от Юпитера и Юстиции через посредство Вегойи (*sacra quibicus placare numina Arruns a magistra edoctus erat ex Jovis et Justitiae effatis*). Он преподавал свое искусство в Риме больше тридцати лет. Второй, вероятно, его сын, обучился от него искусству гадания по молниям и после смерти отца продолжил его дело. Но эти две «элогии» Тарквитиев Присков конца эпохи Республики были составлены в начале эпохи Империи по просьбе третьего Тарквития Этруска четвертым — Марком Тарквителием Приском, который в середине I века н. э. был авторитетным советником императора Клавдия в области политики восстановления религии, нацеленной против «иноземных суеверий» и опиравшейся в борьбе с ними на «самое древнее учение в Ита-

лии», то есть учение этрусков. Так что приверженность этому учению, на протяжении четырех поколений, одной семьи из Тарквиний, принадлежность которой к сословию всадников говорит о высоком происхождении, осталась неизменной.

Еще лучше нам известна другая семья — род Цецина из Волатерры, не менее гордившийся воспоминаниями о величии своего народа в то самое время, когда он активно участвовал в политической жизни Рима⁵⁴. В театре Волатерры, где недавно проводились раскопки, есть множество надписей с этим именем, «бронирующих» почетные места в зрительном зале⁵⁵. Еще задолго до того, как Цецина Ларг стал консулом при Клавдии, представители этого рода были клиентами и состояли в близкой дружбе с Цицероном⁵⁶. В 69 или 68 году до Рождества Христова оратор защищал Авла Цецину во время процесса о наследовании земли, доставшейся ему от жены Цезеннии, богатой наследницы из Тарквиний (этрусская знать редко заключала браки с иноземцами). Когда началось противостояние Цезаря и Помпея, Авл Цецина принял сторону второго и был приговорен к изгнанию. К этому же 46 году относится его переписка с Цицероном — три письма Цицерона и ответ Цецины, — которая говорит о их взаимоуважении и интеллектуальной близости. Цецина хорошо писал и явно обладал даром красноречия. Помимо гневного памфлета против Цезаря и последующего отречения от него (*querelae*), за что его ссылка была смягчена позволением жить на Сицилии, он оставил труды об «этрусском учении», в частности о толковании молний, которые использовали Сенека в «Исследованиях о природе» и Плиний Старший в книге второй своей «Естественной истории». Цецина был знатоком гаданий, и одно из писем Цицерона полностью посвящено шутливому сопоставлению предсказаний на основе его собственных познаний и тех, которые Цецина мог сделать на основе *etrusca disciplina*. Его слова заслуживают того, чтобы привести их здесь: *ratio quaedam mira Tuscae disciplinae, quam a patre, nobilissimo atque optimo viro, acceperas* — «изумительно учение этрусков, которое ты получил от отца, благороднейшего и искуснейшего человека»⁵⁷.

Тарквитий Приск и Цецина переносят нас в Этрурию, которая, с поощрения сената во II веке до н. э., Цицерона в эпоху заката Республики и Клавдия в начале Империи упорно пыталась выжить. Можно попытаться заглянуть поглубже в прошлое и найти пример благочестия, с каким этрусская знать *sponte* (по собственному почину) поддерживала «учение» в своих семьях. Такой урок можно извлечь из пространной эпитафии, высеченной на саркофаге из Тарквиний, который ошибочно называют «саркофагом магистрата», хотя следовало бы сказать — «жреца»⁵⁸. Покойный, полулежащий на крышке саркофага, — невысокий старик с большой головой и мягкими чертами лица, которому мало подходит облачение героя: он обнажен по пояс и украшен двумя венками — один висит у него на шее, а другой возлежит на голове (с первого взгляда его можно принять за берет). Но благодаря суровому взгляду и сдвинутым бровям он кажется почти Наполеоном.

Он занимает высокое положение в местной жреческой иерархии. Перед ним лежит развернутый свиток — мы уже видели, что книга часто служит элементом погребального декора, являясь символом неотвратимости рока. В начале свитка написано *ancn zich nethsrac* — Паллоттино переводит эти слова как «сей свиток из кожи»⁵⁹, но нам, как и большинству ученых, кажется, что они означают «сия книга гаруспиков», то есть одна из *libri fatales*, где собраны наставления «этрuscoго учения». Но родственники покойного воспользовались случаем нанести на свиток его краткую биографию — всего девять строк, только часть из которых совершенно ясна. Исходя из общего смысла, получается, что *Laris Pulenas* (таково его имя) исполнял в Тарквиниях многочисленные жреческие должности, в том числе был тем, кого в Риме называли *rex sacrorum*, и что он установил и отправлял различные культы. В частности, он играл важную роль в праздновании дионисийских мистерий, с восторгом перенятых этрусками у греков, а из Этрурии распространившихся в Риме «подобно заразной болезни» (по выражению Тита Ливия), — в 186 году они закончились знаменитым делом о вакханалиях и запре-

щением их сенатом. Нашу же эпитафию можно датировать 200 годом до н. э.

Однако ономастическая формула, с которой начинается эпитафия — «*Laris Pulenas, Larces clan, Larthal papacs, Velthurus nefts, prompts Pules Larisal Creices*», — содержит не меньше информации. В ней с гордостью перечисляются, вплоть до четвертого колена, предки *Laris Pulenas*: его отец *Larce Pulenas*, его дядя по отцу *Larth Pulenas*, его дед *Velthur Pulenas* и его прадед *Laris Pule Creice*, причем наименование последнего выделяется в этой генеалогической цепочке: изменяя обычный порядок слов, его необыкновенное прозвище ставят в конец. Переведем: «Это был *Laris Pulenas*, сын *Larce*, племянник *Larth*, внук *Velthur*, правнук *Laris Pule* Грека».

Таким образом, основатель рода Пулена, имя которого сохранится в эпоху Империи в латинизированной форме «Поллении», носил имя *Laris Pule* или *Pules*, и его потомкам хотелось думать, что он прибыл в IV веке из Греции. Соответствовало это представление действительности или нет, в нем нет ничего удивительного. Римлянам нравилось считать себя преемниками греческой цивилизации, и многие знатные семьи вели свою родословную от Улисса или Энея. Но этрусски опередили и превзошли их в грекофилии. Семья жрецов из Тарквиний не могла уступить римским Эмилиям, похвалявшимся, что в их жилах течет кровь Пифагора⁶⁰.

Более того, *Pule* (на греческом — Поллес) — это, оказывается, имя древнегреческого гадателя, сравнить с которым мог разве что знаменитый Мелампод — «Черноногий», воспетый Гомером. В одной поговорке, имеющей отношение к сложному предзнаменованию, говорится, что, для того чтобы истолковать его, нужно быть Меламподом или Поллесом⁶¹ — «...*Polles, cui penna loquax dat nosse futura*» («Поллес, которому говорящее перо [птицы] позволяет проникнуть в будущее»)⁶². Не стоит воображать себе, будто этот таинственный Поллес явился из Лидии (где это имя было распространено) около 350 года до Рождества Христова, чтобы принести в Тарквинию свет «этрусского учения». Просто созвучие имен позволило Пуленам считать себя его преемниками; искусство гадания передавалось в этой семье на

протяжении четырех поколений, и эта традиция, судя по всему, сохранялась еще много веков, поскольку при Марке Аврелии один из внучатых племянников Пулены Поллений Ауспекс (это прозвище говорит о навыках наблюдений за полетом птиц) стал консулом.

Была ли у этрусков светская литература?

На предыдущих страницах мы рассказали немного о той части литературы этрусков, которая носила имя *Etrusca disciplina* — о собрании священных книг, наподобие тех, что существовали в восточных цивилизациях. В Греции ничего подобного не было, а Рим обзавелся своими сивиллиными книгами лишь под влиянием этрусков. Но существовала ли наряду со священной светская литература, созданная для развлечения, поучения и прославления бытия, наподобие поэм Гомера, комедий Плавта, истории Тацита? Кажется, именно об этом говорится во фразе Посидония, приводимой Диодором Сицилийским: «Они развивали словесность, естественные науки и богословие»⁶³, и мы видим, что сочинения людей здесь строго отделены от «этрусской дисциплины».

На этот сложный вопрос долгое время давали отрицательный ответ. Еще 30 лет назад Перикл Дукати утверждал, что «этрусский народ не создал своей литературы: посвятив себя торговле, земледелию и ремеслам, породив множество инженеров, в особенности гидравликов, и врачей, чье тонкое искусство выделялось на фоне ведовства и предрассудков, этруски не поднялись до уровня высокой поэзии, в которой проявляется не только пылкое воображение или страстность натуры, но высший порыв духа, оторванный от повседневных забот материального существования»⁶⁴. Вот что значит поторопиться с выводами, смешав в одну кучу факты, суждения и гипотезы. Но такой крупный ученый, как Бартоломео Ногара, подошел к данному вопросу не столь прямолинейно, и новые факты подтвердили, что он был прав⁶⁵.

Нам необходимо рассмотреть три пункта. Прежде всего, совершенно точно, что этрусский гений, про-

явившийся не только в искусности инженеров, но и в таланте художников, вовсе не был априори чужд литературному самовыражению. Далее: даже если почти все произведения погибли, от них должен был остаться хотя бы след, воспоминание, отпечаток в других литературах. Что же касается того, была ли этрусская литература хорошей или плохой, оригинальным творчеством или рабским подражанием, высокого или низкого стиля — на этот вопрос нам не ответить, хотя и об этом можно составить себе некоторое представление.

Тит Ливий делает поразительное на первый взгляд заявление, на котором стоит остановиться⁶⁶. Итак, конец IV века до н. э., Рим шаг за шагом продвигается вглубь Этрурии. Именно тогда был совершен великий военный подвиг — переход через Циминийский лес в окрестностях нынешнего Витербо, к востоку от озера Больсена, который представлял собой грозное препятствие для римских легионов — столь же опасное, как то, которое во времена самого Тита Ливия не давало им продвинуться вглубь германских лесов. Однако в том 310 году до н. э. один из рода Фабиев, заслуги которых в этой военной кампании оспаривали Клавдии, разведал непроходимые пути. Этот человек, по одним источникам — Цезон Фабий, по другим — К. Клавдий, брат по отцу или по матери консула Фабия Руллиана, сумел, переодевшись этрусским земледельцем и в сопровождении одного-единственного раба, проникнуть неузнанным на вражескую территорию и найти дорогу к Клузию через долину Кианы. В этом рискованном предприятии его выручило блестящее знание этрусского языка: он ни разу не запнулся и не возбудил тем самым подозрений у местных жителей и проводников.

Каким же образом он овладел этрусским в таком совершенстве? Дело в том, что он воспитывался в Цере, в семье, связанной с его собственной крепкими узами дружбы, и там обучился «этрuscoму письму». Тит Ливий авторитетно добавляет: «Я располагаю текстами, подтверждающими, что в те времена было принято обучать юных римлян этрусскому письму, как в наши дни учат греческому» («Habeo auctores vulgo tum Romanos pueros, sicut nunc Graecis, ita Etruscis litteris erudiri solitos»).

Но что значит «этрусскому письму»? Ясно, что речь не только о том, чтобы выучиться читать и писать по букварям и прописям, как в Марсилиане и Цере. Слово «письмо» означает не только буквы алфавита, но и грамматику и литературу. О какой же литературе идет речь?

Тит Ливий не имел в виду этрусскую дисциплину в собственном значении этого слова. Сравнение с юными римлянами, изучающими греческий язык, задает иное направление мысли: «Как в наши дни учат греческому» — историк явно имеет в виду мальчиков моложе семнадцати лет (*pueri*), которые под руководством *grammaticus* (грамматика) читали Гомера, трагиков и Менандра. В III веке до н. э. Марк Ливий Салинатор привез из Тарента греческого поэта Андроника, чтобы объяснить «Одиссею» своим сыновьям; Эмилий Павел во II веке до н. э., желая дать юному Сципиону Эмилиану лучшее греческое образование, привез из Македонии библиотеку Персея и окружил сына целой командой греческих учителей, грамматистов, риторов, философов, скульпторов, художников и т. д. Даже во времена Тита Ливия изучение латинских поэтов только-только вошло в программу среднего образования наряду с изучением поэтов Греции. Цицерон читал и говорил на греческом так же свободно, как на родном языке. На протяжении многих веков римская культура была двуязычной⁶⁷.

Вот что узнал Тит Ливий из своих источников и что удивило его не меньше нашего. Но он настаивает, убеждая скептиков: «Я располагаю текстами...» — текстами, в которых *разные* хронисты в один голос доказывают, что прежде чем обратиться к Греции, Рим приобщился к культуре через Этрурию, не имея собственного базиса.

А что в этом шокирующего? Что невероятного в том, что Цере в конце IV века до н. э. являлся для юных Фабиев и Клавдиев интеллектуальной столицей, вполне способной, что бы ни говорил Перикл Дукати, возвыситься над «повседневными заботами материального существования», о чем говорят найденные там памятники и произведения искусства? После падения Вей в 390 году Цере был не только ближайшей к Риму этрусской метрополией, всего в полусотне километров по будущей

Аврелиевой дороге. Это был крупнейший очаг эллинской культуры в Центральной Италии, а Рим, через посредство Этрурии, стремился приобщиться именно к ней. Разве не было у Цере своей сокровищницы в Дельфах, словно она была подлинно греческой колонией? Найденные в гробницах предметы показывают, с каким увлечением местные жители собирали лучшие образцы аттической чернофигурной и краснофигурной керамики. Греческие художники даже селились там, чтобы скорее выполнять заказы ненасытных клиентов. Жители Цере с давних времен научились узнавать на вазах — не говоря уже о других привозных предметах — изображения легендарных героев Троянской войны, странствия Одиссея, подвиги Геракла, преступления Атридов, которые были им хорошо знакомы.

По правде говоря, вопрос не в том, любили ли этрусски словесность. Если когда-нибудь и существовал некультурный народ, то не для него расписывались гидрии* в Цере и фрески в Тарквиниях. В большей мере внушает опасение то, что престиж греческого языка среди этрусков мог оказаться столь велик, что они не смели бы использовать, в свою очередь, для выражения радостей или горестей жизни несовершенную родную речь. Можно представить себе двуязычную этрусскую аристократию, какой потом станет римская знать, сочиняющую свои первые опыты на греческом, прибегая родной язык строго для составления священных книг. Скорее всего, именно так и произошло. Однако некоторые факты заставляют думать, что этрусски этим не ограничились.

Фесценнинские гимны и песни

В классическую эпоху еще не окончательно стерлось воспоминание об устной этрусской поэзии. Дионисию Галикарнасскому было известно, что на ежегодном празднике в честь Юноны Куритис в Фалериях хор девушек исполнял в честь богини «гимны, сочиненные их предками»⁶⁸. Но хотя Фалерии и были частью этрусской

* Сосуд для воды.

конфедерации, в этническом и лингвистическом отношении в этом городе смешивались этрусские и италийские элементы, и девушки, возможно, пели на диалекте фалисков, близком к латинскому и сабинскому. Что касается стихов Вергилия в третьей книге «Энеиды», в которых описываются танцы и песни салиев, «прославляющих Геркулеса и его подвиги», то учреждение коллегии салиев, которые должны были прославлять в своих гимнах Галеса, сына Нептуна и родоначальника царей города Вейи, некоторые приписывали царю Вей Моррию (Мамаррию)⁶⁹. Но и в этом, если не считать упоминания о Вейях, нет ничего специфически этрусского. Галес был также основателем Фалерий, а с другой стороны, как мы уже говорили⁷⁰ по поводу щита с двойной выемкой, напоминающего анкилы салиев, который Реймон Блок обнаружил в виллановийской гробнице в Больсене, эти военные пляски были распространены по всей Центральной Италии еще с начала железного века. Наконец, можно вспомнить и о фесценнинах — народных песенках, состоящих из разнузданных шуточек и непристойных насмешек, которыми в былые времена обменивались крестьяне, «не соблюдая стиха и размера»: их название происходит от названия небольшого местечка Фесценния, откуда их занесли в Рим, — опять этрусский город, но тоже на территории фалисков. Все, что можно сказать по этому поводу, — это что *fescennini versus* представляли собой народный комический экспромт, широко распространенный во всей Центральной Италии, а в Фесценнии, под влиянием этрусков, постепенно приобретший художественную форму: благодаря этой первой обработке название «фесценнины» распространилось на все подобные проявления веселья на сельских праздниках⁷¹.

Эти три явления, странным образом проявившиеся в одном регионе — в южной излучине Тибра, где протекал древнейший этрусско-латинский осмос, уводят нас в сторону от литературы, пусть даже произведений устного творчества, какие мы ожидали найти. Однако последний пример напоминает нам о другом, лучше подтвержденном и более важном факте, — о той роли, которую сыграли этруски в зарождении италийского

фарса. Мы уже говорили о том, какое место на похоронных играх отводилось демонам в масках — дальним прообразам комедии дель арте⁷².

Драматические спектакли

Хотя Ферсу придал решающий импульс развитию ателланы, его театр для нас нем, нам не отыскать его устного выражения, а уж тем более письменного. Зато Варрон называет имя некоего Вольния, «писавшего этрусские трагедии»⁷³. Чтобы понять всю ценность этого свидетельства, нужно возвратиться к знаменитой и уже цитировавшейся нами главе из Тита Ливия, в которой рассказывается о прибытии в Рим этрусских танцоров и о зарождении латинского театра⁷⁴. В том 364 году до н. э. в городе свирепствовала чума; испробовав все средства, оказавшиеся бессильными, обратились за помощью к религии. Чтобы утишить гнев богов, учредили сценические игры: огромное новшество для народа, знакомого пока только с цирковыми состязаниями. «Лудионов — то есть участников игр (*ludi*) — пригласили из Этрурии, чтобы они на свой манер исполнили пляски, не лишённые красоты, но в них не было ни пения, ни жестов, сопровождающих пение». Римская молодежь, уже давно перекидывавшаяся частушками, которые носили название фесценнинских стихов, вздумала подражать этрусским лудионам, добавив к пляскам речевой элемент и подлаживая движения под слова. По ходу игра совершенствовалась: был даже период, когда профессиональные актеры из римлян, «называемые гистрионами, потому что на этрусском языке *ister* соответствует понятию “лудион”», разыгрывали «сатиры» (от слова *satura* — «смесь, всякая всячина»), то есть небольшие представления, в которые входили мимический танец под соответствующую песню и музыкальное сопровождение, задававшее общую тему. Но только в середине III века до н. э., когда в Рим прибыл из Тарента Ливий Андроник, захватив с собой весь репертуар греческих комедий и трагедий, у этих импровизаций появились сюжет, либретто и фиксированный текст.

Вероятно, Тит Ливий заимствовал свою ученую реконструкцию истоков римского театра из «Божественных и человеческих древностей» Варрона⁷⁵: различные факторы в ней разложены по полочкам и преподносятся по очереди, постепенно образуя единый ансамбль. Тут же мы сталкиваемся с очевидной искусственностью этого приема — попытки проследить в этом развитии те же этапы, через которые, судя по «Поэтике» Аристотеля, прошел греческий театр, — и нас призывают не воспринимать все буквально: в жизни все не складывается так просто и упорядоченно. Тит Ливий не без удивления отмечает, что искусство с таким благородным будущим начинало свой путь очень скромно и даже пришло из другой страны, из Этрурии. Кроме того, он сообщает нам этрусское название артистов — *ister* или *hister*, которое, превратившись на латыни в «гистрионов», прочно вошло в обиход. Но, по словам историка, первоначально их призвали только ради плясок, в которых их мастерство было бесспорным: *haud indecoros motus tusco more dabant* — «они на свой манер исполнили пляски, не лишённые красоты». Эта литота немедленно вызывает в памяти великолепных танцоров с древних фресок Тарквиний. Правда, их танцы сопровождала только музыка флейты, они не были связаны с каким-нибудь *carmen* (напевом), ритмичным речитативом, и напрасно мы ищем певца среди изображенных на фресках музыкантов⁷⁶. Этрусские *ludi* никогда не выражали движениями чувств, например любви, или действий, например сражения: это, если можно так выразиться, танец в чистом виде, и именно таким его представляют фрески в гробницах Львиц, Леопардов и Триклиния.

Спрашивается: не слишком ли много чести отдавали Риму патриотически настроенные Варрон и Тит Ливий? Быть может, в начале IV века до н. э. этрусские гистрионы сами пришли к осознанию театрального начала, заключенного в их танце, ведь они принадлежали к эллинизированному народу и влияние Греции на все сферы их жизни, включая искусство, было колоссальным. Кроме того, немыслимо, чтобы театр, зародившись однажды где-то в Центральной Италии, которая в культурном отношении объединяла Рим, Цере, Пренесте, Тарквинии

и Клузий, не распространился бы затем повсеместно и что его развитие, которое Тит Ливий приписал только играм Большого цирка, не получило отклика в играх этрусской конфедерации в Вольсиниях.

Неужели в Этрурии не ставили спектаклей в то время, как вся Сицилия и Южная Италия были ими увлечены? В Сиракузах уже в первой половине V века до н. э. был великолепный театр, где в присутствии Эсхила ставили «Персов» и на скамьях которого сидели Пиндар и Платон. В Таренте было два театра, и Ливий Андроник рукоплескал там пьесам Еврипида, прежде чем поставить их в Риме. Сцены из трагедий, изображенные на апулейских вазах, служат доказательством популярности театральных постановок⁷⁷. Правда, на севере — в Велии, Пестуме и даже Кумах — тогда еще не было каменных театров, в Помпеях такой театр появился только в начале II века до н. э., а в Риме — в 55 году до н. э. Но известно, что прежде каменных театров в Риме использовали деревянные подмости, на которых играли трагедии Энния и комедии Плавта. Если в Этрурии устраивали спектакли, то, должно быть, использовали временные сооружения, которые не сохранились.

Отголоски этрусских трагедий III и II веков до н. э. сохранились на саркофагах и погребальных урнах из Тарквиний, Клузия и Волатерры⁷⁸. Там представлены все предания из эпического и трагического репертуара греков, в особенности сцены убийств, словно таким образом усопшему предлагалась скромная замена, облагороженная легендой, человеческим жертвоприношением, которых родственники не могли совершить из финансовых и (хочется на это надеяться) нравственных соображений. Например, на знаменитом саркофаге, находящемся в Ватикане, изображены классические сцены из «Орестей»: меж двух пораженных ужасом слуг сидит, задумавшись, Электра, позади нее — алтарь, на котором навзничь лежит полуобнаженный труп Клитемнестры. Справа Орест и Пилад убивают Эгисфа, слева Эринии уже подступают к убийцам. На задней стенке саркофага показаны поединок между Этеоклом и Полиником и другие сцены из трагедии Эсхила «Семеро против Фив». На одной из боковых стенок Телеф из одноименной

трагедии Еврипида схватил маленького Ореста и грозит перерезать ему горло. На другой греки приносят в жертву Поликсену на могиле Ахилла — это уже сцена из «Гекубы» того же автора⁷⁹. Среди прочего — заклятие Ифигении, Филоктет, покинутый на Лемносе, Андромеда, прикованная к скале, окровавленный Ипполит, влекомый колесницей⁸⁰.

В «Исследовании о римских играх» Андре Пиганьоль заметил, что композиция этих рельефов часто напоминает декорации античного театра: пещеру или храм, перед которыми двигаются актеры, порт, из которого они отплывают, башня или валы осажденного города, двери в комнату дворца, где умирает Агамемнон, алтари и прочий театральный реквизит.

На урнах из Волатерры изображена Медея на колеснице, запряженной драконами. Именно на ней колдунья, в утраченной трагедии Еврипида, сбежала из Коринфа, убив своих сыновей. Возможно, в похоронной символике это могло интерпретироваться как залог бессмертия. Но мы знаем, что авторы латинских трагедий во II веке до н. э. обожали сложные театральные машины: во фрагменте одного из сочинений Пакувия говорится об «огромных крылатых змеях под ярмом» Медеи (*angues ingentes alites iuncti iugo*). Сатирик Луцилий насмехался над теми, кто, пытаясь поразить воображение зрителей, прибегал к таким детским фантазиям⁸¹.

На других урнах изображен всадник, набрасывающийся на ребенка, — это история о царе Фессалии Афанманте, пораженном безумием и убившем своего сына Леарха, приняв его за оленя. Еврипид написал на этот сюжет трагедию «Ино», на основе которой Энний создал своего «Афанманта»⁸².

Все изображения на этрусских урнах можно соотнести не только с греческими мифами, но и с их адаптациями в латинских трагедиях, от Ливия Андроника до Акция. Возникает вопрос: не были ли трагедии, послужившие для них сюжетами, произведениями не этрусской, а латинской драматургии, написанными с 250 по 100 год до н. э.? Очень трудно поверить, чтобы такие театральные постановки оказали на расстоянии столь тираническое влияние на простых ремесленни-

ков из Волатерры, так что есть все причины полагать, что скульпторы Этрурии были непосредственно знакомы с изображаемыми сюжетами, изложенными на их родном языке.

Персонажи греческих преданий на некоторых фресках и зеркалах чаще всего обозначены сильно искаженными именами⁸³: Агамемнон становится *Achmemrun* или *Achmenrun*; Ахилл (по-гречески Ахиллес) — *Achile* или *Achle*; Клитемнестра — *Clutumsta*; Александр, то есть Парис, — *Alechsantre*, *Elachsantre* и даже *Elcste*; виночерпия богов Ганимеда почти невозможно узнать в *Catmite* — этот вариант даже проник в латинский язык, став Катамитом у Плавта⁸⁴. Такие искажения можно объяснить тем, что греческие слова были заимствованы через диалекты, но в целом они согласуются с законами этрусской фонетики — синкопой, метатезой, придыханием, хорошо известными и досконально изученными по надписям. Некоторые особенности этрусского произношения даже сохранились за века в Тоскане: так, во Флоренции до сих пор говорят *hasa* вместо *casa* (дом).

Какой вывод можно из этого сделать? Художники, ставившие эти имена на зеркалах, вазах и фресках, не копировали их послушно, буква за буквой, с греческих образцов; они писали их так, как слышали, то есть имена Агамемнона, Ахиллеса, Клитемнестры, Александра и Ганимеда выходили из уст этрусков в виде *Achmemrun*, *Achle*, *Klutumstra*, *Elcste*, *Catmite*. Проще говоря, в Этрурии эти имена были на слуху, и это можно объяснить только декламацией стихов, эпоса и в особенности драмы.

Таким образом, этрусские трагедии, несомненно, существовали, по крайней мере, в III—II веках до н. э., параллельно с расцветом латинской трагедии, и в такую перспективу прекрасно вписывается драматург Вольний, упомянутый Варроном. Он говорит об этом неизвестном авторе в трактате «О латинском языке», в связи с названиями трех изначальных латинских племен (триб). «Изначально территория Рима была поделена на три области, откуда и произошли названия триб тичиев, рамнов и луцеров. По Эннию, тичии назывались по имени Тита Тация, рамны — по имени Ромула, а луцеры, согласно Юнию, — по имени Лукумона, но Вольний,

писавший трагедии на этрусском языке, объявил все эти слова этрусскими (*sed omnia haec vocabula Tusca, ut Volnius, qui tragaedias Tuscae scripsit, dicebat*)»⁸⁵.

Ничего другого нам о Вольнии неизвестно: его имя — имевшее широкое распространение как родовое имя в форме Вельна или Велина в Волатеррах, Сиене, Клузии, Перузии и Болонье — ничего не говорит нам о его происхождении. Из текста Варрона вовсе не следует, что он, как Невий в конце III века до н. э., посвятил трагедию Ромулу и основанию Вечного города. Но Вольний был одновременно драматургом и ученым, подобно Акцию во второй половине II века до н. э., подкрепляя свой поэтический дар исследованиями в филологии. Акций полемизировал с Луцилием по поводу реформы орфографии. Вольний, как указывает Марк Юний Гракхан — друг Гая Гракха и исследователь истории гражданского права, вмешался в дискуссию, ведущуюся со времен Энния, об этимологии названий трех римских племен. Все указывает на то, что он тоже жил во времена Гракхов или чуть позже и был принят в круг римской интеллигенции. Он делил свою жизнь между столицей и своей малой родиной, к которой был сильно привязан. Он настаивал на этрусском происхождении спорных названий, и современные филологи признают его правоту. Он очень гордился национальными традициями и, вероятно, написал свои этрусские трагедии из беззаветной преданности дорогому делу, находившемуся под угрозой: эти уже устаревающие ученые произведения, верно, исполняли на последних подмостках в Клузии и Волатеррах, раздувая *in extremis* угасающее пламя. Когда Варрон упоминает о факте: *tragaedias Tuscas scripsit*, это не значит, что кроме Вольния никто этим не занимался и что у него не было предшественников. Варрон просто хотел сказать: этот Вольний, бывавший среди нас, такой образованный человек, прекрасно знавший латынь и бывший, по сути, таким же римлянином, как все, сочинял трагедии на своем родном языке, очень сложном для понимания. Но мы-то можем быть уверены, что Вольний был последователем длинной череды поэтов, чьих имен мы никогда не узнаем, но чьи произведения нашли свое отражение на погребальных урнах,

а стихи звучали в ушах ремесленников, наконец, чей трагический стиль определил собой этрусскую историографию, придав ей специфическую форму.

Историческая литература

Разумеется, у этрусков была историческая литература. Но и здесь мы сталкиваемся с не менее сложной проблемой, чем та, что связана с театром. Ибо она тоже полностью утрачена, и хотя ее существование подтверждается двумя надежными свидетельствами, сами тексты остались только в отрывочных переводах и, естественно, в искаженном виде, переработанные латинской историографией.

Два автора, упоминающие о ней, весьма достойны доверия. Прежде всего это Варрон, которого его друзья-гаруспики, Тарквитий или Цецина, познакомили с «Этрусской историей» (*Tuscae historiae*): там он обнаружил, среди прочего, целостную теорию о *saecula*, определяющих судьбу нации, — общее число веков, которое ей суждено прожить, разная продолжительность каждого из них, особые пророчества, знаменующие конец одного века и начало другого. Но Варрон знал, что эта «История» была написана в VIII веке по летоисчислению этрусков, что примерно соответствует II веку до н. э.⁸⁶

Во-вторых, это император Клавдий, выдержки из исторического труда которого мы приводили выше, показав, что его знакомство с этрусскими реалиями почерпнуто из самых достоверных источников. Вспоминая в своей знаменитой речи, произнесенной в 48 году в Лугдунуме (Лионе), фрагменты которой записаны на бронзовой табличке, давнюю легенду о Сервии Туллии, он рассмотрел некоторые ее детали, сравнивая повествование латинских хронистов с изложением *auctores Tusci* (этрусских авторов)⁸⁷.

Эти этрусские авторы, на которых еще до Клавдия иногда ссылались, не называя имен, Веррий Флакк при Августе и Варрон при Цезаре, нам неизвестны, кроме одного — того самого Авла Цецины, переписывавше-

гося с Цицероном, знатока искусства гадания; если же это не он, то, должно быть, его отец, обучивший его этой науке. Во всяком случае, у нас есть небольшой фрагмент текста под именем Цецины, в котором Тархону, герою из Тарквиний, приписывается завоевание Паданской Этрурии. Перейдя с войском через Апеннины, он основал там первый город, названный Мантуей по имени этрусского бога подземного царства, а потом еще 11 других, тоже посвященных Мантусу; так в Цизальпинской Галлии появился союз двенадцати городов, как в Этрурии. Цецина добавлял, что Тархон освятил закладку городов согласно ритуалу и «учредил там год», то есть распределил праздники по календарю. Всего несколько строк, но они довольно четко определяют позицию историка, а настойчивость, с которой он подчеркивает не столько военный, сколько религиозный характер деятельности Тархона, тесно связывает их с духом *Etrusca disciplina*. Кроме того, видно, что Цецина написал свою историю на латыни, но по этрусским источникам⁸⁸.

Безымянная «Этруская история», о которой мы знаем благодаря Варрону, тоже, и даже в еще большей степени, относится к категории священной литературы. Варрон приводит из нее одну фразу на латыни: то ли все произведение целиком было переведено гаруспиком-билингвом, то ли ему перевели по личной просьбе только один отрывок об интересовавшей его эпохе. Но все говорит о том, что оригинальный текст был написан на этрусском языке, как и другие *libri rituales*.

Как нам сообщают, он относится ко II веку до н. э., где-то между 206 и 88 годами — границами VIII века по этрусскому летоисчислению. Это очень интересная подробность, подтверждающая параллельное развитие этрусской и латинской литератур внутри одной общей цивилизации. Второй век — это эпоха становления латинской историографии. Хронисты, вначале использовавшие греческий язык, поскольку это был язык культуры, ставший благодаря Геродоту и Тимею обязательным для исторической литературы, вскоре попытались выразить на родном языке всю важность исторического прошлого Рима, обращаясь к своим со-

отечественникам. Примечательно, что в это же время аналогичный процесс шел в Этрурии, породив собрание исторических трудов, в которых этрусский народ заявлял об осознании важности своей судьбы, пришедшем и к нему тоже, хотя немного запоздало. Публикация *Tuscae historiae* напоминает обработку и издание старых официальных римских хроник, известных под названием «*Annales Maximii*», около 123 года до н. э., в бытность Публия Муция Сцевола (Сцевола Авгура) верховным понтификом. Более того, поскольку римский сенат, как мы уже говорили, взялся возродить преподавание «этрусской дисциплины» в знатных этрусских семьях, вполне вероятно, что пробуждение интереса к истории объяснялось подобными мерами или внезапно зародившимся соперничеством народов: такой подход более соответствовал римскому темпераменту, нежели особому призванию этрусков.

Часто отмечают⁸⁹, что римский гений, созданный для методичного и упорного завоевания реального мира, лучше всего выражал себя в живописи и в барельефах, посвященных историческим событиям. «Любите то, чего не увидите дважды!» — эти строки Альфреда де Виньи довольно точно характеризуют одну из фундаментальных его установок. Но этруски обретали себя не столько в собственных поступках, сколько через непреклонную волю богов. Для них естественнее было жить в абсолюте, и когда их ум не был занят созерцанием небесных знамений, они переносились в чудесный мир греческой мифологии. Именно по ней они долгое время объясняли превратности собственной судьбы. Уже в VI веке до н. э. на крыше храма в Вейях они изобразили спор Аполлона и Геракла из-за священной лани⁹⁰. Ахилл, подстерегающий Троила, чтобы убить его, или троянские пленники, принесенные в жертву манам Патрокла, в точности, по их мнению, передавали их отношение к смерти, а потому эти сюжеты изображали на могильных памятниках⁹¹. Много позже, и то в виде исключения, к ним добавились собственно этрусские мифы⁹².

Вот почему необычайно интересны росписи в гробнице Франсуа в Вульчи, датируемые II веком или даже

началом I века до н. э. Мы уже описывали одну фреску на правой стене дальней камеры, на которой Мастерна разрезает узы Целия Вибенны, а его товарищи убивают вражеских правителей, державших его в плену. Эта эпическая битва, о которой император Клавдий читал, должно быть, у *auctores Tusci*, принадлежит собственной истории Этрурии. Однако на левой стене, напротив, разворачиваются привычные греческие сюжеты: Нестор в белой расшитой тоге на пару с владельцем гробницы, Велом Сатием, следит за полетом птиц; Этеокл и Полиник, которым соответствуют Марк Камитлас и Кнев Таркунис; наконец, жертвоприношение троянских пленников на похоронах Патрокла, напротив сцены сражения, развернувшегося вокруг Вольци⁹³. Как многозначительно это противопоставление, симметрично проводимое на противоположных стенах одной гробницы, приходящейся на период подъема этрусской историографии, эпизода из «Илиады» и эпизода из истории Вольци, греческого мифа и этрусского предания — короче, того, что до сих пор было мифологией, и того, что становилось для этрусов историей.

Гробница Франсуа — редкий для этого народа исторический памятник, где национальное требует для себя места в до сих пор почти исключительно иноземном репертуаре. Нельзя не вспомнить о том, что происходило в латинской литературе в конце эпохи Республики и в начале принципата, когда Рим осмелился с вежливой и даже восхищенной гордостью встать напротив Греции, когда Вергилий без колебаний сравнил достоинства своей «Энеиды» с поэмами Гомера и воспел основание на латинской земле новой Трои, чему не смогли воспрепятствовать новые Ахиллы и Одиссеи. «Ждут тебя Симоент, и Ксанф, и лагерь дорийский, — пророчествует его Сивилла, — ждет и новый Ахилл в краю латинском». Еще за 100 лет до этого этрусские историки поставили вольцийский цикл в один ряд с троянским и фиванским: «non Simois tibi nec Xanthus... defuerint; alius Etruriae iam partus Achilles» — так можно перефразировать слова Вергилия, заменив *Latio* на *Etruriae*⁹⁴.

Таковы, по нашему мнению, особенности и влияние «Этрусской истории», известной Варрону. Находясь в тесной взаимосвязи с *Etrusca disciplina* и в естественном или намеренном согласии с направлением латинского летописания, она объединила всевозможные разрозненные предания в одно систематическое целое, где главенствовали понятие *saeculum* и детерминизм, проистекающий из халдейских проповедей и учения стоиков. Но хотя такая общая концепция сборника спасала от забвения малоизвестные местные хроники, возрождала в этрусском народе, переживающем упадок, чувство своего величия, возможно, определяла собой всплеск национальной гордости, которой проникнуты фрески из гробницы Франсуа, совершенно ясно, что использованные ею эпизоды не были взяты с потолка. В отличие от священной истории ее основой стало древнее и совершенно иное течение, которое, повествуя о происхождении городов и подвигах героев, делало акцент не на законах судьбы, а на случайностях событий. Этот иной аспект становления истории неосознанно отражен в речи Клавдия с лионской таблицы: «Мастарна, самый верный друг Целия Вибенны и неизменный участник всех его приключений (*casus*), Мастарна, которого превратности судьбы (*varia fortuna*) вынудили покинуть Этрурию...» Впрочем, этруски не были абсолютно лишены памяти и воображения. Околдованные вечным, как мы уже отмечали, они были воспитаны в ионическом духовном мире и вскормлены эллинскими мифами; Клио Геродота и его последователей не могла покинуть их совершенно: прежде чем написать историю, они рассказывали себе сказки.

Мы еще можем отыскать их следы — очень древние, предшествующие составлению *Tuscae historiae*. Одна из них неожиданным образом проникла в красочный и довольно нелепый роман об Аррунсе из Клузия, действия которого Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский называют одной из непосредственных причин вторжения галлов в Италию в начале IV века до н. э.⁹⁵ Аррунс из Клузия был стариком, которому городской лукумон,

умирая, поручил опекать своего сына. Неблагодарный юноша соблазнил жену Аррунса, и тот, чтобы отомстить ему, навлек на свою родину галлов, дав им распробовать белое вино из Монтепульчано. Однако эта легенда, явно составленная из разных частей, которую хочется приписать большой фантазии позднего хрониста, сложилась целиком еще в 160 году до Рождества Христова. О прелюбодеянии супруги Аррунса подробно рассказывал еще суровый Катон во второй книге «Начал»⁹⁶. Об этом свидетельствует короткая фраза, дошедшая до нас вырванной из контекста, но перекликающейся с повествованием Дионисия Галикарнасского. «Он не успокоится, пока не опозорит публично ту, которую уже развратил тайно», — пишет Катон (*Neque satis habuit, quod eam in occulto uitiauerat, quin eius famam prostitueret*). У Дионисия же, наверняка черпавшего из того же источника, сказано: «Он стремился вступать с ней в сношения не только тайно, но и публично».

Эту историю выдумал вовсе не Катон, иначе бы она так его не возмущала. Его шокирует не столько прелюбодеяние, сколько его огласка, и в этом он ведет себя как истый римлянин, удивляющийся обществу, которое толерантно относится к близости между мужчинами и женщинами. Он обнаружил эту историю среди подлинных документов, городских хроник (в данном случае Клузия), местных архивов, даже надписей, которые исследовал со свойственной ему любознательностью, если только ее уже не раскопал предшествующий историк. Во всяком случае, когда она попала на глаза Полибию, то уже стала каноническим текстом, но он, будучи слишком серьезным автором, чтобы пересказывать подобную чушь, ограничился пренебрежительным намекком, показав, что знает о ней: «Галлы, воспользовавшись ничтожным предлогом, захватили земли Этрурии»⁹⁷.

Еще раньше в зарождающееся летописание было включено множество этрусских преданий. Известно, что эту хронику вел во времена Второй Пунической войны Фабий Пиктор, который первым изложил историю Рима, впоследствии доработанную, исправленную или искаженную его последователями, сообразно с их темпераментом и увлечениями, однако хронологичес-

кие рамки и основные события никаких изменений не претерпели. Например, всё, что Тит Ливий рассказывает нам о правлении Тарквиниев и о войне с Порсенной, уже присутствует у Фабия Пиктора, добавились только психологический анализ и художественное изложение.

Интерес к тому, что касалось этрусков, был наследственным у предков Фабия. Среди римских семей, которые, как уже было сказано, посылали одного из сыновей в Цере в конце IV века до н. э., «чтобы обучиться этрусскому письму», был некий Фабий⁹⁸. Архивы рода Фабиев полны воспоминаний о сражениях в Этрурии, которая в каком-то смысле стала их вотчиной. Один из самых известных представителей этого рода, К. Фабий Максим Руллиан, пять раз становившийся консулом с 322 по 295 год, открыл Циминийский лес для римского завоевания, первым проник вглубь Этрурии и завязал с лукумонами Клузия, Арретия и Перузии связи гостеприимства и клиентуры, что подтверждается местной эпиграфикой: одна двуязычная надпись в Клузии содержит имя *Au. Fapi. Larthial — A. Fabi(us) Iucnus*⁹⁹. Его сын (или внук) К. Фабий Максим Гургес одержал победу при Вольсиниях в 265 году до н. э.; однако его прозвище, которое латинцы возводили к слову *gurges* — «пучина», «бездна», — на самом деле было транскрипцией имени *Curce(s)*, дважды отмеченного в Клузии¹⁰⁰. Стоит ли после этого удивляться, что, говоря об этрусках, Фабий Пиктор продемонстрировал глубокие познания, полученные от предков, а воссоздавая этрусский период в истории Рима, имел в своем распоряжении богатейшие материалы. В результате, как только появлялись живые, яркие образы Тарквиния и Танаквили, обескровленные тени Ромула и Тулла Гостилия уходили глубоко в тень. Дело в том, что «истории» Тарквиниев существовали еще до написания его труда, и Фабии познакомились с ними во время своих военных походов, а члены этрусских родов, поселившиеся в Риме — Волумнии или Огульнии, — которые были занесены в хронологические таблицы (фасты) на стыке IV и III веков до н. э., могли, со своей стороны, познакомить с ними римлян.

Очень возможно, и даже вероятно, что эти истории, как и «Анналы» Фабия Пиктора, были написаны на греческом языке — этрусками или греками. Легенды об основании Рима, в особенности те, где оно связывалось с прибытием Энея и троянцев в Лациум, на протяжении III века до н. э. стали излюбленной темой для целой толпы *Graeculi*, изощрявшихся в изобретательности, которых мы знаем только по имени — Диокла Пепаретского или Деркилла¹⁰¹. Однако бывший среди них Проматион, упоминаемый Плутархом, автор «Истории Италии», представлял бы для нас непосредственный интерес. Вот как он рассказывал о чудесном рождении Ромула¹⁰²:

«У царя альбанского Тархетия, кровожадного деспота, случилось во дворце чудо: из середины очага поднялся мужской член и оставался так несколько дней. В Этрурии есть оракул Тефии. Он дал Тархетию совет соединить его дочь с видением, предсказывая, что у нее родится славный сын, богато наделенный нравственными качествами, счастьем и телесной силой. Когда Тархетию сказали об ответе оракула, он приказал исполнить проклятие одной из своих дочерей; но она оскорбилась и послала вместо себя рабыню. Узнав об этом, Тархетий в раздражении решил запереть обеих в тюрьму и казнить их; но Веста явилась ему во сне и запретила ему обгагрять кровью руки. Тогда он приказал заковать девушек и заставил их ткать, обещая по окончании ткань выдать их замуж. То, что они успевали соткать днем, Тархетий приказывал другим девушкам распускать ночью. Когда у рабыни родились двое близнецов, Тархетий отдал их какому-то Тератию с приказанием убить, но тот унес их и оставил на берегу реки. Часто приходившая сюда волчица кормила их молоком, разные птицы носили малюткам пищу и клали ее прямо им в рот. Наконец детей нашел пастух. Удивленный, он решился подойти ближе и взял их с собой. Таким образом, они были спасены и, выросши, напали на Тархетия и победили его».

В этой странной сказке можно распознать вариант, вернее, первый набросок, отринутый потомством, предания о двух близнецах, брошенных в Тибр тираном, вскормленных волчицей и подобранных пастухом. Есть там и воспоминания о прже Пенелопы и этимоло-

гические изыскания о значении слова «Рим» на греческом (*rômè* — «сила»), что говорит об эллинском образовании автора, хотя само имя *Promathìon*, производное от *Prometheus* или дорийского *Promatheus*, указывает на происхождение этого Прометея. Отметим еще, что роль фаллоса в этом рассказе в точности такая, какую ему приписывают в рождении Сервия Туллия, и в этом находит выражение культ сексуальной энергии, широко распространенный среди италийцев. Но главное — этрусский характер имен, который проявился бы еще более четко, если бы они не были слегка искажены греческим языком Плутарха: Тархетий — говорит само за себя: нам известны Тарквитии в Вейях, Клузии, Сутри, Капене и особенно в Цере, где в одной гробнице есть множество надписей с именем *Tarchna*; Тератий — это, несомненно, Тарраций, Террасий или Тарруций, который изображается «богатым этрусском» в легенде об Акке Ларенции. Эти имена собственные говорят о попытке «этрускизировать» происхождение Рима: в Альба-Лонге правит этрусский царь, близнецов на берегу Тибра находит этрусский волопас. Более того, оракул, к которому Тархетий обратился за советом, тоже находился в Этрурии — на берегу моря, ибо там царила Тефида, жена Океана, или nereида Тефида, с которой ее часто путают. Точное место определить трудно, однако, если принять, слегка изменив, предположение Клаузена о том, что это был храм Фортуны в Цере¹⁰³, мы приходим к выводу, что эта Тефида — не кто иная, как nereида Левкотея, почитаемая в порту Цере — Пирги, где сейчас ведутся раскопки этого святилища¹⁰⁴. Судя по этрускомании автора и по тому, что он был прочно связан с Цере, вполне возможно, что Проматион был греком или эллинизированным этрусском из этого города, а его скабресный рассказ — одно из произведений этрусской литературы, которую предстояло изучать юным римлянам.

До сих пор мы могли судить о национальных источниках этрусской историографии только по сонму намеков, отголосков и предположений, но, по счастью, недавнее открытие доказало их реальность и уточнило их природу. В 1948 году Пьетро Романелли опублико-

вал результаты раскопок, которые он проводил еще в довоенное время в Тарквиниях, и предъявил эпиграфические фрагменты, обнаруженные на форуме этого города¹⁰⁵. Это части элогий (*elogia*), которые в Риме и в Италии обыкновенно высекали на основании бюстов или статуй магистратов или военачальников, рассказывая о деяниях этих людей и о их победах¹⁰⁶. Среди руин форума Августа, освященного во 2 году до н. э., нашли целое собрание элогий, посвященных великим людям Рима, легендарным и историческим — Энею, Аппию Клавдию, Марию и т. д. Точно так же на городских площадях некоторых колоний на Апеннинском полуострове, в частности в Помпеях и в Ареццо, обнаружили элогии, воспевающие подвиги Ромула, Фабия Кунктатора или Эмилия Павла. Странное дело: в Арретии, одной из двенадцати этрусских столиц, где правили предки Мецената, в начале I века н. э. забыли о своих героях и почитали только великих мужей из римской истории. Можно долго размышлять о причинах этого провала в памяти, который можно было бы объяснить исчезновением местной аристократии во время гражданских войн — выжили только те, кто, как Меценат, посвятил себя вместе с Августом созданию итальянского единства.

Совсем иначе обстояло дело в Тарквиниях: для *Elogia Tarquiniensia* характерно то, что они прославляют совершенно неизвестных нам героев этрусского происхождения, и это представляет для исследователей значительный интерес. Конечно, написаны они на латинском языке и в соответствии с римскими образцами, но совершенно очевидно, что их содержание черпается из национальных источников, из работ тех *auctores Tusci*, о которых говорил император Клавдий. Таким образом, древняя религиозная метрополия, носящая этрусское имя, стоявшая у истоков истории этрусков, давшая им религию, основавшая их империю, высоко ценила славное прошлое. За неприступными стенами дворцов — их легко представить, глядя на высокомерные фасады вечной Тосканы, — хранились семейные архивы, ревниво оберегаемые гордыней и благоговением. Они-то отрывочно и вышли на свет,

когда жители Тарквиний, пытаясь соперничать с Римом и поощряемые этрускологическими изысканиями императора Клавдия, решили в 40 году н. э. украсить собственный форум своим вариантом *Elogia* с форума Августа¹⁰⁷.

Точно так же, как в Риме эта серия открывалась с элогии Энею, в Тарквиниях она начиналась с элогии основателю города Тархону. К несчастью, надпись плохо сохранилась и не позволяет что-либо прибавить к легенде: под его именем можно разобрать только названия Этрурии и Тарквиний¹⁰⁸. Другая элогия, более полная, излагает в восьми строках деяния претора, то есть *zilath'a*, имя которого нам неизвестно, потому что верхняя часть камня отколота: он первым из этрусских полководцев повел войско на Сицилию и в награду за свои заслуги получил знаки триумфатора — скипетр, увенчанный орлом, и золотой венец¹⁰⁹. До сих пор ведутся споры о том, о каком морском походе, занесенном в анналы всеобщей истории, здесь говорится, — во всяком случае, это событие очень далекого прошлого. Утверждалось даже, что речь идет о незапамятном переселении этрусков из Малой Азии в Италию, с остановкой на Сицилии¹¹⁰. Событие относили к началу V века до н. э., поскольку в то время морская политика этрусков в Сицилийском проливе была особенно активной¹¹¹. Пытались его датировать и 414—413 годами, когда, откликнувшись на призыв афинян, осаждавших Сиракузы, этрусски отправили на Сицилию три корабля с пятьюдесятью гребцами и пехоту¹¹². Можно предположить, что так называемый претор из Тарквиний был главой наемников, которые в конце IV века до н. э. часто вмешивались в войну на Сицилии, где противостояли друг другу греки и карфагеняне¹¹³. Среди этих разнообразных гипотез сложно выбрать бесспорный вариант.

Для нас важно то, что перед нами фрагмент этрусской истории очень древнего периода, не имеющий никакого отношения к истории Рима или Греции. События излагаются исключительно с точки зрения этрусского народа, несмотря на то, что его войска входили в состав средиземноморских коалиций в V и IV веках до н. э.

Третий фрагмент¹¹⁴, не менее примечательный, прославляет человека, имя которого нам опять-таки неизвестно: одно из его имен, начинающееся на «С», читалось, вероятно, как «Сатурий» или «Сатурний»; зато его происхождение указано во второй строке прилагательным *Orgolaniensis*: он был родом из маленького городка в Норкии, в Средние века называемого *Orcle* или *Vicus Orclanus*; мы уже описывали выше его вырубленные в скалах гробницы, в 20 километрах к северо-востоку от Тарквиний¹¹⁵. Этот человек победил царя Цере, восторжествовал над Арретием в войне и захватил у латинов (или аретинцев) девять крепостей:

.....VSS.....VR....
ORGOL(ani)ENSIS
CAERITUM REGEM VI(cit
ARRETIUM BELLO.....
 De La)TINIS NOVEM O(ppida cepit

Эта надпись вновь переносит нас в героическую эпоху, когда Тарквинии, безо всякого чувства солидарности, которая якобы объединяла ее с Цере и Арретием, вели против других этрусских городов беспощадные войны, очень похожие на войны Рима со своими соседями в VI—V веках до н. э. На ум приходят фрески из гробницы Франсуа, где принцепсы из Вольци воюют с господами Вольсиний и Сованы, и текст интересен тем, что позволяет в некотором роде установить подлинность исторического события, отраженного на фреске, показав, что оно тоже было очень древним. Впоследствии ученые эрудиты, например Варрон или Клавдий, попытаются примирить эти специфические и разнородные данные с данными римской историографии.

Генеалогические древа

Таковы были некоторые из элогий, которые, во исполнение указа муниципального совета Тарквиний, однажды появились на форуме, чтобы продемонстрировать римской администрации — впрочем, вполне им

симпатизирующей в лице императора Клавдия, — что жители города не отреклись от своей национальной гордости. Пришлось заглянуть в архивы, которыми был набит таблинум каждого дома, и взять с вершины генеалогических древ, ветвившихся по стене атриума, старые надписи под портретами предков¹¹⁶. Этруская аристократия заботилась о своей родословной не меньше, чем Понтик из сатиры Ювенала:

Что из того, что в большущей таблице хвастливо укажешь
Ты на Корвина, сплетаясь на древе с иными ветвями,
Где потемнел уже конный начальник с диктатором вместе?¹¹⁷

Уже Персий, уроженец Волатерр, бичевал тех из своих сограждан, которые раздувались от гордости, потому что от них произрастала тысячная ветвь на тусканском генеалогическом древе: «*Stemmata quod Tusco ramum millesime ducis*»¹¹⁸.

Не было ни одного этруска благородного происхождения, который не обладал бы такой родословной. Сам Меценат, казалось бы, лишенный тщеславия, имел свое генеалогическое древо в атриуме виллы на Эсквилине, и поэты, которых он там привечал, с почтением поглядывали на него. Когда Гораций в «Одах» и Проперций в «Элегиях» воспевали царскую кровь, текущую в его жилах (*Maecenas atavis edite regibus*¹¹⁹), это не являлось голословным утверждением: они проследили родословную своего патрона по ветвям от надписи к надписи вплоть до тех самых Цильниев, которые в IV веке до н. э. правили в Арретии, и тем более прочувствовали величие его происхождения, что сам Меценат никогда его не афишировал. Гораций, сын вольноотпущенника, был благодарен ему за то, что тот не презирал его за низкое происхождение:

Нет, Меценат, хоть никто из лидийцев не равен с тобою
Знатностью рода — из всех, на пределах Этрурии живших,
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были
Многие в древнее время великих вожди легионов:
Нет! ты орлиный свой нос поднимать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!

*...avis tibi maternus fuit atque paternus
olim qui magnis legionibus imperitarent*¹²⁰

«Предки твои, по отцу и по матери, были многие в древнее время великих вожди легионов» — эти две строки охватывают собой всё генеалогическое древо Мецената, сведя к общему смыслу все подробности войн, расписанные в обстоятельных *elogia*.

Меценат

Мы впервые упомянули о Меценате, однако в конце нашего исследования об этрусской культуре следовало бы подробнее остановиться на этой выдающейся и непростой личности, сыгравшей столь важную политическую роль и оказавшей большое влияние на литературу, приводившей в замешательство как римлян, так и тот загадочный народ, что ее породил. Действительно, кажется, что некоторые его пороки и добродетели, во всяком случае большинство его причуд, можно объяснить наследием дальних предков, лукумонов Арретия. Вернее, можно представить его прекрасным образцом того, что могла породить *in extremis* этрусская аристократия в тот момент, когда, исчезая как таковая, она растворялась в новом италийском правящем классе, при этом не теряя своих отличительных черт и, так сказать, своего внешнего налета, не теряя своей жизненной силы под грузом прошлого и сознания того, что ее род уходит в небытие. Какая великолепная выдумка Истории: дать в союзники Августу для создания Империи двух верных соратников, но совершенно разных людей — плебея Агриппу, энергичного воина с вечно насупленными бровями, скорее неотесанного, чем утонченного, как пишет о нем Плиний¹²¹, и потомка царского рода из Тускании!

Больше всего в человеке, которого Август «в пору гражданских войн поставил во главе Рима и всей Италии»¹²², современников поражало то, что он, обладая реальной властью, отвергал ее внешние проявления. Агриппа несколько раз становился консулом и даже, женившись на Юлии, дочери Августа, он получил *imperium* проконсула и власть трибуна. Меценат никогда не просил для себя государственной должности

и довольствовался туникой и золотым кольцом римских всадников. «Он был не менее дорог принцепсу, чем Агриппа, — говорит Веллий Патеркул¹²³, — но получил меньше почестей и всю жизнь довольствовался положением всадника. Он мог бы столь же возвыситься, но не желал этого».

Такое отношение похоже на то, которое Цицерон подмечал уже у римских всадников времен трибуна Друза¹²⁴, в том числе у некоего К. Мецената, возможно, деда по отцу нашего Мецената: они отказались войти в сенат, заявив, что предпочитают остаться в сословии своих родителей и вести спокойную и мирную жизнь вдали от бурь, вызванных ненавистью людской¹²⁵. Такая сдержанность аристократии из итальянских городов, входившей в сословие всадников благодаря своему состоянию и чужающейся почестей, связана с ее принципиальной враждебностью к политике Гракхов и их последователей (мы не будем касаться здесь этой проблемы). Ясно, что два поколения спустя Меценат стоял на таких же позициях, делая вид, будто не ищет государственных должностей. Проперций ставил ему это в достоинство как философу, мудрецу, выбравшему «скромную безвестность»¹²⁶. М. П. Боянсе видел в нем «горделивую скромность наследников знатных родов», которые с колыбели, казалось, были пресыщены официальными должностями и считали себя «выше всего, чем их могли наделить». В Меценате было всего этого понемногу.

Вот только, хотя Меценат заявлял, что посвятил себя управлению своим огромным достоянием, своими виноградниками и садами, эта «скромная безвестность» вовсе не была синекурой. Тридцать пять лет он был вернейшим помощником Августа, самым бдительным, самым полезным, кому император поручал заменять его у кормила власти в свое отсутствие. Стоит в нескольких словах напомнить о его таланте дипломата, политическом реализме, хладнокровии и человечности. Гораций писал:

Здесь Мецената с Кокцием мы поджидали приезда.
Оба отправлены были они с поручением важным;
Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы¹²⁷.

Соперничество между Антонием и будущим Августом не раз дало Мecenату возможность проявить свой дар примирителя; во время памятного спора с Агриппой он посоветовал государю не тешится химерами прошлого, а создать учреждения, лучше приспособленные к размерам Империи¹²⁸; он не раз заставлял раздраженного Августа проявить милосердие¹²⁹; наконец, помогая поэтам — Вергилию, Горацию, Проперцию — раскрыть их призвание, он направлял их талант на служение государственному идеалу¹³⁰.

Все это говорит о высоком уме, врожденной деловой жилке и интуитивном знании людей. Хотя «римская революция»¹³¹, которая привела Августа к власти, была совершена «новыми людьми», Мecenат был «новым человеком» только для Рима: за ним стояли несколько веков политической цивилизации.

Но с какой небрежностью, истинной или напускной, выполнял он свои неисчислимыe обязанности! Такое впечатление, будто он делал одолжение государству, и римлянам не нравилось, что он не делал вид, будто полностью погружен в государственные дела. Своими манерами рассеянного и снисходительного вельможи он немного напоминает графа Моска дела Ровере Соредзана из «Пармской обители», и когда Гораций впервые предстал перед Мecenатом, его чувства не слишком отличались от впечатления графини Пьетранера, встретившей в ложе Ла Скала пармского министра: «Откровенность, *disinvoltura*, с которой говорил этот министр столь грозного монарха, затронула любопытство графини: она ожидала встретить в этом сановнике чванного педанта, а увидела, что он стыдится своего высокого положения»¹³².

Он делал вид, будто ищет лишь наслаждений, причем самых утонченных, и потому общественное мнение не спускало с него глаз. Республиканская оппозиция не упускала ни одного случая оклеветать «серого кардинала» императора Августа. Философы-стоики, чувявшие в нем эпикурейца — если не в теории, то на практике, — яростно клеймили память о нем. Наверняка он не был лишен пороков, свойственных его времени. Но самым нестерпимым в его поведении, по мнению Сенеки, не

упускавшего ни малейшей возможности его очернить, было *vitia sua latere noluit* — «нежелание скрывать свои пороки»¹³³.

Гедонизм Мецената имел, по крайней мере, то преимущество, что, внешне концентрируясь на удовольствиях, он предоставил своим добродетелям непосредственность и скромность. Для стойка нравственность заключалась в усилении: это упражнение с гантелями, при котором воля должна тяжело дышать и отдуваться. У Мецената же наслаждения порой несколько натужные, зато добрые чувства, облаченные в стыдливость и сдержанность, развиваются естественным образом. Он был невероятно предан своим друзьям, но при этом слово «верность» ни разу не произносилось.

Особенно часто его упрекали в том, что он носит слишком просторные одежды. Не стоит удивляться — детали костюма и вопросы морали часто связаны между собой. В XVII веке в Англии конфликт между пуританами и кавалерами внешне проявился в прозвище «круглоголовые», которым наделили первых, и в требовании для себя права не стричь волос со стороны вторых. В Риме вступали в схватку из-за размеров тоги. В середине I века до Рождества Христова в моде произошла революция, которая сегодня дает археологам способ датировать барельефы¹³⁴, но в те времена разделила общество на два лагеря. Вместо узкой тоги (*toga exigua*), царившей в древности, римские денди ввели в обиход более просторную тогу, многочисленные складки которой шокировали здравомыслящих людей. Суровый Агриппа остался верен узкой тоге, но вся молодежь, крутившаяся вокруг легкомысленной Юлии, щеголяла в широких тогах. Меценат пошел еще дальше. Он заменил римскую тогу греческим паллием, принесенным в Рим чужеземцами, актерами и учителями, и этот плащ, свободно наброшенный поверх неприталенной туники, казался символом всяческой распущенности. Сенека не называет его иначе как *discinctus* — «распоясанным». «Меценат, — пишет он, — от природы был велик и мужествен духом (*nisi illud secundis rebus discinxisset*), — да только распустил его вместе с собою»¹³⁵. Но если бы он был стойким и носил

узкую тогу, то, вероятно, его пороков никто бы и не заметил.

Странно, что, нападая на «изнеженность» Мецената, упрекая его за пурпурные ткани, которые он так любил носить, за носилки из перьев, на которых он передвигался, за небрежную походку, за бассейны с теплой водой, в которых он купался, за мясо ослят, которое он ввел в моду, за страстную любовь к актеру Батиллу, даже за неверность его жены Теренции¹³⁶, его преследователи ни разу не вспомнили о его происхождении и не подхватили традиционных обвинений греков и римлян в адрес этрусков. Мы уже сказали вначале, почему так могло быть, но надо признать, что Меценат обладал некоторыми чертами, присущими лукумонам эпохи упадка, которые беспечно возлежат на крышках саркофагов из Кьюзи и Тарквиний. А из эпиграммы, посвященной ему Горацием, можно даже заключить, что он был довольно тучен¹³⁷.

Дионисий Галикарнасский говорит, что своим образом жизни этруски отличались ото всех прочих народов: это правда и в отношении Мецената, бравировавшего общественным мнением. Он не только носил паллий, но и, как утверждают, особым образом покрывал им голову, оставляя открытыми только уши, и в таком виде появлялся на разных церемониях. По словам Сенеки, это делало его похожим «на беглых рабов из пантомим, которые пытались таким образом скрыть свое лицо»¹³⁸. На самом деле, это карикатурное изображение, каких во все времена удостаивались государственные деятели, будь то Мазарини или Луи Филипп. Недоброжелатели приписали характер привычки нелепому виду, в котором Меценат был вынужден лишь однажды появиться на людях из-за болезни, зябко кутаясь в складки туники или защищаясь ими от палящего солнца. Нетрудно догадаться, что Меценат был некрепкого здоровья — его постоянно мучили приступы лихорадки, и Плиний говорит, что в последние три года своей жизни он не мог сомкнуть глаз и на час¹³⁹. В прекрасной фразе, напоминающей на сей раз не столько Стендаля, сколько Шекспира, Сенека показывает нам его «потерявшим сон от любовных переживаний и огорчений

ежедневными отказами капризной своей жены, так что он пытался усыпить себя с помощью мелодичных звуков музыки, тихо доносящихся издалека» (на латинском эта фраза звучит красивее: *per symphonicarum cantum ex longinquo lene resonantium*¹⁴⁰). При упоминании о незримых симфониях, доносившихся из-за цветников в садах Эсквилина, чтобы успокоить натянутые как струна нервы несчастного лукумона, нельзя не вспомнить о том, какое место занимала музыка в цивилизации, наследником которой был Меценат.

Да, это был оригинал, и Август обращался к нему именно как к оригиналу, впрочем, нежно любимому (ибо он знал о достоинствах Мецената и помнил о том, чем ему обязан), например, в этом письме, где он слегка посмеивается над его утонченным пристрастием к драгоценным камням и редкостям: «Прощай, мое эбеновое дерево Медуллии, моя слоновая кость Этрурии, мой сильфиум Арретия, мой бриллиант Адриатики, моя жемчужина Тибра, изумруд Цильниев, яшма Игувии, берилл Порсенны, карбункул Италии — короче говоря, подстилка куртизанок»¹⁴¹.

Труды Мецената

Особенно ярко странности Мецената проявляются в его литературных трудах — ибо Меценат считал себя писателем. Конечно, он не обольщался по поводу своего таланта. Он окружил себя более великими поэтами, угадав в них, поощрив, предпочитая даже собственным пристрастиям, классический гений, простую величественность, естественность и вкус. И эти поэты, не скупившиеся на похвалы вельможе, политику, приветливому и скромному другу, обходили молчанием литератора, что о многом говорит. Этой темы избегали. Тем не менее Меценат продолжал писать, в стихах и в прозе, эпиграммы, диалоги, «Пир», «Прометей» и «De Cultu suo»: это заглавие так и тянет перевести «О культе своего Я», но на самом деле это означает «О моем образе жизни». Во всяком случае, дошедшие до нас фрагменты его творений ничем не напоминают античную литературу.

Удивляет невдохновенность автора: о ней сложно судить по тем обрывкам, которыми мы располагаем. Но и в них ярко проявляется неугасимая любовь к жизни. В то время как все философские школы, от самых героических до самых циничных, утверждали, что смерть не есть зло, он твердил, что смерть, даже самая славная, даже дарующая бессмертие, есть худшее из зол, а жизнь, даже самая жалкая, даже ущербная — самая большая ценность. «Что мне гробница моя? (*nec tumulum curo*) Похоронит останки природа!»¹⁴² — заявлял он. В основном известны четыре бурлескные и мрачные строки, пересыпанные одновременно редкими и разговорными выражениями, не вполне передаваемыми при переводе:

Пусть хоть руки отнимутся,
Пусть отнимутся ноги,
Спину пусть изувечит горб,
Пусть шатаются зубы, —
Лишь бы жить, и отлично все!
Даже если и вздернут
На крест, — жизнь сохраните мне!¹⁴³

Возмущала форма стихов; Август считал ее верхом вычурности и дурного вкуса и развлекался тем, что пародировал «надушенные папильотки» своего дорогого Мецената. Сенека видел в ней зеркальное отражение его нравов: «Разве речь его не была такой же вольной и распоясанной, как он сам? Разве его слова — под стать его одежде, слугам, дому, жене — не должны были больше всего удивлять?»¹⁴⁴ Недавно Мецената как писателя попытались реабилитировать, представив его предшественником барокко¹⁴⁵. Скажем так: современная поэзия определенного толка могла бы подобрать ключ к его герметизму.

Отрывки из «Прометея» и «De Cultu suo» дошли до нас благодаря Сенеке. Сразу видно, что это стихотворения в прозе и что «невнятная речь, как у пьяного», за которую упрекали Мецената, заключалась в том, что он доводил до крайности те вольности, что обычно прощали поэтам. Конечно, несправедливо корить его за строчку из книги «Прометей» — «Вершины сама их высота поражает громом», — заявляя, что следовало сказать: «Удары

грома поражают вершины»¹⁴⁶. Эти фрагменты как будто состоят из коротких частей фразы с непонятным и жестким синтаксисом, безо всяких предлогов, а образы выражены окказионализмами, которые можно встретить разве что в его произведениях да в вульгарной латыни. Если в сатирически окрашенной отрывке текста влюбленный подмигивает женщине — «он сморщился от мигания» (*cinno crispat*); если он срывает поцелуй — «он клюнул ее в губы по-голубиному» (*labris colombatur*), «голубнул»: глагол был специально выдуман для такого случая. Меценат любил развивать метафоры, чего не одобряли ревнители латинского языка. Описывая прогулку на лодке между зеленых берегов, он говорит о садах, отражающихся в воде, но посмотрите, как он это делает: *alveum lintribus arent verosque vado remittant hortos* (здесь сослагательное наклонение). Он берет эпическое выражение «бороздить море» (*aequor arare*) и применяет его к руслу реки (Тибра), возвращая ему прямой смысл — «пахать» — «своими лодками они вспахивают русло реки», — но затем искусственно развивает ту же мысль: «и когда они вывертывали пласты воды — *verso vado* (ведь говорят, что плуг вывертывает пласты земли — *terram vertit*), то заставляли отражаться в них сады».

Понятно, что такая мания метафор часто порождает настоящие ребусы. Один из них, довольно любопытный, так до конца и не был понят: «*Irremediabilis factio rimantur epulis lagonaque temptant domos et spe mortem exigunt*». Что это значит? Ключ к загадке спрятан в словах *mortem exigunt*, восходящих к устойчивому выражению *exigere vitam* — «проводить жизнь». Банально было бы сказать, что живые проводят жизнь в надежде — здесь игра слов намекает на тех, кто проводит в ней свою *смерть*, то есть на манов.

Согласно древнему поверью, на некоторых праздниках — во время Анфестерий в Афинах и Лемурий в Риме — маны или души умерших приглашались вновь посетить свои прежние дома, а потом, когда они отведали пищи, специально приготовленной для них, *pater familias* изгонял их с помощью специального ритуала¹⁴⁷. Многие были убеждены, что привидения постоянно бродят поблизости от домов, пытаясь проникнуть в них

ночью и насытиться остатками пищи. Во время Мецената был очень распространен особый тип мозаики, так называемая «неметеная комната» (*assar tos oikos*): на полу выкладывали изображения куриных и рыбьих костей, пустых ракушек и огрызков фруктов, которые хлебосольный хозяин якобы оставил на земле для теней, которые явятся ими поживиться¹⁴⁸. Именно этот зловредный народец призраков и привидений министр внутренних дел императора Августа называет здесь термином, взятым из политического лексикона — «фракция», «партия», «сговор», — а в качестве определения использует неологизм, который ему, вероятно, подсказали длинные прилагательные *irremeabilis*, *inextricabilis*, употребленные Вергилием при описании Ада. Во всяком случае, именно у Вергилия Меценат взял *rimantur epulis* («ищут свою пищу») — в «Энеиде»¹⁴⁹ так сказано об орле, клюющем печень прикованного Титана: *rimaturque epulis*. Но странное дело: дательный падеж Вергилия (*epulis=ad epulas*) не был понят подражателем, который, посчитав его отложительным падежом, соединил его с *lagona*. Если добавить к этому, что собирательное существительное *factio* без труда сочетается с глаголом во множественном числе, а духи были не прочь не только поесть, но и выпить (вот почему вместо благородного канфара мозаик здесь появилась вульгарная бутылка — *lagona*), перевести всю фразу можно легко: «Неотвратимая фракция, падкая до еды и выпивки, рыщет вокруг наших домов и проводит свою смерть в надежде».

В целом, допуская, что Меценат не придавал слишком большого значения этим играм, все это согласуется, хотя бы в основных чертах, с нашим представлением о нем: утонченная, почти болезненная чувствительность, ловящая отражение листвы в воде, приглушенные звуки, доносящиеся с полей, признаки вездесущности умерших в повседневной жизни; непринужденность, когда о самых важных вещах говорят шутливым тоном, а государи время от времени позволяют себе вставить в речь жаргонное словцо (кстати, латинская сатира всегда смешивала разговорный стиль с высоким); тонкий ум, улавливающий тайные связи между вещами и, в сочетании со странным презрением к классическому синтаксису, приводящий к

непостижимости, в чем с ним мог соперничать только один поэт (неужели это простое совпадение?) — сатирик Персий, самый сложный из латинских поэтов, этруск по рождению и воспитанию.

Следует ли приписать все эти чудачества этническому атавизму, наследственной культуре и любви к роскоши, вырождению нации? Возможно. Однако, изучив недостатки или смешные стороны Мецената, не следует забывать и о его достоинствах: этот мудреный писатель «для души» с чутьем провидца угадывал в других подлинный литературный дар, этот эгоистичный и ленивый жуир проявлял верность и постоянство и давал человеческие и мудрые советы. Если попытаться вместо заключения свести все самое важное в один образ, можно представить себе умного и преданного дилетанта, который умел, когда того требовали обстоятельства, «препоясать чресла», неутомимо мерил дороги Италии, стараясь примирить рассорившихся друзей, тряся по мостовой Аппиевой дороги, сопровождаемый всеми великими поэтами своего времени, которые шли пешком или скакали верхом у его повозки. Давайте сменим эпоху: мы узнаем его, с неизбежными поправками, в образе какого-нибудь римского или флорентийского прелата, деятеля Контрреформации, кардинала Сципионе Боргезе или Антонио Барберини, в пурпуре и круглой шапочке. Он покровительствовал бы художникам своего времени, велел бы выстроить множество прекрасных барочных храмов и сочинял бы поэмы на мифологические сюжеты в прециозном стиле кавалера Марино. Но главное — он разрешал бы конфликты между людьми с той мудрой осторожностью, с тем искусством не погубить главное неразумным вниманием к второстепенному, с тем талантом *combinazioni*^{*}, который очень долго воплощал собой лучшую из итальянских политических традиций и часто оказывался единственным способом устранить вред, нанесенный миру непримиримостью или жестокостью Савонаролы или Борджиа, Брута или Антония. Говоря это, мы не слишком удаляемся от этрусков, ибо, как уже было сказано, когда ищешь этруска — находишь итальянца.

* Комбинирования (*ит.*).

В самом начале мы говорили (и наше исследование убедило нас в этом), что этрусская цивилизация, которую мы попытались воссоздать в ее конкретной обстановке, своеобразных чертах и повседневных проявлениях, — всего лишь один момент, хотя и продолжительный, один из самых древних, блестящих и богатых по своим последствиям, в истории италийских цивилизаций. Так в глубине души считали и сами римляне: несмотря на все, что удивляло их в конце эпохи Республики в нравах этого народа, слышущего странным, несмотря на легенды, окутывающие его происхождение, Тит Ливий никогда не сомневался в италийском происхождении Танаквили¹; Варрон или Веррий Флакк часто возводили свою этрусскую этимологию к тем, кого они называли просто *antiqui* — «древние»². Чувство глубокой сыновней признательности понемногу пришло на смену враждебным предубеждениям, изначально заимствованным римлянами у греков.

Нам кажется, что необычность этрусков связана не столько с расовым отличием, сколько с временным разрывом. Мы описали архаичную цивилизацию, напоминающую уходящий под воду материк, на котором, несмотря на натиск волн со всех сторон, упорно придерживаются традиционного образа жизни. Социальная структура, отношения полов, знаки власти, некоторые детали костюма гораздо дольше сохраняли там свой первозданный вид.

Совершить путешествие из Рима в Тарквинии или Клузий для римлянина означало, должно быть, попасть в своего рода заповедник средиземноморских древностей. Там еще размахивали двулезвийной секирой Миноса, а «Федру» играли в нарядах эпохи Еврипида. Политическое развитие и аграрные реформы постоянно тормозились природным консерватизмом этрусков.

Однако эта верность давнему прошлому вовсе не была косностью — напротив, она была чрезвычайно активной и живой. Когда чудесное обогащение расширило горизонты этрусков, они обратились в восторженных почитателей Греции, сделавшись самыми пылкими ее проповедниками в Италии. Сами греки считали этрусков варварами, в прямом смысле этого слова, поскольку те не говорили на языке Гомера, однако они стали самым эллинизированным народом Востока и Запада. Геродот рассказал нам о судьбе двух высокородных скифов — Анархасиса и Скила, которые тайно приносили жертвы Кибеле и Дионису, а самым большим счастьем для них было приехать в греческую колонию на побережье Черного моря, скинуть свой национальный костюм и нарядиться греками; так продолжалось до тех пор, пока на них не донесли и не предали их смерти³. Но эллинофилам Этрурии скрываться было незачем — напротив, весь народ почитал за счастье жить на греческий манер, набрасываясь на любую продукцию мастерских Ионии и Афин и перенимая их последние технические достижения. Этрурия стала главным рынком сбыта аттической керамики, приняла без колебаний прямоугольные планы эллинских градостроителей, оказала самый восторженный прием проповедникам греческих мистерий. Доходило до того, что зачастую повседневная жизнь этрусков напоминала повседневную жизнь в Афинах. Но мы все же постарались показать, что именно в этруском темпераменте не поддавалось полной ассимиляции.

Наследники доисторического мира, страстные последователи греков, этруски были также учителями Рима, а следовательно — творцами будущего. Мы постарались как можно подробнее рассказать о том, чем был обязан Вечный город в области государственных институтов,

религии, церемониала и литургии не только тем людям, которые правили им и по-настоящему основали его, но и тем, кого он затем подчинил своей власти, и благодаря кому, за несколько веков борьбы и взаимообмена, сумел выстроить свою собственную цивилизацию. Тем не менее, возвращаясь к истокам этих заимствований, мы ставили себе целью не столько подтвердить присутствие Этрурии в римском мире, сколько определить изначальные формы этрусской государственности, доселе нам неизвестные. Триумфы в Риме эпохи Республики сообщают нам кое-что, являясь их отражением, об этрусских триумфах, о которых мы практически ничего не знаем непосредственно.

Наконец, важное место в данной работе мы отвели интеллектуальной жизни этрусков; раз они были настолько богобоязненны и так глубоко увлечены искусством, с нашей стороны было бы непростительно пренебречь важным аспектом их повседневной жизни и не пытаться выяснить, что представляла собой литература этого народа. Один из наших предшественников заявил, что о жизни низших классов в Этрурии ничего не известно⁴: мы попытались с помощью эпиграфики пролить кое-какой свет на эту загадку. Мы признаем, что наше описание неполно, но все же надеемся, что оно поможет лучше понять в контексте истории древней Италии одно из ярчайших проявлений ее гения, живущего вне времени и пространства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Восемнадцать лет исследований в Этрурии

Если бы мы решили переписать эту небольшую книгу в 1979 году, то внесли бы в нее не так много изменений и нам нечего было бы добавить к уже сделанным выводам. Между тем итальянские этрускологи во главе с М. Паллоттино, сотрудничавшие с иностранными научными учреждениями Рима, в особенности с Французской школой, вели напряженную работу. Были сделаны многочисленные открытия, размышления о хронологии и значении древних и недавно полученных данных не прекращались. И все же в целом они ничего не меняют. В глазах абсолютного большинства историков этруская цивилизация остается первой великой цивилизацией, возникшей на территории Италии, а от тезиса о восточном происхождении этого народа отказались практически все. Этрусский язык, несмотря на кое-какие подвижки в его изучении, остается загадкой. Отношения между классами господ и слуг, похоронные ритуалы, выдающееся положение женщины в обществе, важное место, которое этруски отводили играм и пирам, — в описание этих аспектов не привнесено ничего нового. Но поскольку данная работа была оценена как полезный справочник специалистами (см.: *Pallottino M. Stud. Etr. XXX. 1962. P. 383—385*) и любителями, было бы несправедливо не поставить последних в известность об открытиях, порой ставших сенсацией, и не сообщить им о том, каким образом они могли бы пополнить свои знания, если пожелают. Впрочем, мы уже подводили итог новым исследованиям об этрусках в двадцать четвертом выпуске «Вопросов археологии» («*Dossiers de l'Archéologie*»)(сентябрь—октябрь 1977 года).

Все больше историков склоняется к выводу о том, что представители цивилизации Виллановы были протоэтрусками и что их национальное самосознание полностью проявилось только к концу VIII века до н. э., с возникновением письменности и проникновением в Этрурию восточного влияния (о смене цивилизаций на территории Вольсиний, в окрестностях Больсены, см. диссертацию Р. Блока, изданную в Париже в 1972 году). Кстати, оказалось, что крупные очаги виллановийской цивилизации к югу от Рима, в Кампании и Лукании, подготовили почву для возникновения этрусской южной провинции: раскопки, проводящиеся с 1961 года в некрополях Капуи, позволили заключить, что основание этого великого города относится к IX веку до н. э. В Понтеканьяно, неподалеку от Салерно, на территории большого кладбища, использовавшегося с IX по V век до н. э., были обнаружены две гробницы в восточном стиле, с многочисленными сереб-

ряными и бронзовыми вазами и даже с серебряной чашей с иероглифической надписью финикийского происхождения (сейчас она находится в музее Пти-Пале в Париже). Эти гробницы можно назвать «княжескими» по аналогии с гробницами в Цере и Пренесте.

Торговля с восточными странами и Грецией давала обильные всходы на берегах Италии начиная с бронзового века: множество черепков от микенской керамики было найдено в Апулии, на Сицилии (Фапсос), на Эолийских островах (Липари), на Искье и во внутренних областях Италии — в Тарквиниях и Луни-суль-Миньоне (см.: *Heurgon J. Rome et la Méditerranée occidentale*. Paris, 1969. P. 120—124). Процесс ориентализации и эллинизации этрусков стал проводиться все настойчивее, не встречая сопротивления, с расширением греческой колонизации в VIII веке до н. э. Прекрасный пример тому был найден при исследовании торгового центра и святилища, основанных греками в конце VII века неподалеку от порта Грависка: среди даров археологи обнаружили в 1970 году полуколонну из мрамора высотой 1,15 метра, на одной из сторон которой буквами архаического греческого алфавита была нанесена надпись (окончание ее, к сожалению, не сохранилось, поскольку кусок камня откололся): «Я принадлежу Аполлону Эгинету. Меня велел изготовить Сострат, сын...» Несмотря на то, что окончание прочитать невозможно, это приношение Сострата божеству с острова Эгина (в Сароническом заливе, к юго-западу от Афин) вызывает в памяти слова Геродота (VI, 152): говоря о торговцах с Самоса, которых привлекали в Южную Испанию, за Геркулесовы столпы (Гибралтарский пролив), сказочные богатства царства Тартесс, он пишет: «Из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня об этом есть достоверные сведения) больше всего прибыли, *исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца* (с ним-то ведь никто другой в этом не может состязаться)». Нет сомнения в том, что Сострат из Грависки, поклонявшийся Аполлону Эгинету, и Сострат Геродота, также эгинец по рождению, — одно и то же лицо. У этого античного Рокфеллера был свой торговый склад в Грависке, а благодаря храму Геры, в котором также поклонялись Афродите, Деметре и Аполлону, в соседние Тарквинии проникали греческие религиозные культы, вазы и прочие чудеса цивилизации (*Torelli M. La Parola del Passato*. XXVI. 1971. P. 44—67; XXXII. 1977. P. 398—485).

Но греческие торговцы времен «золотого века этрусской истории» столкнулись с конкурентами из другой морской державы — Карфагена, который, вступив в союз с этрусками, старался перекрыть Греции дорогу на Запад. Мы уже упоминали о том, что этрусско-пунический флот встал на пути экспансии Фокеи — города в Малой Азии, основавшего около

600 года Марсель (*Morel J.-P. Les Phocéens en Occident // La Parola di Passato. XXI. 1966. P. 328—420*). Проиграв битву при Алалии (535 год до н. э.), фокейцы были изгнаны с Корсики, где они обосновались, и остров стал владением этрусков (*Jebasse J., Jebasse L. La nécropole préromaine d'Aléria. XXV suppl. A Gallia, 1973*).

Подтверждением связей Этрурии с Карфагеном, ничуть не мешавших процессу эллинизации, стало обнаружение в 1964 году в Пирги, порту города Цере, между двумя храмами, стоящими лицом к морю (первый, северный, датируется 480—470 годами до н. э. и посвящен Юни (Юноне, Гере), второй, южный, относится к концу VI века до н. э.), в тайнике, сохранившемся после разграбления святилища в 384 году до н. э. Дионисием Сиракузским, трех золотых пластинок: на одной была надпись на пуническом языке, на двух других — на этруском. Эта невероятная находка потрясла этрускологов: там сообщалось, что в какой-то момент в начале V века до н. э. некий Тефарий Велиан, которого пуническая (но не этрусская) надпись называет «царем Цере», совершил в храме Геры приношение пунической богине Астарте. С результатами раскопок в Пирги можно ознакомиться в «*Notizie degli Scavi*» (приложение II, том 2. 1970). Они представляют собой огромный интерес как с исторической точки зрения (переход в Цере от монархии к диктатуре), так и с художественной (прекрасный терракотовый фронтон второго храма) и религиозной (А. Й. Пфиффиг, Р. Блох). Но главное — золотые пластины породили огромную надежду на то, что в руки ученых наконец-то попали двязычные записи, которые позволят одним махом раскрыть загадку этрусского языка. Пуническая надпись и одна из этрусских являлись подробным описанием церемонии приношения даров, в них кое-где встречались ценные эквиваленты, однако они не были дословным переводом друг друга, а всего лишь вольным изложением одних и тех же фактов. Теперь эти надписи называют «квазибилингвами». Разочарование — да, но предсказуемое.

За последние годы наши познания о языке этрусков обогатились новыми эпиграфическими текстами, которые дополнили собой второе издание (1968 год) «*Testimonia Linguae Etruscae*» М. Паллоттино. Среди наиболее значимых стоит отметить надпись на бронзовой пластине из Пирги, более древней, чем «квазибилингвы» (Т. Л. Е. 873), и надпись на свинцовой табличке из одного из храмов в Санта-Маринелла (Т. Л. Е. 878): кажется, что тщательные поиски извлекли на свет Божий все храмовые архивы. Среди серьезных исследований, посвященных этрускому языку, стоит отметить «*Die etruskische Sprache*» А. Пфиффига (Грац, 1969), «*La lingua degli Etruschi*» Р. Стаччиоли (Рим, 1970); «*Introduzione allo Studio dell'Etrusco*» М. Кристофани (Флоренция, 1973). Но в целом

М. Паллоттино подводит довольно пессимистичный итог в своей последней работе «Этрусский язык: проблемы и перспективы», где он анализирует причины, устанавливающие непреодолимые барьеры на пути изучения этрусского языка, и одновременно приводит точную картину достигнутых результатов. Предварительное лингвистическое исследование, с которого следовало начать, принесли в жертву нетерпеливому желанию «перевести». Именно с этой точки зрения были теперь сформулированы вопросы, обсуждавшиеся на пятилетних коллоквиумах во Флоренции, последний из которых, в 1974 году, был посвящен архаическому этрусскому языку: были последовательно рассмотрены алфавит, фонетическая система, ономастика и некоторые аспекты морфологии.

М. Кристофани и Г. Колонна посвятили дотошные исследования эвбейскому происхождению этрусского алфавита, пришедшему непосредственно из Кум или с Искьи, где надпись на кубке второй половины VIII века до н. э. воспроизводила гомеровские строки о Несторе, и самым древним надписям из Цере и Этрурии. К. де Симон, уточнив требования фонетики, искажавшие облик заимствований из греческого в этрусском языке (*Griechische Entlehnungen im Etruskischen*. Wiesbaden, 1968—1970), сосредоточивается, как истинный лингвист, на суффиксации имен существительных и на спряжении глаголов. М. Кристофани изучил в Орвьето (в котором теперь признают древние Вольсинии) ономастическую систему этрусков и переход от деноминации по индивидуальному имени (*velthur*) к добавлению к нему родового имени или наследуемой фамилии (*velthur spurinna*) и даже прозвища (в 1963 году Х. Рикс посвятил этрусским прозвищам классическую работу). Х. Рикс приписывал деноминацию по родовому имени римскому влиянию, и можно догадаться, какую важную роль сыграло это ономастическое нововведение в социальной истории и в развитии урбанизации Этрурии (см. мою статью в «L'Onomastique latine». Paris, 1977. P. 25—33). Отметим, что социально-экономической историей Этрурии занимались такие ученые, как Г. Колонна, М. Кристофани, М. Торелли, Бруно д'Агостино.

Если надписи на этрусском языке — кроме тысяч надгробных надписей — остаются неясными, то надписи на латыни, сделанные на заре эпохи Империи и рассказывающие об истории аристократических родов — *Elogia Tarquiniensia*, — были блестящим образом обновлены и дополнены М. Торелли в книге «Тарквинийские элогии», опубликованной во Флоренции в 1975 году. Торелли обнаружил в запасниках музея Тарквиний множество фрагментов мраморных досок, и без того небольших (40—50 сантиметров), разбитых на тысячи осколков, и, сложив головоломку, получил, например, такой текст элогии, приведенной нами в соответствующей главе в неполном виде:

aVLVS. SpuRINNAVelthVRis.f.
PR.III.ORGOLiuM.VELTHVRNE...ENSI....
CAERITVM.REGEMIMPERIO.EXPulit.XL....
(возможно, следует читать *EXPulsum...reduXIT*)
ARRETTVM.BELLO.SERVILL.vexatum liberavit
LATINIS.NOVEM.OPPIDA.....

Распри между правителями Цере и магистратами Тарквиний, восстание рабов, бушевавшее в Арретии, — это новая и очень ценная информация. Более того, М. Торелли удалось обнаружить в верхней части самых больших элогий имена людей, которых они прославляли: троих представителей рода Спуринна, чей знаменитый потомок, Вестриций Спуринна, стал сенатором во времена Клавдия и напомнил о великих деяниях своих предков в конце V — середине IV века до н. э. Но и это еще не всё: он расшифровал имя одного из преторов в гробнице Чудовицца. Нам стали известны три исторических лица, жизненный путь которых воссоздает неизвестные страницы в истории этрусской Италии IV века до н. э.

Историчность преданий, которые раньше не ставили ни в грош, таким образом, продолжает утверждаться. В 1977 году в Пти-Пале прошла выставка, познакомившая парижан с впечатляющими находками, сделанными в римском районе Сан-Омобано во время раскопок на Бычьем форуме и говорящими о большом влиянии этрусков в Риме; в этом же году М. Паллоттино дал прекрасный и исчерпывающий портрет Сервия Туллия в своей новой работе (*Comptes rendus de l'Acad. Des Inscr, 1977. P. 216—235*).

У этрускологии еще всё впереди.

Десять лет спустя

В последнее десятилетие этрускология бурно развивалась. Второй международный конгресс этрускологов (первый прошел в 1929 году) состоялся во Флоренции в мае 1985 года, и следующий год Тоскана посвятила выставкам и коллоквиумам в рамках «Этрусского проекта», о которых мы уже упомянули ранее.

Хотя таких сенсационных эпиграфических находок, как в Пирги, сделано не было, изучение этрусского языка продолжалось с методичным упорством: в 1978 году вышел «*Thesaurus Linguae Etruscae*», составленный г-жой Пандольфини под руководством Массимо Паллоттино. Это свод всех известных этрусских слов с их толкованием, приведенных в контексте; ведется работа над следующим томом, в котором будет содержаться перевод части словаря.

Археологическое исследование Этрурии также далеко продвинулось вперед, но уже в ином направлении, разви-

вая изучение социально-экономических проблем (выше мы кратко упомянули о том, что они заинтересовали некоторых этрускологов). Импульс этому направлению придало основание Р. Бьянки Бандинелли журнала «Dialogi di Archeologia». В 1970—1971 годах (IV, 1, 37—58) Кармине Амполо опубликовал в нем эпохальную статью «О некоторых социальных изменениях в Лациуме в VIII—V веках до н. э.». В ней он рассматривал определяющую роль знатных родов (*gentes*) в жизни городов — в Риме, а также в Пренесте, Капуе и Этрурии. Оттолкнувшись от «бесклассового общества», занятия земледелием и разработка рудников (см.: *L'Etruria mineraria*. Florence, 1981), экспорт продукции, импорт греческих и восточных товаров втянули Этрурию в систему товарообмена, прибыль от которого способствовала возвышению некоторых *gentes* и формированию аристократии или даже монархии.

Эту концепцию социальной эволюции протоисторического населения Этрурии подкрепили и проиллюстрировали неожиданные археологические данные. Они показывают, что с конца бронзового века, то есть примерно в 1000—900 годах до н. э., там существовала россыпь поселков, одни из которых господствовали над другими и уже имели своих вождей. Общество, которое мы считали пастушеским, кочевым и бесклассовым, на самом деле оказалось земледельческим, оседлым и иерархизованным (Ж. Р. Жанно). Так, в Луни-суль-Миньоне в области Тольфа, в глубине земель Тарквиний (там, кстати, нашли фрагменты микенских ваз), шведские археологи обнаружили протовиллановийский «длинный дом» — монументальное сооружение площадью 170 квадратных метров, которое хоть и было сложено из обтесанных камней, напоминало своей соломенной крышей несколько хижин (похожих на погребальные урны-хижины), стоящих бок о бок. Судя по всему, это было общественное здание, центр собраний маленькой общины, или резиденция ее вождя (*Ostenberg O. E. Luni sul Mignone*, 1967; *Hellstrom P. Id. II, 2*, 1979).

Внимание исследователей привлекли два более поздних поселения (VII—VI века до н. э.), в которых урбанизация сопровождалась утверждением аристократической формы правления. Раскопки в Аквароссе под Витербо (Южная Этрурия), ведшиеся с 1966 по 1978 год, выявили в агломерации домов преимущественно греческого типа несколько общественных зданий, одно из которых, в форме квадрата со стороной 12 метров, можно принять за «ратушу» или «дворец» городского правителя.

В Северной Этрурии, в Поджо-Чивитате рядом с Мурло в провинции Сиена, раскопки, проведенные американцами из колледжа Брин-Мор, позволили обнаружить группу строений, относящихся к двум эпохам: первые датируются приблизительно 650 годом до н. э., они сгорели в конце века; вторые, относящиеся к 600 году, были построены на месте первых, но с большим размахом. Теперь это был просторный двор с неболь-

шим культовым строением, окруженный четырьмя корпусами зданий с длиной фасада 60 метров. Поверх фасадов стояли многочисленные статуи (акротерии), полтора десятка из которых выглядят очень необычно: сидящие или стоящие фигуры с бородами и в странных ковбойских шляпах. Стены были фигурными панно с изображением процессий или пиров, но на одном из них — шесть божеств, восседающих на климосах*: их отождествили с Капитолийской триадой (Юпитер, Юнона, Минерва) и так называемой Авентинской триадой (Церера, Либер, Либера). Это загадочное строение, царская резиденция или святилище, похоже, служило столицей неизвестной федерации поселков этого региона. Возможно, ее исчезновение в конце VI века до н. э. связано с возросшим могуществом соседнего Клузия, правителем которого был знаменитый завоеватель Порсенна (*Stopponi S. P.* 64—154; *Nielsen E., Phillips K. M. Poggio Civitate // Not. Sc. XXX, 1976. P. 113—148; Recent. Excavations at Poggio Civitate, Studi e Materiali, VI, 1985; Gantz T. N. Divine Triads on an archaic Etruscan frieze plaque from P. C. // St. Etr. XXXIX, 1971, 3 sq.; Cristofani M. P. 131—138).*

Говоря об эпохе формирования городов, стоит упомянуть, поскольку Рим также был этрусским городом, о здании на форуме, называемом Регия, которое в эпоху Республики стало резиденцией жреца — *rex sacrorum*, во власти которого находились только анкилы — священные щиты, посвященные Марсу. Раскопки Ф. Е. Брауна в архаичных кульгурных пластах по-новому осветили эту проблему: если раньше считалось, что на этом месте были последовательно возведены несколько кульговых сооружений, то теперь историки пришли к очевидному выводу, что Регия изначально была царской резиденцией (*Brown F. E. New Soundings in the Regia // Entretiens de la Fondation Hardt, XIII, 1966, p. 47—60; La protostoria della Regia, Rend. Pont. Acc., 1974—1975, 15 sq.; Coarelli F. Il Foro Romano, I, 1986, 56—79).*

Протоистория Тарквиний также стала объектом плодотворных исследований. Нам были известны их некрополи, и Х. Хенкен в своей двухтомной работе «*Tarquinius, Villanovans and early Etruscans*» (Cambridge, Mass. 1968) превосходно описал гробницы и погребальную утварь, но о городе живых мы не знали почти ничего, хотя П. Романелли и начал раскапывать в 1938 году его часть, с храма *Ara della Regina* («Алтарь царицы»). Город стоял на двух смежных плато, идентифицируемых по остаткам окружавших их стен. К западу от плато *della Regina* простирается *Pian di Cività* (плато города), и именно здесь в 1982 году профессор Мария Бонги Джовино из Миланского университета начала раскопки. По обе стороны одной из улиц обнаружили строения, сооруженные на заре железного века и надстраивавшиеся

* Низкий стул с выгнутой спинкой и четырьмя крестообразно соединенными ножками.

в VIII—VII веках до н. э., и практически тут же — могила ребенка лет восьми в ритуальной позе: на боку с согнутыми ногами. Это показалось странным, ведь известно, что в доме, а не на кладбище, хоронили только новорожденных. Кроме того, на ребенке были драгоценные украшения, и похоже, что его могила впоследствии весьма почиталась: с расцветом могущества Этрурии вокруг нее образовалось своего рода святилище с прекрасными предметами из бронзы — топориком, щитом, трубой. Профессор Бонги Джовино предпочитает не выдвигать рискованных предположений, но нельзя не вспомнить легенду о Tagese — младенце, наделенном мудростью старца, вышедшем из борозды из-под плуга землепашца и предсказавшего этрускам их будущее. К тому же раскопки прояснили вид части *Pian di Civit *. На выставке, организованной в 1986 году в Миланском университете, было представлено всё, что нам известно об этой этрусской метрополии, в том числе каталог «*Gli Etruschi di Tarquinia*» («Этруски из Тарквиний»), составленный г-жой Бонги Джовино (см.: «*Tarquinia: ricerche, Scavi e prospettive*» — материалы семинара, проведенного в рамках выставки).

У нас нет возможности рассказать здесь обо всех изученных вопросах, вариантах ответов и гипотезах, выдвинутых за последние десять лет: археологи, как мы уже сказали, вели бурную деятельность. Обратимся в заключение к одному подзабытому вопросу, к которому вернулись теперь — и не безрезультатно.

Речь о надписи на Лемносской стеле. Эта несомненно этруская надпись высечена на лицевой и боковой сторонах надгробной стелы, на которой изображен в профиль воин с копьем; подобные находили в Ликии, Греции и самой Этрурии, однако несовершенство исполнения надолго заклеямило ее как «не греческую». Сверяясь с текстом Геродота, можно признать в этом воине героя сопротивления лемнийцев попыткам персов поработить их: эти события происходили во второй половине или последней четверти VI века до н. э. Объект посвящения (на греческом — *Hulaios*, на латыни — *Silvius*), магистрат из округа Гефестия, умер в 60 лет; возможно, он был родом из Фокеи. Тот, кто посвятил ему эту стелу, был неким *aker tavarzio* из округа Мирина — города на западном побережье острова; его имя встречается во Фракии (C.R.A.I. 1980, 578—600); иная интерпретация у Х. Рикса (*Gedenkschrift Brandenstein*, 1968. P. 213—222).

Что касается присутствия этрусков на Лемносе, то они не были его коренными жителями: есть множество указаний на то, что основным населением острова были фракийцы. Гомер, не знавший этрусков или тирренов, называет коренных жителей Лемноса синтийцами. Этруски, бывшие «частью народа пеласгов» (Фукидид), пришли туда только в VIII веке до н. э. Гелланик рассказывает о их прибытии с берегов Босфора (C.R.A.I., 1988).

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности (далее — Dion. Hal.), I, 30, 2.

² *Геродот*. История (далее — Hérod.), I, 94.

³ Тезис о восточном происхождении этрусков отстаивали П. Дукасти («Этрусский вопрос», 1938) и А. Пиганьоль («Этрусски — народ с Востока», 1953). Их оппонентом выступал М. Паллоттино (*L'Origine degli Etruschi*, 1947).

⁴ *Цицерон*. О дивинации (далее — Cic. De Div.), II, 50.

⁵ *Pallottino M.* Ibid. P. 152; *Altheim F.* Der Ursprung der Etrusker (1950). P. 34.

⁶ *Bloch R.* Le mystere etruscque, 1956. P. 216—217.

⁷ *Bayet J.* St. Etr. XXIV, 1955—1956. P. 5.

⁸ *Vallet G.* Rhegion et Zancle, 1958. P. 57.

⁹ *Heurgon J.* Capoue preromaine, 1942. P. 57.

¹⁰ *Heurgon J.* L Etat Etrusque, Hist., VI, 1957. P. 86.

¹¹ *Bloch R.* Les Origines de Rome, 1959. P. 98.

¹² *Mazzarino S.* Dalla Monarchia allo Stato repubblicano, 1946. P. 95.

¹³ Работа М. Паллоттино «Elementi di lingua etrusca», опубликованная в 1936 году, даже спустя 20 лет остается наиболее ясной и надежной разработкой по вопросу об этрусском языке. Тексты на этрусском языке собраны в «Corpus Inscriptionum Etruscarum» (С. I. E.), изданный несколькими выпусками в Лейпциге в 1919—1921 годах. Основные из них можно найти в «Testimonia Linguae Etruscae» (далее — T. L. E) М. Паллоттино (1954).

¹⁴ T. L. E., 142.

¹⁵ T. L. E., 129.

¹⁶ T. L. E., 136.

¹⁷ *Vetter E.* Gl., XXVIII, 1940. P. 168.

¹⁸ *Mazzarino S.* Hist., VI, 1957. P. 108.

Глава первая. ВНЕШНОСТЬ ЭТРУСКОВ

¹ *De Beer G.* Sur l origine des Etrusques // Rev. Des Arts, 1955. P. 139.

² *Wolstenholme G. E. W., O' Connor C. M.* A Ciba Foundation Symposium on Medical Biology and Etruscan Origins, 1959.

³ *Pallottino M.* L'Origine degli Etruschi. P. 130; *Neppi Modona A.* The Scientists' Contributions to Etruscology. A. Ciba Foundation Symposium. P. 67, bibliographie.

⁴ *Coon C. S.* The Races of Europe; De Beer G. Ibid. P. 143.

⁵ A. E. Pl. 116—119.

⁶ *Picard Ch.* La Sculpture antique, II, 1926. P. 325.

⁷ *Fischer E.* Rassenfrage de Etrusker, Sitzungsber. d. Preuss. Academ., Phys. Math. Kl., 1938.

⁸ *Bux E.* Die Herkunft d.Etrusker, Klio, XXXV, 1942. P. 17.

⁹ *Катон*. Земледелие (далее — Cat.), 39,11; *Вергилий*. Георгики (далее — Virg. Georg.), II, 139.

¹⁰ *Herbig R.* Die Jungeretr. Steinsarkophage, 1952. О саркофаге из Сан-Джулиано см.: *Herbig R.*, № 90, pl. 23; cf. *Arch. Anz.*, 1934, p. 516, fig. 6, 7; *Picard Ch. R. E. L.*, XIV, 1936, p. 146; *Pallottino M.* Tarquinia, Mon. Ant., XXXVI, 1936, p. 462, fig. 118. О саркофаге из гробницы Партуну см.: *Herbig R.*, № 107, pl. 26a. О саркофаге из Флорентийского музея см.: *Herbig R.* № 21, pl. 60a; cf. A. E. Pl. 365.

¹¹ *Гелланик*. N. A., VI, 22; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания (далее — Plut.), Cato Mai., 9.

¹² *Цицерон*. Письма к Луцилию (далее — Lucil.), 75 M.

¹³ Lucil., 1235 M.

¹⁴ *Oltramare A.* Les Origines de la Diatribe romaine, 1926. P. 50: «Тучность есть признак развращенности».

¹⁵ *Dobrn T.* Rom. Mitt., LII, 1937. P. 119; *Beazeley J. D.* Etruscan Vase Painting, 1947. P. 128.

¹⁶ *Cipriani L.* St. Etr., III, 1929. P. 363.

¹⁷ *Etienne R.* Demographie et Epigraphie, Atti del III Congresso Intern. Di Epigraphia Creca e Latina, 1959. P. 415.

¹⁸ *Stoltenberg H. L. Gl.*, XXX, 1943. P. 234.

¹⁹ T.L.E., 98.

²⁰ T.L.E., 324.

²¹ C.I.E., 109; 5385; 54.

²² C.I.E., 5421; Cf. Pl. le J. Ep., III, I.

²³ C.I.E., 18 sq.

²⁴ C.I.E., 159.

²⁵ *Beaujeau-Garnier J.* Geographie de la population, 1956. P. 180 sq.

Глава вторая. ХАРАКТЕР И ТЕМПЕРАМЕНТ

¹ Hér.: I, 167.

² *Вергилий*. Энеида (далее — Virg.: En.), VIII, 483 sq.

³ *Платон*. Тимей, XII, 519b.

⁴ *Vallet G.* Rhéguion et Zancle, 1958. P. 166 sq.

⁵ *Корнелий Непот*. О знаменитых людях (далее — Corn. Nep.): Alcib., II; *Croiset A.* Hist. De la Litt. Gr., IV. P. 668.

⁶ *Афиней*. Пир мудрецов (далее — Ath.), I, 23 d.

⁷ Fragmenta Historicorum Graecorum (далее — F. H. G.), II, 16. P. 217.

⁸ Ath., IV, 153 d. XII, 517 d.

⁹ Ath., XII, 517 d sq.

¹⁰ *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека (далее — Diod. Sic.), V, 40. О Посейдонии, труды которого использовал Диодор, см.: F. Jacoby: F. Gr. Hist., II, A, 87, 119. P. 154 sq.

¹¹ Virg. Georg., II, 533.

¹² *Тит Ливий*. История Рима (далее — Liv.), V, 1, 6.

¹³ *Фест*. О значении слов (далее — Fest.). P. 486 L.

¹⁴ Fest. P. 38 L.

¹⁵ P. E. P. 120. См. Cat. De Expos. (1955), p. 77; *Bloch R.* Art etrusque. Pl. 81.

- ¹ *Alfoldi A.* Rom. der Latinerbund um 500 v. Chr., Gymnasium, LXVII, 1960. P. 193 sq.
- ² Pl.: N. H., XXXVI, 91 sq.
- ³ *Infra.* P. 316.
- ⁴ *Heurgon J.* Ver Sacrum, 1957. P. 18.
- ⁵ Liv., IV, 20, 7.
- ⁶ T.L.E., 36, 38.
- ⁷ *Degrassi A.* Inscriptiones Latinae liberae Reipublicae, I, № 64, 237; *Weinstock St. Gl.*, XXXIII, 1954. P. 307.
- ⁸ *Павсаний.* Описание Эллады (далее — Paus.), V, 12.
- ⁹ См. с. 318.
- ¹⁰ Комментарии Сервия к «Энеиде» (Serv. Ad Aen.), II, 178.
- ¹¹ *Цицерон.* О государстве (далее — Cic. De Rep.), II, 14; *Проперций.* Элегии, IV, 1, 29.
- ¹² Liv., I, 34, 10.
- ¹³ *Schulze W.* Zur Gesch.d.lat.Eigennamen. P. 179.
- ¹⁴ T.L.E., 131.
- ¹⁵ T.L.E. Эта интерпретация была оспорена К. Ольшей: Aegyptus, 1959. P. 351 sq.
- ¹⁶ Dion. Hal., III, 61, 1.
- ¹⁷ A.E. Pl. 108, 1.
- ¹⁸ *Bilinski B.* De Catone Sillii in Italiae descriptione uno solo fonte, 1937. P. 42 sq.
- ¹⁹ *Силлий Италик.* Пунические войны (далее — Sil. Ital.), VIII, 483 sq.
- ²⁰ Not. Sc., 1898. P.156; *Collini A. M.* Il Fascio Littorio, 1933.
- ²¹ *Glotz G.* La Civilisation egeenne, 1923. P. 268 sq.; *Picard Ch.* Les Religions Prehelleniques, 1948. P. 82, 102, 163, 190 sq., 199 sq. etc.
- ²² A.E. Pl. 59.1.
- ²³ T.L.E., 363; *Vetter E.* St. Etr., XXIV, 1955—1956. P. 301 sq.
- ²⁴ T.L.E., 35; C.V.A., France, 16 (Musee Rodin). Pl. 28—304; *Beazley J. D.* Etruscan Vase-Painting. P. 25 sq.; *Pallottino M.* Etrusc. P. 104. Pl. IX, 1.
- ²⁵ A.E. Pl. 398.1., 404,3; *Messerschmidt F.* Jahrb. d. Inst., 1930. P. 76 sq.
- ²⁶ *Варрон.* О латинском языке (далее — Varr.: De L.L.), V, 46 sq.; *Тацит.* Анналы, IV, 65; Fest., 38 I.
- ²⁷ Fest., 286 L.
- ²⁸ C.I.L., XIII.1668; *Momigliano A.* L'Immeratore Claudio, 1931. P. 35; *Heurgon J.* C.R.A.I., 1935. P. 92 sq.
- ²⁹ *Messerschmidt F.* Jahrb. d. Inst. Erg. Heft. XII, 1930.
- ³⁰ *Munzer F.* Rh. M., 1898. P. 607; *De Sanctis G.* Klio, 1902. P. 96 sq.
- ³¹ *Mazzarino S.* Dalla Monarchia allo Stato Reppublicano. P. 136 sq.
- ³² *Heurgon J.* L'Etat étrusque, Hist., VI, 1957. P. 66 sq.
- ³³ T.L.E., 324.
- ³⁴ T.L.E., 325.
- ³⁵ *Lambrechts R.* Essai sur les Magistratures des Républiques étrusques, 1959. P. 117; T.L.E., 137.
- ³⁶ *Lambrechts R.* Ibid. P.123 sq.

- ³⁷ Cic. De Rep., II, 55.
- ³⁸ P.E. P. 125; N.M., fig. 49.
- ³⁹ Diod. Sic., V, 40; supra, p. 50.
- ⁴⁰ *Сенека*. Эпиграммы, 47; supra, p. 50.
- ⁴¹ Diod. Sic., V, 40; supra, p. 50.
- ⁴² Liv., V, I.
- ⁴³ Plut., Tib. Gracch., 8, 9.
- ⁴⁴ Liv., IX, 36, 12.
- ⁴⁵ Liv., II, 44, 7.
- ⁴⁶ Dion. Hal., IX, 5, 4; *Heurgon J.* Les Pénestes étrusques chez Denys d'Halicarnasse, Latomus, XVIII, 1959. P. 713 sq.
- ⁴⁷ *Ювенал*. Сатиры, VIII, 180.
- ⁴⁸ *Марциал*. Эпиграммы, IX, 22, 4.
- ⁴⁹ Liv., X, 3, 2.
- ⁵⁰ *Bloch R.* Volsinies étrusque, M.E.FR., LIX, 1947. P. 9 sq.
- ⁵¹ *Псевдо-Аристотель*. Рассказы о диковинах (Ps. Arist. De Mir. Ausc.), 94 A; *Solari A.* Topografia storica dell'Etruria, II. P. 27 sq.
- ⁵² *Валерий Максим*. О замечательных словах и делах (далее — Val. Max.), IX, 1, Ext. 2; *Анней Флор*. Эпитомы, 1, 21; *Зонара*. Хроника, VIII, 7.
- ⁵³ Liv., Per., XI; Acta Triumph. Capitol., C.I.L., I. P. 46.
- ⁵⁴ О последнем случае см.: *Frankfort Th.* Les classes serviles en Etrurie, Latomus, XVIII, 1959. P. 3 sq.
- ⁵⁵ Liv., XXXIII, 36, 1.
- ⁵⁶ *Орозий*. История против язычников (Oros. Adv. Pagan.), IV, 5; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях (Aur. Vict. De Vir. Illustr.), 36.
- ⁵⁷ C.I.E., 3692; *Cortsen S. P.* Die etruskischen Standes- und Beamtentitel, 1952; *Vetter E.* Die etruskischen Personennamen lethe, lethia, lethia, und die Namen unfreier oder halbfreier Personen bei den Etruskern, Jahresh. Des Oesterr. Arch. Inst. XXXVII, 1948. P. 56 sq.
- ⁵⁸ C.I.E., 3704, 3001.
- ⁵⁹ *Ernout-Meillet*. Dict. étym., s.v. famulus.
- ⁶⁰ Pl.: N.H., II, 199.
- ⁶¹ C.I.E., 719—721, 1508, 1667—1675, 4700.
- ⁶² C.I.E., 1671; T.L.E., 554.
- ⁶³ *Vetter E.* Ibid. P. 64, 68.
- ⁶⁴ *Cortsen S. P.* Ibid. P. 61.
- ⁶⁵ *Mengarelli R.* Not. Sc., 1915, p. 347 sq.; 1937, p. 355 sq.
- ⁶⁶ *Vetter E.* Ibid. P. 67 sq.
- ⁶⁷ C.I.E., 4143.
- ⁶⁸ *Lejeune M.* R.E.L., XXXI, 1953. P. 130, 152.
- ⁶⁹ C.I.E., 4379.
- ⁷⁰ C.I.E., 2013.
- ⁷¹ C.I.E., 2013.
- ⁷² C.I.E., 40, XIII, T.L.E., 387; cf. C.I.L., XIII, 6740a; Dess., 7085; *Dottin G.* La langue gauloise. P. 273.
- ⁷³ C.I.E., 2383.
- ⁷⁴ C.I.E., 1601.
- ⁷⁵ C.I.E., 4046.

- ⁷⁶ С.I.E., 3088; *Vetter E.* Ibid. P. 86.
⁷⁷ С.I.E., 2096, 2934—2935; *Vetter E.* Ibid. P. 68.
⁷⁸ С.I.E., 4144; *Vetter E.* Ibid., P. 66.
⁷⁹ T.L.E., 169.
⁸⁰ *Поллибий.* Всеобщая история, II, 17, 12.
⁸¹ С.I.E., 4549.
⁸² Liv., XLIII, 16, 4.

Глава четвертая. ЭТРУССКАЯ СЕМЬЯ И РОЛЬ ЖЕНЩИН

- ¹ *Страбон.* География, XVI, 4, 25.
² *Цезарь.* Комментарии о галльской войне, V, 14.
³ Hér., I, 173.
⁴ T.L.E., 131.
⁵ T.L.E., 586—587.
⁶ См. выше, с. 48.
⁷ T.L.E., 136.
⁸ С.I.E., 678 — 679, 802; *Doer B.* Die Rom. Namengebung, 1937. P. 158 sq.; *Slotty F.* Zur Frage des Mutterrechtes bei den Etrusken, Archiv Orientalni, XVIII, 1950. P. 262 sq.
⁹ С.I.L., XIV, 3607.
¹⁰ См. выше, с. 48.
¹¹ Pl. Cist., 562—563.
¹² *Flacelière R.* La vie quotidienne en Grèce. P. 75 sq.
¹³ См. ниже, с. 261.
¹⁴ Paus., VI, 20, 9.
¹⁵ Liv., I, 57, 4 sq.
¹⁶ *Феотом.* Греческая история: supra, p. 48.
¹⁷ *Bücheker K.* Carm. Lat. Epigr., 52, 8.
¹⁸ *Blakeway A.* Demaratus, J.R.S., XXV, 1935. P. 147 sq.
¹⁹ Liv., I, 34, 4.
²⁰ Fest. P. 253 L: «Priscus tarquinius est dictus, quia prius fuit, quam Superbus Tarquinius».
²¹ Liv., I, 41.
²² Подробнее см.: *Heurgon J.* Tite-Live et les Tarquins, L'Inf. Littér., VII, 1955. P. 56 sq.
²³ Tac. Ann., II, 34; IV, 21, 2; 22; *Heurgon J.* C.R.A.I., 1953. P. 92 sq.
²⁴ С.I.L., XIV, 3605—3607.
²⁵ Hér., I, 173.
²⁶ *Euing L.* Die Sage von Tanaquil, 1933. P. 16 sq.
²⁷ *Цицерон.* Письма к Аттику (далее — Cic. Ad Att.), II, 1, 8.
²⁸ Liv., I, 46, 4 sq.
²⁹ Liv., I, 48, 5.
³⁰ Liv., I, 46, 6; *Heurgon J.* R.E.L., XXXVIII, 1960. P. 38.
³¹ *Pareti L.* La tomba Regolini-Galassi, 1947; M.E.FR., 1961.
³² Ibid. P. 129.
³³ *Ciglioli C. Q.* Arch. Class., II, 1950. P. 85.
³⁴ Mon. Ant., XLII, 1955. P. 241 sq.

³⁵ *Ксенофонт*. Экономика (*Xén. Econ.*), IX, 18.

³⁶ *Not. Sc.* 1951. P. 353 sq.; 1937, P. 355 sq.

³⁷ *Altheim F.* *Rom. Gesch.*, I. P. 106.

³⁸ *Mon. Anth.*, XXXVI, 1955. P. 450 sq.

³⁹ *St. Etr.*, I, 1927. P. 164; cf. XI, 1937. P. 84 sq.

⁴⁰ *Mon. Ant.*, XLII, 1955. P. 450 sq.

⁴¹ *Vigbi R.* *Not.Sc.*, 1955. P. 111.

⁴² *Ibid.* P. 46 sq.

⁴³ *Mon. Ant. Ibid.* P. 565, 595, 802.

⁴⁴ *Mon. Ant. Ibid.* P. 1057.

⁴⁵ *Heurgon J.* *M.E.F.R.*, LXXIII, 1961.

Глава пятая. СТРАНА ЭТРУСКОВ И СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

¹ *Diod. Sic.*, V, 40; *supra*, p. 51.

² *Liv.*, IX, 36, 11.

³ *Liv.*, XXII, 3, 3.

⁴ *Плиний Младший*. Письма, V, 6, 7.

⁵ *Данте*. Божественная комедия, Ад, XIII, 9; XXV, 19; XXIX, 48.

⁶ *Plut.: Tib. Gracch.*, 8, 9; *supra*, p. 76.

⁷ *Проперций*. Элегии, IV, 10, 27 sq.

⁸ *Strab.*: V, 2, 3.

⁹ *Рутилий Намациан*. Возвращение на родину (далее — *Rut. Nam. De Red. suo*), 285—286.

¹⁰ *Сидоний Аполлинарий*. Письма, I, 5.

¹¹ Луций Домиций Аполлинарис был консулом-суффектом в 97 году.

¹² *Плиний Младший*. Письма, V, 6, 2.

¹³ *Pallottino M.* *Tarquinia*. P. 580.

¹⁴ *Virg. En.*, X, 184; *Rut. Nam. De Red. suo*, 282.

¹⁵ *Cat. Or.*, II, 20; *Serv. Ad Aen.*, X, 184.

¹⁶ *Liv.* XXVIII, 45, 15 sq.

¹⁷ *Cic. De Div.*, II, 50.

¹⁸ *Strab.* V, 1, 7.

¹⁹ *Noscanelli N.* *La malaria e la fine degli Etruschi*. 1927.

²⁰ *Fraccaro Pl.* *St. Etr.*, II, 1928. P. 116 sq.

²¹ *Sergent E.* *Histoire d'un Marais algérien*. 1947.

²² Доктор П. Декуфле, изучавший анатомические модели, найденные в числе принесенных этрусками по обету предметов, отмечал, что селезенка у них всегда была увеличена.

²³ *Плиний*. Естественная история (далее — *Pl. N.H.*), III, 115.

²⁴ *Liv.* I, 38, 2.

²⁵ *Liv.* I, 56, 2.

²⁶ *Cic. De Rep.*, II, 11.

²⁷ *Gagé J.* *Apolon Romain*, 1955. P. 71 sq.

²⁸ *Brown F. E.* *Cosa*, I, *History and Topography*, *Mem. of the Am. Acad. in Rome*, XX, 1951; *Bradford J.* *Ancient Landscapes*, 1957. P. 227 sq., pl. 54—55.

- ²⁹ A.E. Pl. 57; N.M., fig. 63.
- ³⁰ *La Blanchère*. Dict. des. Ant. gr. — rom., s.v. cuniculus. P. 1592.
- ³¹ Liv. V, 15, 12; Gagé J. M.E.F.R., LXVI, 1954. P. 39 sq.
- ³² Varr. Mén., Quinquatrus.
- ³³ Pl. N. H., XXVI, 16, 30; Sén. Q.N., III, 15; Plut. Paul Emile, 13.
- ³⁴ *Sergent E.* Ibid. P. 202.
- ³⁵ Cic. P.Mil., 74.
- ³⁶ Rut. Nam. De Red. suo, 283 sq.
- ³⁷ Virg. En., VIII, 327.
- ³⁸ Virg. Géorg., I, 128sq.; *Bayet J.* L'Expérience social de Virgile, Deuclion, II, 1947. P. 197 sq.
- ³⁹ *Lachmann E.* Gromatici Veteres. Vol. I. P. 350.
- ⁴⁰ *Mazzarino S.* Hist., VI, 1957. P. 101 sq.
- ⁴¹ T.L.E., 571.
- ⁴² T.L.E., 675—677, 689.
- ⁴³ T.L.E., 692.
- ⁴⁴ T.L.E., 515.
- ⁴⁵ T.L.E., 632.
- ⁴⁶ *Devoto G.* Tabulae Iguvinae. P. 158.
- ⁴⁷ T.L.E., 570.
- ⁴⁸ T.L.E., 515; *Mazzarino S.* Ibid. P. 106, 110; n. 1.
- ⁴⁹ C.I.L., XI, 3370; *Heurgon J.* Latomus, XII, 1953. P. 402 sq.
- ⁵⁰ Cic. De Div., II, 50.
- ⁵¹ Serv. Dan. Ad Aen., I, 2.
- ⁵² *Mazzarino S.* Ibid. P. 109.
- ⁵³ Papers of the British School at Rome, XXIII, 1955. P. 67, sq.; J.R.S., XLVII, 1957. P. 139 sq.
- ⁵⁴ Varr. R.R., I, 9, 5.
- ⁵⁵ Liv. II, 34, 5; IV, 52, 5.
- ⁵⁶ *Le Gall J.* Le Tibre, fleuve de Rome // L'Antiquité, 1952. P. 56.
- ⁵⁷ Varr. R.R., I, 44, 1.
- ⁵⁸ Pl. N.H., XVIII, 66.
- ⁵⁹ Col. II, 6.
- ⁶⁰ Ov. Medic. fac., 65.
- ⁶¹ Mart. XIII, 8.
- ⁶² Pl. N.H., XVIII, 87.
- ⁶³ Pl. N.H., XVIII, 86.
- ⁶⁴ Pl. N.H., XVIII, 109.
- ⁶⁵ Pol. II, 15, 2; Strab. V, 1, 2.
- ⁶⁶ *Афиней.* Пир мудрецов (далее — Ath.), XV, 102 b.
- ⁶⁷ Dion. Hal. I, 37, 2.
- ⁶⁸ Mart. XIII, 118, 2.
- ⁶⁹ Pl. N. H., XIV, 68.
- ⁷⁰ Ibid., 67 (примечания Ж. Андре).
- ⁷¹ Hor. Sat., II, 3, 143; Pers. V, 147; Mart. I, 103, 9; II, 53, 4; I, 49, 1.
- ⁷² Pl. N. H., XIV, 67.
- ⁷³ Ibid., 67.
- ⁷⁴ T.L.E., 678.

- ⁷⁵ Pl. N. H., XIV, 36.
- ⁷⁶ Id. Ibid., 38, cf. 35.
- ⁷⁷ Liv. V, 33, 2.
- ⁷⁸ *Силлий Италик*. Пуническая война, IV, 223.
- ⁷⁹ Grat. Kyneg., 36; Pl. N. H., XIX, 10; *Aymard J.* Les Chasses romaines, 1951. P. 213.
- ⁸⁰ Pl. N. H., XV, 1.
- ⁸¹ Cat. De Agr., 42 sq., 64 sq., 143 sq.
- ⁸² T.L.E., 762; *Buonamici G.* St. Etr., XII, 1938. P. 317.
- ⁸³ Varr. R.R., I, 2, 6.
- ⁸⁴ Virg. Géorg., IV, 125 sq.
- ⁸⁵ Pl. N. H., XV, 102.
- ⁸⁶ Pl. N. H., XXIII, 105.
- ⁸⁷ *Gsell St.* Hist. Anc. de l'Afr. du Nord, IV. P. 18 sq.
- ⁸⁸ *André J.* Lex. Des termes de botanique en latin. 1956. P. 93.
- ⁸⁹ Ibid. P. 81.
- ⁹⁰ См.: *Nissen H.* Ital. Landeskunde, I. P. 457.
- ⁹¹ Ov. Am., III, 13, 1.
- ⁹² Cat. De Agr., 156 sq.
- ⁹³ *Nissen H.* Ibid.
- ⁹⁴ *Pampaninni R.* St., Etr., IV, 1930. P. 293 sq.; *Neppi Modona A.* A Siba Symposium... P. 68.
- ⁹⁵ *Gsell St.* Ibid. P. 32.
- ⁹⁶ P.E. P. 57, 75.
- ⁹⁷ *Grimal P.* L'Art des jardins. 1954. P. 20.
- ⁹⁸ *Макробий*. Сатурналии (далее — Macr. Sat.), III, 20, 3.
- ⁹⁹ *Vitali G.* St. Etr., II, 1928. P. 409 sq.; IV, 1930. P. 427 sq.; VII, 1933. P. 321.
- ¹⁰⁰ Macr. Sat., V, 19, 3.
- ¹⁰¹ Pl. N. H., XVIII, 173.
- ¹⁰² *Saglio E.* Dict. des Ant. gr.-rom., s.v. aratrium; *Benoit F.* L'Ourillage rural et artisanal. 1947. P. 30 sq.
- ¹⁰³ A.E., 410, 3.
- ¹⁰⁴ A.E., 410, pl. 82; *Grenier A.* Bologne villanovienne et étrusque. 1912. P. 371 sq.
- ¹⁰⁵ A.E. Pl. 253.
- ¹⁰⁶ Varr. R.R., I, 18, 6.
- ¹⁰⁷ Id., I, 2, 25 sq.
- ¹⁰⁸ Id., I, 2, 22.
- ¹⁰⁹ Id., I, 16, 5.
- ¹¹⁰ Id., I, 18, 2 sq.
- ¹¹¹ Id., I, 19, 1.
- ¹¹² *Chilver G.E.F.* Cisalpine Gaul. 1941. P. 146 sq.
- ¹¹³ Mart., VI, 73.
- ¹¹⁴ Col., VI, 1, 1; Ov. Am., III, 13, 13.
- ¹¹⁵ Pl. N. H., XI, 241; Mart., XIII, 30.
- ¹¹⁶ Pol., XII, 4; Varr. R.R., II, 4, 20.
- ¹¹⁷ Rut. Nam. De Red. suo, 615 sq.

- ¹¹⁸ Virg. En., VII, 651; *Aymard J.* Les Chasses romains. P. 26 sq.
- ¹¹⁹ *Стацций.* Сильвы (далее — Stat. Silv.), V, 6, 10.
- ¹²⁰ A.E. Pl. 82; *Pallottino M.* Tarquinia. P. 57.
- ¹²¹ Varr. R. R., III, 12, 1.
- ¹²² См. с. 125.
- ¹²³ *Aymard J.* P. 10.
- ¹²⁴ *Bonacelli B.* St. Etr., VI, 1932. P. 341 sq.; *Neppi Modona A.* A Ciba Foundation Symposium... P. 73.
- ¹²⁵ A.E. Pl. 204.
- ¹²⁶ *Gsell St.* Hist. anc. de l'Afr. du Nord, I. P. 109.
- ¹²⁷ Ath., XII, 518 f.
- ¹²⁸ Pl. Paen., 1074.
- ¹²⁹ T.L.E., 811; Strab., XII, 626, 4, 6; Pl. N. H., XIII, 82; *Bonacelli B.* Ibid.
- ¹³⁰ Pl. N. H., X, 37.
- ¹³¹ T.L.E., 807, 810, 821.
- ¹³² *Baldasseroni V.* St. Etr., III, 1929. P. 383.
- ¹³³ P.E. P. 49 sq.; *Bloch R.* L'Art Etrusque. Pl. 32—33.
- ¹³⁴ Strab. V, 2, 6; Ath. VI, 224c; Col., VIII, 16.
- ¹³⁵ *Nissen H.* Ital. Landesk., I. P. 432; II. P. 301.
- ¹³⁶ Supra. P. 127.
- ¹³⁷ Virg. En., VIII, 599; IX, 521; Théophr. Hist. pl., V, 8; Strab., V, 2, 5.
- ¹³⁸ Pl. N. H., XXXVI, 168; cf. 135; *Pallottino M.* Tarquinia. P. 437.
- ¹³⁹ *Vallet G.* Rhégion et Zancle. P. 57, n. 1.
- ¹⁴⁰ Virg. En., X, 174; *Minto A.* St. Etr. XXIII, 1954. P. 291 sq.; *Cambi L.* Tyr-rhenica, 1957. P. 97 sq.; *Neppi Modona A.* A Ciba Foundation Symposium... P. 65.
- ¹⁴¹ Strab. V, 2, 6.
- ¹⁴² *Dion R.* Latomus, XI, 1952. P. 306 sq.; *Carcopino J.* Promenades historiques aus pays de la Dame de Vix, 1957. P. 24 sq.; *Picard G.* La Vie quotidienne à Carthage. 1958. P. 169 sq.; *Villard F.* La Céramique grecque de Marseille. 1960. P. 137 sq.
- ¹⁴³ *Joffroy R.* Mon. Piot., XLVIII, 1, 1954.
- ¹⁴⁴ Два бронзовых изделия эпохи Вилланова, найденные в Этрурии, имели такие же пропорции: 8 на 15 и 11 на 6.
- ¹⁴⁵ *Germain G.* Essai sur les origines de certains thèmes odysseens. 1954. P. 172; Macr. Sat., V, 19, 11 sq.; *Minto A.* Ibid. P. 313 sq.
- ¹⁴⁶ *Minto A.* Ibid. P. 299; *Cambi L.* Ibid. P. 107.
- ¹⁴⁷ *Minto A.* Ibid. P. 304.
- ¹⁴⁸ Ps. Arist.: Mir. Ausc., 93.
- ¹⁴⁹ Strab., V, 2, 6.
- ¹⁵⁰ Diod. Sic. Ibid.
- ¹⁵¹ О его процветании и развитии экономики говорит то, что здесь чеканилось самое большое количество золотых и серебряных монет.
- ¹⁵² Supra. P. 127.
- ¹⁵³ Diod. Sic. Ibid.
- ¹⁵⁴ Lucil., 125 M; *Dubois Ch.* Pouzzoles antique. 1907. P. 126.
- ¹⁵⁵ Cat. De Agr., 135: железные орудия приходилось покупать в Минтурнах и Калесе.

- ¹⁵⁶ Аллюзия на оружие (*oplôn*) сделана после корректировки текста, в котором речь идет, очевидно, ошибочно, о птицах (*ornêôn*).
- ¹⁵⁷ Pl. N. H., XXXIV, 146.
- ¹⁵⁸ Rut. Nam. De Red. suo, 411 sq.
- ¹⁵⁹ *Ashby Tb.* St. Etr., III, 1929. P. 177.
- ¹⁶⁰ *Bianchi-Bandinelli R.* Sovana. 1929. P. 27.
- ¹⁶¹ Liv., X, 47, 4.
- ¹⁶² *Romanelli P.* Not. Sc. 1948. P. 223.
- ¹⁶³ *Koch H., Von Mercklin E., Weickert C.* Rom. Mitt., XXX. 1951. P. 190 sq.
- ¹⁶⁴ *Frederiksen M. W., Ward Perkins J. B.* Papers of the British School of Rome, XXV, 1957. P. 117—141.
- ¹⁶⁵ Ibid.
- ¹⁶⁶ C.I.L., XI, 5265.
- ¹⁶⁷ *Minto A.* Populonia. 1943. P. 131; *Pareti L.* La tomba Regolini-Galassi. P. 252.
- ¹⁶⁸ A.E. Pl. 87—90.
- ¹⁶⁹ Infra. P. 258.
- ¹⁷⁰ *De Ruyt F.* Charun. 1934. P. 48 sq.
- ¹⁷¹ Ibid., №75, p. 70, fig. 33.
- ¹⁷² Ibid., №74, fig. 32; A.E. Pl. 402, 1.
- ¹⁷³ Liv. I, 34, 7 sq.
- ¹⁷⁴ Ov. Fast., I, 619.
- ¹⁷⁵ Liv., V, 25, 9.
- ¹⁷⁶ Prop., El., IV, 8, 23.
- ¹⁷⁷ Liv., I, 48, 5.
- ¹⁷⁸ Liv., XXXIV, 3, 9.
- ¹⁷⁹ Tac. Ann., XII, 42.
- ¹⁸⁰ *Светоний.* Калигула, 15.
- ¹⁸¹ *Cagnat R., Chapot V.* Man.d'Archéol. rom. Vol. II. P. 292. Fig. 516.
- ¹⁸² *Ernout A., Meillet A.* Dict. étym., s.v.carrus; *Carcopino J.* Les Etapes de l'Impérialisme romain. 1961. P. 239 sq.; *Duval P. M.* La Ve quotidienne en Gaule. 1952. P. 245.
- ¹⁸³ Liv., XXXI, 21, 17; Flor., I, 18, 27.
- ¹⁸⁴ *Carcopino J.* Ibid.

Глава шестая. ГОРОДА И ЖИЗНЬ В НИХ

- ¹ *Ducati P.* La Citta etrusca // Historia, IX, 1931. P. 3 sq.
- ² Fest., 258 L.
- ³ *Lavedan P.* Hist. de L'Architecture urbain. 1926. P. 99.
- ⁴ Serv. Ad Aen., I, 422.
- ⁵ Corp. Agrim. Rom. (Thulin). Vol. I. P. 145.
- ⁶ *Falchi I.* Not. Sc. 1985. P. 247. Fig. 1; *Ducati P.* Etruria Antica. Vol. II, 94; Stor. dell'Arte Etrusca, fig. 420.
- ⁷ *Bianchi-Bandinelli R.* Sovana. P. 15.
- ⁸ *Castagnoli F.* Ippodamo di Mileto e l'urbanistica a pianta ortogonale. 1956.
- ⁹ *Devoto G.* St. Etr. Vol. II. 1928. P. 331.

¹⁰ О времени основания Капуи см.: *Pallottino M.* La parola del Passato, XLVII. 1956. P. 85.

¹¹ *Heurgon J.* Capoue préromaine. 1942. P. 82 sq.

¹² Cic. De Leg. Agr., II, 96.

¹³ *Grenier A.* Bologne villanovienne et étrusque. P. 116, pl. III; Ducati P. Etruria antica. Vol. II. P. 93; Fasti Archeologici, VI (1951), 2530; VIII (1953), 2918; IX (1954), 2904. Вероятно, обнаруженные следы относятся только ко времени реконструкции города в III веке н. э.

¹⁴ *Alfiefri N.* Spina e le nuove scoperte. Problemi archeologici e urbanistici (Atti del I. Convegno di Studi Etruschi, 1959). P. 25 sq.

¹⁵ Fasti Archeologi, X (1955), 2479. Отчет о ходе раскопок был представлен мадемуазель Фоголари в мае 1955 года, во время Третьего конгресса этрусских исследований.

¹⁶ *Chevallier R.* R.E.A., LIX, 1957. P. 447.

¹⁷ *Romanelli P.* Not. Sc. 1948. P. 193 sq.

¹⁸ *Bloch R.* M.E.F.R., LIX, 1947. P. 9 sq.; LXII, 1950. P. 53 sq.

¹⁹ *Bartocchini R.* Tyrrhenica. P. 52 sq.; St. Rom., VI, 2, 1958. P. 126 sq.; *Lerici C. M., Carabelli E., Segre E.* Prospezioni geofisiche nella zona archeologica di Vulci. 1958.

²⁰ *Lugli G.* L'Urbanistica delle Città italiane, le mura di fortificazione. 1946—1947. P. 43 sq.; La Tecnica edilizia romana. 1957. P. 83 sq.

²¹ *Carcopino J.* La Vie Quotidienne à Rome. P. 39 sq.; Liv., XXI, 62, 3; Diod., XXXI, 18, 2; Cic. De Off., III, 66; De L. A., II, 95; P. Cael., 18.

²² *Nogara B.* Gli Etruschi e la loro Civiltà. P. 46. P. Менгарелли (St.Etr., I, 1927, p. 145) полагал, что население Цере в эпоху расцвета этого города достигало восьмидесяти тысяч человек.

²³ A Ciba Foundation Symposium. P. 80 sq.

²⁴ *Bradford J.* Ancient Landscapes. P. 116 — «более 1000 акров».

²⁵ *Ricci G.* Mon. Ant., XLII, 1955.

²⁶ Pl., XI.

²⁷ Pl., X.

²⁸ Supra. P. 45.

²⁹ Supra. P. 114.

³⁰ *Vighi R., Ricci G., Moretti M.* Mon. Ant., XLII, 1955.

³¹ *Bradford J.* Ibid. P. 116 sq., pl. 30—32, fig. 8, 9.

³² *Ricci G.* Ibid. P. 233 sq.

³³ Ibid. P. 346 sq.

³⁴ *Bloch R.* Bull. Soc. Ant. De Fr. 1957. P. 57 sq.; *Puglisi S. M.* Mon. Ant., XLII, 1955.

³⁵ *Ricci G.* Ibid. P. 313 sq.

³⁶ Ibid. P. 329, n. 1.

³⁷ Ibid. P. 233.

³⁸ Ibid. P. 803, fig. 181.

³⁹ Ibid. P. 241 sq.

⁴⁰ *Moretti M.* Ibid. P. 1065 sq.

⁴¹ *Ricci G.* Ibid. P. 450 sq.

⁴² *Vighi R.* Not. Sc. 1955. P. 106, fig. 72—73.

⁴³ *Lugli G.* Roma Antica, Il Centro monumentale. 1946. P. 459. Fig. 136.

- ⁴⁴ *Gagnat R, Chapot V.* Man. des Ant. Rom. Vol. I. P. 283. Fig. 147.
- ⁴⁵ *Von Gerkan A, Messerschmidt F.* Das Grab der Volumnier bei Perugia // Rom. Mitt., LVII. 1942. P. 112 sq.
- ⁴⁶ *Messerschmidt F.* Nekropolen von Vulci // Jahrbucher d. Inst., Erg. Heft, XII, 1930. P. 62.
- ⁴⁷ Varr. De L.L., V, 161; *Ducati P.* Etruria antica. Vol. II. P. 94 sq.
- ⁴⁸ Varr. Ibid. Ab Atriatibus Tuscis; Paul. Fest., 12 L.
- ⁴⁹ См. с. 170.
- ⁵⁰ T.L.E., I.
- ⁵¹ Paul. Fest., 12 L.
- ⁵² *Patroni G.* Rend. Acc. Linc. 1936. P. 808 sq.
- ⁵³ *Saglio E.* Dict. des Ant.gr.-rom., s.v. atrium.
- ⁵⁴ *Grimal P.* Les Jardins romains. 1943. P. 216.
- ⁵⁵ *Saglio E.* Dict. des Ant.gr.-rom., s.v. cavaedium.
- ⁵⁶ Vitr., VI, 3.
- ⁵⁷ *Saglio E.* Ibid. Fig. 1274.
- ⁵⁸ Ibid. Fig. 1275.
- ⁵⁹ *Плиний Младший.* Письма, II, 17, 4.
- ⁶⁰ Id., V, 6, 15.
- ⁶¹ См. с. 50.
- ⁶² Vitr., VI, 7; *Gagnat R, Chapot V.* Man. des Ant. Rom. Vol. I. P. 33 sq.
- ⁶³ *Pallottino M.* La Necropoli di Cerveteri. P. 13.
- ⁶⁴ *Ricci G.* Ibid. P. 450 sq. Fig. 102.
- ⁶⁵ *Giglioli G.Q.* Not. Sc. 1916. P. 41 sq.; *Rus P.J.* An introduction to Etruscan art. 1953. P. 51 sq. Pl. 22.
- ⁶⁶ *Rosi G.* Sepulchral Architecture as illustrated by the Rock Façades of Central Etruria // J.R.S., XV. 1925. P. 1 sq.
- ⁶⁷ Ibid. Fig. 49—51, 53, 55—56.
- ⁶⁸ *Ricci G.* Ibid. P. 966 sq. Pl. XV; *Bradford J.* Ancient Landscapes. P. 122.
- ⁶⁹ *Ricci G.* Ibid. P. 829. Pl. XI.
- ⁷⁰ Juv. Sat., III, 191.
- ⁷¹ *Ritcher G.M.* Ancient Furniture. 1926.
- ⁷² Tomba degli Scudi, Tarquinia (P.E. p. 105, 107); A. E., pl. 136,1.
- ⁷³ *Ritcher G.M.* Were there Greek Armaria? Homm. Deonna. P. 114.
- ⁷⁴ Tomba dell'Orco, Tarquinia (*Pallottino M.* Ibid. P. 114).
- ⁷⁵ Ath., I, 28 b.
- ⁷⁶ A. E., pl. 60, 62, 63.
- ⁷⁷ *Duval P.-M.* La Vie quotidienne en Gaule. P. 79, 88.
- ⁷⁸ A. E., pl. 60, 62, 63.
- ⁷⁹ *Grenier A.* Bologne. P. 371.
- ⁸⁰ A. E., pl. 17, 1; *Pareti L.* La Tomba Regolini-Galassi. Pl. 23.
- ⁸¹ A. E., pl. 316,1.
- ⁸² *Ricci G.* Ibid. P. 893 sq., pl. XIII—XIV.
- ⁸³ *Ricci G.* Ibid. P. 722.
- ⁸⁴ *Schulze W.* Zur Gesch. d. lat. Eigennamen. P. 274 sq.
- ⁸⁵ *Mengarelli R.* Not.Sc. 1937. P. 402.
- ⁸⁶ *Ricci G.* Ibid. P. 911.
- ⁸⁷ T.L.E., 51.

⁸⁸ *Fiesel E.* Das grammatische Geschlecht im Etruskischen, 1922. Мы изменили предложенную им генеалогию Рамты Матунай в соответствии с точкой зрения Г. Риччи.

⁸⁹ *Mingazzini P.* *Archeol. Class.*, VI, 1954. P. 292 sq.

⁹⁰ *Stenico A.* *St. Etr.*, XXIII, 1954. P. 201 sq.

⁹¹ *Varr. De L.L.*, X, 22; *Arch. Anz.*, 1941. P. 618 sq.

⁹² *Stencio A.* *Ibid.* P. 197 sq.

⁹³ A.E. Pl. 104, 6; *Levi D.* *Il Museo Civico di Chiusi*, fig. 64, p. 118.

⁹⁴ *Théocr.*, XV, 21 sq.

⁹⁵ P.E., p. 105, 107.

⁹⁶ A.E. Pl. 369; *Schweizer B.* *Die Bildniskunst d. Rom. Republik.* 1948. P. 8; *Rus P.J.* *Ibid.* P. 109 sq.

⁹⁷ *Cat. De Agr.*, 59.

⁹⁸ P.E., p. 87; *Bloch R.* *L'Art Etrusque.* Pl. 53.

⁹⁹ *Glötz G.* *La civilisation égéenne.* P. 88.

¹⁰⁰ P. E. P., p. 68, 78, 87; *Bloch R.* *Ibid.*, pl. 22.

¹⁰¹ *Стаций.* *Сильвии*, II, 1, 30.

¹⁰² P.E. P. 45; *Bloch R.* *Ibid.* Pl. 22.

¹⁰³ A.E., pl. 136, 2; 142, 4; 144, 1, 3 etc.; N.M., fig. 83.

¹⁰⁴ *Ath.*, XII, 519 b.

¹⁰⁵ *Ath.*, XII, 541 a; *Callaway J.S.* *Sybaris.* 1950. P. 76.

¹⁰⁶ *Mueller O., Deecke W.* *Die Etrusker.* Vol. I. P. 247.

¹⁰⁷ *Pol.*, VIII, 2.

¹⁰⁸ *Dion. Hal.*, III, 61, 1.

¹⁰⁹ *Ernout A.* *Phililigica.* Vol I. P. 27.

¹¹⁰ *Poll. Lex.* P. 584, 17.

¹¹¹ *Dion. Hal.*, II, 60, 2; III, 61, 1.

¹¹² A.E. Pl. 108, 1; *Alfoldi A.* *Fruhrom. Reiteradel u. seine Ehrenabzeichen.* 1952. P. 36. Pl. I.

¹¹³ A.E. Pl. 109, 1; P.E. P. 37.

¹¹⁴ A.E. Pl. 115, 2; N.M. Fig. 67.

¹¹⁵ A.E. Pl. 265; P.E. P. 121; *Bloch R.* *Ibid.* Pl. 81—82.

¹¹⁶ *Lambrecht R.* *Essai sur les Magistratures des républiques étrusques.* Pl. II, VII, XXII.

¹¹⁷ *Alfoldi A.* *Gewaltherrscher und Theaterkonig.* Stud. A. M. Friend. P. 15 sq.

¹¹⁸ *Cagnat R., Chapot V.* *Man. d'Archéol. rom.* Vol. II. P. 367.

¹¹⁹ P.E. P. 55, 57; *Bloch R.* *Ibid.* Pl. 14—16, pl. 29, pl. 32.

¹²⁰ *Cic. De Nat. Deor.*, I, 82.

¹²¹ A.E. Pl. 108; *Dict. des Ant. gr.-rom.*, s.v. *calceus*, fig. 1021; *Alfoldi A.* *Fruhrom. Reiteradel.* P. 60. Pl. I.

¹²² A.E. Pl. 116; *Dict. des Ant. gr.-rom.* *Ibid.*, fig. 1022.

¹²³ *Mueller O., Deecke W.* *Ibid.* P. 54 sq.

¹²⁴ N. M. Fig. 44; *Ricci G.* *Mon. Ant.*, XLII, 1955. P. 592.

¹²⁵ P. E. P. 107; *Bloch R.* *Ibid.* Pl. 78.

¹²⁶ *Alfoldi A.* *Ibid.* P. 54 sq.

¹²⁷ *Dict. des Ant. gr.-rom.* *Ibid.*, fig. 1017; N.M., fig. 42.

¹²⁸ *Virg. En.*, VIII, 457.

- ¹²⁹ A.E. Pl. 119.
¹³⁰ A.E. Pl. 115, 2.
¹³¹ A.E. Pl. 122, 2, 3.
¹³² A.E. Pl. 124, 3.
¹³³ Varr. De LL., VII, 44; Fest., 484 L.
¹³⁴ *Cocbe de la Ferté E.* Les bijoux antiques. 1956. Pl. 34, 1, 2. P. 120.
¹³⁵ *Pallottino M.* Ibid. P. 101.
¹³⁶ *Neppi Modona A.* Fig. 99.
¹³⁷ Ibid. Fig. 100.
¹³⁸ Ibid. Fig. 72.
¹³⁹ *Cocbe de la Ferté E.* Ibid. P. 72 sq.
¹⁴⁰ A. E. Pl. 23—27; *Bloch R.* Ibid. P. 8—9; Cat. de l'Expos. de 1955, fig. 21, № 104.
¹⁴¹ A.E. Pl. 19; Cat., fig. 20, № 94.
¹⁴² Cat., fig. 17, № 85.
¹⁴³ *Cocbe de la Ferté E.* Ibid. P. 16.
¹⁴⁴ Ibid. P. 82.
¹⁴⁵ Ibid. P. 37; Cat., fig. 22, № 112; *Bloch R.* Ibid. P. 28—29.
¹⁴⁶ Ibid. P. 72.
¹⁴⁷ A. E. Pl. 66; Cat. № 102.
¹⁴⁸ О происхождении этрусского скульптурного мастерства см.: *Hus A.* M.E.F.R., LXVII. 1955. P. 71 sq; LXVII. 1956. P. 37 sq.
¹⁴⁹ *Vallet G.* Rhégion et Zancle. P. 57, n. 1.

Глава седьмая. ЗАНЯТИЯ ЭТРУСКОВ: ПИРЫ И ИГРЫ

- ¹ Изображено на зеркалах и упоминается в Загребском свитке.
² *Тацит.* Германия, 11; Cic. Ap Serv. ad Aen., I, 738, VI, 535.
³ Varr. Ap. Gell.; N.A., III, 2, 6; Pl. N.H., II, 188.
⁴ T.L.E., 181.
⁵ Macr. Sat., I, 15, 14.
⁶ Macr. Sat., I, 15, 13.
⁷ T.L.E., 801, 805, 818, 824, 836, 854, 856, 858.
⁸ *Pallottino M.* Vol. I. 1937. P. 213.
⁹ *Fiesel E.* St. Etr., X, 1936. P. 324.
¹⁰ *Benveniste E.* B.S.L., XXXII, 1931. P. 68 sq.
¹¹ Liv., VII, 3, 7.
¹² Censor., 17, 6; *Thulin C. O.* Die etr. Disciplin, III. P. 63 sq.
¹³ Diod., V, 40; V, 50.
¹⁴ *Carcopino J.* La Vie quotidienne à Rome. P. 304 sq.
¹⁵ Suét. Vit., 13, 1.
¹⁶ Suét. Ad Luc., 103, 6; *Плиний Старший.* Письма, III, 5, 10 sq.
¹⁷ Cic. Phil., II, 104.
¹⁸ Plat. Le Comique ap. Ath.: I, 47 d.
¹⁹ *Conestable G.* Pitture murali 1865; *Martha J.* L'Art étrusque. Fig. 266, 279, 292; N.M. Fig. 74; P.E. P. 97 sq; *Bloch R.* L'Art étrusque. P. 74—76; T.L.E., 220 sq.
²⁰ C.I.L., I, 364; *Ernout A.* Textes lat. arch. P. 36.

- ²¹ App. Verg. Mor., 92 sq.
- ²² Varr. Ap. Diom., G.L.K. Vol. I. P. 468.
- ²³ Apic. VIII, 8, 1; VI, 9, 1. Обратите внимание на «ароматное вино Клузия» (*conditum Camerinum*) и «тарпейских коз» (*baedus Tarpeianus*, VIII, 2, 9).
- ²⁴ Этот анахроничный перевод слова *liquamen* встречается у П. Грималья («Истинная природа гарума», РЕА, 1952, p. 27 sq.).
- ²⁵ Varr. De LL, VII, 35; Fest.: 403 L.
- ²⁶ Pallottino M. Stud. Funaioli. P. 304.
- ²⁷ Danielsson O. Gl., XVI. P. 86; T.L.E., 715.
- ²⁸ Walters-Smith. Cat. Brit. Mus., IV. P. 8. Fig. 17.
- ²⁹ Demangel R. LaFrise Ionique. P. 437 sq.; Andrén A. Architectural Terracottas from Etrusco-Italic temples. P. LXXXV sq. Fig. 11.
- ³⁰ Villard F. Les Vases grecs. P. 71, 77. Pl. I, 1; XXIX, 3 etc.
- ³¹ P. E. P. 107; Bloch R. L'Art Etrusque. Pl. 78.
- ³² Ducati P. Stor. dell'Arre etrusca. Fig. 232; Neppi Modona A. Fig. 87.
- ³³ P. E. P. 67; Bloch R. Ibid. Pl. 44, 48.
- ³⁴ См. с. 50.
- ³⁵ Cic. Verr., II, 1, 86.
- ³⁶ Ibid., II, 4, 58
- ³⁷ P. E. P. 67; Bloch R. L'Art Etrusque. Pl. 44, 48.
- ³⁸ P. E. P. 107; Bloch R. Ibid. Pl. 78.
- ³⁹ Ath., I, 28 b; см. с. 200.
- ⁴⁰ N. M. Fig. 87. P. 117.
- ⁴¹ Beazley J. D. Etruscan Vase-painting. P. 284 sq.
- ⁴² Pl. Stich., 694 sq.
- ⁴³ Liv., XXVIII, 38, 5.
- ⁴⁴ Liv., XXVII, 59, 5.
- ⁴⁵ Gell. N.A., II, 24.
- ⁴⁶ Bianci-Bandinelli R. Clusium, Mon. Ant., XXX, 1925. P. 306 sq; N. M. Fig. 73. P. 114.
- ⁴⁷ Hér., I, 167.
- ⁴⁸ Heurgon J. L'Etat étrusque, Hist. VI, 1957. P. 88.
- ⁴⁹ См. выше с. 75.
- ⁵⁰ Reinach Th. La Musique grecque, 1926; Boyancé P. Le Culte des Muses chez les philisophes grecs, 1937; Marrou H. I. Hist. de l'éducation dans l'Antiquité, 1948.
- ⁵¹ Феогнид, I, 791; Marrou H. I., Ibid. P. 75.
- ⁵² Reinach Th. Ibid. P. 132.
- ⁵³ Arist. F.H.G. Vol. II. P. 178.
- ⁵⁴ Plut. De Cohib. Ira, 460 c.
- ⁵⁵ Ath., XII, 518 b.
- ⁵⁶ Элиан. Пестрые рассказы (Ael. Nat. an.), XII, 46.
- ⁵⁷ Arist. Hist. an., IX, 5, 611 b; Aymard J. Les Chasses romaines. P. 336 sq.
- ⁵⁸ Mérite E. Les Pièges, cité par J. Aymard. Ibid.
- ⁵⁹ Marrou H. I. Ibid. P. 189.
- ⁶⁰ Virg. Georg., II, 193; Pl. N.H., XVI, 172.
- ⁶¹ Dion. Hal., VII, 72, 5.

- ⁶² A.E., pl. 407, 4.
⁶³ Ath., XII, 607.
⁶⁴ Liv., IX, 30, 5.
⁶⁵ *Mueller-Deecke* A. Die Etrusker, II. P. 206; Esch. Eum., 567.
⁶⁶ Virg. En., VIII, 526.
⁶⁷ Liv., I, 20, 5.
⁶⁸ *Bloch* R. M.E.F.R., 1958, LXXX. P. 7 sq.
⁶⁹ Fest., 334 L.
⁷⁰ Virg. En., V, 545 sq.
⁷¹ *Giglioli* C. Q. St. Etr., III, 1929, 111 sq; A.E. Pl. 80.
⁷² *Bomer* F. Rom und Troia. 1951. P. 18 sq.
⁷³ *Heurgon* J. M.E.F.R., 1929, XLVI. P. 3 sq.
⁷⁴ *Picard* Ch. Genava, 1935, XIII. P. 63 sq.
⁷⁵ Dion. Hal., VII, 72, 10 sq; *Piganiol* A. Rech. sur les jeux romains. 1923. P. 15 sq.
⁷⁶ P. E. P. 43.
⁷⁷ Ibid. P. 45; *Bloch* R. L'Art étrusque. Pl. 21.
⁷⁸ *Beazley* J. D. Etruscan Vase-painting. P. 114.
⁷⁹ Liv., VII, 2, 6.
⁸⁰ Ov. A.A., I, 111.
⁸¹ Pl. Curc., 150.
⁸² Liv., I, 35, 9.
⁸³ Pl. N. H., X, 71.
⁸⁴ *Bartoccini* R., *Lerici* C. M., *Moretti* M. La tombe delle Olimpiadi. 1959.
⁸⁵ *Plut.*, Publ., 13, 4; Fest., 340 L; *Hubaux* J. Bull. de l'Acad. royale de Belgique, XXXVI, 1950. P. 351 sq; *Gagé* J. Bull. de la Fac. des Lettres de Strasbourg, XXXI, 1953. P. 163 sq.
⁸⁶ P.E. P. 39; *Bloch* R. Ibid. Pl. 19; cf. *Demargne* P. C.R.A.I., 1952. P. 167; Fouilles de Xanthos. Vol. I, 1958: здесь два тучных борца держат друг друга за шеи.
⁸⁷ N. M. Fig. 67.
⁸⁸ A. E. Pl. 115, 2; *Pallottino* M. Etruscologia. Pl. 57.
⁸⁹ См. с. 255.
⁹⁰ A.E. Pl. 149; *Gabrici* E. St. Etr. Vol. II. 1928. P. 73 sq.
⁹¹ A.E. Pl. 204; P.E. P. 65 sq.
⁹² *Grenier* A. Bologne. P. 401.
⁹³ *Borgeaud* W. Les Illyriens en Grèce et en Italie. 1943. P. 144; *Bloch* R. Bull. Soc. Ant. de Fr.. 1959. P. 97.
⁹⁴ Гомер. Илиада, XXIII, 175.
⁹⁵ *Beazley* J. D. Etruscan Vase-Painting. P. 90.
⁹⁶ Hér., I, 167.
⁹⁷ Liv., VII, 15, 10.
⁹⁸ Suét. Aug., 15, 2.
⁹⁹ Ath., IV, 153f; Liv., Per., XVI.
¹⁰⁰ *Исидор Севильский*. Этимологии, X, 159; *Ernout-Meillet*. Dict. étym., s. v. lanista.
¹⁰¹ *Тертуллиан*. Апологетик, 15, 5.
¹⁰² *Weege* F. Osk. Grabmalerei // Jahrb. d. Inst., XXIV. 1909. P. 99 sq.; Ses-

tieri P. Tombe dipinte di Paestum // Riv. dell'Ist. di Archeol. e Stor. dell'Arte. Vol. V—VI, 1956—1957. P. 65 sq.

¹⁰³ *Heurgon J.* Capoue préromaine. P. 431 sq.

¹⁰⁴ Ф. Де Рейт (Charun. P. 30), вероятно, говорит о подобном изображении на урне из окрестностей Перузии.

¹⁰⁵ A.E. Pl. 109, 2.

¹⁰⁶ *Bartoccini R., Lerici C. M., Moretti M.* La tomba delle Olimpiadi. Fig. 14.

¹⁰⁷ *Тертуллиан.* О зрелищах, 12, 4.

¹⁰⁸ P.E. P. 41; *Bloch R.* L'Art étrusque. Pl. 17.

¹⁰⁹ *Romanelli P.* Tarquinia. Fig. 33.

¹¹⁰ *Altbeim F.* Maske und Totenkult, Terra Mater. 1931. P. 48 sq; *Heurgon J.* Capoue préromaine. P. 434 sq; *Rhein-Felder H.* Das Wort «Persona», Zeitschr. f. roman. Philol., Beiheft 77, 1928.

¹¹¹ Fest. Paul., 115 L; cf. 52, 281.

¹¹² Ap. Apol., 13, 7.

¹¹³ *Frassinetti P.* Fab. Atell. Fragm. P. 22.

¹¹⁴ Fest., 238 L.

¹¹⁵ *Frassinetti P.* Fabula Atellana. 1953. P. 65 sq.

¹¹⁶ Cic. Fam., VII, 1, 3.

Глава восьмая. ЭТРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

¹ *Buonamici G.* Epigrafia etrusca. 1934. P. 111 sq; *Février J. G.* Hist. de l'écriture. 1959. P. 44 sq; *Heurgon J.* Capoue préromaine. P. 43; Observations sur l'alphabet étrusque // *Tyrrhenica.* 1957. P. 158 sq.

² *Minto A.* Marsiliana d'Albegna. 1921. P. 122, 236. Pl. XX; *Grenier A.* M.E.F.R. 1924. XLI. P. 1 sq; A.E. Pl. 30, 2; *Pallottino M.* Etruscologia. Pl. 64.

³ *Pareti L.* La tomba Regolini-Galassi. P. 132. Pl. 46; T.L.E., 55.

⁴ *Weege F.* Vasculorum Campanorum Inscriptiones Italicae. 1—3.

⁵ *Lejeune M.* R. Ph. 1952. XXVI. P. 199 sq; R.E.A., 1953, LV. P. 58 sq.

⁶ Ibid. P. 204.

⁷ *Marrou H. I.* Hist. de l'Education dans l'Antiquité. P. 211.

⁸ *Lejeune M.* Tyrrhenica. P. 161, n.6.

⁹ T.L.E., 423.

¹⁰ T.L.E., 472; B.N.. P. 385/ Fig. 229.

¹¹ T.L.E., 2, 62; 570.

¹² T.L.E., 69.

¹³ T.L.E., 601.

¹⁴ T.L.E., 131.

¹⁵ C.I.E., 5288. P. 227; T.L.E., 91; A.E. Pl. 388, 2; *De Ruyt F.* Charun. P. 131.

¹⁶ *Gerhard-Korte.* Etr. Spieg., V, 127.

¹⁷ *De Ruyt F.* Charun. P. 158 sq.

¹⁸ Strab., V, 2, 9; *Lewis N.* L'industrie du papyrus dans l'Egypte gréco-romaine. 1934. P. 14.

¹⁹ *Pallottino M.* St.Etr., VI. P. 132, 559.

²⁰ Liv., IV, 7, 12; 13, 7; 20, 8.

²¹ Фрагментам этрусской льняной книги, хранящимся в музее Зарбеа, посвящен выпуск С.I.E. под названием «Libri lintei Etrusci fragmen-

ta Zagrabienſia» (1919—1921). Об интерпретации записей этой книги см.: *Pallottino M.* Il contenuto del testo della Mummia di Zagabria. St.Etr., XI, 1937. P. 203 sq; *Olscha K.* Interpretation der Agramer Mumienbinden, Klio, Beith, XL, 1939.

²² См. с. 88.

²³ *Olscha K.* Die Kalenderdaten der Agramen Mumienbinden // *Aegyptus.* 1959. P. 340 sq.

²⁴ *Birt Th.* Die Buchrolle in der Kubst. 1907. P. 215 sq.

²⁵ *Lucr.*, VI, 381—382.

²⁶ *Cic. De Div.*, I, 20, v.47; *Carcopino J.* La Louve du Capitole. 1925. P. 34 sq.

²⁷ *Thulin C. O.* Die Etr. Disciplin. 1909, III.

²⁸ *Fest.*, 358 L.

²⁹ *Thulin C. O.* Ibid., III. P. 86 sq.

³⁰ *Cic. De Haruspicum responso.*

³¹ *Piganiol A.* Le Calendrier brontoscopique de Nigidius Figulus. Stud. A. C. Johnson. 1951. P. 79 sq.

³² *Grenier A.* Les Religions étrusque et romaine. 1948.

³³ *M.D.* Vol. II. P. 23 sq; *Grenier A.* Ibid. P. 27.

³⁴ *Liv.*, I, 7, 4sq; *Bayet J.* Les Origines de l'Hercule romain. 1926. P. 203 sq.

³⁵ См. с. 274.

³⁶ *Гомер.* Одиссея, IV, 351 sq; *Virg. Géorg.*, IV, 387 sq.

³⁷ *Lachmann M.* Gromatici Veteres. Vol. I. P. 350; *Weinstock St.* Vegoia, Real-Enc., VIII, A 1. P. 577 sq.; *Heurgon J.* The date of Vegoia's prophecy // *J.R.S.*, 1959. P. 41 sq; см. выше, с. 133.

³⁸ *Mazzarino S.* Hist., VI, 1957, p.109.

³⁹ *Marouzeau J.* L'ordre des mots en latin. 1953. P. 7 sq.

⁴⁰ *Cic. De Div.*, I, 92; cf. *Val. Max.*, I, 1, 1.

⁴¹ *Cic. De Leg.* II, 21.

⁴² *Tac. Ann.*, XI, 15.

⁴³ *Cic. De Div.*, II, 51.

⁴⁴ *Cat. De Agr.*, 5, 4; *Cic. Ibid.*, I, 132.

⁴⁵ *C.I.L.*, IX, 5824.

⁴⁶ *Cass.Dio.*, LVI, 25.

⁴⁷ *Thulin C. O.* Ibid. Vol. III. P. 136 sq.

⁴⁸ *Zosim.*, V, 41 sq.

⁴⁹ *Thulin C. O.* Ibid. Vol. III. P. 142 sq.

⁵⁰ *Val. Max.*, IX, 12, 6; *Vell. Pat.*, II, 7, 2; *Babelon E.* Descr. Hist. des monn. De la Rép. rom. Vol. I. P. 567; *Cic. De Div.*, I, 172; *Val. Max.*, I, 6, 4; *Cic. Fam.*, IX, 24; *De Div.*, I, 119; *Suét. Caes.*, 81; *Val. Max.*, VIII, 11, 2.

⁵¹ *Heurgon J.* Tarquitiſ Priscus. Latomus. 1953. P. 402 sq.

⁵² *App. Verg. Cat.*, V, 3.

⁵³ *C.I.L.*, IX, 3370, 7566.

⁵⁴ *Munzer F.* in Real-Enc., III.

⁵⁵ *Not. Sc.*, IX, 1955. P. 114 sq.

⁵⁶ *Cic. Pro Caecina*; *Fam.*, VI, 5—8.

⁵⁷ *Cic. Fam.*, VI, 6, 3.

⁵⁸ T.L.E., 131; *Heurgon J.* Influences grecques sur la religion étrusque, R.E.L., XXXV, 1957. P. 106 sq.

⁵⁹ См. с. 275.

⁶⁰ *Carcorino J.* La Basilique pythagoricienne de la Porte majeure. 1927. P. 183.

⁶¹ *Гомер.* Одиссея, XV, 225; Suidas, III, 415. P. 349 A.

⁶² *Драконтий.* Ромул, VIII, 480.

⁶³ См. с. 50.

⁶⁴ *Ducati P.* Etruria antica. Vol. I. P. 164.

⁶⁵ B.N. P. 405 sq.

⁶⁶ Liv., IX, 36, 3; см. с. 76.

⁶⁷ *Marrou H.I.* Hist.de l'Education dans l'Antiquité. P. 329 sq.

⁶⁸ Dion. Hal., I, 21, 2.

⁶⁹ Serv. Dan. Ad Aen., VIII, 285.

⁷⁰ См. с. 249.

⁷¹ Hor. Ep., II, 1, 139 sq; Fest. Paul., 75 L; *Wissowa G.* Real. Enc., VI, 2223 sq.

⁷² См. с. 264 sq.

⁷³ См. с. 303.

⁷⁴ Liv., VII, 2.

⁷⁵ *Wazlink J. H.* Varro, Livy and Tertullian. Vig. Christ. Vol. II. 1948. P. 224 sq.

⁷⁶ На фреске из гробницы Лионне рот у музыканта, играющего на лире, закрыт, а на фреске из гробницы Кифареда полуоткрыт, так что, возможно, в последнем случае мы имеем дело и с пением (*Martha J.* L'Art Etrusque. Fig. 289. P. 438).

⁷⁷ *Wuilleumier P.* Tarente. 1939. P. 612 sq.

⁷⁸ *Piganiol A.* Recherches sur les Jeux romains. 1923. P. 23 sq.

⁷⁹ *Brunn-Korte.* Ibid., I, 1, 4; 11; II, 13, 18; A.E. Pl. 400, 3; 404, 1; 405, 1.

⁸⁰ *Brunn-Korte.* Rilievi delle Urne etrusche. Vol. I. Pl. 73, 2—3.

⁸¹ *Brunn-Korte.* Vol. II, 2; Pacuv. Medus, 397 R; Lucil., 587 M.

⁸² *Brunn-Korte.* Vol. II. Pl. 89—92.

⁸³ *Fiesel E.* Namen des griech. Mythos im Etruskischen. 1928.

⁸⁴ Pl. Men., 144.

⁸⁵ Varr. LL., V, 55.

⁸⁶ Censor., 17,6; *Thulin C. O.* Die etr. Disziplin. Vol. III. P. 63 sq.

⁸⁷ C.I.L., XIII, 1668; *Fabia P.* La Table Claudienne de Lyon. 1929.

⁸⁸ Schol. Verron. Ad Aen., X, 200; *Zimmermann A. H. G.* De A.Caecina scriptore. 1852.

⁸⁹ Altheim F. Rom. Gesch. Vol. I. P. 191 sq.

⁹⁰ A.E. Pl. 189—196; Pallottino M. La Scuola di Vulca. 1945; Archeol. Class. Vol. I. 1950. P. 122 sq. Pl. 30 sq; Etruscologia. Pl. 10.

⁹¹ P.E. P. 31; *Bloch R.* L'Art étrusque. Pl. 11; supra. P. 263.

⁹² *Brunn-Korte.* Vol. III. Pl. 8, 1; A.E. Pl. 401, 1; cf. Pl.: II, 140.

⁹³ См. с. 65 sq.; P.E. P. 115 sq; *Bloch R.* Ibid. Pl. 80—82.

⁹⁴ Virg. En., 88—89.

⁹⁵ Liv., V, 33, 3; Dion. Hal., XIII, 14 sq.

⁹⁶ Gell. N.A., XVII, 14, 4.

⁹⁷ Pol., II, 17, 3.

- ⁹⁸ T.L.E., 471.
- ⁹⁹ *Schulze W.* Zur Gesch. d. lat. Eignammen. P. 287.
- ¹⁰⁰ *Perret J.* Les Origines de la légende troyenne de Rome. 1942. P. 458 sq.
- ¹⁰¹ Plut. Rom., 2.
- ¹⁰² Dion. Hal., IV, 2, 1; *Altheim F.* Griech. Gotter im alten Rom. 1930. P. 51 sq.
- ¹⁰³ *Ross Taylor L.* Local Cults in Etruria. 1923. P. 120.
- ¹⁰⁴ *Pallottino M.* Archel. Class. IX. 1957. P. 206 sq.; X, 1958. P. 315 sq.
- ¹⁰⁵ *Romanelli P.* Not. Sc. 1948. P. 260 sq.
- ¹⁰⁶ *Degrassi A.* Inscr. Italiae, XIII, III, 1937.
- ¹⁰⁷ *Heurgon J.* M.E.F.R., LXIII, 1951. P. 119 sq; *Pallottino M.* St. Etr., XXI, 1950—1951. P. 147 sq.
- ¹⁰⁸ *Romanelli P.* Ibid. № 44.
- ¹⁰⁹ *Romanelli P.* Ibid. № 48; Ann. Ep., 1951, № 146; *Vetter E.* Gl., XXXIV. 1954. P. 59.
- ¹¹⁰ *Kabrstedt U.* Symb. Osl., XXX, 1953. P. 68.
- ¹¹¹ *Heurgon J.* Ibid. P. 131; *Pallottino M.* Ibid. P. 162.
- ¹¹² *Della Corte F.* St. Etr., XXIV, 1955. P. 75.
- ¹¹³ *Heurgon J.* Ibid. P. 133.
- ¹¹⁴ *Romanelli P.* Ibid., № 77, дополнено № 18.
- ¹¹⁵ *Pallottino M.* Tarquinia. P.548; T.L.E., 164 sq.; см. с. 195.
- ¹¹⁶ Pl. N.H., XXXV, 6.
- ¹¹⁷ Juv. Sat., VIII, 1 sq.
- ¹¹⁸ Pers. Sat., III, 28.
- ¹¹⁹ Hor. Carm., I, 1, 1; III, 29, 1; Prop. El., III, 9, 1.
- ¹²⁰ Hor. Sat., I, 6, 1 sq.
- ¹²¹ Pl. N.H., XXXV, 26.
- ¹²² Tac. Ann., VI, 11, 3.
- ¹²³ Vell. Paterc., II, 88, 3.
- ¹²⁴ *Boyancé P.* Bull. Ass. G. Budé. 1959. P. 322 sq.
- ¹²⁵ Cic. P. Clu., 153.
- ¹²⁶ Prop. El., III, 9, 29.
- ¹²⁷ Hor. Sat., I, 5, 29.
- ¹²⁸ Cass. Dio., LII, 1 — 41.
- ¹²⁹ Sén. De Clem., I, 9.
- ¹³⁰ *Grimal P.* Le Siècle d'Auguste. P. 58 sq.
- ¹³¹ Название работы сэра Рональда Сима «Римская революция» (1939), в которой изучается возникновение нового правящего класса во времена Августа.
- ¹³² *Стендаль.* Пармская обитель. Глава шестая.
- ¹³³ Sén. Ad Luc., 114, 4.
- ¹³⁴ *Goetbert Fr.* Zur Kunst der rom. Republik. 1931.
- ¹³⁵ Sén. Ad Luc., 92, 35.
- ¹³⁶ Juv. Sat., I, 66; XII, 38 sq.; Pl. N.H., VIII, 174.
- ¹³⁷ Suét. Vit. Hor. P. 45 R.
- ¹³⁸ Sén. Ad Luc., 114, 6.
- ¹³⁹ Pl. N.H., VII, 172.
- ¹⁴⁰ Sén. De Prov., I, 3, 10.

¹⁴¹ Macr. Sat., II, 4, 12.

¹⁴² Собраны и изучены Ф. Хардером (Berlin, 1889) и П. Лундерштедтом (Comment. Philol. Ienenses, IX, 1, 1911).

¹⁴³ Sén. Ad Luc., 92, 35.

¹⁴⁴ Suét. Aug., 86, 3; Sén. Ad Luc., 114, 4.

¹⁴⁵ *Bardon H.* La littérature latine inconnue. Vol. II. P. 13 sq.

¹⁴⁶ Sén. Ad Luc., 19, 9; 114, 5 sq.

¹⁴⁷ *Cumont F.* Lux perpetua. P. 82 sq., 396 sq.

¹⁴⁸ *Renard M.* Pline l'Ancien et le motif de l' assarotos oikos. Homm. Niedermann. P. 307 sq.

¹⁴⁹ Virg. En., VI, 599.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Liv., I, 40, 2: Тарквиний не был *Italicae stirpis*, поскольку являлся сыном коринфянина Демарата.

² Fest. P. 222 L.

³ Hér. IV, 76 sq.

⁴ *Hus A.* Les Etrusques. 1959. P. 155.

ХРОНОЛОГИЯ

- XIII век до н. э.* — легендарная миграция лидийцев во главе с Тирсеном в Италию.
- XIII—IX века* — цивилизация Виллановы.
- VIII век* — начало греческой колонизации Италии и Сицилии.
- VII век* — расцвет этрусских городов-государств.
- VI век* — заключен союз между Этрурией и Карфагеном. Их объединенный флот господствует в восточной части Средиземного моря.
- Около 535* — одержана победа в морском сражении с фокейцами при Алалии (Корсика).
- 616—509* — правление Тарквиниев в Риме.
- Вторая половина VI века* — экспансия этрусков в долину По и Кампанию.
- Конец VI — начало V века* — освобождение Рима от власти этрусков (509 — изгнание Тарквиниев; 508 — покорение Рима Порсенной, царем Клузия; 504 — Аристодем Кумский и латиняне одерживают победу в Ариции над сыном Порсенны; 499 — победа римлян над латинянами у Регильского озера).
- 474* — морское сражение при Кумах: этруски разбиты сиракузским флотом и теряют контроль над Тирренским морем.
- 423* — взятие Капуи самнитами.
- Около 400* — начало галльских завоеваний в Италии: этрусков оттесняют на периферию.
- 396* — взятие Вей римлянами.
- 390* — галлы берут штурмом Рим.
- 386* — союз Рима и Цере.
- 384—383* — поход Дионисия Сиракузского на Цере.
- 358* — начало войны между Римом и этрусками.
- 353* — победа Рима над Цере.
- 351* — победа Рима над Тарквиниями.
- 310* — римляне проходят через Циминийский лес, завоевывают внутреннюю Этрурию, захватывают Ареццо, Коргону и Перузию.
- 308* — подавление восстания в Тарквиниях.
- 301* — восстание в Ареццо против Цильниев.
- 295* — поражение галлов и этрусков при Сентинуме: подавление восстаний в Вольсинии, Ареццо, Ветулонии и Перузии.
- 280* — союзное соглашение между Вольсинией, Ареццо, Ветулонией, Перузией и Популонией.
- 273* — основание латинской колонии в Козе.
- 265* — взятие и уничтожение Вольсинии римлянами.
- 264—241* — Первая Пуническая война.
- 245 (?)* — основание римской колонии в Пирги.
- 241* — уничтожение Фалерий; строительство Аврелиевой дороги.
- 225* — победа римлян и их союзников-этрусков над галлами в Теламоне; строительство Клодиевой дороги.
- 218—201* — Вторая Пуническая война.

- 218 — основание латинской колонии в Пьяченце.
- 205 — поход Сципиона на Карфаген и обложение данью этрусских городов.
- 196 — восстание рабов в Этрурии.
- 189 — основание латинской колонии в Болонье.
- 183 — основание римских колоний в Парме и Модене.
- 181 — основание римских колоний в Сатурнии и Грависце.
- 177 — основание римской колонии в Луни и латинской колонии в Луке.
- 154 (или 125) — строительство Кассиевой дороги.
- 133—121 — аграрные реформы Гракхов, не затронувшие земли этрусков.
- 91 — поход на Рим этрусков, выступающих против закона трибуна Марка Ливия Друза о предоставлении права гражданства италийским союзникам Рима.
- 90—88 — Союзническая война, после которой города этрусков получили право римского гражданства.
- 82 — после первой гражданской войны, в которой Этрурия приняла сторону Марии, Сулла отбирает у Ареццо и Волатерры часть их территории и изгоняет оттуда жителей.
- 42 — во время второй гражданской войны Перузия, занятая Антонием, осаждена и сожжена Октавианом.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок Р.* Этруски. Предсказатели будущего / Пер. с англ. М., 2004.
- Буриан Я., Моухова Б.* Загадочные этруски / Пер. с чешск. М., 1970.
- Вогэн А. К.* Этруски / Пер. с англ. М., 1998.
- Колтинский Ю. Д., Бритова Н. Н.* Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982.
- Кондратов А.* Этруски. Загадка номер один. М., 1977.
- Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Искусство Этрурии и Древней Италии. М., 1988.
- Майяни З.* Этруски начинают говорить. М., 1966.
- Макнамара Э.* Этруски: быт, религия, культура / Пер. с англ. М., 2006.
- Наговицын А. Е.* Этруски: мифология и религия. М., 2000.
- Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
- Немировский А. И., Харсекин А. И.* Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969.
- Робер Ж. Н.* Этруски / Пер. с фр. М., 2007.
- Соколов Г. И.* Искусство этрусков. М., 2002.
- Чубова А. П.* Этруское искусство. М., 1972.
- Этруски. Итальянское жизнелюбие / Пер. с англ. М., 1998.
- Bloch R.* L'Art étrusque, Paris, 1959.
- Busch H., Edelman G.* Etruskische Kunst. Frankfurt am Main, 1969.
- Cristofani M.* L'arte degli Etruschi, produzione e consumo. Turin, 1978.
- Cristofani M.* Etruschi, cultura e società. Novare, 1978.
- Jannot J. R.* A la rencontre des Etrusques. Paris, 1987.
- Richardson E.* The Etruscans. Chicago — London, 1969.
- Torelli M.* Storia degli Etruschi. Bari, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Нечаев. Этруски загадочные и реальные</i>	6
Введение	19
<i>Глава первая. ВНЕШНОСТЬ ЭТРУСКОВ.</i>	39
<i>Глава вторая. ХАРАКТЕР И ТЕМПЕРАМЕНТ</i>	52
<i>Глава третья. ОБЩЕСТВО ЭТРУСКОВ.</i>	60
<i>Глава четвертая. ЭТРУССКАЯ СЕМЬЯ И РОЛЬ ЖЕНЩИН</i>	95
<i>Глава пятая. СТРАНА ЭТРУСКОВ И СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ</i>	119
<i>Глава шестая. ГОРОДА И ЖИЗНЬ В НИХ.</i>	159
<i>Глава седьмая. ЗАНЯТИЯ ЭТРУСКОВ: ПИРЫ И ИГРЫ.</i>	208
<i>Глава восьмая. ЭТРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ</i>	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	299
Приложения:	302
Восемнадцать лет исследований в Этрурии	302
Десять лет спустя	306
Примечания	310
Хронология	331
Краткая библиография	333

Эргон Ж.
Э 74 Повседневная жизнь этрусков / Жак Эргон; науч. ред. Е. В. Колодочкиной; вступ. ст. С. Ю. Нечаева; пер. с фр. А. Б. Овезовой. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 334 [2] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03251-4

Этруски — один из самых загадочных народов древности, чья высоко-развитая цивилизация процветала в Италии в VIII—III веках до н. э. Происхождение этрусков до сих пор неясно, их письменность не расшифрована, но ученым известно многое о их истории, религии и обычаях. Впитав многое из наследия греческой культуры, они в свою очередь оказали большое влияние на становление Древнего Рима, подчинившего впоследствии этрусские города-государства. В наше время интерес к этрускам и их наследию непрерывно растет, порождая массу научных, популярных, а порой и откровенно фантастических трудов. На их фоне исследование выдающегося французского историка античности Жака Эргона (1903—1995) выделяется кропотливым сопоставлением археологических данных, памятников литературы и искусства с целью отображения всех сфер жизни этрусского общества. Обилие фактов делает книгу Ж. Эргона по-настоящему классическим трудом, полезным не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей этрусков и Италии в целом.

**УДК 94(3)“-8”
ББК 63.3(0)32**

Эргон Жак
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭТРУСКОВ

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пылкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 30.03.2009. Подписано в печать 30.06.2009. Формат 84x108/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 93105

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsei@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03251-4

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

В. Бокова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Б. Григорьев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ

Э. Поньон
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЫ В 1000 ГОДУ

О. Семенова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

О. Ковалик
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ БАЛЕРИНЫ

ISBN 978-5-235-03251-4

9 785235 032514 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ